

Юрий Дойков

ПИТИРИМ СОРОКИН.

Человек вне сезона.

Биография.

Том 2

(1922 – 1968 годы)

Архангельск
2009

Дойков, Юрий.

Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография.
Том 2. (1922–1968 годы). Архангельск, 2009. —
488 с.

Вместо предисловия

После переезда в 1930 г. в Гарвард Питирим Сорокин превращается в американского «Ионыча» – «мистера Бэббита».

От борьбы с коммунизмом переключился на критику «западной цивилизации»...

Пять-шесть лет и такой обычный «русский путь»...

Юрий Дойков.
Архангельск.
12 августа 2009 г.

Глава 1.

ПРАГА 1922–1923

§1. «Знай работай»

24 сентября 1922 г. «философский поезд», вернее латвийский дипломатический вагон, с первой группой изгнанников пересек советскую границу.

Пограничный контроль в Себеже. Чекисты, красноармейцы... «страны рабов, страны господ»...

Некоторых из спутников Сорокина (Булатов, Бакал и др.) чекисты потом схватят в оккупированных Красной Армией странах и расстреляют или отправят в концлагеря. Шлагбаум поднят — впереди свободная Латвия...

1 октября ревельские «Последние известия» опубликовали статью рижского корреспондента:

«В третьеразрядной гостинице «Парк» в Риге нашла себе приют первая группа высылаемой интеллигенции. <...> Выселяемых интеллигентов в Москве и по дороге засыпали цветами. <...> По их словам <...>»

Плачевно обстоит положение школы как низшей и средней, так и высшей. Большинство учителей начальной школы ушло в батраки и перемерло с голодухи. Полное отсутствие книг и пособий. Высшая школа не имеет ни системы, ни здорового плана. Многие профессора удалены и заменены коммунистами — «скороспелыми педагогами». Все эти «маргариновые профессора» отличаются круглым невежеством. Плата в 500 милл. многим студентам — не под силу».¹

Большую статью за подписью «А.Д.»* опубликовал 27 сентября 1922 г. «Рижский курьер»:

«Вчера гостиница «Парк» стала местом поминательства рижских и заграничных корреспондентов. Здесь остановились высланные в административном порядке. В числе прибывших: Пешехонов (бывший министр), Сорокин, Мякотин, кооператоры: Булатов, Любимов, Матвеев, Сигирский, Бакал, Шишкин...».²

* Дагаров (Эпштейн) Давид Исакович (1892 Полоцк – 1942(?) Рига) – журналист. Погиб в гетто (?).

Статья озаглавлена «Личные люди в изгнании» и целиком построена на интервью с Питиримом Сорокиным: **«Нет ни высшей, ни средней, ни низшей школы»** тех, кого не выслали отправили: **«...кого в Нарым, кого в Сибирь»**.

28 сентября 1922 г. поезд с группой высланных из России прибыл в Берлин. Сорокин писал много лет спустя:

«В первые дни пребывания в Берлине мы с женой радовались вновь обретенной свободе и безопасности. В дружеском кругу русских эмигрантов в Берлине, которые интенсивно занимались интеллектуальной, творческой и общественной деятельностью, мы с женой чувствовали себя возрожденными и счастливыми. Нас не волновала скудность финансов и неопределенность будущего. После жизни в аду коммунистической России все за границей казалось мне лучше, чем в стране Советов».³

3 октября он уже выступил с первым из серии своих фундаментальных докладов «О современном состоянии России» (Ложенхауз, Kleist Str.I.). Выступление было организовано «Союзом русских журналистов и литераторов в Германии», председателем которого был В. И. Немирович-Данченко. Основные тезисы доклада произвели сильное впечатление на аудиторию:

- широкое распространение венерических болезней в России;
- разрушение всей системы образования в стране;
- самый главный результат революции — моральная и социальная деградация общества в России.

В прениях по докладу выступили Г. Кохманский, С. С. Ольденбург, Кулишер, Е. А. Ефимовский. Берлинская газета «Рул» писала:

«В заключение профессор Сорокин сказал, что он оптимистически смотрит на будущее. Народ справится с коммунизмом. Доклад имел шумный успех среди переполнившей зал публики».⁴

6 октября Сорокин участвовал вместе с В.И. Немирович-Данченко, Л.М. Немановым, И.М. Биккерманом,

Е.Д. Кусковой в собрании берлинского «Союза русских журналистов и писателей».

Высланным из России помогли не только правительство Германии, ИМКА, «Красный крест»⁵, но и некоторые другие организации, в частности «Берлинский комитет помощи русским литераторам и ученым»⁶ и «Союз русских евреев в Германии»⁷. В архивах «Союза», попавших в 1945 г. в руки СМЕРШа, сохранился документ:

Берлин.

2 октября 1922.

Правление Союза русских евреев.

В Берлин прибыли высланные из Петербурга и Москвы ученые и писатели в количестве 100 человек. Многие с семьями. Среди них такие деятели, как профессора: Лосский, И. Лапшин, С. Франк, А. Мануйлов, А. Кизеветтер, П. Сорокин. Писатели В. Мякотин, А. Пешехонов, Е. Замятин, А. Джигелегов и многие другие. Громадное большинство из них без всяких средств и с первых же дней будет вынуждено обратиться к общественной поддержке. Долгом русской эмиграции несомненно и бесспорно является обеспечить ее им.

Дело помощи в первую очередь падает на Комитет Германского отделения Американского Фонда помощи русским литераторам и ученым. Однако средства Комитета ввиду прекращения помощи из Америки совершенно недостаточны (...). Ввиду этого Комитет просит Правление прийти ему на помощь (...) и позволяет себе возбудить вопрос, не признало бы Правление возможным организовать среди членов Союза русских евреев сбор средств специально для этой задачи»⁸.

Сорокин уже 4 октября переехал в Прагу, как пишет в «Дальней дороге»:

«по приглашению президента Чехословацкой Республики, моего друга, доктора Масарика.»

8 октября газета «Руль» известила читателей о лекции Сорокина в Русском доме в Праге. В 1968 г. один из его пражских слушателей вспоминал в некрологе на смерть Сорокина:

«Питирим Александрович до последних дней оставался глубоко русским, каким я его помню еще по России, с русской ментальностью, которая отразилась и в его научных изысканиях. Впервые я встретил П.А. в Петрограде в 1915 г., когда о нем уже стали говорить, как об исключительно талантливом ученом. В 1923г. (в 1922 а. – Ю.Д.)* П.А. прибыл в Прагу. Вскоре по прибытии он выступил с докладом о развитии революции в России перед студенческой аудиторией. Огромное помещение не могло вместить всех желающих, настолько известно и авторитетно было имя молодого ученого. Блестящий анализ событий закончился сравнением России с утопающим, который, почувствовав дно, соберет все сипы, чтобы оттолкнуться от него и снова вернуться к жизни»⁹.

33-летний Сорокин, первый русский доктор социологии, создатель факультета социологии в Петербургском университете, вице-президент Русского социологического общества стал в Праге одной из центральных фигур российской эмиграции.

10 октября 1922 г. в пражском ресторане «Злата гуса» («Золотой гусь») состоялось учредительное собрание Союза русских писателей и журналистов. В числе 25 участников были: А.Т. Аверченко, А.А. Аргунов, В.Г. Архангельский, А.Л. Бем, Е.Е. Лазарев, В. и Б. Лазаревские.

В правление Союза были избраны П.Б. Струве, Е.Н. Чириков, Е.А. Ляцкий, П.А. Сорокин, С.К. Маковский, Владимир Волынец (псевдоним В.О. Менцеля), П.П.Потемкин, М.Л. Слоним, В.Ф. Швигловский. Правление избрало своим председателем Сорокина, товарищем председателя – Маковского¹⁰.

По сообщению газеты «Дни», к марту 1923 г. в Союз входили 35 действительных членов, 6 соребнователей и два почетных члена. Это были чешские писатели

* В архиве Шаповала в Киеве сохранилась телеграмма Сорокина Шаповалу: «Прага. Смихов. Шаповал. Стефанчикова 14. Найду ли работу Праге. Если да приеду 4 октября. Телеграфируйте. Берлин. Luisenstädt. Кайзер. Сорокин».

И. Голечек* и А. Ирасек**. Союз еженедельно устраивал «интимные вечера» с участием литераторов и концертными выступлениями.

Ставшие доступными в период «гласности» материалы фонда «Союз русских писателей и журналистов в Праге» в Российском государственном архиве литературы и искусства помогают документально восстановить картину деятельности Союза и роль в нем Питирима Сорокина.

7 ноября 1922 г. проведен «Толстовский вечер» с лекцией Сорокина «Две морали» и выступлениями профессора Е.А. Ляцкого, С.К. Маковского и академика П.Б. Струве¹¹.

26 февраля 1923 г. в ресторане «Лувр» на Народной Тришде прошло общее собрание Союза, где писатели Голечек и Ирасек были приняты в почетные члены¹². А 12 марта в кафе «Опера» состоялось чествование писателя Голечека в связи с его 70-летием. Газета «Руль» писала, что на чествовании «впервые за время пребывания русской эмиграции в Праге объединились представители всех русских общественных групп»¹³. Впрочем, это был пересказ заключительного слова Сорокина, который отметил:

«...огромной заслугой Голечека является то, что вокруг его имени объединились русские люди всех направлений»¹⁴.

Первую свою статью в эмиграции «Состояние русской социологии за 1918–22 гг.», Сорокин опубликовал уже в октябрьском номере берлинского журнала «Новая русская книга».

Дал уничижительные эпитеты марксистским творениям: «Социология» Энгеля*** «пустая брошюра». «Социология» Фарфоровского**** безграмотная стряпня для средних школ. «Все это или элементарно, или безграмотно». «Много макулатуры», Сорокин отметил, что есть солидные готовые, но неопубликованные работы:

* Голечек Иозеф (1853–1929) – прозаик, публицист.

** Ирасек Алоис (1851–1930) – писатель.

*** Энгель Евгений (Генрих) Александрович (1878 Пятигорск – 1932 по др. данным 1942) с 1917 г. профессор Петроградского университета. Первый председатель Научного общества Марксистов (1920–25) «Предполагается, что репрессирован в числе других представителей школы А.В. Чаянова» (Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 1995. С. 681)

**** Фарфоровский Сергей Васильевич (1878 Переславль-Залесский Владимирской губ. – 18.01.1938 Ленинград) – историк, этнограф. Расстрелян.

«В числе их упомяну большую работу одного из учеников Л. И. Петражицкого, работавшего эти годы в моем семинарии. Это двухтомный курс «История социологических учений», написанный по первоисточникам основательно и интересно. По своему появлению он будет едва ли не лучшим из того, что есть в этом роде в русской литературе».

(Кто этот ученик Сорокина можно только предполагать...)

С большой степенью вероятности можно назвать имя второго, о котором Сорокин писал:

«Готова большая работа – весьма любопытная – и другого моего ученика «Прикладная социология». Автор – студент двадцати лет. исключительно выдающийся своими знаниями и способностями»¹⁵.

Вероятно речь идет о земляке Сорокина из села Коквицы (в котором была похоронена мать Сорокина, и где он не раз бывал) – Василии Пипунырове. Он родился в 1902 году. У него был брат-близнец Пантейлемон. Оба брата учились в Петербурге. Пантейлемон в психоневрологическом институте, а Василий с помощью Сорокина поступил на исторический факультет Университета. Оба участвовали в деятельности Социологического общества, часто бывали у Сорокина в Царском селе.

После высылки Сорокина. Василий был арестован за связь со своим именитым земляком. Выпущен. Начались скитания – Усть-Вымь, Никольск, Архангельск, Минусинск, Томск, Самарканд, Самара, Москва. В 1926 г. в Никольске вышла его книга «Современное состояние социологии и перспективы ее будущего развития». Тираж книги – 300 экземпляров был уничтожен самим автором, вместе с письмами П.А. Сорокина и присланной учителем ученику книги «Современное состояние России».

До самой смерти в 1993 году В. Пипуныров занимался исследованиями русской философии и социологии. Но уже больше ничего не написал и не опубликовал. Что касается Пантейлемона, то он выпустил ряд книг, среди

которых: «Возникновение и развитие познавательной деятельности человека» и одна книга о теориях Ивана Павлова...

В октябре 1922 г. Сорокин написал подробное письмо о своих делах Ф.И. Седенко в Россию:

«Глубокоуважаемый Ферапонт Иванович.

Узнал из газет, что Вы живете в Петрограде, стоите во главе «Колоса», и решил черкнуть Вам.

Я и жена живем в Праге. Устроились довольно хорошо. Она занимается своей ботаникой в лаборатории Университета. Я получил профессорский оклад с обязательством вести свои научные исследования, но без обязательств читать лекции (вроде академика). Читать их, однако, приходится. Особенно публичные. Спрос со стороны чехов и русских на них большой. Чехия испытывает сейчас кризис (от высокой своей валюты), но процветает и находится в экстазе творчества. Отношение к русским великолепное. Помыслы направлены на Россию. Подготавливаются к интенсивнейшему общению экономическому и духовному – с Россией. Ею бредят. Масса чехов собирается в Россию. Идет интенсивнейшая экономическая и духовная работа в этом направлении.

В восстановлении нашего хозяйства, особенно сельского хозяйства, крестьянства и промышленности – намерены принять живейшее участие. Приходится кой-какое участие в качестве эксперта принимать и мне в этом деле. За это время вступил в общение со своими коллегами в Бельгии, Германии и здесь. Получил приглашение участвовать в бельгийских, норвежских и чешских научных журналах по моей специальности (...). Одна из моих книг, возможно, даже будет переведена на чешский. От американских ученых еще не получил ответа.

В скором времени здесь же выходит моя небольшая книга (в 100–200 стр.) о России на русском и чешском. Получил приглашение писать в парижских, немецких и чешских газетах. Словом, «знай-работай».

Есть большой спрос на мои два тома «Курса физиологии»*, изданных в России. Но беда, что его у меня нет. Бывших три экземпляра нужны самому, а два из них поднес здешним специалистам и в то же время главам власти. И немецкие, и бельгийские, и чешские коллеги хотят ее иметь, изучать, писать об ней, и даже есть шансы на перевод, но, увы, у меня их нет. Нельзя ли их достать в России, хотя бы по 8–10 экземпляров? Не могли бы Вы сделать это и послать их мне? Был бы Вам очень и очень благодарен. Да и Вы, как русский, сами, вероятно, были бы удовлетворены, если бы о научном моем труде Европа узнала.

Из того, что здесь сделано за эти годы, я вижу, что мои теории правильны. Я ушел дальше по тому пути, на который здесь только вступают.

Такова первая моя просьба. За ней идет вторая. Многие ученые здесь интересуются Вашими изданиями. Об «Колосе» уже были в зарубежных газетах за последнее время две рецензии-статьи. Похвальные. Будут еще об отдельных книгах. Из новых, объявленных в проспекте изданий «Колоса», здешних ученых особенно интересуют две книги:

1) Книга о голоде; 2) Книга «История русской философии». Вышли ли они? Если да, то пришлите первую в количестве 50 экземпляров, вторую — десяти. За это я обещаю Вам ряд рецензий на них в зарубежных газетах, журналах и научных изданиях. Спрос на них со стороны серьезных ученых есть, и большой. Если бы они у Вас были только напечатаны и не сброшюрованы, пришлите их в таком виде. Они очень, очень нужны, а лично мне — первая книга. Такова моя вторая просьба.

Третья — черкните о знакомых, в частности о том, вышла ли из печати книга о Туган-Барановском и что делает ее автор?**. Приступаю к работе над третьим томом моего «Курса***. Вероятно, скоро на месяц придется поехать в Берлин позаниматься в научной

* Т.е. «Системы социологии». Для маскировки П. Сорокин прибегает к такому камуфляжу. Ведь письмо в Россию от только что высланного из нее человека может повредить адресату. С этой же целью П. Сорокин подписался не своей фамилией, а понятным для Седенко псевдонимом «А. Баратынский»

** Н.Д. Кондратьев

*** Неразборчиво

библиотеке Берлина. Здесь в смысле книг кое-чего не хватает. Хотя я получил возможность пользоваться и частными библиотеками здешних ученых. Получаю сейчас много заказов от здешних издательств, в частности даже от Христианского Союза Молодежи написать ряд книг по моей специальности.

Но (...) приходится отказываться, иначе главную работу придется выбросить. Горячий привет Вам и всем друзьям от меня и жены. Не откажите исполнить мою просьбу.

Пишите ответ поскорее и подробнее. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Баратынский». ¹⁶

... не забывали о Сорокине и в Москве. В начале января 1923 г. «Правда» опубликовала стихотворение Демьяна Бедного «О Питириме Белобоком, об Уншлихте жестоком и о Горьком тетереве культурном на токовище литературном», снабдив его предисловием:

«Вышвырнутый за границу в числе прочих белых интеллигентов небезызвестный «социолог» Питирим Сорокин повествует ныне в «Руле» о том, что в отношении «будущей России» он готов ограничиться «примитивным демократическим строем», но даже этот демократический строй должен быть введен с известной последовательностью, а не сразу. В данный же момент «надо начать с того режима который был приблизительно в царствование Александра III».

Далее шли вирши Демьяна:

Вот он бывший-то эс-эрик,
До каких дошел Америк,
И какой рисует рай!
Хоть ложись да помирай!
(...)
Уншлихт, стоишь ты упрека,
Хоть люблю тебя зело:
Ну зачем такую птицу
Ты спровадил за границу?
Будет Горький нас винить,

**Про культуру нам бунтить:
(...)
Дам я парой резких строк:
– «Горький, тетерев культурный.
Вот он друг таких сорок!»¹⁷**

Из материалов РГАЛИ:

25 апреля 1923 г. на общем собрании членов Союза русских писателей и журналистов по предложению Сорокина, внесенному от имени правления, собрание избрало почетным членом Союза Е. Н. Чирикова в связи с 35-летием литературной деятельности и по докладу Сорокина же приняло резолюцию по поводу суда в Советской России над Патриархом Тихоном с решением провести совместный русско-чешский митинг протеста. Любопытно отметить, что по резолюции один голосовал против и пятеро воздержались».¹⁸

Берлинская газета «Дни» дала подробное сообщение об этом собрании. В частности, она сообщала о принятии новых членов в Союз: В. И. Лебедева, А. А. Кизеве-тера, С. И. Варшавского, В. В. Водовозова, профессора Г. Н. Михайловского и Д. К. Вергуна¹⁹.

Помимо работы в Союзе русских писателей и журналистов, Сорокин в 1922/23 учебном году вел семинары «Основные вопросы социологии» и «Сущность марксизма», организованные культурно-просветительным отделом Земгора, и прочитал курс социологии по линии культурно-просветительного отдела Русского народного университета в Праге. Он выступил с огромным количеством докладов и речей в различных аудиториях российской эмиграции. Например, доклад «Проблемы демократии и диктатуры», был прочитан на торжественном Акте, устроенном русским Крестьянским союзом с помощью Чешского земледельческого объединения в здании «Мещанской беседы». Акт посвящался Манифесту 19 февраля 1861 г. Газета «Дни» об этом писала:

«Ярким оптимизмом была проникнута речь профессора Сорокина. Он говорил о нарождении в России мелкого собственника, о развитии индиви-

дуализма, навыков к самоуправлению, о бесповоротной ликвидации паразитического землевладения Несмотря на тяжчайшие испытания, Россия возрождается, и задача эмиграции, в частности молодежи, содействовать ее возрождению, т. е. готовиться к скорой ответственной практической работе»²⁰.

8 марта 1923 г. Бюро Демократической группы русского студенчества в Чехословакии организовало в столовой Худобинца доклад Сорокина «Основы политической идеологии грядущей России» и диспут по этому докладу...

...8 июня 1923 г. Республиканско-демократический клуб в Народном доме устроил доклад П. Н. Милюкова «Современная Россия и задачи эмиграция». Сорокин выступил в прениях. Подробный отчет был опубликован в «Днях»:

«Соглашаясь в основных принципах с программой, изложенной докладчиком, которую он, Сорокин, неоднократно излагал в своих лекциях и книгах, оратор, однако заявляет: «Я существенно отличаю свои взгляды от взглядов Милюкова». Это разногласие профессор Сорокин усматривает в том, что «Советская власть падает – это верно, но неизвестно, когда она падет, что нужно учитывать». «Я не сторонник интервенции, – заявляет он дальше... – Я приветствую Милюкова как одного из гибких политиков. Но в данном вопросе для меня не совсем ясно – почему он занял такую позицию. Я понимаю, что значит интервенция и какую тяжесть она несет народу. Я сейчас не являюсь сторонником интервенции, но не. при всех обстоятельствах. Абсолютно отказаться от интервенции я не мог бы».

«Вместо национализма, – продолжает оратор, – П.Н. Милюков проводит водораздел по линии республики. Я на первый план выставил бы принцип национальный. Я республиканец, но не боюсь принципа национализма. Тот пафос, то основное чувство, которым объята Россия и которое гораздо более важно, чем республика, – это принцип национализма». Ссылаясь на примеры истории – на

Цезаря, Наполеона и др. профессор доказывает, что при известных условиях монархия может превосходить республику, что республика и монархия эволюционно не связаны друг с другом. Революции обычно заканчиваются, монархиями. «Приходится, – неожиданно заключает оратор, – выбирать между двумя формами дряни. Я выбираю республику. Главное – это интересы 130-миллионного русского населения, занимающего 1/6 часть населения земного шара). «Итак, – заканчивает профессор Сорокин. – Я подчеркиваю в основных пунктах свое согласие с П.Н. Милюковым, но расхожусь в деталях. Там на первый план выдвигалась республика, я выдвигаю интересы 130 миллионов, для которых этот принцип имеет второстепенное значение. Если говорить о «форме государства, это должно быть правовое демократическое государство, основанное на частной инициативе, на автономии населения и, конечно, обязательно на принципе частной собственности»²¹.

В Праге Сорокин входил в группу «Крестьянская Россия», возглавляемую С. С. Масловым, редактировал издаваемые ею сборники, опубликовал в них ряд своих работ. Статьи Сорокина печатались также в эмигрантских журналах: «Современные записки» (Париж), в пражских «Воля России», «Хутор», «Студенческие годы», «Крестьянская Россия», в берлинской газете «Дни».

О Маслове.

Еще в период гражданской войны его и Сорокина имена были соединены вместе большевистской газетой.*

Сергей Семенович Маслов происходил из мещан Воронежской губернии. Был старше Сорокина на два года. окончил шестиклассное городское училище, шестиклассное среднее агрономическое училище в Харькове. Член партии социалистов-революционеров с 1906 г. Вел партийную работу в Полтавской, Орловской губерниях, Кубанской и Донской областях, в Житомире. В октябре 1905 г. сражался на харьковских баррикадах. Входил в

* М. Сибиряк. Два белых вологодских друга. // «Красный Север» (Вологда). 1919. 17 сентября. №113.

состав Харьковского комитета партии эсеров, проживал в Миллерово Донской области, начал печатать в легальных изданиях статьи о кооперации.

Тогда же им была написана работа «Мысли социалиста» (не сохранились). В декабре 1911 г. арестован по доносу провокатора и 11 месяцев просидел в харьковской одиночке. В январе 1911 г. по постановлению министра внутренних дел за принадлежность к партии эсеров сослан в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции на два года. Местом водворения была назначена Пинега.²²

В апреле 1914 г. после окончания срока ссылки выехал в Житомир, но остановился в Вологде, в которой он довольно быстро получил широкую известность и уважение как один из лидеров кооперативного движения и партии социалистов-революционеров.²³

С августа 1916 г. – в Москве после февральской революции на проходивших с 13 по 17 апреля 1917 г. совещаниях в Петрограде представителей крестьянских Советов был избран председателем оргбюро по созыву первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Под его и Сорокина руководством была проведена вся работа по подготовке съезда, который Маслов открыл 4 мая 1917 г., а затем вошел в избранный съездом Исполком. Член Учредительного собрания от Вологодской губернии по списку партии социалистов-революционеров и Совета крестьянских депутатов. Член президиума Второго Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов.²⁴

После октября 1917 г. – член «Союза возрождения России», который командировал его вместе с Сорокиным на Север готовить восстание против Советской власти. Осенью 1918 г. Маслов был гражданским губернатором Архангельска при правительстве Северной области Н. В. Чайковского и затем участвовал в кооперативном движении в Сибири. Был арестован колчаковцами. После освобождения жил нелегально. Осенью 1919 г. перешел линию фронта и сдался органам Советской власти в Уфе. Арестован и отправлен в Москву. После «покаяния»

выпущен на свободу.* Работал в сельскохозяйственных учреждениях Москвы.

В декабре 1920 г. основал в Москве ячейку «Крестьянская Россия». Первыми в нее вступили студенты и преподаватели Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Вероятно, тогда же в нее вошли А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев. К середине 1921 г. был создан ряд областных и местных организаций. В 1921 г. Маслов С. С. легально выехал из Советской России. Выступал во многих европейских столицах на эмигрантских собраниях и создавал ячейки «КР». Как бывший гласный Вологодский городской Думы был принят в состав объединения российских земских и городских деятелей. Из партии социалистов-революционеров его исключили в начале 1922 г. за публичные выступления

«резко расходящимися с установленной X Советом партии позицией».²⁵

В 1923–1924 гг. заведовал заграничным отделом пражского Института России, одновременно руководил работой Комитета практических проблем сельской жизни и читал лекции в Русском народном университете в Праге. Маслов был одним из учредителей Союза русских писателей и журналистов в Праге в 1922 г.

С 1922 г. под редакцией Маслова в Праге выходили сборники статей по общественно-политическим и экономическим вопросам «Крестьянская Россия». За два года было издано 9 сборников. Их задачей было:

«Всемирное содействие поднятию экономического и духовного уровня крестьянства России, возрождение последней через возрождение этого класса, через его экономическую, политическую и культурную организацию».²⁶

В 1922 г. в Париже вышла книга Маслова «Россия после четырех лет революции» в 2-х частях, в которой он подробно охарактеризовал состояние населения, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, госу-

* «АУД» по обвинению С.С. Маслова, С.Е. Уманского (г.р. 1889 Никополь), К.А. Новикова хранится в УФСБ по Вологодской обл.

дарственной власти, образования, духовных запросов, печати. В 1923 г. эта книга была издана на английском в Лондоне, а в 1924 г. на чешском в Праге... В 1923 году вместе с Сорокиным Маслов участвовал в организации защиты Конради и Полунина на судебном процессе в Швейцарии... В 1925–1933 годах редактировал «Вестник крестьянской России» (издание Центрального бюро заграничных групп «Крестьянской России»).

В декабре 1927 года на съезде в Праге «Крестьянская Россия» была преобразована в партию «Крестьянская Россия – Трудовая крестьянская партия». Маслов занимал пост ее генерального секретаря и был фактическим лидером партии, организовали которую бывшие эсеры, разочаровавшиеся в деятельности партии социалистов-революционеров. Главные труды этой партии, лидером которой стали также А. А. Аргунов и П. А. Сорокин, были написаны С. С. Масловым. Программа партии в основном соответствовала программам крестьянских партий Западной Европы. Масловым было написано несколько брошюр и множество листовок, которые нелегально отправлялись в Россию. По воспоминаниям Дм. Мейснера*, партия пользовалась большим влиянием в пражском демократическом движении, особенно среди молодежи.²⁷

ТКП вошла в состав возглавляемого П. Н. Милюковым Республиканско-демократического объединения.

Особенно значительно численность партии возросла в период «сплошной коллективизации» в СССР. В 1930 г. партия имела 22 заграничные группы и десятки групп внутри России. Для связи с Россией ТКП имела 10 пригородных пунктов связи в 6 странах. В 1933–1939 годах Маслов был издателем печатного органа партии «Знамя России» (вышло 112 номеров).

Во время второй мировой войны Маслов занял оборонческую позицию, призывал эмиграцию к защите Советского Союза. Несколько раз арестовывался гестаповцами. В конце войны заключен в концлагерь. Освобожден Советской армией, но вскоре арестован.

Роман Гуль написал о С. С. Маслове как о человеке деловом, боевого темперамента:

* Мейснер Дмитрий Иванович (1899–1980) – публицист. В 1960-х вернулся в СССР. Опубликовал мемуары «Миражи и действительность» (М., АПН. 1966). Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

«Издавал бескомпромиссно антикоммунистическую «Крестьянскую Россию», журнал, который проникал и в СССР, и естественно, стоял большевикам поперек горла. Недаром после занятия Праги красными, СМЕРШ схватил Маслова и убил».^{28*}

В годы перед началом второй мировой войны занимался в основном партийной работой, организовал ячейки партии, партийное издательство, направлял в СССР нелегальных партийных пропагандистов, организаторов и агитаторов. Маслов не отвергал террористической деятельности, но считал более эффективным средством пропаганду партийных идей и пополнение таким образом рядов партии.

В Советском Союзе имя Маслова и ТКП упоминалось крайне редко. В 1930 годах они появились в печати, в связи с судебными процессами по делу «Промпартии» и «Союзного Бюро меньшевиков» в 1930 и 1931 гг., а в конце 1980 г. в связи с реабилитацией осужденных за принадлежность к ТКП Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова и других экономистов. Обвинения в принадлежности к ТКП были предъявлены Н. И. Вавилову, поэтам «деревенщикам» из окружения С. А. Есенина. Тысячи арестованны за принадлежность к ТКП.

В 1987 г. ТКП была объявлена «мифической». Дата и место смерти С. С. Маслова неустановлены. Центральный архив Федеральной службы безопасности России сведениями о нем **«не располагает»**.²⁹

Государственный архив Российской Федерации имеет большое количество материалов о дореволюционной деятельности Маслова в качестве активного члена ПСР и кооперативного движения, о его деятельности в

* Сотрудник НИПЦ «Мемориал» (Москва) Дмитрий Зубарев пишет: «Что же касается судьбы С.С. Маслова, создателя и бессменного лидера партии «Крестьянская Россия» (Трудовая крестьянская партия), которую многие историки почему-то считают фиктивной организацией, выдуманной следователями НКВД, — то и о его судьбе в архиве «Мемориала» можно найти кое-какие сведения.

Из дел реабилитированных бывших эсеров, расстрелянных в 1937–1938 годах за «связи с террористической организацией ТКП» (например, из дела В.Д. Левтонова), выясняется, что Маслов был привезен из Праги на Лубянку и там несколько лет интенсивно допрашивался по поводу своих связей. Сведений о его дальнейшей судьбе в архивах «Мемориала» нет, но учитывая личность Маслова — руководителя одной из крупнейших активных эмигрантских партий, в течение 20 лет призывающей российское крестьянство к восстанию против коммунистического режима, сомнений в том, что он был расстрелян, не возникает.» // Газета «30 октября» (Москва) 2003. №35. С.10.

Чехословакии... Много документов о Маслове содержат материалы французской контрразведки, хранящиеся в бывшем «Особом архиве» в Москве...

История ТКП не написана.

Только побасенки о масонах и чекистах:

«В 1918 году в Париже собралось довольно много русских масонов, состоявших в разных французских ложах и решивших возобновить свою «русскую» организацию. Образуется масонский комитет, возглавляемый Л.Д. Кандауровым. Масоны плетут новые сети. Но на первых порах им мешает ЧК, проникшая, по свидетельству Кандаурова, в сам масонский комитет. <...> Масонами, в том числе и бывшими, образуются разные околomasонские организации, чаще всего сомнительного свойства. Так, в 1938 году два старых масона А. Ксюнин и С. Маслов образовали центр международной информации и политической разведки, который в делах французских спецслужб того времени получил название шпионской группы Ксюнина – Маслова. В эту группу входил целый ряд масонов, и в частности А.И. Гучков, В. Татаринов, Н. Тимашев, а также невозвращенец Г. Беседовский и украинский масон С. Маркотун. Работали они преимущественно на немецкую разведку».³⁰

В Праге Сорокин написал свою последнюю книгу на русском языке «Социология революции». В предисловии к ее англоязычному изданию он писал:

«Эта книга была написана в Чехословакии. Благодаря доброжелательности чехословацкого народа и правительства, я смог закончить эту работу. Мое величайшее удовольствие, и мой общественный долг выразить глубочайшую благодарность уважаемым Т. Масарику, Я. Бенешу, доктору А. Масарик, доктору Ф. Швегла, доктору И. Гирса, доктору К. Крамаржу, сенатору Клофачу и многим другим представителям чехословацкой нации».³¹

И действительно, пять опубликованных книг, десятки статей, активная общественная, политическая, научная,

преподавательская деятельность Сорокина в Чехословакии — все это было обусловлено не только кипучей натурой «русского американца», как его прозвали еще в России, но и благоприятным местом для такой работы – Прагой.

Среди других начинаний российской эмиграции, в которых участвовал Сорокин, отметим, что вместе с С. Масловым, членами редколлегии «Крестьянской России» и некоторыми профессорами (Б.Э. Брунст, А.Н. Челинцев, Е.Л. Зубашев, Н.П. Макаров и др.) он планировал создать «Институт крестьянской культуры» для:

«научного исследования крестьянского вопроса в наиболее пере культурных странах крестьянского хозяйства – Чехии, Дании, Швеции, США — с целью использовать результаты работы для России».³²

На многогранную деятельность Сорокина, на его неординарные взгляды и идеи российская эмиграция реагировала по-разному. Особенно резко спорили с Сорокиным «сменовеховцы», обвиняя его в измене России. В числе оппонентов были также; Е. Кускова, А. Петрищев, М. Осоргин, Е. Брешковская, Г. Аронсон, Ф. Репейников (Д. Лутохин), В. Чернов, В. Сухомлин...

Позднее выяснилось, что Василий Сухомлин (как и Дмитрий Мейснер) был агентом ГПУ...

21 ноября 1922 г. в газете «Дни» была напечатана статья Сорокина «Современная интеллигенция». Он писал о резком изменении психологии и идеологии большинства представителей русской интеллигенции.

По мнению Сорокина сгорел романтизм и сентиментализм в их отношении к народу, изменились понятия о долге перед народом. Новая интеллигенция сама вышла из народа, и ничего ему не должна. Перед кем каяться? Психология «лишнего человека» интеллигенту чужда. Он стал более деловит, приближается к западному. В общественном сознании интеллигентов.

Сорокин отметил проявление трех тенденций: рост религиозности, подъем национализма, потерю влечения к социалистической идеологии. Появилась и усилилась положительная оценка капитализма. Капиталист-

собственник получил кредит доверия, как организатор хозяйства, а не эксплуататор.

Статью Сорокина редакция снабдила своим примечанием:

«... помещая интересную статью П. Сорокина, редакция учитывает субъективизм автора, сказавшийся в оценке им «Эволюции интеллигенции», и надеется ознакомить читателей со взглядами других наблюдателей российской современности»³³.

6 декабря с полемическим ответом: «Новая интеллигенция», выступил М. Осоргин, народный социалист, один из руководителей восстания 1905 г. на Красной Пресне, высланный из России в 1922 г...*

... В журнале «Воля России» была напечатана статья Сорокина «О нравственном и умственном состоянии России». Редакция журнала также дала свое примечание:

«Печатаемая в № 4 и 5 интересная статья П. А. Сорокина, редакция «Воли России» отнюдь не разделяет конечно, всех выводов и обобщений автора».

На этот раз в спор вступила Е. Кускова со статьей «А что внутри?»

«Глубоко взволновали русскую эмиграцию доклады Питирима Сорокина... Эти речи произвели ошеломляющее, паническое впечатление».³⁴

Далее Кускова выражала несогласие с той картиной развития России, которую представил Сорокин. В своей следующей статье «Еще раз о моральном состоянии России. Ответ Е. Кусковой», напечатанной в №1 «Воли России» за 1923 г., Сорокин категорически отверг доводы Кусковой... Кускову поддержал А.Петрищев. В редактируемой А.Керенским газете «Дни» Петрищев писал:

«Слышу и читаю, особенно у господина Питирима Сорокина: В России водворился сплошной половой разврат. (...) Семья разрушена. Брак фактически

* Свой советский паспорт Осоргин сохранял до 1937 г. Первый рассказ Осоргина «Отец» опубликован Миролюбовым в 1896 г. в «Журнале для всех».

исчез. Сменился беспорядочным сожительство́м. (...) Лично я всего лишь три недели назад был в России, но ничего такого, о чем слышу и читаю, не заметил...»

По мнению А. Петрищева:

«нельзя на основании деталей характеризовать нравственность целого народа».³⁵

Рисуя мрачную картину советской России, Сорокин не терял веры в будущее России. Особую роль в ее возрождении он отводил крестьянству.

В своей работе «Идеология аграризма» он отмечал особое значение земледельческого класса во всех странах.

«Для России же оно (т. е. крестьянство — Ю. Д.) является исключительным и решающим. Без возрождения русского крестьянства — невозможно возрождение России».³⁶

Задача заключается в следующем:

«Силы и средства возрождения любой страны, а особенно России, должны быть брошены в первую очередь в деревню (...). Необходима экономическая, культурная, политическая организация земледельческого класса».³⁷

В тот период в странах Европы наметилось организационное создание национальных земледельческих партий и их стремление к объединению в международном масштабе. Значительную роль в этом процессе играло «Международное Аграрное Бюро», организованное Чешской земледельческой партией.

Во главе чешского земледельческого движения стояли такие люди, как премьер-министр А. Швегла и инженер Ю.И. Фидлер. Первое, к чему приступило Бюро, — это объединение всех славянских земледельческих группировок. Были созданы русский, югославский, болгарский отделы. Установлена связь с польскими коллегами.

Русский отдел возглавил бывший харьковский агроном и деятель кооперации И.В. Емельянов.* Он же был председателем самой крупной русской земледельческой группировки за границей — «Русский земледелец». Кроме Емельянова в русский отдел Международного Аграрного Бюро вошли: Г.И. Долгопятов, Ю.И. Фидлер, А.Г. Винничук, Ф.С. Гапонов, А.И. Рышкан, И.Г. Савченко.

В «Крестьянской России» — Сорокин опубликовал четыре статьи. В одной из них он писал:

«НЭП знаменует полное банкротство коммунизма и превращение коммунистической власти в простую неограниченную тиранию авантюристов истории».³⁸

В конце 1922 г. в Праге вышла книга Сорокина «Современное состояние России». В ней автор окончательно простился со своими юношескими романтическими представлениями о революции:

«Не будь войны и революции, Россия теперь была бы неузнаваема. Начиная с 90-х годов девятнадцатого века, мы развивались во всех отношениях и в материальном — и в духовном — с такой быстротой, что наш темп развития опережал даже темп эволюции Германии. Росло экономическое благосостояние населения, сельское хозяйство, промышленность и торговля. Финансы Государства находились в блестящем состоянии, росла автономия, права и самостоятельность народа. Могучими темпами развивалась кооперация, уходили в прошлое абсолютизм, деспотизм и остатки феодализма. Исчезала безграмотность, народное просвещение поднималось быстро, процветала наука, полной жизнью развивалось искусство, творчество духовных ценностей было громадным и глубоким по интенсивности. Не будь войны и революции, Россия 1922 года была бы процветающим духовно и материально государством. Но пришли эти явления, и блестящее развитие было прервано. Не только остановлено, но отброшено назад на 1–2 столетия».³⁹

* Емельянов Иван Васильевич (1880 Тобольск – 1945 Вашингтон).

Здесь же Сорокин отвечал сменовеховцам на их обвинения. Борис Дюшен* писал, что еще 4 года назад Сорокин «покаялся» перед большевиками, а теперь вырвался за границу и **«его прорвало»**.⁴⁰ В ответ на упреки Сорокин писал о своем «отречении» осенью 1918 года в Великом Устюге.

1. В своем письме абсолютно ни в чем не каялся перед Советской властью и не говорил ни одного слова похвалы по ее адресу.

2. Письмо было написано не из тюрьмы, а на свободе. Тюрьма пришла позже.

3. Ленин и большевики сделали из него «шум» — это их дело. Я же ни словом, ни действием для этого «шума» и их лживых комментариев повода не давал. Запретить их я не мог.

4. Все 4 1/2 года моего пребывания в России я не молчал, а говорил устно и печатно — буквально то же самое, что говорил в докладах и говорю в этой книжке (...). Десятки аудиторий, вплоть до публичных коммунистических митингов, могут хорошо удостоверить, как я «молчал».⁴¹

Нападки сменовеховцев на Сорокина были вполне закономерны. Вдохновленные началом НЭПа и охваченные идеей возвращения под власть большевиков, они активно вели просоветскую агитацию среди эмигрантов А «граф» А. Н. Толстой, недавно призывавший «загонять большевикам иголки под ногти», теперь редактировал литературное приложение к сменовеховской газете «Накануне».

Сорокин, еще живя в России, подобных «интеллигентов» назвал «паразитами паразитов».

В конце февраля 1923 г. из России был выслан Д. А. Лутохин, с августа 1922 г. сидевший в тюрьме ГПУ.

Сорокин прочитал о высылке в «Руле», и немедленно на адрес редакции отправил письмо старому товарищу.

* Дюшен Борис Николаевич (1886 Петербург – 1946 Москва) – меньшевик. Участник антибольшевистского Ярославского восстания. В 1926 г. уехал в СССР. Полковник НКВД. Лауреат Сталинской премии.

ПИСЬМА СОРОКИНА К ЛУТОХИНУ.⁴²

№1

Horni Cernosice, с. 94

Дорогой Далмат Александрович,
прочел в «Руле», что как будто и вы выпущены из России, и скоро будете в Берлине. Как Ваше здоровье? Один Вы или с семьей? Наконец, как Вы думаете устраиваться и обеспечены ли? На всякий случай я здесь в Чехии заранее говорил о Вас с министром Гирса. Если решите приехать — то виза вам будет выдана и обещана Вам регулярная субсидия (ежемесячное жалование) удовлетворяющая минимум жизненных потребностей (около 2000–2400 крон — профессорский оклад). Сверх того, если здоровье Ваше позволяет, кой-что сумеете приработать здесь. В частности Вас имеет в виду «Крестьянская Россия» (сборники, можете познакомиться с ними в Берлине) и учреждаемый ныне исследовательский институт крестьянской культуры. Ни 2400 крон здесь *(одно слово неразборчиво – Ю. Д.)* можно прожить вполне. Общая атмосфера здесь, конечно, спокойнее и нормальнее чем в Германии, отношение к нам чехов и чешского правительства прекрасно до удивления. Пока довольно, надеюсь при личном свидании наговориться всласть. Если нужны будут справки и пр., пишите. Отвечу с охотой. Привет супруге, поцелуйте детей. Всем привет от Лены. Я чувствую себя вполне сносно. Жму руку.
Ваш П. Сорокин.

№2

11 марта 1923

Praga. Horni
Cernosice с. 94

Дорогой Далмат Александрович,
Спасибо за письмо. Теперь спешу Вам ответить на Ваши вопросы. Сегодня я по Вашему делу был у министра. Выяснилось следующее:

1. Получить деньги отсюда живя в Германии нельзя. Это и понятно.

2. Визу Вам на днях вышлют. Через неделю-другую справьтесь об ней в Чешском консульстве в Берлине.

3. Вы можете рассчитывать получать здесь от 2000 до 2400 крон в месяц, работая во вновь учрежденном исследовательском институте крестьянской культуры, в качестве экономиста и ученого секретаря.

Работа чисто научная, плюс функции секретаря и будирующего организатора. Институт русский. Задачи — научные исследования ряда экономикотехнических проблем, связанных с возрождением России и его крестьянского хозяйства, например, изучением мирового рынка хлебов, тракторное земледелие, формы кооперации, е?с. Хотя Вы и пишете, что с-х. экономикой Вы не занимались, но при Вашей подготовке — было бы желание, а остальное приложится. Работать будут все наличные крупные русские сх. экономисты (проф. Макаров, Чепинцев и др.), конечно, работа будет отнимать у вас не все время.

Вот — основа. А дальше — надеюсь — будете несколько подрабатывать добавочно.

Ехать можете через 2–3–4 недели, но не позже. При чем об Вашем окончательном решении прошу меня определить уведомить, и затем окончательные сборы начать лишь после получения от меня еще одного письма — когда дело все это будет оформлено. Пишу об этом потому, что — хотя это и решено и вряд ли. что изменится — тем не менее я буду вполне спокоен лишь через неделю, когда все это оформите окончательно. Во избежании всего — даже и маловероятных осложнений — лучше поступить так как я говорю.

Здесь с квартирой действительно очень трудно, особенно семейному и с детьми, особенно сейчас, петом. Но все же полагаю, что в конце концов после трудов и поисков можно устроиться.

Конечно, если Вы в Берлине устроитесь хорошо — оставайтесь там. Если нет — имейте ввиду этот выход.

И во всяком случае известите меня о своем решении. Пока кончаю этом.

Привет от нас Вашей супруге, Вам и детям.

Жму руку. Ваш Питирим Сорокин.

P.S. Получение аванса также пока исключено.

Е.Л. Зубашев сейчас, вероятно, уже в Берлине.

№3

Почтовая карточка

13.IV.1923

Дорогой Далмат Александрович,

Извиняюсь, что долго не писал Вам. Все ждал когда дело выяснится. Так как получать Вам здесь 2000–2400 крон Вам возможно было только в связи с Институтом крестьянской культуры, то Ваша судьба оказалась связанной с его судьбами. Благодаря обычным организационным проволочкам — судьба эта окончательно не разрешилась и посея час надеюсь, однако, что в две недели она выяснится. Если результат окажется отрицательным — для Вас есть еще две финансовые возможности. Одна — получать но не больше 1500 крон в месяц (максимальная ставка, получаемая лишь Чириковым, Маковским и Изгоевым) через Комитет помощи писателям. Получение их не обязывает Вас ни к какой работе кроме Вашей собственной, другая — экстра ординарное распоряжение, но оно менее вероятно. На эти 1500 крон можно надеяться. Через неделю-две напишу Вам окончательный ответ. Проектировали и мы здесь газету в Вашем духе, сделали кое какие шаги. но дело пришлось отложить до осени. Пока жму руку. Привет Вашей семье.

Ваш П. Сорокин.

№4

Почтовая карточка

Почтовый штамп 20. IV. 1923.

C. S. P.

Дорогой Далмат Александрович!

Получил Вашу открытку. Вчера был в Министерстве. Виза Вам высылается и через 3–4 дня будет в Германии в Чешском посольстве. Раз с Институтом

Вы не хотите связываться и предпочитаете идти по Комитету, я полагаю, что 1300–1500 крон в месяц Вы можете рассчитывать. По приезде это выяснится. Думаю, что если вы приедете сюда и Институт будет открыт — он не покажется Вам тем, чем Вы его рисуете себе по словам Е. Лукьяновича.*

Вот пока главное. Я засел за «Очерки по социологии революции» (книга в 300–350 стр.). Перевел кое-что из статей о России на французский и итальянский. Перевели и печатают по-чешски книгу о России, и начинают переводить «Систему». По прежнему думаю об Америке и через месяц, надеюсь, окончательно выявится. Следующая книжка «Крестьянской России» на днях выходит в Германии.

Жму руку. Ваш П. Сорокин.

P.S. Передавайте открытку А. А. Боголепову** в Русский научный институт. Я не знаю его нового адреса, а по старому письмо вернулось.

Если увидите А. А. Боголепова, передайте ему, что я отправил ему открытку по адресу: У.М.С.А. Kochstr. 8.

№5

Дорогой Далмат Александрович,

Я понимаю Ваше состояние, но поймите и мое... я говорил с Министерством Иностранных дел. Был ответ — дадим профессорскую стипендию. И думаю приехали сразу — это прошло бы. Во второй раз — было предложение за *(одно слово неразбочиво — Ю. Д.)*. Институт крестьянской культуры, на бумаге была сделана надпись о Вас. Но... с Институтом благодаря междуведомственным трениям вышла проволочка, тянущаяся сейчас, с одной стороны, с другой — Вы сами предпочитаете писательское вознаграждение — поэтому я написал вам о 1300–1500. В последнем — вопрос решается в Комитете, состоящим из Струве, Ляцкого, меня, Сухомлина. Народу получающего вознаграждение за эти два

* Зубашев Ефим Лукьянович (1860 Харьковск. губ. – 19.12.1928 Прага) – ученый-химик. Выслан из Сов. России в 1922 г.

** Боголепов Александр Александрович (1885 г. Срезнев, Рязанск. губ. – 1980 Нью-Йорк) – профессор-юрист Петроградского университета. Выслан из Сов. России в 1922 г.

месяца прибавилось. а сумма в 30 тысяч в месяца та же. Поэтому выкраивать для вновь прибывших труднее и труднее... Теперь положение такое. Судьба Института крестьянской культуры еще не решена. Если она устроится положительно — Ваше место там не потеряно. Через писательский комитет — я говорил с Струве и Ляцким — Вы можете рассчитывать на 1300–1500 крон. Но для этого надо приехать Вам сюда. По уставу Комитет выдает лишь лицам, проживающим и живущим в Чехо-Словакии. Приехав, Вы должны подать заявление — и через недели две-три можете получить пособие. А, затем, со следующего месяца регулярно получать его, если, конечно, правительство не уничтожит фонды. В таком именно порядке устроился Изгоев и Булгаков. На 1300–1500 крон с семьей прожить трудно. Нужно по крайней мере 2000–2200 крон. Следовательно остальные надо или зарабатывать, или ... если Институт Крестьянской культуры откроется — войти в него. Плохо тут с квартирой... Все это можно решить лишь приехав сюда предварительно осмотревшись. Я это и рекомендую Вам сделать, приехав одному. На днях я, вероятно буду в министерстве и буду говорить еще раз о Вас. Простите, что я «искушаю» Вас, но когда приходится рассчитывать на чужие деньги, поневоле так получается.

Между 10 и 15 мая я буду в отъезде. Если решите приехать, то приезжайте после 15 мая.

Во всяком случае — дорожные расходы так или иначе оплатим, если Вы решите здесь не оставаться.

Жму руку. Привет семье.

Ваш П. Сорокин.

№6

Почтовая карточка

19.V.1923

Дорогой Далмат Александрович!

(...) ... рекомендовал Вам сначала одному, осмотреться, найти жилище — задача теперь не из легких, взвесить pro и contra и потом, если решите останавливаться тут перевезти семью. Так сделали

Одинцов* и другие (...). В Министерство иностранных дел раньше будущего четверга — пятницы (прием) я едва ли попаду. Надеюсь, однако, тогда что устрою. Приехав Вы подали бы сразу же заявление в комитет писателей и пока устраивались, деньги, вероятно, бы получили. Таков мой ответ. Сейчас здесь в Праге Ефим Лукьянович. В числах 26–8 наведайтесь в консульство насчет визы.

Ваш П. Сорокин.

P.S. Кстати, не могли ли бы Вы добыть в Берлине Schmoller'a Jahrbuch fur Sociologie 46, 2, 1922 со статьей Vierkandt'a Zur Sociologie der Revolution, конечно, расходы я оплачу, был бы Вам очень благодарен за эту услугу.

№ 7

Почтовая карточка

26. V. 1923

Дорогой Далмат Александрович,

(...) Был бы Вам очень признателен, если бы Вы случайно увидели и купили мне, что либо новое, относящееся к социологии революций и коммунизма (но не типа философской болтовни, а типа причинного изучения явлений). Я до сих пор не вел ни с кем переговоров насчет перевода моей социологии или переиздания ее здесь по-русски. Если бы случайно у Вас оказались связи в этой области, особенно в смысле перевода и какой-либо издатель нашелся — я готов был бы дать право издания даже бесплатно на иностранном языке. Я для чешского издания сократил оба тома страниц на 300, в том же виде ее можно было бы издать ее и на немецком.

Значит, скоро увидимся. По приезде в Прагу — дайте знать мне. Жму руку. Привет супруге и детям.

Ваш П. Сорокин.

P.S. Меня очень просит профессор Чубинский добыть его курс «Очерки Уголовной политики».

* Одинцов Борис Николаевич (ок. 1882 Московская губ. – 20.06.1967 Глен-Ков. Лонг-Айленд. Нью-Йорк) – ученый-почвовед. В 1921 г. проректор Петроградского университета. В 1922 г. выслан из СССР. С 1951 г. в США.

Нет ли его в Берлине? Простите за хлопоты. Если есть — купите. Я оплачу Вам расходы.

№ 8

Почтовая карточка

18. VI. 1923

Dr D. Lutokchin
Lipenec, с 16
Zbraslav u Prahy

Дорогой Далмат Александрович!

Намеревался сегодня (воскресенье) побывать у Вас. но погода была столь отчаянная, что прогулку отложил. От, нас, насколько я знаю, Вы недалеко (минут 45–50) ходьбы прямо и мы можем частенько прогуливаться друг к другу. Когда, в какие дни и часы Вы бываете дома? Что касается меня, то я буду на этой неделе дома все утра, кроме среды, и целый день в пятницу.

Будем рады, если какнибудь навестите нас. То же сделаем и мы. Поцелуйте славных ваших детей.

Жму руку. Ваш П. Сорокин.

P.S. Привет от Елены Петровны.

В мае 1923 г. Лутохин с семьей приехал в Прагу и сразу же посетил Сорокина. Горни Черношице, в получасе езды поездом от Праги. В дневнике сделал запись:

«Посетил Сорокина. Живет в голубятне. Работает по 14 часов в сутки. Выглядит хуже, чем в России. Работает над английским языком, чтобы начать на нем чтение лекций в Америке. Стал очень деловым».⁴³

Вскоре Лутохин стал склоняться к возвращению в СССР. В 1927 г. Лутохин вернулся в Советскую Россию. В мемуарных очерках 1928 года* он «отблагодарил» и Сорокина:

«Кажется осенью 1921 г. я попал в Питерский дом литераторов, что помещался тогда на Бассей-

* Опубликованы в 1997 г.

ной улице, на публичную лекцию проф. Питирима Сорокина. Его я никогда раньше не встречал, отзывы же о нем были разные. На кафедре появился высокий, худой, бритый молодой человек в очках; манеры его были не лишены комизма, он неуклюже жестикулировал длинными ручищами, часто поправлял очки. Говорил хриповатым баском не просто даже, а нарочито просто — и в то же время старался показать всеобъемлющую ученость. Но ученостью не томил, разбавляя ее разными случаями, достойными украшать уголовную хронику дешевой газетки.

Он сообщил аудитории о голоде в древности, в средние века и в новое время, о случаях голода во всех 5 частях света, о голодах в России и о послереволюционном голодании... Указал на надвигающийся снова голод ввиду гибели большей части урожая — и по программе должен был высказать предположения о том, каковы будут демографические, антропологические, этнографические, экономические, политические, культурные и иные последствия голода. Настроение полуголодной, хотя по тому времени даже «элегантной» аудитории было уже достаточно омрачено всем ранее сказанным. Но заключительного слова ждали все... Вдруг при самом же подходе к заключительной части лекции у лектора сорвался голос, вместо слов слышался какой-то страшный всхлип — и он стремглав, поправляя очки, ринулся с кафедры за кулисы... Лекция была порвана, оборвана высокодраматически, и аудитория оценила великого патриота, который так любит родину-мать, что не может сохранять самообладание, говоря о ее муках и злосчастиях... И в то же время никакая власть не могла привлечь к ответственности только за истерику, хотя бы и zelo красноречивую.

Один старый журналист, которому я потом рассказывал об этом эпизоде, припомнил случай с его отцом, но давний, в бытность студентом на лекции проф. С.П.Шевырева. С тем также на одной из лекций случилась подобная история: расплакался и убежал, обронив около кафедры какую-то бумажку.

Студенты подняли ее: там набросан был конспект лекции — а в конце значилось: «восторг и слезы»...

Тогда я так не истолковал «слез» Сорокина. Вскоре я с ним познакомился. Редактор «Вестника литературы» А.Е.Кауфман от которого я потом этот журнал унаследовал, нередко советовался со мной о новых сотрудниках. Спросил о Сорокине. Я посоветовал его привлечь. Так мы и познакомились — по делам журнальным. Впрочем, подробностей первых встреч не помню. Может быть, я позвал его в Русское техническое об-во прочесть какой-либо доклад — и просьбу направил через Ф. И. Витязева. Решительно не помню. Отчетливы становятся в моей памяти лишь наши встречи в редакционной коллегии «Экономиста», которой и председательствовал. В коллегии П.А. бывал гостем, держал себя скромно и ничем не выявлял какой-либо определенной точки зрения. Насколько был решителен в статьях, настолько же сговорчив в разговорах. «Понимаю, понимаю», — примирительно басил он... Заходил в редакцию часто, привел как-то и свою красавицу жену Елену Петровну Баратынскую. Звал к себе в Детское Село, где его навещали «всякие народы», в том числе и особенно — американки из АРА. Но я как-то не удосужился съездить.

Потом журналы были закрыты, а я арестован. По выходе узнаю, что без меня проводывали семью Сорокины. Он был в Москве, когда задерживали высланных; явился сам в Г.П.У., и с него взяли лишь обязательство уехать за границу, не возвращаясь в Питер. Он все же съездил и даже моих проведаль. <...>

Сами ютились они в какой-то голубятне. Сорокин имел достаточное количество монет, но много тратил на английские уроки и копил на дорогу в Америку. Работал чрезвычайно много. Работал над английским языком; даже разучивал по ролям, произнося вслух речи и лекции. Очень много писал. Кое-что и читал. <...>

В Праге Сорокин «умнел». Приехав, он сначала братался со старыми товарищами по партии, потом переключался в «Крестьянскую Россию», политическую группку, созданную с.р.-овскими ренегатами

С.С. Масловым и А.А. Аргуновым вместе с савинковцем А. Л. Бемом. Эта группка все же была под Милюковским патронатом. Перед отъездом в Америку Сорокин порвал и с ними – и стал работать с правыми аграрниками.

Его разговоры звучали своеобразно:

Вот Гирс – умный человек, – понимает, что в крестьянской Чехии социалисты долго не продержатся у власти – и перед выборами записывается в земледельческую (кулацкую) партию...

или:

– После всякой революции реакция неизбежна; но если реакцию осуществляют правые, она мягче;

– А мстить не стали бы разные Марковы, попав к власти? – спрашиваю я.

– Ну, конечно, не без этого, – злорадно хихикает Сорокин.

Больше всего огорчения испытал Сорокин перед отъездом из Европы в Новый Свет, узнав, что «Крестьянская Россия» не додала ему каких-то довольно больших денег. «Я-де думал, что коллеги бесплатно работают, – жаловался он, – и отказался от редакторского жалования. Оказывается же, они получают, и немало, обсчитали почти на тысячу долларов...»

Иногда меня даже начинало чрезвычайно интересоваться, как в голове этого молодого ученого совмещается квакерский пуританизм и ненасытная жажда карьеры, несомненная потребность научной работы, и дешевое политиканство, опускающееся до обывательского интриганства, стремление к сложным, хотя и путаным социологическим построениям и философское невежество...»⁴⁴

В таком же развязно-фельетонном стиле писал Лутохин о «кретиноподобной злобе Бунина и Ильина», «уличном зубоскальстве А. Яблоновского», «выспреннем и бессильном резонерстве Струве».⁴⁵

Летом 1923 г. Сорокин выезжал в Ужгород, центр Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, с чтением докладов для карпатороссов и эмигрантов. Для них же

он написал книгу «Лекции о социальной педагогике и политике» (Ужгород, 1923).

Большим событием в жизни эмиграции был судебный процесс по делу об убийстве советского полпреда в Италии бывшего заведующего петроградским госиздатом В.В. Воровского и ранении его спутников – Аренса и Дивильковского. Это случилось 10 мая 1923 г. в Лозанне. Его убил капитан русской армии Александр (Морис) Конради* (родился в Петербурге в обрусевшей швейцарской семье). Его отец – шоколадный фабрикант, владелец конфетного магазина на Невском проспекте, был замучен большевиками в Петрограде в 1919 г. Тогда же были убиты тетя, дядя и два кузена Конради. К делу был привлечен также А. Полунин.⁴⁶

Около 70 деятелей эмиграции – среди них П.Б.Струве, Е.Д. Кускова, Н.С. Тимашев⁴⁷ – сочли своим долгом принять активное участие в процессе и превратить его в суд над большевизмом. Свои показания прислали: писатель И. Шмелев, сын которого был расстрелян в Крыму, историк С.П. Мельгунов (его книга «Красный террор в России» была издана в Берлине в связи с этим процессом), писатель М.П. Арцыбашев, Татьяна Варшер, княгиня Т.Г. Куракина. Синовари.

Организатором этого «Нюрнбергского процесса» выступил А.И. Гучков. Ему помогли известный земской деятель В.И. Гурко и доктор Ю.И. Ладыжинский. Защитниками обвиняемых были женевский адвокат Теодор Обер** и лозаннский – Сидней Шёпфер (Sidney Schoepfer). Он защищал Конради.

В. Гурко писал А. Г. Гучкову 22 августа 1923 г.:

«Очень нужна брошюра Сорокина (вероятно, «Современное состояние России» — Ю. Д.). Очень просят убедить Сорокина явиться на суд свидетелем. Повестку он получит. Явка на суд Сорокина и Маслова весьма желательна. Сейчас перешлю их

* Конради Морис Морисович (1896–1931. По другим данным дата смерти – 1947 год). Чекисту-убийце немецкого посла в Москве фон Мирбаха Я. Блюмкину было получено убить и М. Конради...

** Теодор Обер (8.09.1878 – 19.01.1963 Женева). Этот процесс сделал Обера лидером мирового антикоммунистического движения.

адреса Л. (Ладыжинскому — Ю.Д.) чтобы их включить в число свидетелей».⁴⁸

В ответном письме от 23 августа Гучков сообщал из Берлина Гурко:

«Профессор Н.С. Тимашев доставил мне записку о правовом положении в России. В случае надобности Н.С. готов и лично выступить на суде. Французским языком он владеет прекрасно».⁴⁹

На обращение Гучкова Сорокин отвечал:

«Глубокоуважаемый Александр Иванович, спасибо за письмо. В конце сентября я уезжаю на международный конгресс социологов в Италию, а оттуда в Америку читать лекции в американских университетах. Поэтому лично посетить нашего друга (суд? — Ю.Д.) не могу. Но весь нужный материал я приготовил и вышлю в Париж. Сделать это я считаю своим долгом и буду очень рад. Если сколько-нибудь могу быть полезен ему и моей родине. Надеюсь все это сделать в первых числах сентября. Примите уверение в глубоком к Вам уважении.

28 августа Питирим Сорокин.⁵⁰

2 октября Сорокин писал Гучкову:

«Глубокоуважаемый Александр Иванович.

Я получил от Лозаннского суда повестку, требующую моей личной явки на суд. При всей готовности это сделать я не могу. так как купил уже билет в Америку (...), поэтому очень прошу Вас как-нибудь устроить так, чтобы суд извинил мне мою личную неявку».⁵¹

Сорокин прислал обширные письменные показания в форме научного доклада с фактами, цифрами, ссылками на публикации, а также книгу «Современное состояние России»*. Его аргументы оказали значительное влияние на решение присяжных. В книге Сорокин, в частности, писал:

* Показания Сорокина были целиком воспроизведены во многих швейцарских газетах.

«Предлагаю Горькому, Барбюсу, Шоу и многим другим интеллектуалам проверить правильность сказанного. И не ввели ли они в заблуждение многих вверившихся им, возводя проходимцев в герои? Seriously подумать об этом — долг всякого уважающего себя и честного писателя».⁵²

Суд над Конради и Полуниным проходил 12 дней в помещении местного лозаннского казино «Мон-Бенон». На заседании 10 октября были оглашены показания Сорокина...

Два дня продолжалась речь адвоката Обера, который, обращаясь к присяжным заседателям, сказал:

«Из Лозанны весь мир осветился лучами Правды в первый раз с тех пор, как существует чудовищный большевистский режим».⁵³

В своей речи Обер неоднократно ссыался:

«на исчерпывающее заключение профессора Сорокина, социалиста-революционера».*

16 ноября 1923 г. суд присяжных оправдал обвиняемых. Пражский журнал «Хутор» писал:

«Конради оправдан не потому, что убиты и замучены большевиками его родные в России. Перед судом вскрылась до дна страшная русская действительность. Прошли жуткие тени Дзержинского, Лациса, Саенко, Бела Куна. Миллионы невинных жертв. Содранные с живых людей «перчатки», Бездонная пропасть лжи, насилий и кровавого садизма... Суд понял, что в России, в царстве этих ужасов, нет ни защиты, ни возмездия, ни надежды... Конради принял на себя тяжесть страшного решения и приготовился к полной за это ответственности. И был оправдан. Безгранична трагедия России и не укладывается она в нормы, определяющие нормальные действия нормальных людей. Средние граждане уравновешенной Швейцарии поняли это

* И.В. Гессен готовил публикацию стенограммы процесса в «Архиве Русской Революции». Не осуществилось...

чуткой совестью своей. Они осудили палачей народа русского. И оправдали Конради».⁵⁴

Приближалось время отъезда Сорокина из Праги в Америку. 2 октября 1923 г. он написал Седенко в Петроград прощальное письмо из Праги:

«10 октября уезжаю в Америку через Триест-Неаполь... Мой английский не очень еще совершенен, но надеюсь — справлюсь. Заодно думаю поразведать насчет постоянного профессионального места там. Если условия будут хороши, останусь и выпишу жену».⁵⁵

14 октября он отправил открытку из Неаполя В. С. Миролюбову:

«Лену пока оставил в Праге. Буду читать курсы лекций по моей специальности в Америке... Не исключена возможность остаться там постоянным профессором, хотя в Праге я получил приглашение от президента стать во главе Чехословацкого социологического института. За год хорошо поработал. В 1924 г. появятся две мои новые книги на английском, французском, чешском и русском».⁵⁶

21 октября Сорокин отправляет открытку профессору Н. И. Карееву:

**«Петроград. Миллионная улица Дом ученых.
Как живете, глубокоуважаемый Николай Иванович*? Еду на пароходе via Прага, Триест, Мессина-Неаполь, Алжир. Завтра Гибралтар. 1 ноября будем в Нью-Йорке. Еду читать лекции по приглашению американских университетов. Возможно, что останусь там до окончания моей заграничной командировки.... Как работает Социологическое общество? Будьте здоровы и благополучны.
Искренне уважающий Вас П. Сорокин.»**

И дает свой почтовый адрес в США:

* Летом 1923 г. в Петрограде под председательством И.М. Гревса был отмечен 50-летний юбилей научной деятельности Кареева.

«Miss. M.S. Quayle, 347 Madyson Avenue, room 807 New York city, USA».⁵⁷

Ещё живя в России, Сорокин всеми силами стремился

**«открыть людям глаза на мерзости больше-
визма».**

Н.Е. Шаповал в своем дневнике после приезда Сорокина в Прагу отметил:

«... «советский рай» сильно откинул его вправо».⁵⁸

Но и после пяти лет ужасов террора и гражданской войны в России Сорокин не озлобился и не отчаялся. Свое личное кредо он понимал так:

«Жить и действовать при всех условиях, стремиться любить людей и мир... Жизнь, даже самая тяжелая – великое благо по сравнению со смертью, а любовь – душа жизни. П. Сорокин, 19.04. 1923. Horní Cernosice и латинская Praha⁵⁹ – (запись в альбом писателя и критика В.Ф. Булгакова).

Относительно будущего России Сорокин был полон оптимистических ожиданий. Верил в скорый крах большевизма и в неотвратимое возрождение народа России:

«Советские газеты ежегодно возвещают о укреплении Советской власти... (...) Год-два, даже три, власть ещё может пробалансировать (...), но судьба ее решена. Ни подвалы ЧК, ни тюремные решетки», ни волчий зуб, ни «лисий хвост» советских авантюристов не остановят наступления. Каждый шаг возрождения Русского народа приближает гибель существующего строя и его защитников».⁶⁰

Много лет спустя в своих мемуарах Сорокин утверждал, что, находясь в Праге:

«имел серьёзные сомнения относительно скорого падения правительства коммунистов».⁶¹

Его сын – Сергей Сорокин – в 1999 г. ещё более категорично:

«После высылки из Советской России в 1922 году ни Питирим, ни Елена не питали никаких надежд когда-нибудь вернуться на родину...»⁶²

Вряд ли Питирим Сорокин «забыл» свои статьи в эмигрантской русской периодике 1922–1923 годов... (или бесконечную полемику вплоть до начала 1930-х с той же Екатериной Кусковой), когда писал:

«...я посвящал только малую часть своего времени политическим проблемам и вовсе не участвовал в мелкой грызне между эмигрантами < >. Такая загруженность работой уберегла меня от пустой траты времени в бесплодных политических спорах, обычных для всех беженцев великой революции».⁶³

Барри Джонстон, в соответствии с американской традицией «политкорректности» целиком следует версии Сорокина:

«Многие эмигранты полагали, что коммунистическое правительство будет недолговечным и проводили свои дни в планировании возвращения в Россию.»⁶⁴

Джонстон повторяет вслед за Сорокиным версию о «неожиданном» приглашении Сорокина Хайесом и Россом в США...⁶⁵

Главная работа, которую Сорокин написал и опубликовал в Праге – «Современное состояние России» — это политика. К террору против большевиков. Сорокин призывал в эмигрантской печати вплоть до конца 1920-х годов...

Непримиримый антибольшевик Александр Яблоновский* писал о «Современном состоянии России».

* Яблоновский Александр Александрович (1870 с. Хитросановка, Елизаветградский у. Херсонск. губ. – 1934 Париж). Окончил юрфак Петербургского университета. Публицист.

«Это очень интересная, очень ценная и очень смелая книга.

Для г-на Сорокина не существует ни революционных иллюзий, ни социалистических фетишей. Он любит истину больше, чем программу, и счастье России ставит выше, чем благоденствие партий.

С этой точки зрения г. Сорокин — несомненный еретик и недаром на демократическом собрании газеты «Дни» его уже анафемствовали и г-н Петрищев, и г-жа Кускова.

Мы не можем сказать с точностью, отлучен ли г. Сорокин от демократической церкви вообще, но, кажется, от церкви г-жи Кусковой он сам себя отлучил.

И это свидетельствует о его искренности, ибо как человек не признающей ни социалистического священства, ни демократического первородства, он по чистой совести не мог бы поклоняться ни богам г-жи Кусковой, ни идолам г-на Петрищева.

Достоинство г. Сорокина в том и состоит, что он идет своей дорогой. Идет напролом и умеет до конца договаривать свою правду. Как социолог и научный исследователь он смело подходит к статуе Революции и беспощадно срывает с нее все золотые иллюзии.

Он говорит:

– «Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами — величайшие диктаторствующие революционеры».

Шаг за шагом, как лепестки с ядовитого цветка, он обрывает и все так называемые «завоевания революции».

Он говорит:

– Ни один лозунг, выставленный на знамени революции, не был исполнен. «Интернационал» превратился «в клику авантюристов, расхищающих остатки золотого фонда России, в беспринципных

антропоидов, сеющих ненависть, вражду и новые бедствия».

Ни для кого не тайна, что русское общество целых сто лет жило под властью революционных иллюзий. Наша наука подкрашивала революцию, как любимую куклу, а наша литература стояла перед революцией на коленях.

В каждом русском сердце слово Революция писалось с большой буквы и все мы обманывали себя, как дети.

Все звериное в революции мы покрывали поэтическими туманами.

Всю кровь революции мы засыпали песком.

А все наглое, грубое, злое и дурацкое, мы затушевывали партийным глубокомыслием и социалистическим прекраснодушием.

Вся образованная Россия забыла старую истину, которая говорит:

– Революцию начинают философы, «углубляют» палачи и пользуются ею прохвосты.

И вот с этой точки зрения книга г-на Сорокина представляет особенный и выдающийся интерес. Как сучья с гнилого дерева, он рубит топором все революционные иллюзии и под его пером поэтический лик революции превращается в звериную морду.

Г-н Сорокин хорошо знает современную, советскую Россию. Он только что уехал оттуда. И пишет он сжато, коротко и сильно, хотя публицист в нем явно преобладает над ученым-социологом.

Но картину жизни он дает все-таки полную, яркую и верную до беспощадности.

– Власть, народ, финансы, красная армия, хозяйство, правосудие, школа, церковь, мораль и право — все нашло отражение в этой книге, написанной кровью сердца.

О негодяйской власти нынешних хозяев России автор говорит:

«Разрушали традиции, просвещение, церковь, религию, поэзию, интеллигенцию, культурные силы, семью — словом, сделали все, чтобы вытравить из истории лик России и русского народа».

Но как ни безотраднa эта картина всеобщего русского развала, а г. Сорокин все-таки не впадает ни в пессимизм, ни в отчаяние.

Он смотрит вперед бодро:

– «Много раз за эти годы, — говорит он, — я думал: не пробил ли смертный час нашей истории? Не бьет ли полночь исторического заката русского народа? Не перед смертью ли он омылся в страданиях?

Теперь вижу, что нет. Больной выздоравливает, кризис проходит, и впереди дорога жизни, а не смерти... Знаю, не розами покрыт грядущий путь. Он тернист, ждут на нем бездны новых страданий, унижений, оскорблений и трудностей... Крутые кряжи, опасные перевалы и разбойничьи засады ожидают путника.

Но не будем падать духом...»⁶⁶

Борис Кадомцев*:

«Небольшую книгу автора, высланного советской властью из России, должен прочитать каждый русский, желающий понять, что произошло там, за чертою большевистских рогаток и цензуры. Книга г. Сорокина — не столько научное произведение, сколько чрезвычайно красноречивый человеческий документ всего того, что пришлось видеть, слышать и пережить ученому-социологу в современной России. Автор имел широкое поле для наблюдений и обширный материал для размышлений и исследования; в этом смысле именно он стоит головою выше огромного большинства приезжающих или бегущих из России, которые, обыкновенно, дают лишь весьма поверхностную и крайне субъективную оценку современного положения нашего отечества.

Трудно читать эту книгу без глубокого волнения, которое вызывается в читателе не только мастерски начертанными картинами полного разгрома страны, «распятия России», но также тем приподнятым

* Кадомцев Борис Петрович (? – 29.09.1969 Монако) – выпускник экономического отделения Петербургского политехнического института. В 1938 г. публицист младоросской газеты «Бодрость».

нервным настроением, в каком автор, очевидно, находился, когда он писал свои труд.

«Проникнемся психологией самого аккуратного бухгалтера и попытаемся с его сухостью и точностью подвести итоги», говорит автор и дает такой баланс «доходов и расходов» русской революции.

Население на территории советских республик убыло на 21 миллион человек или на 13,6 процента всего населения. Из этой цифры на войну приходится лишь не более 2,5 миллионов; остальное — цена «бескровной» революции.

При этом погибла лучшая часть населений, как в физическом, так и в моральном отношении. Погибли преимущественно мужчины, здоровые и трудоспособные, представители наиболее культурных классов и национальностей России. Вместо разрушения социальной пирамиды неравенства, каковую задачу поставили себе большевики, революция привела к тому, что «контраст нищеты и роскоши в современной России больше, чем в любой буржуазной стране». Вместо царства свободы «тюрьмы были переполнены, как никогда, и не столько «буржуями», сколько крестьянами и рабочими». Вместо разрушения капитализма были разрушены средства производства и обмена, вместо частно-капиталистической эксплуатации, умеряемой вмешательством государства, появилась ничем не сдерживаемая государственно-капиталистическая эксплуатация. Вместо «мира» революция дала междоусобную войну, вместо хлеба — голод, вымирание и людоедство, вместо коммунизма — полное дискредитирование всего социализма, вместо диктатуры пролетариата — уничтожение пролетариата и установление небывалой тирании над трудящимися. «Таков сжатый бухгалтерский подсчет новых завоеваний великой революции», восклицает автор.

Чрезвычайно интересны мысли автора (стр. 42–50) относительно влияния войны и голода на происхождение и укрепление советской власти. Все заключение автора на эту тему мне кажутся справедливыми.

По мнению автора, только война или какая-нибудь мировая катавасия могут спасти советскую власть от гибели. И та же мысль, но другими сло-

вами: мир и сытость населения — самые беспощадные враги большевизма. Над этим утверждением автора нужно было бы подумать всем тем русским деятелям, которые когда-то видели и, может быть, еще продолжают видеть в экономической блокаде России самое сильное оружие в борьбе с большевиками.

Наряду с отмеченными отрицательными «завоеваниями» революции, автор указывает на то, что революционеры никогда не завоевывали, но что послужит основными камнями при строительстве будущей России, это — исчезновение старых партийных водоразделов, проснувшееся национальное чувство, подъем религиозности и, наконец, утверждение мелкой частной собственности на землю.

По свидетельству автора, вся Россия делится сейчас на две партии: на коммунистов и на их врагов (т.е. 97 процентов всего населения, стр. 47). «Подсознательное национальное чувство охватило все слои населения» (стр. 99). В качестве внешнего выражения религиозного подъема в народе автор приводит пример, как летом в 1921 г. из 700000 населения Петрограда в церковной процессии участвовало «по меньшей мере» 200–250 тысяч человек. Наконец, по свидетельству автора, «в России возникла и сейчас бушует небывалая собственническая стихия» (стр. 29). «По всем областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и хутора» (там же). Одним словом, создается крепкий мелкий собственник, а «общинная» психология отлетает от крестьян, как мертвые пожелтевшие листья.

Я не буду останавливаться здесь на описании нравственной и умственной деградации современной России и лишь скажу, что все многочисленные факты, приводимые автором в подтверждение этой характеристики положения России, производят крайне тяжелое и безотрадное впечатление.

Я закончу эту рецензию тем, чем ее начал: горячей рекомендацией каждому русскому человеку прочитать книгу и поглубже продумать ее. В смысле цельности и яркости изложения, обилия фактов и цифр, вряд ли можно указать что-либо

равное этой книге в литературе о современном положении России.

Лондон, 11 марта 1923 г.»⁶⁷

В Праге Сорокин написал «Социологию революции», но опубликовать не смог... Прага как и Петербург, маленький город. Сорокину было в ней тесно. «В Америку» — его старший, ещё дореволюционный клич...

Иван Савицкий, имеющий доступ к расшифрованным дневникам умершего в 1925 году в Праге академика Н.П. Кондакова, упоминает о принадлежности Сорокина к «избранным русским» и «пражской космополитической среде»:

«В конце концов, лучше всего Н.П., видимо, чувствовал себя в пражской космополитической среде, складывающейся вокруг дочери президента Алисы Масарик* или в салоне графини Волконской, где «разговор шел на французском, английском, русском» (30.10.1922). Эта среда активизировалась при визитах в Прагу известных иностранных ученых А. Муньоса, Н. Йорги***, В. Златарского****. Сюда входили лишь избранные русские, скажем, княгиня Н.Г. Яшвиль***** и П.А. Сорокин, чехи с большим опытом жизни за границей, среди них, например, всемирно известный художник Альфонс Муха*****, американцы, французы, избранные из сербов, румын, болгар. Судя по дневниковым записям, в этот круг входили и некоторые немецкие аристократы и ученые».⁶⁸**

Интересной могла бы быть книга «Питирим Сорокин в Праге», но после «бархатной революции» 1989 года, когда все бросились изучать «Russian Abroad» в Пражском научном «истеблишменте» никто не проявил интереса к Питириму Сорокину...

* Масарик Алиса (1879-1966) – социолог.

** Муньос (Muñoz) Антонио (1884-1960) – итальянский историк искусства, археолог.

*** Йорга (Iorga) Николае (1871 Ботошани – 28.11.1940 близ Бухареста) – румынский историк, публицист. Почетный доктор многих университетов Европы. Чл. Румынской академии (1910). Воспитатель короля Кароля II. Лидер национально-демократической партии премьер-министр и министр просвещения (1931-32). Убит.

**** Златарский Васил (1866-1935) – болгарский историк. Чл.-кор. Петербургской А.Н. (1911).

***** Яшвиль (урожд. Филиппсон) Наталья Григорьевна (1861-1939 Прага) – художница.

***** Муха (Mucha) Альфонс Мария (1860 Иванчицы, Чехия – 1939) – большую часть жизни провел в Париже.

В самой РФ после краха СССР в 1991 году книга Сорокина «Современное состояние России» была опубликована в журнале «Новый мир»⁶⁹. Отклики не имела... Отдельным изданием не вышла...*

...Имя Питирима Сорокина не только на страницах афиш, газет и журналов... Агентурное сообщение в Иностранный отдел ГПУ от 3 августа 1923 года:

«В 1922 г. образовалась в Праге с приездом из России Питирима Сорокина группа крестьянского союза. Во главе стоят Маслов, Аргунов и Сорокин. Группа очень немногочисленная (11–12 членов), политического значения среди эмигрантов не имеет.

Маслов и Аргунов ушли от эсеров окончательно, к группе отношение эмигрантов симпатичное. Их считают людьми политически порядочными, активности никакой. С этой группой более следует считаться как с движением идеологическим.

<...>

Республиканско-демократическая группа образовалась из бывших 3 партий, часть ушла влево от кадетов с Павлом Ник[олаевичем] Милюковым во главе, часть от эс[е]р[ов] и от народных социалистов. Бывшие социалисты совершенно порвали с социализмом, стали националистами, приверженцами частной собственности, сохранив республиканство и демократизм.

Об их программе еще нельзя говорить, как о чем-то определенном, так как идеологическая и тактическая работа еще продолжается. Значение крестьянства (т.е. мелкой земельной буржуазии), как собственника, ими признается и на крестьянстве строится будущее Российского Государства.

Любопытно, что в некоторых политических вопросах (как напр[имер] автономия) бывшие социалисты с Масловым во главе стоят правей Милюкова.

Милюков в последний свой приезд в Прагу в этом году признал Маслова, Аргунова и Сорокина своими единомышленниками и действительно, рассуждая теоретически, они должны вылиться в радикал-рес-

* В 2005 г. опубликована в качестве «Приложения» (!) к книге П.А. Сорокина «Социология революции», изданной в Москве.

публиканцев, если вообще, когда-нибудь подобным партиям суждено будет существовать.

Милюковское течение в Праге представлено очень слабо – нет ни одной яркой фигуры. Во главе студенческо-демократической группы стоит студент Мейснер – полнейшая бездарность. Крестьянская группа представлена С.С. Масловым, А.А. Аргуновым и Сорокиным. Все трое теоретики, к революционной активной работе неспособны. Крестьянская группа получает от чешского правительства субсидию, на которую живет и печатается. Появился ряд изданий Маслова, Пит[ирима] Сорокина и др.⁷⁰

Меньшевик А.А. Югов* 28 октября 1923 года информировал из Берлина своих товарищей по партии в Москве:

«Среди демократической части эмиграции идет сейчас оживленный спор по вопросу о принятии революции. Пешехонов, обороняясь от натиска справа («Дни», Сорокин) написал в «Современных Записках» прекрасную статью о тех процессах оздоровления, которые идут сейчас в России, о громадном сдвиге, происшедшем в сознании крестьянства, о бесповоротной гибели сословных преград, словом, о всем том, что он называет «революционными завоеваниями»».**⁷¹

В рецензии на книгу меньшевика Д. Далина «После войны и революций» Сорокин писал, что в целом выводы о 4-летней деятельности коммунистической власти у Далина верны:

«Но ряд отдельных его положений более чем спорен.

Главным из них является тезис о «блестящих успехах» коммунизма в деле военном и в деле защиты национальных интересов России. Разве не бесспорный факт, что большевизм не одержал ни

* Фрумсон (Югов) Арон Абрамович (1886 Ростов-на-Дону – 1954 Нью-Йорк) – экономист, литератор. Окончил юрфак СПб ун-та. В 1922 г. выслан из Сов. России. После 1946 г. – сотрудник коммунистической прессы в Канаде.

** Высланный в 1922 году из Советской России А.В. Пешехонов в 1925 году поселился в Праге, где возглавлял Институт изучения России, реорганизованный из Института изучения Крестьянской России, у истоков которого стоял Сорокин. В 1927 г. Пешехонов открыто перешел на службу большевикам...

одной победы над армиями нерусских стран, разве он победил войска даже таких маленьких стран, как Латвия и Эстония, не говоря уже о Японии и Польше? Раздел России, отторжение от нее окраин, громадные территории, уступленные Польше, громадные контрибуции, выплаченные Эстонии и Польше, принесение в жертву национальных интересов России всему и вся, вплоть до Кемаль-Паши, Афганистана и Персии, неудача коммунистической власти в Генуе, Гааге, Лозанне и т.д. – все это говорит бесспорно о полной неудаче большевизма и в этой области».⁷²

В заключении полупохвала:

«В книге Д. Далина затрагивается немало и других важных проблем. И здесь, по сравнению со многими социалистами, он обнаруживает большую трезвость, глубокий рационализм, но... останавливается на полдороге.

В общем и целом книга интересна. В ней чувствуется серьёзно думающий человек, освобождающийся от многих нелепостей марксизма, а не повторяющий цитаты и приеденные догмы традиционно-социалистического «катехизиса».⁷³

Далин – ровесник Сорокина, учился на юридическом факультете Петербургского университета. Социал-демократ. Был арестован. В 1910 году эмигрировал, в 1913 году в Гейдельберге защитил докторскую диссертацию.. После февральской революции вернулся в Россию. Стал одним из лидеров меньшевиков. В 1921 г. выслан из Советской России. Жил в Берлине, а после 1933 года в Польше. В 1940 г. из Парижа переехал в США. От марксизма отошел. Стал крупным американским экспертом по СССР. Умер в 1962 г. в Нью-Йорке...

Далин в США опубликовал около дюжины книг, в том числе классические работы о ГУЛАГе и советском шпионаже. В 1965 г. беглый предатель, офицер НКВД Александр Орлов утверждал, что жена Далина – Лидия Далин, была советским агентом. Сам Далин – **«... по крайней мере в Берлине был советским агентом».**

В «Меморандуме» показаний беглого чекиста о Далине говорится:

«Следует подчеркнуть, что (Орлов) провел ясное различие между Лидией Далин и ее мужем. Он допускал, что профессор, возможно порвал с советской службой, прежде чем приехать в США. Однако он не мог сказать этого о его жене. Далее он допускал, что в своей деятельности в США профессор Далин, возможно, находился под строгим контролем советской службы, которая тайно им манипулировала».⁷⁴

Орлов в 1921 году начальник секретно-политического отдела Архангельской губчека. Председатель Архгубчека его двоюродный брат Зиновий Кацнельсон, один из главных организаторов (наряду с упомянутым Сорокиным в «Дальней дороге» Кедровым-Цедербаумом) красного террора в Архангельске...

В 1937–38 гг. Орлов осуществлял в качестве резидента НКВД красный террор в Испании... Отозванный в Москву в 1938 году не подчинился приказу и бежал в США. После смерти Сталина опубликовал книгу «Тайная история сталинских преступлений» (1953). Ничего нового в ней не было...

...В том же номере «Крестьянской России», (в котором отклик Сорокина на книгу Далина) опубликована рецензия Сорокина на книгу бывшего премьер-министра Италии Франческо Нитти «Европа без мира».*

«После известной книги Кейнса книга Нитти является одной из самых талантливых и интересных работ, посвященных критике Версальского мира и характеристике положения, издававшегося в итоге последнего. <...> Теперь нет надобности доказывать, что как Кейнс, так и Нитти во многом вполне правы. Исполнились многие опасности, о которых они предупреждали и предупреждают».**⁷⁵

* Nitti F. L'Europa senza pace. Firenze. 1921.

** Keynes John. The economic consequences of the peace. London. 1919.

Сохранилось описание В.И. Власьева* последней лекции Сорокина в Праге... 86 лет прошло с тех пор, а как будто вчера произнесена:

«В Праге, в помещении русско-чешской земледельческой Едноты, перед отъездом проф. П.А. Сорокина в Америку, состоялась лекция на указанную выше тему. Лектор указывает на необходимость детально и объективно ознакомиться с сущностью революции вообще, так как человечество с 1914 года вступило в полосу социальных кризисов, когда одни народы захвачены революцией, а над другими носится тень ее.

Рассмотрению существа революции было предпослано указание на ложность большинства определений революции, каковые можно разделить на две группы:

- 1) «шоколадно-сладкие»,**
- 2) «уксусно-кислые».**

Первые определения идеализируют революцию; так, Бернштейн считает, что революция существует там, где объем свободы увеличивается. По мнению проф. Сорокина, ни одна революция объема свободы не увеличивала, а увеличивала объем зверств, пыток и убийств.

Отнесение этих явлений к реакции неправильно, так как реакция есть неизбежная, неотъемлемая часть революции, и понося реакцию, хулят самую революцию.

Вторые определения, отрицательно относясь к революции, идеализируют реакцию, как бы идущую на смену революции, забывая, что реакция есть один из этапов революции, и хваля реакцию, тем самым хвалят революцию.

Переходя к рассмотрению существа революции, лектор устанавливает следующую схему.

Революционный процесс характеризуется:

- 1) психическими изменениями революционного общества,**
- 2) биологическими изменениями,**
- 3) изменениями в структуре общества,**
- 4) изменениями самих социальных процессов.**

* Власьев Валентин Иванович – член редколлегии пражского журнала «Студенческие годы».

Проф. Сорокин останавливается на проблеме изменения настроений людей, их психики во время революции.

В XVIII веке рационалисты идеализировали человека, считая, что зло лежит не в природе человека, а в окружающей обстановке. В действительности же по природе своей человек существо не альтруистическое и разумное, а слепое и хищнически-эгоистическое.

По исследованиям ученых, психика человека определяется (в %) наследственностью – от 60 до 90 %, средой и воспитанием – от 40 до 10.

В нашей жизни роль знания и сознания невелика; нами управляют слепые инстинкты; разум же только тонкая пленка, сдерживающая лаву слепых инстинктов. По словам Паскаля, «человек – это дьявол, покрытый одеждою ангела».

Только веками выработанные сдержки поддерживают равновесие между социальными и антисоциальными инстинктами. Это равновесие нарушается, когда ущемляются основные инстинкты у массы членов данного общества. Это основная причина революции. Второй причиной является дегенерирующее правительство. Характерные черты изменения поведения людей во время революции проявляются в изменении черт поведения у всей массы и распаде «культурной одежды» с человека. Его поведение определяется чисто биологическими импульсами. Начинается «растормаживание» от прежних тормозов: религии, морали, права и пр.

В итоге, в 1-ом периоде революции люди выступают «распоясавшимися», без психических тормозов; отсюда создается стихийная сила, все сносящая.

Во 2-ой период революции, благодаря дикой игре биологических импульсов, начинается или гибель общества или «торможение», выражающееся в прививке обществу «социальных тормозов». Это вторая часть революции – реакция, когда одевают на революционное общество смирительную рубашку.

После бешенства наступает апатия, изнеможение. Касаясь русской революции, лектор указывает, что Россия уже года два находится в апатично-отдыхающем состоянии.

Во втором периоде накладываются «социальные бандажии», под которыми нарастают естественные ткани социальных импульсов. Когда же последние в достаточной степени нарастут, бандажии снимаются, революция кончается и начинается нормальный период общественной жизни.

Далее автор подробно останавливается на характерных явлениях в области психики революционного общества, сводящихся к ослаблению речевых импульсов (бесконечные речи), половых (колоссальная половая распущенность, характеризующая революции у всех народов) и импульсов подчинения и властвования».⁷⁶

«Отброшенный вправо» большевистской революцией в России П.А. Сорокин не мог предвидеть «поющих революций» Восточной Европы (1989), грузинской «Революции роз» (2003) «Помаранчевой революции» в Украине (2004)...

Сорокин уехал из Европы... Типичную точку зрения на его «американскую карьеру» выразил коллега Сорокина по Гарварду Адам Улам* в своей известной книге «Большевики» (1965):

«В ноябре 1918 года профессор Питирим Сорокин заявил о своем намерении уйти из политики, выйти из партии (эсеров) и посвятить себя научной деятельности. Главе государства едва ли стоило обращать на это внимание. Но для Ленина это была возможность вернуться в старое, доброе время: идеологический противник признается в своих ошибках и складывает оружие! Браво, профессор, пишет Ленин «ценное признание Питирима Сорокина». Какой замечательный пример для интеллигенции: прекратить болтать о политике, о принципах и вернуться в лаборатории и библиотеки. Год или два Ленин пристально следил за Сорокиным. Чем он занят? Пишет о единстве и других проблемах, относящихся к сфере компетенции партии? В результате выдающийся ученый бывший член Учредительного собрания, был вынужден уехать в Соединенные Штаты, где его теории вызывали

* Адам Бруно Улам (8.04.1922 Львов – 28.03.2000 Кембридж. Массачусетс)

раздражение или приводили в восторг только его академических коллег».⁷⁷

Сорокин десятилетиями влиял своей деятельностью на умы и следовательно на политико-общественную ситуацию в Чехословакии, США, Германии, Испании, Японии, Китае, СССР. И тем более на восточноевропейскую и русскую эмиграцию...

П.Н. Милюков*, бывший министр иностранных дел Временного правительства и выдающийся русский историк писал о «Современном состоянии России»:

«Нам уже приходилось останавливаться на наблюдениях г. Питирима Сорокина над современной Россией и разбираться в спорах по этому поводу между ним и его оппонентами.

Г. Сорокин издал теперь свои статьи в форме книги: прочтенная подряд она дает возможность подвести итог всему тому, что есть в рассуждениях г. Сорокина спорного и бесспорного. <...> Он только недавно покинул совдепию – и в своей книге продолжает ту страстную борьбу против советской власти, которую начал еще в России».⁷⁸

Милюков соглашается с перечнем «достижений революций» приведенном Сорокиным: «масса народа кое-что поняла», «мужик вырос», «больной выздоравливает, кризис проходит» и в заключении своей статьи пишет:

«К этому перечню «завоеваний революции» нам почти нечего добавить. Было бы, конечно, несравненно лучше для нашей родины, если бы к ним она пришла не безумно разрушительным путем стихийной революции, а путем последовательного и сознательного своего быта. Почему случилось иначе? Г. Сорокин – социолог по специальности. Пусть поищет объяснений в богатом арсенале «социологической литературы».⁷⁹

Пожелание Милюкова Сорокин выполнил...

* Закончил свою «карьеру» посмертно опубликованной статьей «Правда большевизма» с апологией Сов. власти.

Медленно и вяло реагировала Совдепия. Ровно через год после статьи Милюкова Марк Вишняк отрецензировал изданный в Москве сборник статей «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией» (М., «Красная Новь» 1923. 261 с.).

«Задача сборника – убить врагов советской власти идейно на «идеологическом фронте». С этой целью «идеологи» – Бубнов, Сергей Б-ой, Горбунов, Корк, Н. Попов, И. Запорожец (вы слышали когда-нибудь эти имена?..) намечают себе каждый по жертве: кто Сорокина с Пешехоновым, кто Милюкова, Маслова, эс-эров, меньшевиков и начинают ее терзать, грызть, глотать и т.д. Делают это они удивительно скучно и бездарно. Весь сборник, который «украшает» своим участием и М. Покровский, облюбовавший в качестве своего домена «идеологию эс-эров», – производит исключительно бледное, даже для коммунистических изданий, впечатление. Какая-то бледная немочь, а не живое полное веры убеждение. Нудно и вяло, точно по обязанности в тысячный раз варьируются старые мотивы, набившие оскомину полемические красоты перемешанные гирляндами инсинуаций и передержек».⁸⁰

§2.

Свидетели защиты

СВИДЕТЕЛИ ЗАЩИТЫ НА ПРОЦЕССЕ «КОНРАДИ – ПОЛУНИН»

1. **Арцыбашев М.П.** (Варшава) – в 1918–23 гг. жил в Москве. В августе 1923 г. выехал в Варшаву. Его показания опубликованы в газете «За свободу» (Варшава) и включены в книгу «Записки писателя» (Варшава. 1925).
2. **Варшер Татьяна Сергеевна** (Рим) – археолог, журналистка.

3. **Гуревич Яков Самойлович** (Париж) – адвокат. В 1921 защищал митрополита Вениамина. Составил «Записку о ЧК».
4. **Керенский А.Ф.** Письменные показания.
5. **Кузьмина-Караваева Е.Ю.** (Мать Мария, монахиня) – поэт.
6. **Куракина С.С.** – княгиня.
7. **Крейтер Вл. Вл.** (? – 1950 Дахау) – генерал-майор. Начальник Полунина в армии ген. Врангеля. **Лично.**
8. **Курдюмова М.** [Каллаш (урожд. Новикова) Мария Александровна (1885 Тверск. губ. – 1954 Париж)] – до 1917 г. журналистка в Москве. **Лично.**
9. **Кускова Е.Д.** (Прага) Письменные показания.
10. **Ловкин.** Заявление.
11. **Медведева Н.П.** – медсестра. Сотрудница Красного Креста в Киеве во время красного террора. **Лично.**
12. **Мельгунов С.П.** Послал Оберу «Красный террор в России», но сам не прибыл. Письменные показания.
13. **Осокин Александр Васильевич** (1895 Кинешма – после 1933). О красном терроре в Крыму. Инженер-агроном участник «Зеленого» движения. Вместе с Масловым разрабатывал программу «Крестьянской России». Письменные показания.
14. **Прокопович С.Н.** (Прага) – письменные показания.
15. **Сорокин П.А.**
16. **Синовари**
17. **Струве П.Б.**
18. **Ступницкий Арсений Федорович** (1893 Минск – 1951 Франция) – выпускник юрфака СПб университета. Капитан. Товарищ Полунина по персидскому походу. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Деникинец. С 1927 г. – сотрудник «Последних новостей». После WWII редактор советофильской газеты «Советский патриот».
19. **Тимашев Н.С.** Записка о правовом положении в СССР.
20. **Шмелев Иван** (Париж) – писатель. Заявление.

Всего около 80 свидетелей. Главным образом русских беженцев. А также – французы, швейцарцы. Из пассажиров «философских» пароходов и поездов Сорокин оказался единственным, кто счел своим долгом принять участие в Лозанском процессе...

Готовились и в Кремле. Политбюро приняло постановление:

«О процессе Конради

Принять следующие предложения т. Радека:

а) поручить т. Коппу* ведение подготовительной работы в Москве;

б) дать т. Крестинскому право производить необходимые расходы не выше 5000 рублей золотом;

в) поручить т. Луначарскому согласовать с т. Чичериным список русских беспартийных профессоров, которые поедут на процесс для дачи отзывов о Советской России;

г) дать полномочия т. Степанову решать совместно с т. Аренсом, какие из материалов Разведупра могут быть передаваемы ведущим процесс товарищам».⁸¹

Объединить и поднять русскую эмиграцию на защиту Конради – Полунина было не просто.

Е.К. Миллер писал** в Рим капитану 1-го ранга Д.В. Дену:

«При этих условиях я считаю мало надежды на получение каких бы то ни было материалов от дипломатического ведомства в этом деле, хотя и им должно бы было быть ясно, что речь идет не только и не столько об оправдании и защите обвиняемых, сколько о том de Taire des bolscheviks, de leur regime et des representantes.* <...>**

Выработали «программу» мыслей, общих для всех участников объединения, согласились сесть за один стол: начиная с Трепова и до Тесленко включительно, что уже очень много».⁸²

Предполагалось, что «дирижерскую палочку» возмет великий князь Николай Николаевич и два столпа русской эмиграции в Париже Коковцев и Трепов... Не осуществилось...

* Копп Виктор Леонтьевич (1880 Ялта – 1930) – бывший меньшевик. В 1919–21 – уполномоченный НКВД и НКВД в Германии. В 1923 г. уполномоченный НКВД при СНК РСФСР.

** не ранее августа 1923 г.

*** что делать с большевиками, с их режимом и их представителями.

Нет в списке защитников и парижского «столпа» русской литературы Ивана Бунина...

Для расследования «дела товарища Воровского» ГПУ послало в Швейцарию специального агента. 19 мая агент доносил из Лозанны в Москву Литвинову:

«Обращение с преступником трудно себе представить не будучи здесь, на месте. Представитель иллюстрированного журнала захотевший сфотографировать преступника, встретился с ним в одной кондитерской. Жандарм сидел подле и пил кофе»*.⁸³

В Советской России чекисты арестовали брата и сестру М. Конради.⁸⁴

В связи с «делом Воровского» агенты ГПУ действовали во Франции, Германии, Югославии.⁸⁵

С помощью Гучкова Лодыжинский:

«... имел ланч с группой ведущих эмигрантских писателей: Иваном Бунным, Александром Куприным, Дмитрием Мережковским и И.С. Шмелевым. Шмелев отнесся с особенным вниманием в деле помощи защите».⁸⁶

В письме Г.В. Чичерина А.М. Лежаве от 2.12.1923 г. об инициативе американских предпринимателей по созданию русско-американской торговой палаты упомянут некий Смит, собравшийся поехать на процесс Конради... Видимо, по «линии» ОГПУ.

«2 декабря 1923 г.

Уважаемый Товарищ,

В принципе можно было бы только приветствовать создание Русско-американской торговой палаты, но нельзя допустить, чтобы это дело захватили в свои руки и дискредитировали, попутно дискредитируя и нас, какие-нибудь мелкие жулики. Надо поэтому навести серьезнейшие справки об инициаторах

* Адвокаты Обер и Шопфер не сразу получили доступ к своим подсудимым... Другое дело, что в камере Конради получал огромное количество писем, цветов... Общественное мнение было на его и Полунина стороне... Жена Конради – Владислава Конради, прибывшая в Лозанну навестить мужа была встречена цветами и была приглашена графиней Д.М. Горчаковой остановиться в ее доме...

этого проекта, а также постараться выяснить, как на этот проект будут реагировать более серьезные элементы. Имевшийся в наших руках список инициаторов не произвел на нас впечатления чего-либо серьезного. Упоминаемое нефтяное общество нам неизвестно, и какие-то деятели из Цинциннати, фигурирующие там же, нам ничего не говорят. Что касается Смита, он приехал в Москву, чтобы говорить о своей поездке на процесс Конради в качестве свидетеля. Если он этим воспользовался, чтобы проталкивать аферу, это также не говорит ни в его пользу, ни в пользу этого предприятия. Мы, со своей стороны, еще снесем по этому поводу с т. Сквирским, а Вам мы весьма рекомендовали бы навести по Вашей линии подробнейшие справки об упоминаемых лицах.

С товарищеским приветом

Чичерин»⁸⁷

21 октября ГПУ опубликовало в «Накануне» выкраденную у Гучкова «Таблицу состояния работы по выполнению программы», содержащую:

«Обзор того, что делается кругами, взявшими на себя защиту убийц Воровского, для подготовки процесса:

1) Террор.

Составление записки С.П. Мельгуновым. Или же свидетельские показания. Подбирается материал Е.Д. Кусковой. Специально по балтийским губерниям готовится записка Ф. Раутенфельда.

Разрабатывается архив Мейнгарта.

Материал будет составлен от Лиги защиты немецкой культуры через Флора.

2) Чека.

Составляется записка Гуревичем. О чека будет говориться в записке Мельгунова»⁸⁸

В Берлине чекистам и «господам из «Накануне» ответила Е.Д. Кускова.⁸⁹ В Варшаве А.В. Арцибашев*.⁹⁰

* Видимо, благодаря Арцибашеву, варшавская «За свободу» оказалась единственной газетой, в которой лозаннский процесс был полностью освещен.

Кускова писала:

«Швейцарский адвокат Aubert обращался с программой вопросов на французском языке к различным лицам с просьбой или выступить свидетелем или собрать материал. <...> Более ста свидетелей пройдут перед судом»⁹¹

3 ноября 1923 г. «Дни» со ссылкой на белградское «Новое время» сообщили:

«...в Париже у Гучкова, которому некоторые общественные круги русской эмиграции поручили защиту Конради, произведена кража документов. Гучков собрал много важных документов о деятельности советских агентов за границей и особенно о роли большевиков на Генуэзской и Лозаннской конференциях. Гучков имел две квартиры в Париже, одну в Берлине. 25 октября дверь взломали и украли портфель с документами защиты Конради. Украдены также дневники Гучкова, в которых он описывал все важные моменты с начала революции»⁹²

Из крупных деятелей прежнего царского режима Гучкову (кроме Владимира Гурко) помогал юрист Владимир Носович. В числе лиц «подготавливающих защиту убийц Воровского» в «Накануне» (кроме Кусковой, Амфитеатрова, Струве, Мельгунова) был назван В.Д. Кузьмин-Караваев...

В пражскую группу Гучкова составлявшую текст «Обвинительного акта» и разрабатывающую показания свидетелей и другие материалы входили известные русские адвокаты: **Михаил Григорьевич Казаринов** – председатель Союза русских адвокатов за границей. В России защищал Сикорского, одного из убийц Плеве в 1904 г. Участвовал в процессе Ольги Штейн.

Ему помогали:

Гурович Я.С.

Слиозберг Генрих Борисович – участвовал в защите Бейлиса.

Тесленко Николай Васильевич – глава Объединения русских адвокатов во Франции.

И другие...

За помощью в сборе финансовых средств Гучков летом 1932 г. обращался к А.В. Тырковой-Вильямс в Лондон.

«Подсчитано, что для всей этой инсценировки требуется до 50 тыс. французских франков»⁹³

В Париже Лодыжинскому помогал сотрудник Кутепова князь **С.Е. Трубецкой***.

5 ноября 1923 г. процесс начался. Три судьи. 9 присяжных. Для оправдательного приговора необходимо четыре голоса присяжных. Гражданские истцы:

От имени вдовы Воровского** – **Франц Вельти**, адвокат из Базеля. Член Швейцарского Федерального Совета. Председатель Швейцарской партии труда.

От имени **Аренса***** – швейцарский депутат **Жак Дикер** – социал-демократ. Ему помогал будущий почетный председатель ШПТ **Жан Венсан**.

От имени **Дивильковского****** – приехавший из Москвы большевик **С.Б. Членов*******.

Советские защитники старались. На их стороне выступил бывший главноначальствующий Таврической губернии, генерал-лейтенант **С.К. Добровольский**, бывший министр иностранных дел в правительстве Колчака и редактор «Накануне» профессор **Ю.В. Ключников*******.

«Анри Барбюс*** из-за болезни не смог приехать, но на суде было оглашено его заявление. Проводя параллель между убийством Воровского и Жана Жореса, знаменитый писатель требовал наказать убийцу, исходя из принципа уважения самой человеческой жизни»⁹⁴**

* Трубецкой Сергей Евгеньевич (1890 Москва – 1949 Кларм) – в Сов. России был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет тюрьмы. Выслан осенью 1922 г. на «философском пароходе» из Петрограда в Штеттин.

** Воровская (ур. Мамутова) Дора Моисеевна (? Одесса – 27.11.1923 Германия) – секретарь сов. посольства в Риме. Умерла в неврологической клинике. Похоронена у Кремлевской стены в Москве.

*** Аренс Иван Львович (Исидор Израилевич) (1889 Млава – 1938 Москва). Корреспондент РОСТА. Ранен Конради в плечо и бедро. В 1937 г. – генконсул в Нью-Йорке. Расстрелян как «нем. шпион».

**** Дивильковский Максим Анатольевич (1904–1941) – член советской делегации на лозаннской конференции. Ранен Конради двумя пулями в грудь. Назван Максимом в честь Максима Горького. Погиб в Московском ополчении.

***** Членов Сергей Борисович (1890 Москва – 1937 Москва). Расстрелян.

***** Ключников Юрий Вениаминович (1886 Казань – 1938 Москва). Расстрелян.

***** С февраля 1923 г. А. Барбюс был членом ФКП.

Для чекистов письмо Барбюс было удачей. В дальнейшем он опубликовал апологию «Сталин» (1935). Книгу о самом Барбюсе написала чекистка с 1926 года, лейтенант ГБ в отставке **Раиса Соболев**⁹⁵...

На третий день процесса друг семьи **Конради Маттли** показал, что дядя Конради расстрелян в Петрограде в сентябре 1918 г. после убийства Володарского в числе сотен других... От истцов выступили: французский коммунист **Ш. Раппопорт***, бывший редактор «Накануне», а ныне красный московский профессор Ключников...

16 ноября на вопрос о виновности пятеро присяжных ответили отрицательно. Четверо – утвердительно.

Чекистская операция «сменовеховцы» до сих пор не исследована. Известно только, что линия журнала «Смена вех» (1921–1922) и газета «Накануне» (1922–1924) определялась Политбюро. Им же и финансировалась.⁹⁶

Первая схватка с западным общественным мнением была проиграна, но с минимальным счетом. Победы были впереди.

Видимо, к началу и в период второй мировой войны Питирим Сорокин тоже стал жертвой «Большого обмана». Иначе трудно понять «потерю лица» до такой степени...

...Дезинформационное бюро (межведомственный орган, в который вошли представители ЦК, РВС, ГПУ, РУ, РККИ, НКВД) было создано по постановлению Политбюро от 11.01.1923 г.⁹⁷

Известный дезинформатор НКВД Эрнст Генри** писал в своей книге «Профессиональный антикоммунизм» почти через 50 лет после процесса в Лозане:

«Выяснились и другие контакты группы Лодыженского – Конради – Полунина. К ее кругу принадлежал, например, бывший представитель царского Красного Креста в Румынии, а затем офицер личного штаба Врангеля – то есть опять-таки человек Климовича – полковник Ильин. В Германии нити тянулись к местной агентуре Климовича, к которой принадлежали такие бывалые черносотенцы, как

* Раппопорт Шарль (1865–1941) – философ, социолог.

** Генри Эрнст (Ростовский Семен Николаевич, Хентов Леонид Абрамович etc. (1904 Тамбов – 1993 Москва) – в 1920–33 чл. КПГ. В 1936–51 в сов. посольстве в Лондоне. С 1951 г. в СССР. Лауреат высшей советской журналистской премии им. Воровского.

Марков 2-й, генерал Бискупский, полковник Винберг, агенты старой охранки Бессонов, Кельчевский и другие. Почти все эти люди поддерживали связь с нацистами, активно действовавшими к тому времени в Мюнхене»⁹⁸

Известен Э. Генри и как вербовщик. Возможно именно он и завербовал в агенты НКВД дочь А.И. Гучкова – Веру Гучкову-Трэйл... Официально считается, что она начала работать на ИНО ОГПУ в 1932 г.⁹⁹

Несколько лет спустя после Э. Генри другой советский автор, Л.К. Шкаренков, продолжил чекистскую «традицию», публикации писем, начатую в «Накануне»:

«Вскоре после окончания этого процесса тот же Гучков в письме Питириму Сорокину с предельной откровенностью делился планами организации новых террористических акций. «Никогда еще в истории вообще, и, в частности, в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России»*. Гучков утверждал, что работа в этом направлении ведется, и ведется настойчиво».

Возможно, и у Амфитеатрова не случайно возникла «неприятность», о которой он писал 31.10.1923 г. из Леванто Б.В. Савинкову:

«У меня большая неприятность: при переезде в наше новое жилище на villa Lagore исчезли, т.е. разрознились комплексы «Руля», «Н[овой] русской жизни» и «За Свободу», и, таким образом, я лишен возможности послать Гучкову обещанный печатный материал (подбор моих статей о советских тюрьмах, школе и печати) для защиты Конради. Кстати, об этом деле: читали Вы ответ Кусковой на вызывающий донос «Накануне»? На меня он произвел очень жалкое впечатление «вертячего боба». Вообще... черт их с Прокоповичем и еще некоторыми разберет, за что большевики их выслали из**

* Письмо Гучкова – Сорокину от 4.04.1924 г.

** Пособничество белому террору? Ждем ответа! // Накануне. 1923. 21 октября.

своей Совдепии! Разве только по глупости и черной неблагодарности...»¹⁰¹

В 2008 г. в книге военного историка А.С. Гаспаряна круг «организаторов убийства Воровского» пополнился еще: Гаспарян цитирует донесение агента ГПУ от 21.05.1923 г. в Москву.

«Виновники убийства Воровского генералы Туркул и Кутепов. Капитан Конради – дроздовец, был в Галлиполи, у Туркула он был командиром конвоя. Перед убийством за 2 дня Туркул от Конради получил письмо. Об этом Конради с Туркулом давно переписывались и готовились убить Чичерина, на что Конради потребовал от Туркула 1000 швейцарских франков. В это дело был посвящен Кутепов, каковые деньги и были отпущены Туркулом для Конради»¹⁰²

Гаспарян недоумевает:

«Откуда у генерала такая крупная сумма денег? Почему Туркул, хвастовство которого был притчей во языцех в русской эмиграции, никогда и никому об этом не говорил? Почему в материалах суда над Конради и Полуниным фамилия Туркула не фигурирует как заказчика убийства? Почему генерал Кутепов, возглавлявший боевую организацию, никогда не приводил меткий выстрел Мориса Конради в качестве примера, как надо карать лидеров большевиков? Почему капитан Ларионов, рупор активной борьбы с большевиками, составив своеобразный «синодик», не включил в него дроздовского штабс-капитана?»¹⁰³

Генри, Шкаренков, Гаспарян... Пишут о «нацистах», но почему-то не упомянут белый вождь – Антон Иванович Деникин...

И.С. Шмелев, завершая свои показания, писал:

«Я не могу добиться у советской власти суда над убийцами. Потому что советская власть – те же убийцы. И вот я считаю долгом совести явиться

свидетелем хотя бы ничтожной части великого избиения России, пред судом свободных граждан Швейцарии. Клянусь, что в моих словах все истина»¹⁰⁴

Вскоре после окончания процесса в Лозанне Обер создал и возглавил международную «Лигу по борьбе с III Интернационалом»*

4–11 апреля 1926 г. в Париже на Русском Зарубежном Съезде об Обере говорили: Вл. Гурко, А.С. Трепов (в 1922 г. он сам предлагал испанскому королю создать международную антикоммунистическую организацию) Юрий Лодыженский сказал:

«Был сделан практический вывод: необходимо создать ряд антибольшевистских центров как в Европе, так и на Востоке. Лига, таким образом, работает на международном плацдарме. Она стремится создать международное антибольшевистское движение, которое имеет и практическое значение, и моральное основание. На всей ее деятельности отпечатался дух ее инициатора, организатора и вдохновителя – швейцарского адвоката Теодора Обера. (Аплодисменты) В чем же может выразиться участие русских в этом деле? В первый раз от сотворения мира приходится видеть такую концентрацию зла, какую дает большевизм. Мы должны черпать утешение в том, что рассеяние, в котором мы находимся, не случайно. Мы должны поведать народам всех стран зло большевизма. Вот миссия русской эмиграции. В этой миссии каждый чувствует свою ответственность и свой долг. (Аплодисменты) С каждым месяцем увеличивается число работников Лиги. Единство в действии – это факт, который не подлежит сомнению. Когда наступит момент, все встанут как один, в едином действии, всесокрушимо. (Аплодисменты)

Оратор предлагает собранию почтить вставанием память всех погибших в борьбе с большевизмом. (Аплодисменты. Голоса: «Послать приветствие Оберу»)

Председатель приглашает собрание выполнить предложение (все встают) и сообщает, что приветствие г-ну Теодору Оберу будет послано...»¹⁰⁵

* Entenete Internationale Anticomuniste (E.I.A.) (1924–1950) – учреждена 23.06.1924 г. в Париже.

История «Лиги Обера», участие в ней П.А. Сорокина остается одним из многочисленных неисследованных вопросов.*

Также как и связи Питирима Сорокина с Чехословакией. С **Масариком** он был знаком еще по России. Приехавший тогда в Петроград Масарик жил с мая 1917 г. по март 1918 г. на Морской.

Мог быть знаком Сорокин и с **К. Крамаржем** и **В. Клофачом** приезжавшими в Россию до революции...

Богдан Павлу редактировал в Петрограде газету «Чехословак» (1915–1916)...

Йиржи Клецанда** с 1909 г. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Одновременно работал в Словацком отделе Библиотеки Академии Наук. Был избран секретарем Чешского вспомогательного общества. После создания в феврале 1915 г. общероссийского Союза чешско-словацких обществ стал его секретарем... Когда Масарик в 1917 г. прибыл в Петроград Клецанда стал одним из основных его помощников. Когда было создано российское отделение Чешско-словацкого Национального Совета, Клецанда – генеральный секретарь этого Отделения. Разместилось оно на Надеждинской 36. Сорокин жил на Надеждинской 40. После отъезда Масарика именно Клецанда вел переговоры с сов. правительством, встречался с Троцким.. Ю.И. Клецанда умер «неожиданно»...¹⁰⁶

В советской пропаганде его имя десятилетиями упоминалось в качестве злейшего врага. Началось с приговора Б.В. Савинкову Военной коллегии ВС СССР от 20.08.1924 г.:

«Весной 1918 г., получив от чехословацкого политического деятеля Масарика через некоего Клецанду 200 тысяч рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за В.И. Лениным и другими членами Советского правительства, но совершить террористические акты ему не удалось по причинам, от него не зависящим»¹⁰⁷

* 11 ящиков с архивом Юрия Лодыженского находятся в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Кроме А. Сенна убийство Воровского исследовала в 1970-х швейцарский историк Анетта Гаттикер.

** Клецанда Юрий Иванович (1890–1918 Омск). Его архив в СПб в РГИА. Фонд 863 (Ю.Н. Клецанда). 114 дел (1900–1917).

Когда Сорокин был арестован ЧК в январе 1918 г. молодая жена вполне могла обращаться к Клецанде за помощью...

...В 1964 г. в Мадриде были опубликованы воспоминания князя П.Д. Долгорукова*. Описывая свое пребывание в качестве арестанта ЧК в Петропавловской крепости он несколько раз упоминает П.А. Сорокина:

«Но 2 января нас ожидала и радость. Когда меня вызвали на прогулку, то торопили, чтобы я не задерживался, так как буду гулять с другими. Шингарев, сияющий, уже ждал меня в коридоре. Потом к нам присоединились Кокошкин, В.А. Степанов, который был заключен сравнительно на короткое время, с.-р. Авксентьев, Аргунов и н.-с. Питирим Сорокин. В этой компании мы и гуляли все пять дней до 6 января по два раза в день и уже по полчаса»¹⁰⁸

<...>

«6 января мне удалось видаться с Шингаревым три раза, причем за обедней – в течение двух часов. Нам в первый раз разрешили идти в церковь, и накануне еще мы решили воспользоваться этим. Но Кокошкин не пошел, так как была страшная метель. Нас пошло девять человек: я, Аргунов, Сорокин, Сухомлинов, Щегловитов и министры Временного правительства – Шингарев, Карташов, Терещенко и Бернацкий. В первый раз мы вышли за ограду бастиона и в сопровождении нескольких солдат по глубокому снегу прошли в Петропавловский собор.

Нас поставили близ гробницы Петра I, и мы свободно разговаривали друг с другом. К Сухомлинову и Щегловитову подошли их жены, которые простояли с нами всю обедню. Они, как уже давнишние узники, использовали свой тюремный опыт для такого свидания. Я стоял с Шингаревым и Карташовым, который объяснял нам службу и называл композиторов песнопений. Пел очень хороший хор. Священник произнес проповедь против насилия и мести, имея, очевидно, в виду гарнизон. Из тысячного гарнизона было два-три десятка солдат.

* Долгоруков Павел Дмитриевич (1866 Царское Село – 10.06.1927 Москва?). Арестован в Харькове. Расстрелян. Его архив в ГАРФ. Ф. 735(16 дел). Ф.Р-5898(67 дел за 1917–1942).

Более уже нас в церковь не водили, как нам объяснили надзиратели, из-за опасения все того же гарнизона, который был против всяких поправок нам и особенно был враждебно настроен против Сухомлинова.

За прогулкой мы обсуждали вчерашний разгон Учредительного собрания».¹⁰⁹

<...>

«...меня перевели в министерский коридор, где сидели Терещенко, Бернацкий, Кишкин, Авксентьев, Аргунов, П. Сорокин, Рутенберг (убийца Гапона). Третьякова, Карташова, Бурцева и других перевели, кого – в Кресты, кого – в лечебницу».¹¹⁰

<...>

«У нас в коридоре образовалась коммуна <...> Душой общества был Авксентьев. Он оказался милым и веселым социалистом-революционером, отлично рассказывал армянские и еврейские анекдоты, пел куплеты. Он очень выигрывал в тюремной обстановке. Социалисты-революционеры были привычны к тюрьме. Аргунов, производивший серьезное впечатление, ухитрился как-то уже при большевиках в столь короткое время быть арестованным в третий раз. Всего в России и в Сибири он сидел восемнадцать раз.

Молодой Питирим Сорокин, оставленный при университете приват-доцент, был арестован сейчас же после свадьбы. К нему на свидание приходила совсем молодая хорошенькая жена.

У нас образовался даже хор.»¹¹¹

...Максим Ковалевский пишет, что когда в России началось неославянское движение, вызванное приездом Крамаржа, то:

«...первое заседание сторонников сближения славян между собой, их культурной взаимности последовало у меня на дому (Моховая 32, Петербург)»¹¹²

Сорокин мог знать Крамаржа, хотя бы как секретарь Ковалевского...

Йиржи Горака знал безусловно:

«Одним из тягостных последствий Первой мировой войны и большевистского переворота был голод. Возникший тогда чехословацкий Комитет помощи русским ученым отправил нуждающимся научным работникам Петрограда шесть вагонов с пищевыми припасами. Сопроводил и передал их по назначению выдающийся исследователь – славист, этнограф, фольклорист, профессор Карлова университета (Прага), будущий академик и чехословацкий посол в Москве (1945–1948) Йиржи Горак (1884–1975). На берегах Невы он установил связи с петроградскими учеными, договорился с ними об обмене научными публикациями. Возвратясь в Прагу, Й. Горак обнародовал несколько статей о своем 17-дневном пребывании (1921) среди петроградцев, организовал посылку собранных по всей чехословацкой республике книг в научные библиотеки Российской Федерации, а затем обеспечил финансовую помощь тамошним бедствующим деятелям науки».¹¹³

Сорокин в «Дальней дороге» пишет:

«На четвертый день пребывания в Берлине я получил из чехословацкого посольства приглашение от моего друга доктора Масарика, президента Чехословацкой Республики, приехать в Прагу в качестве официальных гостей страны. Следующим же вечером мы уже обедали с президентом, его женой доктором Алисой Масарик* и госсекретарем доктором Бенешем в великолепном дворце, где жила семья президента. Несмотря на свое высокое положение, этот великий человек, ученый и государственный деятель оставался столь же искренним и естественным в своих манерах, как и раньше, когда сам был скромным эмигрантом. За обедом мы обменялись мнениями о ситуации в России и затем, во время кофе, он улыбаясь спросил, есть

* Масарик Алиса Гаррик (1879–1966) – старшая дочь Масарика. Доктор философии, представительница Чехословацкого Красного Креста. Жена Масарика – Шарлотта Масарик (1850 Бруклин – 1923). Масарик познакомился с ней в Лейпциге, где учился в университете. Обвенчались в Нью-Йорке в 1878 г. Перевела на чешский язык книгу Милля «Подчинение женщины». («Дни» 18.05.1923. Сообщение о смерти Шарлотты Масарик. За давностью лет, вероятно, Сорокин спутал имена.

ли у меня деньги. Я ответил, что еще осталось несколько тысяч ничего не стоящих немецких марок и небольшое количество рублей (все вместе это составляло около двух долларов).

– Не хотите ли вы почитать лекции в нашем университете Шарля? – спросил он.

– Не думаю, что я в хорошей форме после стольких лет жизни в кровавом российском сумасшедшем доме. Если возможно, я бы хотел, чтобы мне дали какое-то время привести мозги в порядок.

– Тогда мы организуем вам специальную стипендию, как и другим русским ученым.

Так, в изящной форме, была решена прозаическая проблема наших с женой средств существования».¹¹⁴

...В 1925–1932 гг. в Москве были опубликованы идентичные по содержанию 2 и 3 Собрание сочинений Ленина. В словаре-указателе имен к XXIII-му тому (1931) о Сорокине сказано:

«Сорокин, П.А. (р. 1889) – эсер, до революции был приват-доцентом Петроградского университета. В 1917 г. был членом Воронежского* совета крестьянских депутатов и редактором газеты «Воля Народа». В ноябре 1918 г. заявил письмом в редакцию «Известий Северо-Двинского Исполнительного Комитета» о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении звания члена Учредительного собрания. В 1919–21 гг. был преподавателем псевдо-научной «социологии» в Петроградском университете и других вузах. В 1922 г. был выслан за границу вместе с другими профессорами, проводившими в своей учебной деятельности контр-революционные тенденции. Находится в настоящее время в Праге и читает лекции в Пражском университете».¹¹⁵

Сразу за Сорокиным следует один из многочисленных гонителей – Л.С. Сосновский, который:

«В 1927 г. исключен XV съездом ВКП(б) за принадлежность к троцкистской оппозиции»¹¹⁶

* Правильно – Вологодского.

К 1931 г. Сорокин уже отработал «шесть счастливых лет» в университете Миннесоты и возглавлял факультет социологии в Гарварде...

В 1932 г. вышел XXVII-й том Сочинений Ленина:

«Сорокин П.А. (р. 1889) – бывший приват-доцент Петербургского университета, правый эс-эр, один из деятелей Исполнительного Комитета I Крестьянского Съезда в 1917 г., член Учредительного Собрания. В конце 1918 г. признал открыто ошибочность своей политики и заявил о своем выходе из партии эс-эров и отказе «от всякой политики», после чего был преподавателем Петербургского университета и др. вузов. В 1922 г. был выслан за границу вместе с другими профессорами, проводившими контр-революционные тенденции в своей учебной деятельности. Читал лекции в Пражском университете; в настоящее время живет в Америке. Автор ряда работ по социологии («Преступление и кара, подвиг и награда», «Система социологии» и др.), разработанных в псевдо-научном, идеалистическом духе. См. о нем статью В.И. Ленина «Ценные признание Питирима Сорокина» (Сочинения. т. XXIII).¹¹⁷

О встрече с Масариком в мае 1917 г. в Петрограде Сорокин писал в своем дневнике:

«Сегодня профессор Масарик из Праги посетил меня в редакции. Разговаривать с этим рациональным, интеллигентным, серьезным и широкомыслящим человеком было одно удовольствие.

Мы обсуждали чешскую проблему, о которой мне доводилось писать. Без сомнения, с такими руководителями, как Масарик, Чехословакия завоюет свою независимость. В «Воле народа» мы поддерживали ее в этом».¹¹⁸

Когда-то Масарик помог Ковалевскому освободиться из австрийского плена:

«Первая мировая война застигнет М.М. Ковалевского в Карлсбаде, куда он приезжал на лечение. Австро-венгерская полиция арестует подданного

вражеского государства, но Масарик, употребив свой научный и политический авторитет, вызовет из беды русского коллегу и благожелателя»¹¹⁹

Ленин в 1917 г. в самозащите от «погромной агитации господ Милюковых, Амфитеатровых, Плехановых и компании» этот обмен Ковалевского на австрийца использовал не раз...¹²⁰

...Много написано и даже снят франко-западногерманский фильм «Поезд» (1987) с Беном Кингсли в роли Ленина...

История «Философского поезда» Москва–Рига не менее кинематографична...

«Времена тогда шли быстро, а поезда ходили медленно. До Риги мы ехали долго, можно было многое передумать. <...> Когда наконец мы доползли до Себежа...»¹²¹

Это Илья Эренбург. 1921-й год.

Нина Берберова. Тот же 1921-й:

«В товарном вагоне, в котором нас перевозили в Себеже Ходасевич сказал мне, что у него есть неоконченное стихотворение и там такие строки:

- " -

*Вам под ярмо подставить выю
И жить в изгнании, в тоске,
А я с собой мою Россию
В дорожном уношу мешке...*

Вокруг нас по полу товарного вагона лежали наши дорожные мешки. Да там был и его Пушкин, конечно, – все восемь томов».¹²²

Для Ходасевича Россия была только Пушкиным. Для Берберовой Россия:

«...вообще лежала вне литературных категорий, как лежит и сейчас, но в категориях исторических, если под историей понимать не только прошлое и настоящее, но и будущее».¹²³

Иван Савицкий*, называя Прагу времен «Русской акции» (1919–1928) «русским Оксфордом», пишет:

«...именно благодаря этому периоду Прага навсегда вписалась в историю русской послереволюционной эмиграции»¹²⁴

И заканчивает статью именем Сорокина:

«Из русских «пражан» наиболее видным является, несомненно, П.А. Сорокин. В Прагу он приехал как личный гость президента, оклад его был заметно выше среднего для русских профессоров в Праге. Он включился в эмигрантскую жизнь, немало печатался в эмигрантских изданиях и, главное, отдыхал душой после перипетий пятилетнего пребывания в Советском Союзе. И тем не менее он покинул Чехословакию менее, чем через год, получив место в США. С собой он вывез, по собственным воспоминаниям, почти все основные идеи работ последующих лет. В частности, почти законченную рукопись «Социология революции», которая открыла ему дорогу (после издания на английском языке) к вершинам американской социологии. В этом смысле Сорокин может быть прототипом ученого, блестяще представляющего науку на особенно близких ей темах и в сотрудничестве с эмигрантами на мировом поприще.

Прага заняла совершенно уникальное место в русском рассеянии с конца 1921 по 1926/7 гг. Срок для всемирной истории ничтожный, для национальной – в спокойные периоды – едва заметный. Но в периоды войн и революций – вполне достаточный, чтобы драма была разыграна с начала и до конца, во всяком случае в наш бурный, быстротекший век».¹²⁵

Через 20 лет после начала «бума» под названием «История и культура русской эмиграции» Сорокин, наконец, удостоен упоминания... И даже назван **«наиболее видным»**. Это правильно.

* Савицкий Иван Петрович – историк. Сын известного евразийца и сотрудника «пражской артели» Питирима Сорокина.

Неправильно то, что Сорокин отнесен к той группе русских эмигрантов, которая отказывалась:

«...от употребления русского языка и целенаправленной работы по воспитанию русской молодежи в эмиграции».¹²⁶

«Воспитанию русской молодежи» посвящена брошюра Сорокина «Популярные очерки социальной педагогики и политики» (Ужгород. 1923), множество статей...¹²⁷

Сорокин пишет:

«В Праге я подружился накоротке со многими выдающимися русскими учеными – например, Петром Струве, Н. Лосским, И. Лапшиным, П. Новгородцевым, Е. Зубашевым и многими известными писателями, поэтами и музыкантами».

«Патриарх» темы Н.А. Струве на мой вопрос о Питириме Сорокине (в Москве в 2000 г. в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье») ответил:

«О Питириме Сорокине знаю только то, что до конца жизни танцевал на эмигрантских балах»

§3.

Письмо А.И. Гучкова П.А. Сорокину от 4.04.1924

Тот Питирим Сорокин, которого мы знаем и любим много сделал для свержения власти «коммунистических головотяпов». И интеллектуально и практически.

В Московском ГАРФе сохранилось письмо к нему А.И. Гучкова бывшего председателя Третьей Государственной Думы, военно-морского министра Временного правительства, крупнейшего промышленника, одним из первых давший деньги генералам Алексееву и Деникину на формирование Добровольческой армии:

«Многоуважаемый Питирим Александрович, пишу из Берлина, куда случайно и на время заехал. Пишу в ответ на Ваше письмо от 9 марта. В ближайшее время возвращаюсь в Париж. Продолжайте писать туда. <...>

То, что Вы успели сделать в Америке за короткий срок Вашего пребывания там, поистине, колоссально. Если бы каждый из нас в своей специальной области сделал то же самое, то тот камень, который могильной плитой лежит, на нашем отечестве, уже давно пришел бы в движение. Честь Вам и слава! <...>

Лозаннский процесс кончился вполне благополучно. <...> Сильное впечатление было произведено, по свидетельству очевидцев, на присяжных заседателей и на публику Вашими показаниями. Оно было целиком воспроизведено во многих швейцарских газетах. Разумеется оно целиком войдет в предполагаемое издание.*

Вы спрашиваете, что нового из России? По всем сведениям оттуда, можно твердо установить, что советская власть идет неуклонно к крушению. <...>

Поэтому, никогда еще в истории вообще, и в частности в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России.

* В «Архиве Русской Революции» и отдельным изданием.

Работа в этом направлении ведется, ведется настойчиво. Но скромные результаты этой работы и незначительный результат ее объясняется тем, что на иную постановку дела нет средств. Можно в сущности сказать, что если было бы возможно располагать крупными средствами, этот метод борьбы дал бы весьма ощутительные результаты.

Если Вы, глубокоуважаемый Питирим Александрович согласны с моей оценкой внутреннего положения России и разделяете мою точку зрения на методы борьбы за освобождение нашего отечества, то Вы могли бы оказать нашему делу громадную услугу, использовав те многочисленные щупальцы, какими Вы, видимо, росли в американскую среду.

Необходимо выяснить, можно ли найти в Америке таких лиц и такие организации, которые готовы были бы оказать нам помощь в нашей боевой работе?

Я не решаюсь просить Вас взять на себя ведение переговоров на эту тему. Вас и Вашу миссию не следует компрометировать связью с таким делом. Придется послать с этой целью специальное лицо, близко знакомое с предстоящей работой и поставленной задачей.

Но Вы, как никто, можете на основании Ваших общих впечатлений сказать, имеются ли шансы на сочувствие и содействие данному делу? Если Вы придете к положительному результату, то не откажите несколько ближе определить, на какие лица и на какие круги можно было бы рассчитывать. Я не думаю, чтобы мой вопрос застал Вас врасплох. Я убежден, что если Вы даже не ставили Вашим американским собеседникам прямых и определенных вопросов на эту тему, то молчаливо и незаметно Вы расценивали каждого из них с точки зрения его готовности оказать активную помощь в борьбе за освобождение России.

Поэтому мне кажется, что Вы будете в состоянии в ближайшее время не производя какой-либо специальной разведки, дать мне хотя бы общий, но определенный ответ.

Если окажутся, хоть некоторые, хоть слабые шансы на успех, было бы грешно их не использовать.

Мне не приходится, разумеется, напоминать Вам, какой абсолютной тайной должно быть окружено это дело. Если бы наши противники узнали, что работа ведется, в этом направлении, они усугубили бы свою бдительность...»¹²⁸

Глава 2.

Миннеаполис 1924–1930

§1. Переписка с С. Харпером (1923–1930)

Основная роль в организации приезда в США принадлежит профессору Висконсинского университета Эдварду Россу. Это видно из его обширной переписки с Сорокиным.

Уроженец Среднего Запада, т.е. глубокой американской провинции, Росс был сиротой. Старше Сорокина на 23 года. Росс одна из самых динамичных фигур американской социологии. Много ездил по миру. В Индии встречался с Ганди. В России с Троцким. О Советской России написал три книги. И за короткий срок: «Россия на перевале» (1918), «Русская большевистская революция» (1921), «Русская советская республика» (1923). Написаны они с левых позиций...

В университете Висконсина с 1920-го года преподавал академик М. Ростовцев. Он и сообщил в конце декабря 1922 г. Сорокину в Прагу о готовности Росса помочь Сорокину в приезде в США.

Ведущую роль в американской социологии играл в то время, созданный в 1892 году Альбионом Смоллом, факультет социологии Чикагского университета. Смолл поддержал Росса и обратился к президенту университета Бартону... Но в письме к Россу от 14 марта 1923 г. писал:

«Я не могу поверить, что русский профессор социологии сможет найти будущее здесь, и мне кажется, жестоко давать какую-либо надежду предположению, что он может требоваться в американском университете».¹

4 августа 1923 года сам Росс писал Сорокину, что все попытки организовать приглашение Сорокина в американские 4–5 университетов (помимо Висконсинского), чтобы он смог провести по месяцу в каждом, ни к чему не привели.²

Кроме приглашения в Висконсин Сорокин смог получить приглашение от профессора Эдварда Хейса в Иллинойский университет в Урбана-Шампейн. Лекции Сорокина о

русской революции в Мэдисоне и Урбана планировались на январь 1924 года...

3 ноября 1923 года Сорокин прибыл из Европы в Бостон. 5 ноября он пишет письмо президенту Вассар Колледжа (Покипси, штат Нью-Йорк) Генри Мак-Кракену:

«Я русский профессор Сорокин, который имел честь встречаться с Вами в Праге. < > Я бы хотел быть здесь не только 4–5 месяцев, но дольше, до времени моего возможного возвращения в Россию. Я обращаюсь к Вам с величайшей просьбой, за которую извиняюсь. Нельзя ли найти мне научную работу по моей специальности (социология и психология), которая даст мне возможность быть в США».³

В ответном письме Мак-Кракен предложил Сорокину прочитать в Вассар Колледже несколько лекций о России... Насчет получения позиций в США, **«достойных Вашей репутации и способностей»** дал совет обратиться к директору Института международного образования Стивену Даггану...

9 ноября Сорокин имел с Дагганом **«обнадеживающую»** встречу.

15 ноября Сорокин побывал в Вассар Колледже. Основанный в 1861 году в маленьком городке Покипси в 75 милях от Нью-Йорка на реке Гудзон, этот колледж и доныне один из лучших в США...

Вернувшись из Вассара в Нью-Йорк Сорокин писал Мак-Кракену:

«Минувшее воскресенье в Вассар Колледже стало одним из лучших дней моей жизни...»

Первый американский адрес Сорокина – 145 Вест, 84-ая стрит, Нью-Йорк. Апартаменты эти помог ему найти Алексей Вирен*, глава Русского студенческого фонда...

* Вирен (Alexis R. Wiren) фон, Алексей Робертович (1897 – 28.08.1975) Окдейл на Лонг-Айленде шт. Нью-Йорк). Сын убитого большевиками адмирала. В США с 1917 г. Основатель Русского студенческого фонда (1920–1945). Один из основателей и директоров Толстовского фонда. Филантроп. В 1941 г. финансово поддержал Д.С. фон Мореншильда, предпринявшего издание «The Russian Review».

В эти первые дни в Нью-Йорке Сорокину удалось заключить контракт с издательством «Э.П. Даггон энд Компани» на книгу «Листы из русского дневника».

В конце ноября Сорокин вновь уезжает в Вассар...

Ещё один контакт Сорокина – профессор Самуэл Харпер из Чикагского университета. Их переписка охватывает период 1923–1930 годов...

№1

347 Madison ave.

Y.M.C.A.

Mr. Viren, for prof. P. Sorokin.

New-York city.

12 ноября 1923

Дорогой профессор Харпер:

Имея рекомендательное письмо А. Гучкова, осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой: нельзя ли устроить в Университете Чикаго курс моих лекций на темы: «Состояние дел в современной России», или «Социология революции», или «Социология насильственного коммунизма». Я являюсь ведущим профессором социологии в Университете Петрограда и вице-президентом Русского Социологического общества, автором многих крупных трудов: «Преступление и наказание» (1914 г.), 1 и 2 тома, «Система социологии», «Общая теория права», «Основы социологии», «Современное положение России», «Голод как фактор», и, наконец, «Социология революции». Почти все эти книги были изданы на русском языке в годы войны и революции. Некоторые из них сейчас переводятся на французский, немецкий, чешский языки. «Социология революции» была принята профессором Э. Хейсом для издания в серии социологических работ, которую он редактирует. О «Современном положении в России» доктор Мак-Кракен написал положительную рецензию в «Нью-Йорк Пост ивнинг».

Я жил в России до конца 1922 года, когда вместе с другими крупными русскими учеными был выдворен советским правительством. Я приехал сюда, чтобы прочесть курс лекции в Университетах Висконсина

и Урбана. Может быть, Университет Чикаго сочтет нужным организовать мои лекции тоже.

В ноябре и декабре я буду жить в колледже Вассар (благодаря любезному предложению президента Мак-Кракена) и собираюсь заняться своим английским. В январе и феврале я планирую читать свой курс в Висконсине и Иллинойсе. Вы меня очень обяжете, ответив на письмо. Прошу извинить за недостаточно хороший английский язык и за беспокойство.

Искренне Ваш
Профессор П. Сорокин.⁴

№2

Чикаго, 23 ноября 1923 г.

Дорогой профессор Питирим:

Я был очень рад получить от Вас известие и особенно письмо Александра Гучкова. Я уже слышал, что Вы собирались приехать в Америку.

Здесь, в Университете Чикаго система работы несколько отличается от других учебных заведений, Мы ориентируем студента на три предмета, по которым проводятся лекции, семинары или классная работа в течение 4–5 часов каждую неделю. Поэтому студент должен придерживаться жесткого расписания Б подготовке изо дня в день, в течение периода нашей более короткой «четверти» продолжительностью 10 недель каждая. Такая организация означает, что курсы сверх плана, пусть и более короткие, невозможно включить в расписание, отличие от других учебных заведений. Кроме того, здесь, в большом городе, предлагающем много посторонних занятий, мы считаем невозможным заставлять студентов посещать сверхплановые лекции, что легко сделать в более малых сообществах, где возможности появления таких курсов ограничены. По этим причинам мы вынуждены придерживаться политики отказа от сверхплановых, кратких курсов лекций, кроме летней четверти, когда наша программа немного меняется и позволяет это.

Однако, я обсудил проблему с социологами, и они будут рады устроить одну лекцию на тему «Социо-

логия революции», за которую Университет платит 100 долларов. Мне хочется, чтобы можно было бы устроить более длинный курс, такой, как Вы читаете в Медисоне и Урбана. Наша зимняя четверть начинается 3 января. Не советую начинать Вашу лекцию ранее второй недели. Если Вы к этому времени уже будете в Урбана, Вы сможете заехать к нам по дороге в Висконсин. В любом случае, нам хотелось бы получить от Вас подтверждение за две недели о дате Вашей лекции с тем, чтобы включить ее в расписание Наряду с другими общими лекциями. Как я понимаю, Чикагский Совет по зарубежным отношениям приглашает Зензинова в Чикаго в январе или феврале, если нет, хочу предложить Вам связаться с этой организацией, чтобы устроить здесь, в Чикаго, еще одну лекцию. Возможно, Городской Клуб будет полезным, и я буду рад представить Ваше дело их вниманию, если Вы согласны выступить у них. Это местная организация, и может выплачивать выступающим лишь незначительную сумму. Я полагаю, Ваше приглашение в Медисон поступило через Э. Росса, Я не читал его последнюю книгу о России, но, надеюсь, она немного основательнее предыдущих. Мне бы очень хотелось знать, что Вы о ней думаете.

Искренне Ваш,
Самуэль Харпер.

№3

Вассар Колледж,
Покипси, Нью Йорк,

29 ноября 1923 г.

Дорогой профессор Харпер:

Искренне благодарю за Ваше доброе письмо и Вашу готовность помочь мне устроить мои лекция. Разумеется, я готов прочесть одну лекцию, предлагаемую Университетом, если тема ее будет позволять такую краткость. К сожалению, «Социология революции» настолько сложная тема, что в одной лекции я смогу дать лишь голую и сухую схему без научных доказательств и подробностей, что вряд ли будет интересно и ценно с научной точки зрения.

Чтобы дать более менее удовлетворительный анализ революции требуется минимум 4–5 лекций. Поэтому я не могу воспользоваться этим любезным предложением. Вместо общей теории революции я могу предложить для одной лекции какую-либо отдельную проблему революции, например, «Влияние революции на биологическую основу» населения, на жизненно важные процессы, характер революционного отбора» или «Влияние революции на политическую структуру общества (Революция и государственность), или «Влияние революций на семейную жизнь и половое поведение» и т.д. ЕСЛИ мое предложение устраивает Университет, я готов прочесть одну из этих лекций.

Что касается даты, для меня удобны или начало февраля или 12–17 марта, то есть, до или после моих лекций в Городском Клубе или в Чикагском Совете зарубежных отношений. Конечно, и для меня, и для той миссии, ради которой я приехал в эту страну, это было бы и прекрасно. Думаю, что лекции Зензимова и мои будут значительно отличаться друг от друга. Мои лекции, касающиеся России, будут также отличаться от того, что я писал в своей небольшой книге о России. Ее я писал с определенной «пропагандистской» целью для русских. К тем же вопросам, безусловно, необходимо подходить иначе перед американской аудиторией в чисто научной лекции.

Я уже прочел последнюю книгу профессора Росса. В ней много верных замечаний и общих выводов. В то же время, разумеется, есть и много ошибок, иногда очень значительных. Думаю, за немногим исключением (например, статьи в лондонском «Таймсе»*, появившиеся этим летом) большинство иностранцев, пишущих о России, едва ли могут избежать ошибок. Даже русские, покинувшие Россию в 1917–19 гг., даже они часто неверно понимают сегодняшнюю ситуацию в нашей стране.

Извиняясь за беспокойство, прошу не отказать мне и ответить на мои вопросы. Буду Вам очень признателен. А также прошу извинить за стиль моего английского и ошибки. Помимо моих лек-

* Вероятно, статьи Гарольда Вильямса

ций, мне бы хотелось увидеться с Вами и обсудить некоторые русские проблемы, как с человеком, глубоко понимающим ситуацию в России. Поэтому, если Вы приедете в Нью-Йорк, я буду очень рад увидеться с Вами.

Очень искренне Ваш
П. Сорокин

№4

Чикаго, 21 декабря 1923г.

Дорогой проф. Сорокин:

Пожалуйста, извините за задержку с ответом на Ваше письмо, полученное несколько недель назад. Было немного сложно закончить здесь всю подготовку. Наши весенние каникулы как раз приходятся на 12–17 марта, поэтому для нас будет удобной вторая предложенная Вами дата, а именно 1 февраля. Что касается названия, Вы совершенно правы, что лекция должна быть посвящена определенному аспекту, как я полагал в любом случае. Посоветовавшись здесь с коллегами-социологами, мы решили, что нам подойдет тема «Влияние революции на семью и мораль». Вы заметили, что я слегка изменил слова, с тем, чтобы название более соответствовало принятой здесь терминологии, заменив «половое поведение» на «мораль». Верю, что Вы поймете и примете эту замену.

Теперь, если Вы назначите дату или назовете просто день недели, кроме субботы, я закончу здесь подготовку. Затем я свяжусь с гор. Клубом и узнаю, не захотят ли они устроить после ланча беседу по какому-либо аспекту революции. Далее я свяжусь с Северо-Западным ун-том и узнаю, не захотят ли они пригласить Вас прочесть лекцию там. Это будет означать 2-дневное пребывание в Чикаго. Наша лекция будет во второй половине дня, в 4.30, и я планирую Вашу встречу с десятком людей, интересующихся здесь русскими проблемами. Вы сможете выступить в гор. Клубе в тот же день, а в Сев.-Зап. ун-те на следующий день. Я заметил, что не очень хорошо Вы дополняете друг друга с Зензиновым,

который будет выступать где-то в конце января в Совете заруб. сношений.

Мне пришло в голову, что Вас может заинтересовать следующее; Социологической Ассоциации было сделано предложение, его будут обсуждать на рождественской встрече; провести или по крайней мере поддержать исследование газетных репортажей и госуд. источников информации о событиях русской революции.

Предложение, как я понимаю, поступило от г-на Джерома Дэвиса*, которого особенно интересует Россия в последние годы, и который склонен принимать без особой критики заявления большевиков о своих целях и даже достижениях.

Я не могу представить более сложный объект, чем русская революция, для изучения по газетам или из госуд. источников получения информации. И я склонен верить, что это предложение содержит в себе элемент пропаганды. Если Вашему вниманию будет представлен этот вопрос, я считаю, полезным, если Вы узнаете о нем заранее. Я думаю, предложение почти принято, почти решено, кто поведет исследование, и если меня правильно информировали, этот человек не знает ни русского языка, ни России.

Завтра я еду в Вашингтон на 10 дней, но буду дома 2 января и надеюсь получить от Вас известие с точной датой Вашей лекции.

Искр. Ваш
Самуэль Харпер

№5

Вассар Колледж,
Покипси, Нью-Йорк

25 декабря 1923.

Дорогой проф. Харпер:

Искренне благодарю Вас за доброе письмо и все, что Вы сделали для меня. Тема лекции, предложенная Вами, меня вполне устраивает, время –

* Дэвис Джером (1891–1979) – профессор социологии Йельского университета. В 1916–1918 гг. был в России. Неоднократно встречался после октября 1917 г. с Лениным.

начало февраля – тоже. Пожалуйста, назначьте мою лекцию на любой день между 1 и 7 февр., мне же удобнее всего 4–7 февраля.

Вы так добры, что устраиваете мою лекцию о России и о проблемах, связанных с нею в гор. Клубе или Сев.-Зап. ун-те, и я могу лишь поблагодарить Вас за Вашу доброту. Мое желание в отношении этого заключается лишь в том, чтобы эти лекции состоялись за несколько дней или после моей лекции в Ут-те Чикаго, но не позднее 8 февраля.

Я очень Вам признателен за информацию о предполагаемом исследовании тех вопросов, которые сейчас обсуждаются в газетах, Если я правильно Вас понял и если инициаторы этого предложения собираются изучать русские проблемы по информации из газет и документов, опубликованных Сов. правительством, и вдобавок, не зная русского языка, если все это так, тогда, боюсь, они получат совершенно ошибочные результаты, как и большинство пишущих о России заруб. писателей, включая иногда очень серьезных во всех отношениях людей. Буду Вам очень обязан, если сможете далее информировать меня об этом деле.

В заключение попрошу Вас сообщить мне о точной дате моей лекции и позволю себе послать Вам некоторые мои книги, изданные в последние годы в России. Возможно, в свободное время у Вас будет возможность просмотреть их.

Прошу прощения за Ваше беспокойство, и еще раз выражаю Вам мою глубочайшую благодарность за Ваше внимание ко мне. Для меня большая честь войти в отношения с человеком, о котором и об отце* которого я так много слышал не только от живущих ныне русских, но и от моего учителя и друга М.М. Ковалевского,

С уважением, искренне Ваш
Питирим Сорокин

В колледже Вассар я буду до 16 января, далее я прощу Вас писать по адресу: А. Вирена 347 Мэди-сон Авеню, И.М.К.А., А., Нью-Йорк сити, для меня.

* Уильям Харпер – организатор и первый президент Чикагского университета.

И еще, будьте добры, укажите в Чикаго какой-либо не очень дорогой отель, где я бы мог остановиться на время моего пребывания в Чикаго.

№ 6

Чикаго, 2 янв.1923.

Дорогой проф. Сорокин:

Ваше письмо переслали мне в Вашингтон, но там я был так занят, что не смог Вам ответить.

Во-первых, успокойтесь по поводу газетных исследований, касающихся России.

Вы не вполне поняли то, что я вероятно, слишком второпях и туманно рассказал Вам об идее. Однако дело отложено, круг исследования расширен, так что русский аспект откорректирован. Объясню Вам все в деталях при встрече.

Спасибо за книги, которые я нашел по приезде сегодня утром из Вашингтона. Меня они очень интересуют, я дам их посмотреть моим коллегам-социологам, чтобы они пожалели, что не могут их прочесть.

Теперь, что касается даты Вашей лекции. 1–3 февр., пятница, суббота и воскресенье, не очень удобные дни для лекций, здесь как и везде. Поэтому дни, которые Вас устраивают больше, а именно 4–7 станут основными. Я свяжусь с Северозападным и гор. Клубом. Другие вряд ли будут так щедры как Ун-т в отношении платы, но я проведу предварительные переговоры, а Вы подтвердите свое решение. Я позабочусь, чтобы у Вас была только одна лекция в день, и назначу их в период с 4 по 7.

Ун-т находится в 7 милях от центра города. Северозападный ун-т – в 7 милях в другом – Северном – направлении. Гор. Клуб в центре города. Поэтому предлагаю Вам остановиться в центре города. Что касается гор. Клуба, куда я буду рад дать Вам карточку (пропуск) на те дни, что Вы будете здесь, – там Вы сможете встретиться с теми общественными деятелями и журналистами, которыми захотите видеть. Только дайте мне знать, как много Вы хотите таких встреч с каждой из этих групп. Самым умеренным из первоклассных оте-

лей в центре города является Ласалль, где номера стоят, вероятно, от 3.50 до 5 долларов, а стоимость обеда вполне доступна.

Если Вы не возражаете против поездок на хорошем пригор. поезде,

Вы можете остановиться в отеле рядом с Ун-том. Оттуда до центра

города, например, до гор .Клуба будет 25 минут. И тогда Вы сможете повидать больше народу и, что для меня самое важное, – мы могли бы почаще говорить вдвоем. Здесь 2 отеля, – Дель Прадо, на 09 улице и Блэк-Стоук Уиндемира, на углу об ул. и Корнелл. Цены тут такие же как в Ласалле. Если Вы сообщите мне, что Вы выбрали и какой хотите номер, я буду рад зарезервировать его для Вас.

Искренне Ваш
Самуэль Харпер.

№ 7

Вассар Колледж,
Покипси, Нью-Йорк

4 января, 1924

Дорогой проф. Харпер:

Время между 4 и 8 и даже 9 февраля для меня очень удобно. Что касается платы, я согласен на любую, мне нужно лишь покрыть мои расходы, т.к., вероятно, Вы знаете, все русские ученые сейчас бедны и должны зарабатывать на жизнь.

Благодарю Вас за сведения об отелях, я понял, что все равно, где остановиться в городе или поблизости от Ун-та. Возможно, жить ближе к университетской братии и к Вам будет лучше. Поэтому если Вы будете так добры и закажете мне номер в том отеле, который сочтете более подходящим, я буду очень благодарен. Что касается цен, то чем дешевле комната, тем лучше (после русской жизни любой американский отель будет удобным для меня).

У меня нет причин избегать общественных деятелей и газетчиков, поэтому, если у Вас нет причин считать, что интервью может быть неудобным, или повредить моей научной репутации (Вы знаете ситуацию лучше и поэтому я могу полагаться на Ваше мнение), я готов встречаться и говорить с ним столько, сколько они захотят. Пожалуйста,

извините меня за беспокойство. Буду ждать вашего письма по адресу: 347 Мэдисон Ав. И. М.К.А., г-ну Вирену для меня.

С уважением, П. Сорокин.

№ 8

Чикаго, 11 января, 1924 г.

Дорогой профессор Сорокин:

Ваша лекция в здешнем Университете окончательно назначена на вторник, 5 февраля, в 4.30. В этот не вечер я устраиваю обед для дюжины коллег, которых особенно интересует русская проблема.

Секретарь Городского Клуба сказал мне, что напишет Вам лично, чтобы устроить завтрак, если это возможного Вашим выступлением в среду, 6-го числа. Я знаю, что этот Клуб не предлагает плату выступающим из принципиальных соображений. Поэтому Вам придется рассматривать это выступление как услугу, а я могу заверить Вас, что эта организация я ее члены заслуживают такого внимания.

Настоятельно буду рекомендовать Вам, пока Вы будете в Чикаго, встретиться за завтраком с четырьмя-пятью журналистами, пишущими политические обзоры, которые пытаются привести, в порядок сумбур в головах в отношении русских событий, что очень важно для их работы. Его мы можем устроить совсем неофициально, чтобы Вам было удобнее.

Я принял к сведению то, что Вы писали о простом жилье, и поэтому заказал для Вас комнату в очень скромном, но приличном месте, которое едва ли заслуживает звания «отель», но к его услугам прибегают многие наши университетские деятели, и он расположен недалеко от Университета. Я слышал от друзей, что г-жа Сорокина сопровождает Вас, но так как Вы этого не упомянули, я решил, что Вы будете один, и заказал одиночный номер.

Как только определятся Ваши планы, пожалуйста, дайте мне знать, как поездом Вы приедете, так как мне доставит громадное удовольствие встретить Вас у поезда, если время прибытия не совпадет с

лекционными часами. <> Я отметил Ваше письмо в «Нью-Йорк Таймс» на днях.⁵ Если позволите, сделаю Вам предложение – как-нибудь поскорее дайте здесь понять, что в России очень непопулярно имя Бора. Несколько коллег спрашивали меня, не могли бы Вы привести этому доказательства ведь до нас доходят рассказы о коммунистическом контроле над прессой и любыми выражениями мнений. Этот вопрос не мой – я, как мне кажется, знаю на него ответ. Но я чувствую, что Вам будет интересно узнать, что подобные вопросы возникают в умах некоторых компетентных людей, прочитавших Ваше письмо.

Искренне Ваш
Самуэль Харпер

Американский сенатор Уильям Бора*, которого упомянул в этом письме С. Харпер, в 1924–1933 годах был председателем комиссии Сената по иностранным делам и выступал за установление дипломатических отношений США с большевистским правительством.

7 января 1924 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовала на своих страницах письмо Сорокина, снабдив его заголовком: **«Бора вредит России. Идентификация народа с советским правительством ухудшает дело».**

Редактору «Нью-Йорк Таймс»

Один из основных мотивов сенатора У. Е. Бора в пользу признания советского правительства заключается в том, что Советская Россия может заполучить значительное количество американской продукции и оживить американскую торговлю и промышленность < > Я боюсь, что сенатор делает вполне ошибочные заявления и говорит о том, что он знает очень мало. < >

Сенатор Бора прав, настаивая на невозможные восстановления Европы без восстановления России, но идентифицируя русский народ с советским правительством и защищая последнее, он фактически не только не помогает русскому народу, но ухудшает его положение, помогая коммунистическим преступникам и дальше угнетать его. Это факт

* Бора Уильям Эдгар (Borah William Edgar). (1865–1940) – социолог. Сенатор (1907–1940).

объясняет, почему сенатор Бора является одним из наиболее непопулярных имен у русского народа в Советской России.

Если сенатор Бора не понимает реальной ситуации в России и объективной вредности его русской логики для русского народа, я уверен, что даже он и его сторонники поймут это в ближайшие два-три года.

Питирим Сорокин.
Бывший профессор социологии
Петроградского университета
Вице-президент Русского социологического общества.
Вассар Колледж. Покипси. Нью-Йорк.
31 декабря 1923 года.

№ 9

Колледж Вассар, Покипси

15 января 1924

Дорогой проф. Харпер:

Мне стыдно, что я причиняю Вам такие беспокойства в связи с моей лекцией. Огромное спасибо за Вашу добрую заботу обо мне, за Ваши советы и желание помочь мне.

Я приеду в Чикаго или 4 или 5 февраля утром. Когда точно, я напишу Вам позже. Конечно, я выступлю в гор. Клубе и воспринимаю эту возможность как большую честь для меня. Я буду также очень рад неофициально позавтракать с журналистами.

Спасибо за Вашу заботу о комнате. Я буду один, без г-жи Сорокиной. Я оставил ее в Праге, где она продолжает научные исследования (в ботанике), она приедет в эту страну только когда я решу остаться здесь на более долгий срок. Что касается моего заявления о Бора, я должен честно признаться, что писал его в такой неопределенной форме («в Сов. России») намеренно: с тем, чтобы не обвинять русскую интеллигенцию. Более строго это заявление должно было написано так: «Бора

совершенно непопулярен среди ученых, исследователей, писателей и даже просто «специалистов» за исключением коммунистических кругов. Пролетарские высказывания коммунисты охотно публикуют в своих газетах. По ним у нас есть возможность узнать их (эти мнения). И хотя в России нет свободных газет, связь и обмен мнениями в среде интеллигенции существует в более интимной форме (в Домах ученых, писателей, в ун-те, во время частных встреч и т.д.). Таким образом можно узнать мнения людей. И я ни разу не слышал какого-либо положительного мнения о Бора. Более того, о нем в 1922 г. ходила пословица «Бора нагородит вздора». Вот коротко о том, откуда у меня эта информация, и я считаю, она соответствует истине. Нет необходимости добавлять, что его имя непопулярно и у всех русских за границей (кроме семеновеховцев).

Я не получил пока ничего из Северозападного ун-та, но если будет невозможно устроить там лекцию, то и не надо.

П.Сорокин.

Так как я уезжаю через 2–3 дня из Вассара, прошу Вас адресовать Ваше письмо г-ну Вирену (для меня) И.М.С.А. 347 Мэдисон Авеню, Нью-Йорк сити.

№ 10

Г-ну Вирену
(для П. Сорокина).
И.М.К.А.
347 Мэдисон Авеню
Нью-Йорк Сити

22 января 1924

Дорогой проф. Харпер:

Большое спасибо за присланный журнал с Вашими статьями. Прочтя их, я должен честно признаться, что Вы представляете собой очень счастливое исключение из большого числа американцев,

пишущих о России. Ваша характеристика спокойна, но совершенно адекватна. Будучи русским, выражаю Вам свою глубокую благодарность за такую правдивую информацию для американцев о моей стране.

Я получил письмо от секретаря Чикагского гор. Клуба и послал ему краткий проспект, фотографию и резюме моей речи, которые он просил. Надеюсь, он все получил.

О точной дате моего приезда в Чикаго (или 4, или 5 февраля и разумеется до 4.30 дня) я сообщу Вам позже.

Как любопытную личную новость, я должен совершенно конфиденциально сообщить Вам, что другой редактор «Крестьянской России» и я получили неофициальное приглашение от Сов. правительства «вернуться в Россию и беспрепятственно продолжить издание журнала, а также экономич. и культурную организацию крестьянства». Разумеется, ответ был единодушным и отрицательным. Мы хорошо знаем, что значит такое предложение. Но этот факт снова подтверждает, что, как кажется, положение правительства не очень хорошее. Оно теперь пытается заполучить обратно, чтобы держать в узде и, наконец, усилить свою базу, большое количество людей, глубоко отличных от нынешних правителей.

В ожидании приятной встречи с Вами,
искренне Ваш П.Сорокин.

№ 11

Университетский Клуб Мэдисон Висконсин

10 февраля 1924

Дорогой проф. Харпер:

Я приеду в Чикаго в субботу, 23-го, утром и надеюсь увидеться с Вами на конференции, если это не затруднит Вас и г-жу Харпер, я с благодарностью переночую у Вас в доме, потому что в воскресенье я должен прочесть 2 лекции, утром для литовцев, днем для русских, а в 5.30 я отправлюсь в Мэдисон. Я был бы рад пообедать с Вами и г-ном Зензино-

вым в субботу. Здесь все идет хорошо. Я получил приглашение выступить в гор. Клубе Милуоки, в женском гор. клубе и Кьюнк клубе.

В надежде иметь удовольствие увидеть г-жу Харпер и Вас,

искренне Ваш, П. Сорокин.

№12

Унив.Клуб
Мэдисон, Висконсин

25 февраля 1924

Дорогой проф. Харпер:

Только что я вернулся из Чикаго. Мои лекции для литовцев и русских прошли довольно хорошо. Только среди русских небольшая группа коммунистов попыталась помешать мне криками, но их заставила выйти из зала другая часть аудитории (довольно большая – больше 300 чел.). Теперь я могу оказаться в Чикаго 8 и 9 марта (мои лекции в Иллинойсе состоятся с 10 по 14 марта, или с 15 по 20 марта, 21 марта у меня будет две лекции в ун-те Мичигана в Декатуре).

Поэтому было бы хорошо, если можно было бы устроить мою лекцию 8 или 9 марта. Если нет, может быть можно будет сделать это с 15 по 20 марта. В этом случае мне придется приехать в Чикаго специально. Поэтому, может быть, Ун-т заплатит чуть больше. Если в это же время можно будет прочесть лекцию еще где-нибудь – это было бы очень хорошо. В сегодняшнем выпуске «Милуоки Сентинел» опубликовано большое интервью со мной.

Мои наилучшие пожелания г-же Харпер и г-ну Дональду Харперу.

Искренне Ваш,
П. Сорокин.

№ 13

18 ноября 1924.

Дорогой проф. Харпер:

Надеюсь, Вы получили мои «Листы»? В любом случае мой издатель сообщил мне, что книга была

Вам выслана. Возможно, Вам будет интересна моя статья, только что опубликованная в «Мичиган Ло Ривью» (ноябрь 1924) о новых сов. кодексах. «Социология революции», кажется, тоже скоро выйдет в свет.

Г-н Кондратьев* здесь уже неделю и пробудет здесь еще неделю. Огромное спасибо за Вашу помощь ему.

Несколько дней назад г-жа Сорокина успешно сдала предварительный экзамен на степень доктора наук.

Жаль, что Вас не будет на Рождество в Чикаго. Я надеюсь увидеть Вас позже, может быть весной или летом.

Мои исследования идут хорошо, но т.к. предмет их очень сложен, раньше чем через год я не смогу представить книгу о социальной мобильности.

Мои наилучшие пожелания г-же Харпер и Вашим братьям.

Искренне Ваш
П. Сорокин.

№ 14

Чикаго, 19 ноября 1924.

Дорогой Сорокин:

От Даттона только что пришел экземпляр Вашей книги. Большое спасибо. Приступаю к чтению на днях. Уверен, что она интересна. Но другая Ваша книга с социологии революции для меня будет представлять большой интерес, и я надеюсь, она появится до наших рождественских собраний, с тем, чтобы стать предметом разговора на этих важных встречах.

Мне очень жаль, что не увижу Вас на Рождество. Ассоциация историков собирается в Вашингтоне, и я еду туда. Мой брат и семья собираются сюда ненадолго, в последние недели декабря, и я боюсь, мы не сможем предложить Вам остановиться у нас в доме. Возможно, Вы задержитесь в Чикаго после

* Н.Д. Кондратьев - директор московского Конъюнктурного института с мая 1924 по февраль 1925 года находился в заграникомандировке (Европа, США, Канада).

встреч – я возвращаюсь из Вашингтона в пятницу, 2 января.

Как Вам, вероятно, расскажет К(ондратьев), мы провели 2 длинных вечера вместе. Я нахожу его интересным и серьезным. Для меня большая честь познакомиться с ним. Спасибо Вам за то, что дали ему письмо ко мне. Много я ему не помог в знакомствах, потому что у него в запасе было много рекомендаций из Вашингтона. Надеюсь вновь увидеться с ним после его возвращения с Запада.

Искренне Ваш.

№ 15

22 ноября 1924.

Дорогой Харпер:

Мне кажется, мы оба написали наши письма в один день. Спасибо за доброе мнение о моей книге. Положительные отзывы продолжают появляться. Только что я прочел заметку в «Сенчури», и только что получил письмо от компании Липинкотт, в котором издатель пишет, что «с деловой точки зрения гораздо лучше выпустить «Социологию революции» в январе 1926 г. с тем, чтобы авторское право не постарело на год через 30 дней» (если книга будет опубликована в декабре). Причина убедительна, хотя и не очень приятна для меня, т.к. я хотел бы иметь книгу перед встречей социологов.

Г-н Кондратьев еще здесь и просит меня передать Вам привет. Возможно, он будет здесь еще неделю.

Как только «Социол. рев». будет готова, она будет послана Вам. Я приеду в Чикаго вместе с другими профессорами ун-та Миннесота и легко найду номер в отеле.

Сердечный привет г-же Харпер и Вашим братьям.

Искренне Ваш

П. Сорокин

Моя работа над «Социальной мобильностью» идет хорошо.

№ 16

Чикаго, 25 января 1925.

Дорогой Сорокин:

Я был так занят после своего приезда три недели назад, что у меня не было времени узнать у коллег как прошла встреча, где Вы представляли свою работу. Все, что я слышал, так это что Джером Дэвис обрушился на Вас. Сообщите мне, что произошло.

Ростовцев в Ричмонде сказал, что он поспешит вернуться, чтобы поговорить с Вами и Кондратьевым. Из этого я сужу, что последний все еще здесь в стране.* Он пообещал мне дать о себе знать, может быть, он сделал это, пока был в Чикаго и теперь вернулся на восток, обратно в Совдепию. Мне бы хотелось с ним встретиться, еще раз. И хотя я сам очень старался не цитировать его, несколько раз люди цитировали его в разговоре со мной. Не удивлюсь, если ему было трудно придерживаться своей программы и не обсуждать политич. вопросы. Один человек, которому он дал экземпляры своего экономич. бюллетеня, тщательно проанализировал приведенные в нем таблицы и был несколько раздражен тем, как не относящиеся к делу факторы сводились воедино чтобы образовать определенную линию в таблице. Мне бы хотелось обсудить это с ним. Пожалуйста, сообщите, где он и что делает.

Мои сведения о России, поступающие в огромных количествах и к моему полному удовлетворению все указывают на дальнейший упадок эконом. положения. Политич. ситуация в Вашингтоне, где Бора председатель Комитета по заруб. сношениям по праву старшинства, а не в результате выбора большинством республиканцев, возможно приведет к признанию Советов. Это только предложение, я это подчеркиваю, но ситуацию в Вашингтоне следует учитывать. Я не говорю, что подобный шаг будет – предпринят, но вижу, что он может стать необходим с тем, чтобы сохранить какое-то сотрудничество между двумя ветвями управления. Кроме того, Бора без сомнения пользуется очень широкой и сильной симпатией по всей стране; однако, как бы он кому-то не нравился, как бы ему не доверяли,

* Кондратьев выехал из СССР в Европу 9 июля 1924 г. 4 октября выехал в США, где пробыл до 10 января 1925 г. В СССР вернулся 31 января 1925 г. (См. Н.Д. Кондратьев. Отчет о загранкомандировке. РГАЭ. Ф. 478. (Наркомат земледелия РСФСР). Опись 2. Дело 360.

глупо пытаться игнорировать факт его популярности у человека с улицы.

Имея это в виду, учитывал несомненный экономич. крах эксперимента, понимая, что признание еще не означает доверия как это произошло с Великобританией и Францией, я спрашиваю, будет ли иметь благоприятное влияние в Совдепии то, что является просто бумагой, а не настоящим признанием. Это влияние в любом случае будет невелико, и если каких-нибудь 6 мес. назад я чувствовал, что он может усилить, сегодня я верю, или по крайней мере начинаю думать, что этот шаг повредит большевиками очень быстро. Это точка зрения.

Окончание письма отсутствует...

№ 17

27 января 1925.

Дорогой Харпер:

На встрече социологов не произошло ничего экстраординарного. Я прочел свой короткий доклад, который, о чем я писал Вам, я не хотел читать, т.к. за 20 минут невозможно характеризовать внешнюю политику Советов, т.к. я немного устал от России и предпочел бы представить что-либо более социологическое на конгрессе. Г-н Дэвис, согласившись с основными моими заключениями, критиковал другие положения моего доклада и все. Критика была не совсем честной (потому что Дэвис* получил мой доклад за три недели до встречи и этот факт обязывает его рассмотреть мои заключения объективно) и объективной – но... Но все это «нормально», потому что не сомневаюсь, в том, что г-н Дэвис знает ситуацию в России лучше, чем Вы, я или г-н Кондратьев. Между нами, впоследствии я сказал ему несколько «теплых» слов лично, напомнив, что Платон был прав в своей «Республике», когда советовал не разрешать появляться в гос-ве великим гуманитариям, вроде Эпикура, из-за их естественных симпатий к тиранам. Вот и все.

* Дэвис Джером (Davis Jerome). (1891 Kyoto, Japan – 1979 Olney, Maryland). В 1916–30 гг. бывал в России много раз. Встречался с Лениным, Сталиным (1927). Профессор Yale Divinity School (1924–37). Президент Американской ассоциации учителей (1936–39). Корреспондент в России (1943–44). В 1957 г. встречался с Хрущевым в США. В 1970 г. с Косыгиным.

Кондратьев в настоящий момент находится или в Сов. России, или где-то рядом с ней. Он выехал из Америки 10 января.

Как и прежде я не придаю какого-либо значения возможному признанию Советов. Оно вряд ли сможет улучшить ситуацию. Я даже думаю, оно даже сделает ее хуже. Поэтому в этом отношении, как и раньше, у меня – четкое нейтральное отношение.

Я получаю информацию из России более или менее регулярно и полно. Мое заключение таково: медленно и неизбежно положение диктаторов становится хуже и хуже. Я не жду какой-то «необычной сенсации», но я действительно думаю, что за год случится много очень серьезных перемен, если не среди личностей, то по крайней мере в системе. Я думаю, что через 2 года я смогу вернуться в Россию, если захочу вернуться.

Что касается моей жизни здесь – она катится, как и прежде с той лишь разницей, что теперь я провожу почти все время читая лекции, проводя семинары и готовясь к ним. Перед Рождеством я закончил свое исследование «Американские богатые» и написал статью почти в 30 страниц, которая будет напечатана в «Джорнэл оф Сошиэл Форсиз» (ее уже приняли), «Социология революции» кажется, выходит сейчас, но я пока не получил ее экземпляры. Время от времени я печатаю короткие обзоры в «Сэтердей ривью»* (о «Русской истории» Корнилова, несколько дней назад послал анализ замятинского «Мы», есть еще несколько книг, присланных журналом для просмотра. Читали ли Вы Замятин, его книгу «Мы»? Если нет – прочтите. Эта утопия, родившаяся в России, одна из самых талантливых и прекрасных книг, которые я когда-либо читал. Замятин (он все еще в России, был арестован вместе со мной и должен был быть выслан вместе со мной) написал действительно полную сарказма утопию коммунистич. об-ва. Что еще добавить? Несколько дней назад я получил информацию от Р. Вормса, что меня избрали Членом франц. междун. ин-та социологии. Итальянский

* The Saturday Review of Literature. Редактор Henry Seidel Canby.

международный ин-т социальных реформ» опубликовал мою книгу о России на франц. Теперь я собираюсь написать (между делом) статью о социальных теориях древней Индии и Китая.

Во время летней сессии я буду преподавать здесь. Если ничего не случится в следующем академ. году, я тоже буду здесь (на летнюю сессию, я уже дал согласие).

Пожалуйста, передайте привет г-же Харпер.

Искр. Ваш П. Сорокин.

Если в России будут появляться признаки чего-либо экстраординарного, насколько это можно предвидеть в России, я получу информацию заранее.

№ 18

28 февраля 1926

Мой дорогой Харпер:

Я очень хорошо знаю Марка Слонима.* Он представляет собой тип «ловкого» молодого человека, который не знает основательно ничего, но довольно смело говорит обо всем. «Воля России», единственное что говорит в его пользу, и то только потому, что Бенеш заинтересовал иметь здесь такой журнал. Таково мое искреннее мнение.

Я надеюсь, Вы сможете посетить Россию. Вы хорошо знаете, что в настоящий момент там происходит много перемен.

Что касается меня, я могу сообщить, что только что закончил новую книгу «Социальная мобильность и стратификация». Осенью рассчитываю увидеть ее напечатанной. Кроме того, я написал несколько работ, частично для *Jahrbuch fur Sociologie*, частично для «Сошиэл Форсиз», частично для «Ревю Интерн де Социолоджи» и, наконец, для серии «Социальные науки» под редакцией W. Ogburn и

* Слоним Марк Львович (1894–1976) – эсер. Один из редакторов «Воли России». В 1926 г. выступал в США с докладами. Автор книги «Русские предтечи большевизма» (Берлин. 1922). Сорокин и Слоним знакомы с осени 1916 г.

Гольденвейзера, которая будет напечатана в ближайшем будущем.

На следующий год я собираюсь остаться здесь же. Потихоньку они увеличивают мою зарплату.

**Мой горячий привет г-же Харпер и г-дам Харпер.
Искренне Ваш,
П. Сорокин.**

Моя «Социология Революции» сегодня переводится на чешский, японский, украинский, немецкий.

№ 19

14 ноября 1926

Дорогой проф. Харпер:

В воскресенье, 21 ноября, я должен буду проехать через Чикаго по дороге на восток. Если Вы уже вернулись из России и если у Вас будет немного свободного времени (1–2 часа), чтобы провести со мной, я был бы рад увидеться с Вами и с этой целью приехать в Чикаго в воскресенье утром (чтобы отправиться дальше в воскресенье вечером).

Пишу это потому, что не уверен в Вашем возвращении из России, а если Вы вернулись, найдется ли у Вас время провести со мной.

Буду очень признателен Вам, если ответите на мои вопросы.

**Искр. Ваш
П. Сорокин.**

№ 20

20 февраля 1927.

Дорогой проф. Харпер:

Мне не удалось найти здесь «Дейли Ньюс» и до сих пор я не видел ничего из Ваших заключений по России. Могу ли попросить Вас об одолжении – прислать мне вырезки или копии Ваших статей и заявлений. Не буду держать их далее одного дня и верну их Вам обратно. Вы хорошо знаете, как высоко я ценю Ваше мнение о России, как одного

из немногих компетентных людей в этой стране. Естественно, меня очень интересует Ваше описание ситуации. В этом причина моей просьбы.

Надеюсь, у Вас и г-жи Харпер все в порядке. У нас тоже все нормально. «Соц. мобильность» на стадии гранок. «Соврем. Социол. теории» на стадии печати. Исследования, касающиеся крестьянских лидеров (6000) и рабочих лидеров (3000 чел.) находятся на стадии сведения данных в таблицы. Монография о городском и деревенском населении, миграции и их взаимном соотношении (она пишется совместно с проф. Циммерманом) тоже медленно продвигается вперед. Две нем. статьи появятся в ближайшие 2 месяца. Короче, до конца года я надеюсь выпустить 4 книги и 4–5 статей. Из этого Вы видите, что «бумагомарательство» продолжается интенсивно.

Ваш П. Сорокин

P.S.

Пожалуйста, сделайте мне одолжение, о котором прошу.

№ 21

22 января 1929.

Дорогой проф. Харпер:

По Вашей просьбе посылаю Вам в отдельном пакете пробные экземпляры «Борьбы за Россию»*, еженедельника, который издается специально для нелегальной переброски в Россию. Как Выживаете? Я в некотором роде увяз: помимо преподавания, считывания гранок новой книги («Крестьянская социология») и. т.п., всего несколько дней назад я принял предложение американского Мин-ва сельского хозяйства подготовить 3 огромных тома «Источниковедение в крестьянской социологии», цель которых дать в англ. переводе лучшие отрывки всего лучшего, что было написано о социальных аспектах сельской жизни и населения во всех странах во все времена, и хотя у меня целая «армия» платных переводчиков, стенографистов

* Еженедельник «Борьба за Россию» (Париж) издавался в 1926–1931 годах под редакцией В.Л. Бурцева, С.П. Мельгунова и др. Цель – «Объединение антибольшевистской эмиграции для свержения чуждой народу власти». Сорокин опубликовал в «Борьбе за Россию» несколько статей.

и машинисток, труд это египетский и займет по крайней мере 18–24 месяцев. Поэтому сейчас свое свободное время я «теряю» на эту работу.

Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания г-же Харпер и другим членам Вашей семьи. Если у Вас появится какая-либо возможность занять Кондратьева в какой-либо работе, пожалуйста, держите его в уме.

Сердечно Ваш

П. Сорокин.

Несколько дней назад я написал довольно «откровенную» и критичную большую статью. «Так называемые научные исследования Сов. России» (а пророс профессорского тома «Сов. Россия во втором десятилетии», (Париж, Counts Chase и др.) для «Сэтердей Ривью». Если издатель не испугается напечатать ее знаменитым «исследователям» она, возможно, очень «понравится».

№ 22

6 марта 1930,

Дорогой проф. Харпер:

Помня Ваши добрые намерения в отношении приглашения Кондратьева, беру на себя смелость сообщить Вам о письме Кондратьева, которое я получил вчера. Его положение действительно отчаянное и письмо (нелегально вывезенное в Финляндию и отправленное оттуда) – это настоящий сигнал бедствия по всем его друзьям. Вот несколько строк из него:

«Я поставлен в безвыходное положение. Развертывается волна невиданных преследований. В деревне террор и ужас. В городах насилие и издевательство; от интеллигенции требуют публичного покаяния, отказа от всех своих взглядов, раболепства и т.д. Крутом паника. Быстро растут самоубийства. Большинство сдается. Отказывающихся единицы и участь их ужасна. Я в числе их и мое положение ужаснее, чем чье-либо иное. Сейчас лишили меня всякой работы. В наших условиях это голодная смерть. В ближайшем будущем если я не сдамся, будет неизмеримо хуже. Что именно я не знаю, но может быть все, что угодно, решительно все, что угодно... Хочу надеяться, что ты поймешь меня, бросишь все и сделаешь все, что только в силах человека. Речь идет буквально о моем физическом и моральном спасении» и т.д.»

Эти строчки говорят сами за себя. Он хочет выбраться из России. Чтобы получить разрешение от Советов ему необходимо официальное приглашение: читать лекции или вести исследования в каком-либо заруб. учреждении. Приглашение может быть, чисто фиктивным, только для того), чтобы помочь ему выехать, без каких-либо обязательств со стороны учреждения дать ему настоящую работу, если оно не хочет этого.

Кондратьев готов на любую работу (за исключением чисто физического труда) и на любых условиях, если они дадут ему возможность получить минимум, обеспечивающий физиологическое существование (ни на что большее он не смеет надеяться). Главное для него – выбраться из России.

Я уверен, что пусть не сразу, но через необходимое время по приезде в эту страну, он найдет работу в своей области. Я думаю, что сам могу принять его по крайней мере в качестве своего помощника в Гарварде. Я также уверен, что имея приглашение от какого-либо ун-та, я смогу легко решить проблему визы для его въезда.

Главное, вытащить его из России.

Мне хотелось бы знать, согласны ли Вы помочь и сможете ли устроить, если не настоящее (с обещанием работы), то по крайней мере фиктивное приглашение К. от Чикагского ун-та, чтобы просто помочь ему покинуть Россию и этим спасти его.

Вы сами хорошо знаете К., а с моей стороны нет нужды просить за него. Этот человек заслуживает спасения. Будьте так добры и дайте мне знать, что Вы можете сделать для него.

Прошу прощения,
искренне Ваш П. Сорокин.

Дорогой Харпер,

Это добавление к моему предыдущему письму, отправленному несколько минут назад. Я хочу добавить, что мой Университет только что отправил каблограмму К., приглашая его прочитать курс лекций в период летней сессии. Было бы хорошо, если бы Вы смогли что-то сделать для него и послать приглашение (немедленно) от Университета

Чикаго или других университетов приехать летом или осенью.

Ваш П. Сорокин.

№23

13 марта 1930.

Дорогой Харпер:

Я не думаю, что поспешил в своих действиях. Во-первых, письмо К. означает, что нельзя откладывать дело. Оно требует немедленных действий. Во-вторых, каблограмму послал президент ун-та, приглашая его прочесть курс лекций на неспорные, неполитические темы.

Я не понимаю, как и почему это приглашение может быть более подозрительным, чем любое другое приглашение, посланное любым другим учреждением. Тем временем оно даст ему возможность начать хлопоты, чтобы получить разрешение выехать на границу. В-третьих, в этом и предыдущих письмах он определенно указывает, что такое приглашение является необходимым и самым желательным. Поэтому, я не думаю, что сделал его положение более опасным, т.к. теперь, вероятно, все может стать для него опасным. И хватит на эту тему.

Главная задача, конечно, вызволить его. Остальное – работа для него и пр. – гораздо проще. Когда Вы (и если Вы) увидите его там, скажите ему, что если нужны деньги для его приезда сюда, или виза и пр. – я буду рад помочь.

Я не буду сейчас писать Митчеллу* (кроме Вас я написал только Тауссиху** и упомянул об этом деле президенту). Если К. выберется, тогда М., надеюсь, поможет ему.

Наилучшие пожелания в успешной поездке,

Ваш П. Сорокин.

19 июня 1930 года Н. Д. Кондратьев был арестован в Москве. Спасти его не удалось... В воспоминаниях Сорокин писал:

* Wesley C. Mitchell (1874–1948) – ученый. Экономист и статистик, крупный администратор.

** Frank W. Taussing – профессор в Гарварде.

«До нас доходили слухи, что Кондратьева выслали, и он погиб не то в Туркестане, не то в Монголии. Но точно мы так и не знаем до сего дня, где, как и при каких обстоятельствах он погиб».⁶

Харпер в 1930 году был в очередной поездке в СССР и неоднократно встречался с Кондратьевым. В своих воспоминаниях он писал:

«Однажды вечером, когда мы (Харпер и В. Лихтенштейн* – Ю.Д.) в очередной раз пришли к нему, на наш звонок открыли агенты ГПУ и плачущая жена. Кондратьев был арестован»...⁷

17 сентября 1938 года его расстреляли в Москве...

Самюэль Харпер, профессор русского языка Университета Чикаго умер 18 января 1943 года.

«Харпер» и «Россия» – два слова, которые идут вместе,

– было написано в одном из некрологов.⁸

* W. Lichtenstein – экономист.

§2. Переписка с Д.А. Лутохиным (1924–1925)

Как и в России Сорокин продолжил писать не только научные труды, но и публицистические статьи, рецензии, обзоры...

Он и приезд-то свой в США начал с публикации «Письма редактору» самой влиятельной американской газете «Нью-Йорк Таймс»... Да, ещё с критикой такой крупной фигуры американского политического истеблишмента как сенатор Уильям Бора...

Из «политики» Сорокин, после своего «Отречения» в Великом Устюге, может и ушёл. Смотря что понимать под политикой... Но влияние Сорокина на «политику» несомненно...

Не прерывал он и свои связи с Россией и «русскими делами». Это видно из его переписки с Харпером и в ещё большей степени с Далматом Лутохиным.⁹

№1

21 октября 1924.

Дорогой Далмат Александрович!

Спасибо за письмо. Я уже не питал было надежды получить от вас весточку, но к счастью, мой песимизм оказался необоснованным. Рад, что ваше здоровье стало лучше и тон вашего письма бодрый. That is all right, как говорят здесь. Что касается меня то, как и ожидал, с осени занял постоянное место и пока на год, по крайней мере, осел (но не осёл) Чтение лекций на летнем семестре Миннес. Ун-та (3-й по величине из Унив-тов Америки) закончилось моим избранием или вернее назначением (т.к. в демократ. Америке профессоров не выбирают, а назначают – и это очень не плохо) full-professor of sociology в Миннес. Унив-те (на нашем языке это «ординарный» профессор). Заключение контракт (здесь профессоров нанимают по контракту – и это опять не плохо) пока на год, как здесь водится. При желании обеих сторон он может быть продолжен, хотя американские профессора –

народ кочующий; большинство сидит редко больше одного-трех лет на том же месте. Таким образом я теперь Америк. профессор. Веду свои семинарии и курсы я только с graduate students (вроде наших «оставленных»). В этом году я даю курсы: Rural Sociology, History of Social Theories, Modern Social Problems и Social Morphology. – Доволен. Осенью я пока мало занят. Посему здорово занимаюсь по части «Social Mobility» – новый труд над совсем новой проблемой, который я затеял. Библиотека Университета – великолепная. О внешнем комфорте Университетских зданий – нечего и говорить. Достаточно сказать, что «поле» – campus – Унив-та занят всегда сотнями автомобилей (здесь кажется, в ватер и то скоро будут въезжать на автомобилях). Три читальные залы библиотеки более комфортабельны и такого же размера каждая, как, например, зала – Публичн. библиотеки, Словом, в этом отношении Америк. Унив-ая обстановка в корне отлична от нашей и Европейской. Отлично и преподавание. Но в общем – мне здешняя система по душе. По душе даже то огромное место, которое занимает здесь спорт и военное обучение в Унив-тах. Даже сам я начал «американизироваться» и около часу каждый день занимаюсь спортом в великолепном здании для гимнастич. и физич. упражнений gymnasium, имеющемся здесь при каждом Университете.

Америк. профессора – отличный народ. Я легко с ними схожусь. И что хорошо – здесь как-то среди америк-цев – нет наших академических интриг. Самое большое различие мнений не мешает быть друзьями.

Штат Миннесота – фермерский и считается одним из самых радикальных. Но, опять таки, этот радикализм (рабочих, приезжающих в собственных автомобилях и фермеров имеющих не только автомобили, но огромное большинство – дорогое радио, через кои каждый день узнают сидя у камина день на все по всей Америке к Европе, слушают концерты, речи, и т.д., из N. York`a, San-Fransisko или Чикаго). Пришлось и мне говорить уже по радио три раза. Этот радикализм, я говорю, не похож на наш. Российский радикализм – это либо анархия,

либо упадочничество, либо подлость, либо – глупость (извините – такова его история, сущность и общ. роль). В здешнем радикализме – подчас очень здравомысленном – вы чувствуете реализм; баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю. Наш российский – да будь он трижды проклят. Теперь еще больше, чем год раньше, я презираю этих наших «социалистов» и всю шатию. Читаю, например, «Дни» и так к хочется мне обозвать всех этих «стоящих на посту» – телятами, именно телятами – тех кто из них честен, и мелкими плутами и бездельниками тех, около коих Вы вертитесь (шатию из «Воли Р», «Пламени» и т. д.). На что они? Куда они эти паразиты всю жизнь жившие на субсидиях либо из кармана глупого капиталиста, либо... из государственной казны. Поистине, великим несчастьем для России будет если эти телята и балаболки станут у власти снова. Не дай господи. Всю свою жизнь они болтают о демократизме, а так и не знают, что такое демократизм.

С их точки зрения, например, автократическая власть президента университета назначающего профессоров – это реакция! Военное обучение студентов – реакция! А вот, в демократической Америке это считают нормой – и хорошо делают. Ну довольно об этом. Вы видите, Америка меня не «исправила» (с Вашей точки зрения) а укрепила в моей «реакционности».

Что сказать еще? Два дня назад вышла моя книга воспоминаний «Leaves from a Russian Diary»; но я ее еще не имею. Через две недели выходит моя «Sociology of Revolution». Посмотрим, как они будут встречены. Обе книги – «архиреакционны», откровенны, прямолинейны. Но я не думаю, чтобы здесь они были не приняты за таковые.

На Рождество, на съезде социологов – буду читать доклад (Съезд в Чикаго). Скоро появятся две мои статьи по социологии и праву в Социол. и Прав. журналах.

Теперь пока долго не буду печатать серьезного, так как ушел с головой в «Social Mobility» и не думаю торопиться.

Лена поступила здесь в Graduate, School при Университете, чтобы заработать себе за год Докторскую степень (Ph.D). Сняли мы здесь по-американски скромную, по нашему – отличную квартиру – газовая кухня, круглые сутки горячая вода, ванна, электричество, телефон и т. д. Автомобиля своего не завели еще, но можно было бы так как стоит он здесь пустяк. Если летом будем свободны – возможно, купим его и отправимся колесить вдоль и поперек по Америке месяца на полтора, от культуры к жизни на лоно природы – в палатках в лесу, и горах (скалистых) как делают американцы. Такая резкая перемена жизни – мне тоже нравится. Но это пока планы. Может случиться и так, что на лето может быть приедем в Европу, хотя это маловероятно, да и дорого. Я доволен, что попал в Миннесоту и настоящую Америку, в отличие от N.Y-ка – этого интернационального города. Прогуливаясь или проезжая вдоль Миссиссипи – сейчас осенью река очень красива – часто вспоминаю М. Твена.

Все предыдущее, однако, не значит, что я перестал думать о России. Нет. Регулярно читаю не только и не столько «Руль», «Дни», но и «Известия» и «Правду». Сейчас я люблю Россию больше, чем раньше. Но не хочу ныть и стонать. Это бесполезно. А стараюсь многому научиться, многое приметить, что было бы приложимо для Родины, что я мог бы осуществить, если суждено, как я верю, мне вернуться. Для России – учусь и учу, и рад что могу это делать, оставив эмигрантскую среду. Рад что (биологически ощущаю это) что-то во мне (*три слова не разб. – Ю.Д.*). Да так, что никакие суждения «телят» и «балаболок» или наоборот, сумасшедших телят и одержимых справа – мне теперь абсолютно безразличны. Их шатания – чужды, их сплетни – противны. Такая «кристаллизация» идет сейчас во мне. Ну я разболтался.

Привет от нас обоих Вам обоим и милым Вашим детям – сделайте их «крепкими» не как камень, а как упругая пружина. Сердечный привет Егор.

Лук.* – что он мне не пишет? Привет Чириковым – если Вы их видите. Что «Крестьян. Россия» заглохла что ли? Черкните. Один номер ненужной и нелепо – тощей «Свобод. России»** видел, а больше, пожалуй, и видеть не хочу и жалею, что чехи напрасно бросают на это деньги.

Пока крепко жму руку. Ваш П. Сорокин.

P.S.

Н.Д. К-ва я скоро увижу. Здесь мы очень сошлись с М.И. Ростовцевым. Он – чересчур большой пессимист по отношению к России, но я люблю его за его «крепость», бескомпромиссность и прямоту. Хороший парень и большой умница – не только ученый. За него теперь конкурируют лучшие американские Университеты предлагая ему одно условие лучше других (здесь ведь, при контракте профессоров торговаться надо как при «бизнес». Мне это тоже нравится. Как нравится и то, что профессора ведут себя не как наши «жрецы», а как простые смертные. «Плохо» одно здесь, в особенности в Middle West Америки: не пьют, черти, совсем. Не пьют да и только. Волей-неволей – и я не пью. И вместо водки, и пр. все мы пожираем без конца ice-cream – мороженое и пьем массу холодной воды – очень хорошей действительно. (Здесь считается, что каждый человек в день должен выпить не меньше 10 стаканов холодной воды: чем больше – тем лучше). Я привыкаю к этому исподволь. Едят здесь много: но не так много мяса, как сырой зелени, масла, молока и особенно фрукты. Стоит все это сравнительно дешево.

Жму руку. П. Сорокин.

№ 2

22 декабря 1924.

Дорогой Далмат Александрович!

Во-первых, с Рождеством и с Новым Годом, во-вторых, не вешайте голову: не вы один чувствуете себя неважно я также: у меня вытащили семь зубов и больше месяца я был беззубым; теперь

* Егор Лукич Зубашев (1860 Харьк. г – 1928 Прага) – ученый-химик. Кадет. Выслан из Совдепии в 1922 г.

** Журнал республиканско-демократического направления (Прага. Берлин. Отв. Ред. В. Раре), издавался в 1924–1926 гг.

вставили новые, но пока я чувствую с ними не очень комфортабельно. Надо привыкнуть. Вот нет тут ничего и выпить, а там у Вас есть. Но ничего. Хорошо и без оного. Так как я получаю письма и берлино-парижские газеты то в общем знаю, что у Вас там творится. Наладилась связь и с Россией. Видел кой-кого и из хороших друзей из Сов. России.

Не писал Вам потому что был «завален» многим в том числе исследованием Американских миллионеров. Сегодня его закончил и собираюсь напечатать в виде статьи в стр. 40. Довольно, по-видимому, интересная штука получилась.

Живем мы по прежнему. Жена месяц назад сдала отлично свои экзамены на доктора ботаники и весной но-видимому получит свое Ph.D. Я за это время работал над миллионерами, над другими главами «Social Mobility», вел универс. дела, напечатал большую статью о Новых сов. кодексах в «Law Review» (в одном номере с сэром Виноградовым), вышла по-французски моя книжечка (без моего ведома) о России, изданная Междун. Инст. Социологии и Социальн. Реформ в Риме, (в журнале коего она впечаталась 1/2 года в виде статей), вышла моя книга воспоминаний «Leaves from a Russian Diary» (300 стр.) и на днях выходит «The Sociology of Revolution» (434 стр.). Как будет принята вторая книга – не знаю, но Leaves – приняты Амер. критикой превосходно (кроме одного пробольшевистского «Nation») амер., а не английск. «Nation». Пока мне под руку попало до дюжины рецензий и статей об ней («Century», «N. Y. Times», «The World», «The Sun», «N. Y. Evening Post», «Literatry Review», «Intern. Book Review» и т. д.). Пишут, что это первая книга дающая понимание того, что произошло в России, что это самая драматичная из всех книг написанных о России, сравнивают ее по силе впечатления с книгами Stevenson'a, Conrad'a и т. д. Так как все это писали не мой приятели, а совершенно неизвестные мне лица, посему, я имею основание думать, что отзывы объективны. Получил также ряд писем (от Giddings'a Leligmarj'a (? Ю. Д.) и др. ученых частью совершенно неизвестных мне) выражающих их благодарность за

книгу. Вторая – надеюсь, это впечатление усилит. Посему – ругайте. Я, как: видите, имею в запасе «фонд» похвал американцев для компенсирования руготни своих соотечественников и друзей.

28 дек. буду на Чик. конгрессе Социологов где я должен читать, помимо науч. сообщения, о Междун. политике Сов. головотяпов. Не хочется мне этого делать: надоело говорить о России. Хотя доклад и написал и послал ого содокладчику проф. J. Davis'у из Jale University – но постараюсь от него отвертеться: я имею кой-что другое – научно более ценное для congress'a. С января буду очень занят преподаванием и семинарjami посему для чисто научной работы времени будет мало. Но подготавлиаясь к лекциям (приходится это делать т. к. мои студенты – все «оставленные», готовящиеся на Маст. и Докт. степень), своей «Mobility» извлекаю много материала из Sacred Books of East, изучения Кастов. строя отцов церкви и т. д. Посему – доволен. Останусь ли в Minnesota на будущий год или перейду в др. Университет – еще не знаю. Привет Вам, Вашей супруге и детям – от нас обоих. Дети у Вас – прелесть. Привет Егор. Лук. Зубашеву. Что он? Как его здоровье? И почему не пишет? Книги мои я постараюсь Вам выслать по выходе «Социологии Революции».

П. Сорокин.

P.S.

Советские головотяпы немножко дерутся. Пусть себе: дай им Бог здоровья и успеха в этом деле.

№ 3

1 февр. 1925.

Дорогой Далмат Александрович!

Посылаю Вам «The Sociology of Revolution» которая только что вышла. Вторую книгу «Leaves from a Russian Diary» не шлю просто потому, что у меня сейчас нет ни одного экземпляра. Единственный экземпляр ее я послал П.Б. Струве, так что если хотите познакомиться с ней – возьмите у Струве. Я послал Вам в конце декабря большое письмо:

надеюсь, Вы его получили. Присоединяю к книге один из номеров газеты – самой распространенной в центр. Америке. Я ничуть не повинен а том, что там написано обо мне. Я дал только маленькое интервью <...> они должно быть взяли мои «Leaves», и в результате из воскресенья в воскресенье преподносят «Story» – сенсационно, бестолково, для меня не очень приятно, но «по-американски» и с большим успехом среди публики. В итоге – я теперь – и на улице, и в трамвае и <...> – должен вести себя чрезвычайно внимательно: узнают. К счастью, отзывы о самой книге напечатанные в ряде журналов и газет – несравненно более толковы, академичны и литературны с нашей т. зрения. Будьте здоровы :и благополучны. Сейчас я очень занят лекциями и семинарjami в Университете и на подготовку к ним трачу главное время.

В одной из ближайших номеров лучшего и нового сравнительно социолог. журнала «The Journal of Social Forces» будет напечатана моя большая статья «The American Millionaries and Multi-millionanes – (A Comparative, Statistical and Sociological Study)». Живем по режиму.

Будьте здоровы. Привет супруге и поцелуйте детей. Если будете писать что либо о книге, то все же ругайте с резонем, а не ругайте только из-за и во имя того, что следует ругнуть.

Жму руку. Ваш П. Сорокин.

P.S.

Что же, кому хочется – пусть едет в Россию. Это даже хорошо если только едущие не будут подхалимничать, а вести себя по-человечески. Что касается меня – я органически презираю теперешних головотяпов – т. е. правителей (даже не ненавижу, а презираю.) России и, несмотря на безпредельную любовь к России (могу повторить Machiavelli – Amor la patria mia piu dell. Anima) и готовность вернуться и работать для нее в самых тяжелых условиях – теперь мой возврат бесполезен и ни на какие покорности и малейшие уступки этим мерзавцам я органически не могу пойти. Пока же живя тут и работая я, по выражению губерна-

тора штата – делаю для России больше, чем я мог бы сделать в самой России. То же нужно сказать и о таких лицах как М.И. Ростовцев. Встречаясь с нами, они т.е. американцы начинают понимать что настоящие русские это что-то совсем другое, что они привыкли думать раньше отождествляя русских либо с еврейскими эмигрантами, либо с полудикими крестьянами; да что говорить! Если бы Вы тут пожили поняли бы какую галиматью разводили тут «наши» рисуя Россию как «погром» и дикую страну.

№ 4

23 марта, 1925.

Дорогой Далмат Александрович!

Спасибо за письмо. Если статью о моей книге напечатаете – пришлите мне номер журнала со статьей. Очень бы просил также прислать тот выпуск о быте деревни под ред. Тана, где упоминается о статье и что-то обо мне. Расходы – с удовольствием возмещу.

Из Вашего письма вижу, что Вы «эволюционируете». Психологически – это понятно. Но вот в чем дело: правы ли Вы объективно в Вашем презрении «эмигрантщины» и в восхищении «Советам»? Я боюсь: – Вы очень однобоки. Здесь я систематически читаю Сов. газеты. Получаю много писем из России. Вижу и советск. людей.

И мой вывод такой: первое: некое, медленное улучшение есть, но, не благодаря, а вопреки власти. Не будь последней – улучшение шло бы гораздо скорее. Второе: и все же язвы и раны так глубоки – и в ряде отношений они еще углубляются – (особенно . молодежь городов) – что делать выводы, аналогичные Вашим, я считаю невозможным: неверным по существу и чрезвычайно вредными для страны.

Что касается нашей жизни – она в существенном та же. Здесь уже тепло. Снега нету. Ходим без пальто. Сейчас закончился зимний «квартал», и каникулы – на неделю. Зтем с 1 апр. по 16 июня – весен., квартал, с 22 июня по 28 июля – 1-й летний

с 3 авг., по 6 сент. – 2-й летний, а там с 28 сент. по 20 дек – опять осенний. Но осенний – я гуляю. А остальные занят преподаванием. На следующий год остаюсь здесь.

Сейчас гл. обр. читаю и мало пишу: С осени думаю начать писать свою книгу «Social Mobility». А пока поглощаю всякого материала – особенно статистического – массу. Жду на днях: выхода своей статьи о миллионерах американских.

Подумываю с членами своих двух семинариев издать специальные монографии: одну – статист., социол. исследование Американских лидеров (литературы, науки, индустрии, политики и т.д.), другую, посвященную проблеме города и деревни, особенно в области биолог, психол. и расового отбора производимого городом. Но эти обе работы – пока в процессе обработки. Когда они будут готовы и будут ли статьи «семинаристов» годны чтобы их печатать – еще не знаю. Лена пишет свою докторскую диссертацию и надеется получить степень в июне.

Как живет Егор Лук-ч? Что-то о нем не слышно. Черкните.

Тут тоже у русских возник план издать сборник (Рерих, Гребенщиков, Карпович, Ростовцев, Максимов*, Рахманинов и я) но выйдет ли из этого что – еще не знаю.

Что касается Вашего предложения печатать здесь кой-что из Ваших работ – я думаю, это очень трудно сделать. Не имея английской рукописи – здешние издатели и журналы не будут говорить с Вами. Даже имея ее – они не так охотно печатают статьи автора неизвестного Америке. Посему лично я вижу мало шансов для осуществления Вашего желания, хотя и хотел бы всемерно ему содействовать.

Пока жму руку
Ваш П. Сорокин.

P.S.

Вот что: не можете ли Вы достать книгу М. М. Ковалевского: «Соврем. Социология» (СПб 1905, – изд.) и выслать ее мне. Я был бы очень

* Максимов Александр Александрович (1847 СПб – 1928 Чикаго) – биолог, член-корр. РАН. В февр. 1920 г. через Финский залив бежал в Финляндию. Эмигрировал в США. Профессор анатомии Чикагского университета.

признателен. Я о том же писал А.Г. Винничуку*. Посему, узнайте сначала не добыл ли и не выслал ли он мне ее? Если нет – был бы очень благодарен вам за ее высылку.

№ 5

13 мая 1925.

Далмат Александрович!

Только что прочел Вашу статью о моей книге.** Мне неважно, что Вы говорите и как рассуждаете о моих взглядах: я всегда рассматривал Вас как милого человека, и конечно, безграмотного дилетанта. Но вот что важно: Вы позволили в своей статье сделать ряд утверждений относительно моей честности («Победоносцева не назвал»! боясь евреев!» «приспосаблиется к миллионерам!» и т. д.). Я не знаю, отдавали ли Вы себе отчет, что это значит, когда Вы писали? Я не понимаю, как же, думая так обо мне, Вы находили нужным писать мне дружеские письма?

Если бы я также думал о Вас, то ведь я легко мог бы сказать, что этой как и другими своими статьями за последнее время Вы делаете себе карьеру у большевиков, с которыми, кстати, в 1918–1919 гг. вы очень солидарно «национализировали».

Но... я этого не думаю. Эти и подобные утверждения я просто объясняю Вашей легкомысленностью, дилетантизмом и просто «российской» «беззаботностью» и к фактам и к лицам.

Тем не менее – и Вы это поймете, надеюсь, с человеком, который мне говорит «подлец, приспособливаешься» я не могу дальше быть ни в дружеских, ни в каких бы то ни было отношениях. Это – практический вывод. Теперь, в добавление, пару слов о фактах. Если бы Вы чуть чуть их знали, то поняли бы, что в Америке, и в частности в этом Университете «карьеристу» выгоднее быть «pink

* Винничук Алексей Григорьевич (1887–1982) – юрист. Зам. председателя русской секции Международного Аграрного Бюро. Руководитель из-ва «Хутор» (1922–1949), которое опубликовало «Современное состояние России» (1922), «Систему социологии» Т.1 (1923/4) и «Идеологию аграризма» (1924) П.А. Сорокина.

** Ф. Репейников (Д.А. Лутохин). Лицо революции. // Воля России. (Прага). 1925. №4. С. 134–146. Лутохин в продолжение «Лица революции» написал статью «Изнанка революции», которую «Волю народа» и др. редакции отказались печатать.

socialist» или в худшем случае – либералом, раскланивающимся с революцией, чем быть тем, что я есть. Я себя сильно – очень сильно – порчу «карьеру» своими «черносотенными» взглядами. Это первое.

Второе – ссылки о моей начитанности. Читатель не знающий ничего может подумать, что Вы читали те книги, о которых пишете. А вот я говорю: вы читали ст. Viese, и это почти все. Остальные ссылки «сдули» из этого немецкого сборника. Книгу Park and Burgess (моих хороших знакомых) вы приптели ни к селу, ни к городу (ибо она почти ничего не говорит о революциях, кроме 2–3 стр.). Из этого Вы видите, я читал эти книги. Но не делал на них ссылок потому, что «безграмотные» стараются блеснуть ссылками, а для тех, кто немножко знает – есть мера. Могу еще добавить, если уж на то пошло, я прочел целый курс «История теорий о революции», начиная с китайцев (Конфуция) и кончая нашим временем. Но в книге у меня ни Конфуция, ни Платона, ни Теогниса, ни Арист-ля ни Bodin'a, ни сотни других не упоминаются. Если бы Вы были здесь я показал бы Вам 3 толстых тетради конспектов и цитаты из «первоисточников» этих авторов. Посему – мне не обидно, а немножко смешно читать Ваши «учения» декларации и обвинения меня в неначитанности. Я вспоминаю: «дайте русскому школьнику не знающему астрономию карту неба и он на другой день принесет ее исправленной».

Для Вас может быть будет полезным прочесть VI и сл. книги Платон «Республики» и главы о Революции из «Полит Аристотеля» места у Hobbes'a, Bodin'a (6 книг о республике и т.д.) Странное дело: почти все они отзываются о революции не лучше, чем я! Или и они были «подкуплены»? Или и они были «легкомысленны»? Я боюсь, что Вы и их «снисходительно похлопаете по плечу» как хлопаете L. Play и Burke! (Извините, но это уже хамство!)

Я раньше предвидел и писал Вам, что Вы напишите обо мне. Ваше мнение – особенно теперь, когда я имею блестящие отзывы крупнейших – историков, социологов, психологов и даже биологов –

Америки о книге – могло быть просто «курьезным». И за резкий отзыв я не думал и не думаю обидеться. Но я никогда даже и не воображал, что Вы так думаете обо мне, как человеке. Раз я «мошенник» для меня, а также и для Вас, полагаю – нет никаких резонов поддерживать отношения. Если бы я был на Вашем месте и так думал о Вас – я давно бы уже прервал всякую переписку. Теперь – узнав Ваши взгляды я это делаю.

Кончаю письмо пожеланием, чтобы Вы серьезнее относились к той ответственности, которая лежит на всяком пишущем и печатающем что либо «Кондачек» хорош в танцах, но не в науке или публицистике.

П. Сорокин.

В 1928 г. Далмат Лутохин вернулся в Совдепию.

В 1925 г. из Петрограда в Берлин, а оттуда в Прагу приехал В.И. Миролюбов. Работал редактором в издательстве «Пламя» у Ляцкого. В 1926 г. вернулся в Сов. Россию...

В описи фонда Миролюбова в ИРЛИ письма П.А. Сорокина за этот период не значатся.

Вполне возможно, что если переписка между бывшим редактором «Заветов», «Ежемесячного журнала» и его бывшим секретарем была, то она хранится в одном из пражских архивов...

§3.

**Переписка с Э. Россом (1923–1930)
и Н.Е. Шаповалом (1924–1929)**

Несмотря на всю его резкость Сорокин обладал сильной способностью к «адаптации».

Э. Росс по политическим воззрениям противоположен Сорокину, но получилось, что именно Росс открыл «зеленую улицу» Сорокину в США...

Ростовцев прямо называл Росса **«другом большевиков»**, с которыми ему, Ростовцеву, **«надоело сражаться»**.¹⁰

Попасть эмигранту в США в начале 1920-х, было не просто.

В материалах Росса в Историческом обществе штата Висконсин в Мэдисоне сохранилось значительное количество переписки Росса с Сорокиным и другими русскими учеными из Советской России (А. Кулишер, г. Зилбург, А. Гидони и др.). За всех них Росс хлопотал. Только о Кулишере (ученик М. Ковалевского) Росс послал письма в 18 университетов. Безрезультатно. Пришлось лучшему русскому знатоку (после П. Виноградова) английского конституционного права в течение 20 лет писать статьи для парижских «Последних новостей»... В 1924 г. Александр Кулишер погиб в фашистском концлагере во Франции.

В 1933 г., после прихода нацистов к власти в Германии, Росс прилагает усилия пригласить в университет Висконсина Леопольда фон Визе... В 1936 г. Росс опубликовал свою автобиографическую книгу, в предисловии которой говорилось:

«Жизнь Росса – типичная американская история успеха».

Ещё в 1920 г. в Петрограде под редакцией Сорокина была переведена на русский язык книга Росса «Основы социологии». 15 декабря 1921 г. Сорокин написал Россу письмо с просьбой о помощи, а в последнем перед закрытием «Экономиста» – номере опубликовал рецензию на книгу Росса «Принципы социологии»...

Оказавшись в Праге Сорокин уже 6 января 1923 года пишет письмо Россу, благодарит за помощь, сообщает о своих делах, успехах в публикации книг и статей, изучении английского языка:

«Как self-made man я изучал его сам без преподавателя, в основном в тюрьмах строгого режима».¹¹

В следующем письме (5 июля 1923 г.) Сорокин послал Россу свою рецензию на его «Принципы социологии»

«...она была опубликована в чешском философском журнале: «Ceska Mysl» № 2. 1923. Я написал её, чтобы ваша превосходная книга была известна среди чешских социологов и философов».

Последнее пражское письмо Сорокина Россу написано 10 сентября.

«Я решил ехать в Америку. Выеду из Триеста 13 октября сразу после международного конгресса социологов в Риме. Если меня не задержат иммиграционные власти (я имею визу и все необходимые документы, но такие вещи с русскими эмигрантами бывают очень часто)».

Лекции Сорокина о русской революции в Мэдисоне в 1924 г. вызвали негативную реакцию левых, но Росс защитил. В 1925 г. Сорокин прислал ему свою «Социологию революции». Росс в письме от 25 февраля 1925 г. своему вчерашнему протезе писал:

«Я уверен, что вы будете стоять среди лидеров американской социологии».

Получив от Сорокина «Современные социологические теории» Росс писал ему 26 января 1928 г.

«Мой дорогой друг:

Четыре дня назад получил вашу новую книгу и с тех пор посвящаю ей каждый час, который могу оторвать от своих многочисленных обязанностей. Я просто изумлен огромным количеством литературы,

прочитанной вами и вашим умением извлечь суть и изложить ее на одной-двух страницах. Я считаю, что это одна из лучших ваших книг и, конечно, она сделает вас известным среди американцев, интересующихся социологией. Уверен, что через два-три года или меньше, вы сможете занять высокое положение в одном из наших ведущих университетов. Вполне вероятно, что через несколько лет вас будут приветствовать в качестве ведущей силы американской социологии. Можете представить мою гордость в упоминании, что я помог вашему приезду из Европы в США».

Комментируя это письмо Росса, Сорокин писал:

«Я знал: моя продуктивность за шесть лет превосходит то, что создает средний американский или иностранный социолог за всю жизнь.»¹²

Самого Сорокина «средний» уровень, конечно, не удовлетворял.

13 июня 1930 г. Росс писал Сорокину:

«Умоляю не работать так много. Вы убьете себя. Вы прекрасно поработали в этой стране за минувшие шесть лет и должны быть довольны достигнутым...»

Ответ Сорокина (от 18 сентября 1930 г.) уже из Гарварда:

«Перед тем как уехать сюда, я завершил три тома «Source Book in Rural Sociology». 1-й том выйдет в октябре. Другие в начале 1931...»

Последнее письмо Россу Сорокин написал 24 сентября 1930 г. Больше в материалах архива Росса в Мэдисоне сорокинских писем нет. Э. Росс умер в 1951 году и в воспоминаниях Сорокин помянул его добрым словом...

Обширны письма Сорокина старому другу Никите Шаповалу в Прагу:^{*13}

* Письма печатаются по Ю.В. Дойков. Питирим Сорокин и Никита Шаповал. // «Социологический журнал» (Москва) 1999 №314. С. 215–227. Более полную публикацию писем Сорокина Шаповалу см.: Питирим Сорокин. Социология революции. М. 2005. С. 546–583.

Июнь 1924

Два дня назад я подписал Вас на «The American Journal of Sociology», который Вам будет высылаться. Из общих социологических курсов самыми интересными будут здесь теперь «The Introduction to the Science of Sociology» Burgess и Park (*неразборчиво* – Ю.Д.). Если нужно – напишите и я Вам вышлю. Есть также ряд интересных монографий.

Я не писал Вам так долго, так как до 1 июня был отчаянно занят. Кончил свою вторую книгу 31 мая. Как-никак я сам написал ее в два месяца по-английски. Это не баран начхал. «Социология революции» мною просмотрена и уже в печати. К сентябрю надеюсь увидеть обе книги, уже напечатанными. Это не мало за семь месяцев. (...)

За эти месяцы был избран членом германского социологического общества и членом Вормсовского института социологии. Здесь у меня отношения с социологами хорошие. Самая серьезная социологическая школа в Америке – Чикагская – стоит близко к моим взглядам.

Живем мы в материальном отношении недурно. Снимаем на лето целый коттедж в 30 минутах езды от Нью-Йорка. (...)

Я рад, что не сижу ни у кого на шее, и не завишу ни от кого. (...) Эти два месяца буду главным образом читать американскую литературу, напишу три малые статьи для научных журналов и Times'a. Лена занимается в лаборатории Колумбийского университета. (...)

Отношения с американцами хорошие, кроме из «наших» Кишиневских, которые пытались и пытаются напортить мне чем могут. Но ...пока ничего не могут сделать существенного. (...)

Как дела с русским изданием «Социологии революции»? Если что-либо там тормозится, тогда возьмите, пожалуйста, от Гирса и перешлите ее мне сюда. Я предпочитаю не издавать ее вовсе по-русски, если для этого нужно кого-то просить и зависеть от Ляцких и К^о.²

№ 2

2 августа 1924 г.

... как Вы и Ольга Филаретовна живете? Что у Вас нового? Что вообще нового в Праге и в Европе, черкните, черт возьми, панэ голова! Теперь у меня к Вам просьба. Лена оставила русский текст моей «Социологии революции» у Господина министра Гирса. Он обещал устроить ее издание. Я не имею никаких вестей, в каком положении дело... Думаю, что, вероятно, оно ни в каком, то есть рукопись лежит где-нибудь без движения, и что еще хуже, может быть в руках Ляцкого и К°.

Узнайте у министра о рукописи, не хочу, чтобы она бесплодно валялась по чужим рукам. Плохо ли, хорошо ли, но я ее ценю. (...)

Я теперь более или менее ознакомился с американской литературой ...Много хламу, но есть кое-что и интересное.

Я уже писал Вам, что февраль – апрель я провел в чтении лекций в девяти американских лучших университетах. Май – июль сидел под Нью-Йорком вблизи океана. Пересматривал английскую рукопись «Социологии Революции» и написал по-английски том моих воспоминаний. (...)

Главное время, однако, убиваю на английский. Сейчас, особенно после того как написал том в 350 страниц, пишу по-английски сносно, читаю лекции тоже. Уже не готовлюсь к ним в смысле языка. Конечно, акцент еще есть, но профессор Виноградов уже 25 лет в Оксфорде, а акцент его, пожалуй, хуже моего. (...)

Пишу из Миннеаполиса. Университет Миннесоты пригласил меня на летний семестр прочесть два курса по социологии «Социальная аналитика» и «Социология Революции» для «graduate» («оставленных» при университете), инструкторов и ассистентов по социологии. Вот я и читаю каждый день по 2 часа помимо семинария. Профессора народ хороший, а в этом семестре я оказался Chairman'ом, то есть главой всего департамента социологии. Вообще, должен сказать, что за все время лекторства здесь я ни разу не встретил плохого отношения от американских профессоров. Если встретил раз

«интригу», правда, безрезультатную в Висконсинском университете, то ...от русских «испанцев» и, извините, таких не очень умных «украинцев», как Ваш Грановский* (он, кстати, не только еще не профессор, но только... инструктор и от профессорства к даже Assistant Professor на расстоянии по крайней мере 7–10 лет, если, вообще, когда-либо будет профессором). С американскими же профессорами, в том числе с радикалами я в самых приятельских отношениях, ибо «американский радикал» и «русский радикальный дурак» – вещи равные как небо и земля.

Где буду на зиму, еще не знаю. (...) Лена занимается в Ботанической лаборатории Колумбийского университета.

P.S.

Пишите на мой постоянный адрес: C/o mr Wiren.
Y.M.C.A.

343 Medison Avenue New-York City.

№ 3

18 октября 1924 г.

... радуется, что Вы двигаете социологию и думаете реализовать Социологический институт. Конечно, я буду рад быть полезным ему всем чем могу, равно и для «Суспільство». (...)

Я здесь пока, что на год основался как «полный профессор», осенью я очень мало занят, а потому сильно работаю. Сейчас работаю над «Социальной мобильностью» – проблема новая, слегка задетая мною во втором томе «Системы». (...)

Лена поступила здесь в Graduate School и хочет за этот год заработать Doctor'a ботаники.

Каждый день упражняюсь – 1,5 часа в теннис, ручной мяч и т. д. Миннесотский университет – третий по обширности в Америке. Библиотека – отличная. Народ славный. Город Миннеаполис очень хороший. Так что в этом отношении я очень доволен.

Мне кроме того, в связи с выборами сейчас президента**, приходится говорить и по радио, и без

* Грановский Александр. (г.р. 1887). Профессор зоологии, поэт, украинский общественный деятель в США.

** В ноябре 1924 г. президентом США был избран Кэлвин Кулидж.

радио в десятках обществ и клубов о России, но это так между прочим. На святках буду на съезде социологов, где читаю доклад. Вообще, шаг за шагом я укрепляю свою почву здесь и в года в два в три, если суждено жить здесь в это время, надеюсь выплыть в качестве одного из самых видных американо-русских социологов. Сильно тормозит меня еще английский, но с ходом времени этот тормоз ослабляется.

Я рад, что стал на свои ноги и не завишу не от каких субсидий. Скоро исполняется (через полмесяца) год моего пребывания здесь, и я им доволен. Сделано даже больше, чем ожидал. Будущим летом, если не удастся поехать на лето в Европу, думаю обзавестись «Фордом» (он здесь дешев) и месяц-полтора поколесить вдоль и поперек по Америке.

Пишите чаще и сообщайте Ваши новости.

Ваш П. Сорокин.

№ 4

22 декабря 1924 г.

... был занят по горло буквально: и текущими делами, и докладом для социологического съезда, и исследованием американских богачей, которое только что кончил (это часть моего исследования о социальной мобильности). Оно заняло у меня месяц времени. И я искренне рад, что три часа назад я окончил свою статью о них (около 35 страниц). А, тут еще случилось беда с зубами. Семь штук выдернули и массу времени пришлось убить, чтобы получить новые.

Писать для журнала до лета не обещаю, так как буду очень занят, особенно с января, когда на мои плечи ложится до 12 часов занятий (лекций и семинаров) в неделю. К каждому из коих надо готовиться и серьезно, так как мои курсы для одних «оставленных», готовящимся к магистерским и докторским степеням. (...)

Теперь о «Социологии революции». Из МИДа я получил письмо, где мне пишут, что, если я желаю, они готовы издать ее. Я написал господину Гирсе довольно (одно слово неразборчиво – Ю.Д.)

письмо, где известил его, что я предпочитаю не издавать книги, если для издания ее необходима «апробация» господ социологов из «Пламени», понимающих в социологии столько же, сколько я в санскрите. Письмо МИДа явилось ответом на мое. На днях напишу в МИД, что я предлагаю им издать ее. (...)

Из МИДа мне писал пан Palases (секретарь Гирсы). Не согласились бы Вы, имея английский текст «Социологии революции», провести правку русского текста? В русском тексте я хочу иметь главу о голоде и революциях, которую я выбросил из английского текста, так как выходил за рамки размера. (...)

Мои «Листы ...» (*«Leaves from a Russian Diary»* – Ю.Д.) встретили здесь очень хорошо. Кроме одной кислой рецензии в про-большевистской «Nation» я имею около 12 статей и рецензий, но это далеко не все, более чем похвальных.

Лена месяц назад недурно сдала свои экзамены на доктора ботаники. Теперь ей остается защитить свою диссертацию, что, по-видимому, будет сделано ею легко.

28 декабря еду в Чикаго на социологический съезд. В связи с ним я чувствую себя немного не в духе. Дело в том, что социологи захотели, чтобы я непременно читал доклад о «Международной политике» советских головотяпов. Я так много читаю и пишу о России без того, чтобы читать еще на съезде, где я мог бы предложить что-либо более интересное и ценное. Между тем я уже стою в программе съезда. Скрепя сердцем, я написал доклад и послал его своему содокладчику профессору J. Davis'у из Йельского университета. Но имею намерение, если только будет можно, отвертеться от него, или не читать ничего, или прочесть две другие работы, стоящие далеко и от политики и от советских мерзавцев. Сейчас начались здесь святки. (...)

Вы, небось, там будете выпивать, а здесь по этой части очень плохо, поневоле будешь трезв...

№ 5

20 февраля 1925 г.

... Посылаю Вам статью Росса для журнала. Она довольно интересна. Моя новая книга подходит к концу. (...) Надеюсь она будет не очень плоха, ее тема – вертикальное строение общества и вертикальные перегруппировки, то, что я очень бегло задел во втором томе. В этом смысле она – продолжение моей «Системы социологии». Для нее я использовал такую гору сырого материала и сырых цифровых данных, что даже сам поражен своей энергией...

№ 6

9 марта 1925 г.

... за избрание спасибо.* Моя вторая книга («Социология революции») пока что принесла мне ряд писем от виднейших американских социологов (Ellwood, Giddings, Cooley, Ross, Park и др.), в которых они весьма высоко расценивают книгу. <...>

Сейчас исподволь работаю над книгой о «Социальной мобильности», но когда она будет готова – единому Богу известно. Видимо, не раньше чем через год-полтора, так как преподавание в первый год отнимает львиную долю времени и энергии, да и проблема-то дьявольски сложна.

№ 7

17 июня 1925 г.

...спасибо за устав Института. Высылаю Вам свою статью о миллионерах и статью Chapin'a. Если обе напечатаете – all right. <...>

Пишу Вам в самой чудесной обстановке. Два дня назад семестр кончился. Через четыре часа бешеной езды на автомобиле я в 160 верстах от Миннеаполиса в районе, отведенном индейцам на берегу огромного озера-моря. В лесу, в лесной хижине (Лена осталась дома). Словом, на лоне настоящей природы и веду жизнь дикаря (...) купаюсь,

* В Украинский социологический институт. (Прага).

рыбачу, а сейчас вечер, тишина, птицы, лягушки, бумага, перо и письмо (...). Был уже у индейцев, в их стоянках. Завтра пойду смотреть их пляски и слушать их своеобразную музыку.

Моя «Социология революции» прекрасно принята. Одна рецензия подписана профессором Abbot'ом* из Гарварда. Он считается самым крупным знатоком по истории Америки. Abbot поставил работу выше таких, как Тэн, Ле-Бон. Даже пробольшевистская «Nation» только, что напечатала вполне положительную рецензию профессора Barnes'a, «Нью-Йорк Тайме» и др. дали статьи и отзывы очень положительные. Словом, я вполне удовлетворен, хотя я сам знаю многие недочеты книги, вызванные главным образом тем, что в Праге не было массы нужных книг. Зато первый русский отзыв в «Воле России», написанный Репейниковым, сиречь моим приятелем Д. Лутохиным, коего я устроил в Чехословакии, что называется облил не только книгу, но и меня самого грязными помоями. Как это типично для российско-беспартийно-интеллигентского перекати-поле (...).

...Быть «правым» социалистом – для карьеры в здешних университетах выгоднее, чем быть тем, что я есть. Я очень порчу себе «карьеру» своим «черносотенным» упрямством. (...)

Русский приятель взял и окрестил меня «мошенником». Лутохин и после статьи слал мне приятельские письма и просьбы. Я не обижен. Взглядами Лутохина и «Воли России» абсолютно не дорожу.
<...>

Лена блестяще сдала свой экзамен. Получила степень доктора, удостоилась избрания в члены почетного научного общества и получила пока при этом же университете место исследователя на Plant-Pathology Station, руководимой знаменитым профессором Stakeman'ом – самым крупным специалистом в Америке по патологии растений.

Вот еще, что. Пожалуйста, возьмите рукопись моей «Социологии революции» из министерства. Мне надоела канитель и я лично не заинтересован в ее издании министерством. Пусть эти строки будут для Вас доверенностью. Рукопись пока пусть хранится у Вас. Потом я напишу, что с ней делать.

* Аббот Уилбер Кортес (1869–1947) – профессор Гарварда (1920–47).

№ 8

15 января 1926 г.

Дорогой Никита Ефимович!

Спасибо за «Суспільство». Что вы замолкли? «Социология революции», помимо чешского, переводится на японский и, если финансовые требования моего издателя не помешают, будет переведена на немецкий, так как я получил от трех лиц просьбы разрешить перевод. Я то согласен, но издатель «Lippencott» требует от германских издателей такую сумму, что она едва ли им под силу. Здесь книги имели большой успех и мою репутацию установили.

В общем, я доволен результатами своей работы, хотя работать приходится и много. В один-два года надеюсь заработать здесь репутацию одного из самых крупных лидеров русско-американской социологии.

Оставаться в Америке я, конечно, не думаю навсегда. С изменением обстоятельств в России вернуться туда. Родина есть Родина.

Привет от нас обоим Ольге Филаретовне. Пишите. Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

P.S.

Секретарю Масарика Skrach* я послал по его просьбе обзор наиболее интересных новых работ в американской социологии за последние 2–3 года. Если рукопись дошла, она будет напечатана в «Чешской мысли». Если обзор интересует Вас, попросите рукопись у доктора Skrach.

№ 9

31 января 1926 г.

...буду рад, если «Социологию революции» переведете на украинский. Предисловие напишу с удовольствием. (...)

Я с большим удовольствием буду делать все, чем я могу быть полезен делу украинской социологии.

* Шкрах Васил Капралек (1891–1943). Социолог, публицист, издатель трудов Масарика.

Сегодня буду говорить по спецрадио на русском языке с Россией, слушателями, вероятно, будут одни коммунисты, но ничего, пусть немного послушают.

№ 10

27 марта 1926 г.

...я не пеняю на Вас за Ваше молчание, я просто жалею лишь, что редко получаю Ваши письма, так как я люблю их получать. Они всегда живые и полны интереса для меня. (...)

Вы знаете, что я абсолютно ничего не имею против украинского возрождения и желаю ему всяческого успеха. Единственно, что я считал бы вредным и для дела возрождения и для всего общероссийского дела, это разжигание антагонизма против России или «Московии». Здесь я тверд и всякое подобное дело считаю вредным для возрождения самого и для всей российской культуры. Хотим ли мы этого или нет, но Киев и Москва и Иркутск связаны неразрывно. (...) С другой стороны, существование связи не мешает и Киеву, и Москве, и Верхнеудинску по-своему развиваться. (...) Здесь, я так сказать, «линкольнианец». И, как он, даже путем войны помешал распадению Америки на Северную и Южную, так же нужно сделать все, чтобы помешать разрыву России на части. Это было бы великим несчастьем.

Спасибо Вам за информацию. Она богата и интересна. (...) Позвоните Skrach'у и от моего имени попросите прислать несколько экземпляров №1 1926 г. журнала «Чешская мысль»... (...) Перевод «Социологии революции» всецело доверяю Вам. Лучше, если перевод будет с моего английского текста, а не русской рукописи. (...)

Чешский перевод близится к концу и скоро, видимо, выйдет? Краль* прислал мне просьбу разрешить ему выпустить популярную брошюру о книге. В Японии доктор О'Хара сейчас переводит

* Joset Kral (1882–1978) – чешский социолог и философ.

книгу, а доктор Мусагава выпускает спецброшюру по ее поводу.

Здесь в новой книге Elwood'ф глава о революции написана по моей книге.

В Испании профессор А. Посада* в «Nacion» напечатал и прислал мне большую статью по ее поводу и об ней.

Новую книгу я кончил. Сейчас она послана Hayes'у на прочтение. Имею пока шесть предложений от различных издателей. Не решил еще, кому ее дам. Книга, надеюсь, будет не совсем плохая. Пожалуй, лучше из всего, что я писал до сих пор. Она вся, так сказать, индуктивна.

Живем мы в квартире из четырех комнат со всеми удобствами. Дом наш стоит на Миссисиппи. Очень красивое место.

Университетские здания – их более 20 огромных корпусов – рядом. Библиотека университета рядом (три минуты ходьбы). Вот так и живем между домом и университетом. Но, конечно, раз-два в неделю или клуб, или обед званый, или что-либо в этом роде. Компания главным образом профессорская или различные влиятельные люди города.

Раз в неделю мы выезжаем за город за 20–30–40 миль проветриться, конечно, на автомобиле, которые тут имеются в каждой семье. Мы пока не приобрели, хотя он очень дешев, просто потому, что нет в нем необходимости. Лишние хлопоты. Один или два часа в день я обычно трачу на физические упражнения. Зимой в огромном здании университетского стадиона (специальное здание на 60 тыс. человек для футбола и всевозможных гимнастики и спорта). Играю в ручной мяч. Летом – купанье, волейбол и т.п.

Несмотря на все, все же жизнь здесь слишком уж стандартизирована, так что иногда становится немного монотонно. Вдобавок, если в Нью-Йорке по части выпивки очень хорошо, здесь не пьют. Так, что если мы будем иметь удовольствие видеть Вас в Миннеаполисе, на «рюмку» водки не очень рассчитывайте. Всего другого – все приготовим. А

* Посада Адольфо Гонсалес (1860–1944). Юрист, социолог, публицист. Профессор в университете Овьедо.

этого, пожалуй, и не удастся. Отношения у нас с профессорами очень хорошие. Но опять же «славянская натура» есть нечто отличное от «американской». Нашей «интимности» и «души нараспашку» здесь как-то нет совсем.

Иногда и хочется по-русски «побеседовать». Впрочем, мы оба от этого не очень страдаем. (...)

В общем, Америку я очень люблю. Но... Россию я люблю еще больше. <...>

Ваш П. Сорокин.

P.S.

Да, могу похвастаться, месяц назад я получил чрезвычайно лестное благодарственное письмо от Герберта Гувера, знаменитого министра торговли Соединенных Штатов. В нем он чрезвычайно благодарит меня за опубликование моих «Социологии революции» и «Листов из русского дневника» и хвалит их без меры. Так как письмо написано исключительно по его собственной инициативе, я лично до сих пор не встречал его, книг ему не посылал, и вообще, никогда не писал ему, то соответственно я тронут таким отзывом, этого, пожалуй, самого крупного государственного деятеля и писателя Америки.

№ 11

30 ноября 1926 г.

<...> Летом я учил, частью колесил на своем «Форде» по дебрям Севера Америки и Канады.

Будущим летом надеюсь таким путем наполовину исколесить тысячи 4–3 миль через Колорадо, Калифорнию, пустыни, горы, леса. С этой целью продал «Форд» и купил «Крайслер» (вообще в буржуи записался уже, хотя по здешнему иметь автомобиль, не больше чем иметь штаны). <...>

«Современные социологические теории» разрослись и обещают быть более интересными, чем я ожидал. <...>

В конце 1927 года она выйдет сразу и по-немецки (переводится будет с рукописи) и по-английски.

В апреле 1927 г. Н. Е. Шаповал побывал в США. В его дневнике сделаны записи:

22 апреля 1927 г. Мэдисон.

Познакомился с Россом. Говорили про характер революций. Академик А. А. Васильев из Петрограда.

29 апреля, суббота.

В понедельник 25-го выехал в Миннеаполис. Встретился с Сорокиным на вокзале.

26.IV. Был на лекции у Сорокина.

27.IV. Встречался с профессорами Чапин, Циммерманом, Кларком и др. У Сорокина учится какой-то Dr. Клодницкий.

В Чикаго приехал 28.IV. (вчера)¹⁴

№ 12

20 октября 1929 г.

Спасибо, что вспомнили и написали большое письмо. Жаль, что вы чувствуете себя уставшим, но рад, что отдаляется от «общей работы» и концентрируетесь на науке. Вы знаете мое откровенное мнение, что я не считаю Вашу «политическую» работу нужной и полезной, но всегда ценил Вашу культурную работу без ее политического заострения.

Теперь о Ваших вопросах. Chapin переехал в Нью-Йорк в связи с редакторством в «Abstract». Устроить Вас туда при всем желании невозможно. Хотел бы помочь Вам как-нибудь в финансировании Института, но я дурак в финансовых делах и поэтому даже не возьмусь за такую попытку. Вообще, если Вы думаете об Америке, овладевайте хорошо английским языком. (...)

Что касается моих работ и положения, то все в корне изменилось с тех пор, как Вы были здесь. <...>

«Principles of Rural-Urban Sociology» единогласно признаны лучшей книгой в этой области в мировой литературе. «Социологические теории», по-видимому, тоже признаны лучшей в этой области в мировой литературе. Даже мой друг von Wiese*, как Вы видели из его рецензии и второго тома его

* Wiese Леопольд фон (1876 Глац – 11.01.1969 Кельн) – основатель Института социальных наук в университете Кельна.

Allgemeinen Soziologie несмотря на то, что я разнес его формальную школу, признает это.

Я рецензировал его второй том «*Zeitschrift fur Volkerns*» в Турнвальда* в только что вышедшей книге... <...>

О научных статьях в японских, испанских, французских, американских и даже бенгальско-индийских журналах не упоминаю. Они печатаются, переводятся и комментируются. <...>

За последнюю неделю я получил четыре предложения: быть главой факультетов социологии в университетах Мичигана, Иллинойса, Гарвардском университете и почетное профессорство в Университете Висконсина. <...>

После ряда колебаний я вчера остановил свой выбор в пользу славнейшего из американских университетов – Гарвардского.

Американцы даже говорят: «Всякий магометанин мечтает о Мекке и всякий американский профессор мечтает о Гарварде». <...>

Таким образом за шесть лет русский беженец достиг вершины в смысле академической карьеры. <...> Не удивляйтесь, если через год-два Вы увидите меня выбранным в Президенты Американского социологического общества. (...)

И я лично очень рад, что даю кое-что для поддержки престижа русской науки. (...)

... что касается фон Визе, то из его книги и рецензий Вы видите, что на 75% он должен был признать правильность моих возражений. Эта различность взглядов не мешает нам быть друзьями, и сегодня я получил от него дружеское письмо с благодарностью за мою не очень суровую рецензию на его книгу. С Турнвальдом мы единомышленники во многом.

G. Richard** называет меня не иначе, как мэтром. Японские социологи Nunokawa и другие пять книжек экономического журнала этики и социологии за прошлый год заполнили 1/4 каждой книги статьями о моих работах.

* Turnwald Рихард (1869 Берлин – 19.01.1954 Берлин) – профессор Берлинского у-та с 1923 г.

** Richard Гастон – французский социолог. С 1926 г. – генсек Межд. Ин-та Социологии.

Профессор из Калькутского университета и директор индуcского экономического института B.K. Sarkar* печатает в «Callcutta University Review» серию статей под заголовком «Social and Political Philosophies from Herder to Sorokin». Словом, как Вы видите, я стал Великим князем социологии. Всего меньше признания я имею среди русских. Это меня не беспокоит. Через 15 лет с опозданием они признают. А пока я работаю много и будущий год, вероятно, придется много поработать, организовав социологию в Гарварде. <...>

Планирую начать там свой шедевр «Социальную динамику», которую хочу сделать классической работой. В Гарварде я, по-видимому, уже осяду надолго. Из Гарварда, как из вершины, некуда идти выше.

Возможно, что лето 1931–1932 годов я буду в Европе. Если хотите иметь экземпляр «Principles» – черкните. Вышлю. Если хотите иметь ее наскоро – экземпляр ее имеется у профессора V. Smetânka** (Praha – Karlín, Strossmayerova, 3). Сошлитесь на это письмо и попросите у него на время.

Недавно был здесь профессор Тимошенко***, не младший, а старший. Замечательный специалист по технологии. Умный и дельный человек. <...>

№ 13

28 ноября 1929 г.

<...> с плохим английским здесь не примут. Шансы для человека старше 50 лет быть принятым, тоже ничтожны. Поэтому отзывы мало помогут.

Я говорил вчера с деканами о приглашении Вас, они отказались: «Нет денег», «Не можем делать фиктивных приглашений», и т.д.

Что касается визы, я уверен, хлопотами Вы устроите. Здесь в течение 1–2 года подучите язык и приспособитесь – после этого времени с Вашей

* Sarkar Беной Кумар (1887–1949) – профессор Калькутского у-та (1926–49).

** Smetânka Вацлав – переводил «Социологию революции» на чешский язык.

*** Тимошенко Степан Прокопьевич (1879 с. Штоповка, Конотопский у., Черниг. губ. – 1872 Пало-Алто. Калифорния) – в 1927–1936 гг. занимал кафедру в Мичиганском университете в Анн Арбор.

энергией и талантом Вы, вероятно, сумеете устроиться здесь так или иначе. Но, и то не наверное. «Если счастье подвезет». <...>

Лично я считаю, что оставаясь там и работая в чисто научно-культурной области (не политической). Вы сделаете и больше, и будете чувствовать себя лучше, чем здесь на весьма неопределенном положении.

Мое отрицательное отношение к Вашей политике состояло и состоит, как мы не раз «спорили» с Вами, в моем убеждении, что линия «суверенной Украины», стимулирующая нелюбовь и ненависть к России «Великой» и утопична и вредна и для Украины и для России.

Теперь более, чем когда-либо, я верую, что исторические судьбы Харькова, Киева, Москвы, Петербурга, Вятки едины и неотделимы, что не мешает мне признать и желательность широких политической и культурной автономий этих и других «провинций и штатов» России.

Эта позиция, однако, ничуть не мешает питать наиболее теплые и дружеские чувства к Вам и уважать Вас. 24–26/XII буду у друзей в Йельском университете. 27–30/XII на социологическом съезде в Вашингтоне. <...> Между делом, возможно, напишу или «Основные проблемы истории социологической мысли» или «Историю социологической мысли». <...>

№ 14

5 мая 1930 Миннеаполис

<...> Приятно приветствовать Вас опять на этом материке. Мы пробудем в Миннеаполисе до 28 июля. С 28 июля до 28 августа поедем «цыганить», то есть путешествовать. В конце августа, возвращаясь, остановимся в Миннеаполисе недели на две, а затем поедем на автомобиле в Гарвард. Если до конца июля будете в Миннеаполисе, будем рады Вас видеть. Если не удастся Вам быть здесь и будете в Бостоне, надеюсь, дадите о себе знать и

повидаемся в Гарварде. Я кончил почти 3-томную работу по Rural Sociology. (...)

Я чувствую себя уставшим и посему, вероятно, «равнодушным» ко многому. Как-то многое надоело.

В Виннипеге профессор социологии и экономики Mr. Murchison мой знакомый и до некоторой степени ученик. Если Вам понадобится повидать его, сошлитесь на мое имя. <...>

Следующие письма Шаповалу Сорокин напишет уже из Гарварда...

§4.

Два письма И.П. Павлову (1927). 20 антибольшевистских статей в «Воле народа» (1917)

В «Дальней дороге» Сорокин дважды пишет о Павлове:

«Опубликовав два тома «Системы социологии», я отложил написанное, чтобы непосредственно изучить явление, типичное для революции – голод. Вместе со студентами и сотрудниками, в тесном взаимодействии с академиками И. Павловым и В. Бехтеровым я начал исследование влияния голода на человеческое поведение и организацию общества».¹⁵

< >

«Один из самых великих ученых, И. П. Павлов, показал, до каких высот нравственности и научных идеалов поднимался дух ученых России в те ужасные дни. Как двое наиболее часто выступающие с критикой коммунизма ученых, мы с Павловым крепко сдружились в те годы. Вместе с ним мы организовали Общество объективных исследований человеческого поведения, где я был действующим, а Павлов – почетным председателями. Не иначе

как в целях пропаганды своей политики за рубежом Советское правительство в 1921 году издало декрет специально о Павлове, в котором заявило о публикации всех его работ и создало комиссию, куда вошли Максим Горький и Луначарский, для решения неотложных проблем его лаборатории. Павлов ответил заявлением, что он не торгует своими знаниями и не примет ничего из рук, уничтоживших русскую науку и культуру.

Такие героические поступки и такая приверженность своим идеалам вопреки гонениям были не единичны, но были и противоположные примеры».¹⁶

Иван Петрович Павлов из Советской России выслан не был, но до самой смерти оставался там единственным открытым антибольшевиком. Дважды (в 1923 и в 1929 гг.) он посещал США и возвращался в СССР...

В 1927 году Павлов опубликовал «Лекции о работе больших полушарий головного мозга», в которых подвел итоги своим многолетним исследованиям... Тогда же Павлов написал письмо Максму Истмену:

15-7-1927 г. Ленинград.

Уважаемый господин Истман !

Я прочел с интересом Вашу книгу и вполне присоединяюсь к Вашей критике философской подкладки марксизма. Но я не могу признать просто науку революции. Такой нет и долго еще не будет, так как нет научной политики, истории, социологии и так далее, это только жизненное блуждание, только частью направляемое эмпирически, у кого силен многообъемлющий здравый смысл. Нашу большевистскую революцию, с ее ужасающими для нашего теперешнего умственного и нравственного развития подробностями, считаю анахронизмом, который (я убежден в этом) никогда и нигде в культурном мире не повторится в таком виде. Таково мое крайнее разумение в этих вещах.

С истинным уважением – «Иван Павлов»».¹⁷

В огромном архиве Павлова в Петербурге сохранилось два письма Сорокина от того же 1927 года:

6 марта 1927 г.

Глубокоуважаемый Иван Петрович:

Я позволяю себе обратиться к Вам с следующей покорнейшей просьбой. Для моих собственных научных работ и для лучшего ознакомления англо-американских ученых с вашими работами я очень желал бы иметь все, что было опубликовано Вами и Вашими учениками касательно человеческого поведения после 1924 года. Последнее, что я имею – это Ваш «Двадцатилетний опыт». Из разных источников я знаю, что ваша школа опубликовала ряд новых замечательных работ относительно торможения рефлексов сна и даже относительно нового метода исследований умственных способностей (mental test-профессора Красногорского). Но все это я знаю из вторых рук, фрагментарно и поэтому неаутентично. В ряде своих работ, которые я попробовал выслать Вам но unsuccessfully, я пытаюсь применить основные данные Ваших теорий к истолкованию общественных явлений.

Я был бы чрезвычайно благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным, хотя бы в некоторой степени удовлетворить мою просьбу, выслать мне те работы, которые Вы найдете полезными и важными для вышеуказанных целей.

Если высылка сопряжена с расходами, я с удовольствием возьму их.

Позволю себе напомнить, что я имел честь встречаться с вами несколько раз в 1920–1922 годах и в Вашей лаборатории и у Вас на квартире.

Желаю Вам здоровья и сил для продолжения той великой работы, которую Вы столь успешно делаете и для чести России и для блага человечества.

С искренним уважением П.А. Сорокин, профессор
Петроградского теперь
Миннесотского Университета.

P.S.

Помимо ваших работ, особенно интересной для меня является новая работа профессора Красногорского об исследовании умственных способностей».¹⁸

№ 2

12 мая 1927

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Петрович,
Большую радость доставили Вы мне присылкой Вашей великой и прекрасной книги.* Огромное спасибо Вам за это. Всякий ученый будет гордиться ею; русский ученый гордится ею в двойной степени, потому что Ваша работа – работа русского и блеск Вашего ума падает и на русский народ.

Я только что получил ее и успел прочесть лишь первые четыре лекции и пишу это письмо в предварительном порядке, чтобы поблагодарить незамедлительно. Позже я напишу, что и как я сделал в смысле осведомления американских ученых о ней. В ближайший понедельник я делаю о ней доклад среди наших психологов, социологов и биологов. Затем предполагаю дать реферат о ней в американском социологическом журнале, так как уверен, что психологи Америки и физиологи будут писать о ней в своих журналах. Насколько мне известно, она уже переводится и выйдет с предисловием Watson'a.**

О Ваших предыдущих работах, поскольку они касаются исследования человеческого поведения и социальных явлений, я писал уже в обзоре русской социологии за XX век. (Jahrbuch fur Soziologie. Bd. II. 1926).

Пишу о них в своем докладе на последнем съезде американских социологов, «Russian sociology in the Twentieth Century». Он выходит в июне в «Proceedings of American Sociological Society». Моя книга «Sociology of Revolution» целиком построена на теории условных и безусловных рефлексов, конечно, с указанием того, что она – теория – развита вами и вашими учениками. Наконец, в выходящей осенью моей книге «Contemporary Sociological Theories» в отделе, посвященный behavioristic sociology положена Ваша школа, и с точки зрения вашей теории я критикую многие легкомысленные и спекулятивные-псевдообъективные теории многих

* Павлов послал Сорокину свою книгу «Лекции о работе больших полушарий головного мозга» с надписью «Глубокоуважаемому Питириму Александровичу Сорокину от автора».

** Уотсон Джон Бродес (1878 Южная Каролина – 1958) – американский психолог.

американских бихевиористов и «псевдобихевиористов», к числу коих я отношу и таких лиц как J. Watson, который по существу, мало что сделал сам и, конечно, ни одного атома экспериментального материала не прибавил, все слизал у Вас, а претензии обнаруживает большие и выводы часто делает сногшибательные, пахнущие хорошим сортом спекулятивной метафизики.

Я уже не говорю о таких невеждах и нечестных и вредных для русской культуры лицах, как небезызвестный Вам «профессор» J. Davis. Если он еще заявится к Вам, отчитайте его хорошенько. Это «Хлестаков» во всех смыслах. Я пытался послать вам перечисленные мои работы, не для того чтобы отнимать Ваше драгоценное время на их чтение, а просто как дань глубокого почтения и восхищения Вашим гением. К сожалению, в силу неисправности почты, они не могли достичь Вас.

В газетах я читал, что доктор Красногорский изобрел какой-то новый mental-test для измерения разума разных животных и людей.

Если это верно, и если это не очень обременительно, я очень желал бы получить то, что он напечатал или сделал в этой области. Сейчас я отдаю главное время чисто экспериментальной работе с детьми и взрослыми. Исследую три большие социальные проблемы, и работа Красногорского была бы очень полезна для меня.

Пока на этом кончаю. Позже напишу подробно. Еще раз огромное и сердечное Вам спасибо за вашу исключительную любезность.

Глубокопреклоняющийся перед вами
Питирим Сорокин.

P.S.

Если чем-нибудь я могу быть полезным Вам – буду душевно рад сделать все, что могу.»¹⁹

Иван Павлов, Питирим Сорокин, Михаил Ростовцев, следует признать, были необычными фигурами в русской науке... «Черные кошки»... Добавить к ним еще чье-либо имя сразу не так просто... Может, Никодим Кондаков...

После большевистской революции от красного террора из России бежало несколько миллионов людей.

Несколько сотен ученых смогли добраться до США, но только несколько человек из них смогли найти работу в американских университетах... Причина – плохое знание английского языка, слабая способность к адаптации.²⁰

В нынешней РФ Сорокин и Павлова по-прежнему одевают в «советские» одежды.²¹

Статьи П.А. Сорокина 1917 года из «Воли народа» опубликованы выборочно.²²

Восполним пробел хотя бы названиями неопубликованного:

1. Проклятье русской нации. (1 июля)
2. Есть ли надежда? (№71. 26 июля. С.1)
3. Ничему ненаучившиеся (№91. 13 августа. С.1-2)
4. Гибельный разрыв. (№98. 22 августа. С.2)
5. Суждены нам благие порывы. (№133. 10 октября. С.1-2)
6. Заметки социолога (17 октября).
7. Заметки социолога (18 октября).
8. Назревающее междоусобье (№152. 24 октября. С.1)
9. Знаменательный дебют (№154. 26 октября. С.1)
10. На двух стульях (№156. 28 октября. С.1-2)
11. Единство демократии и большевики (№158. 30 октября).
12. Недоноски большевизма (№159. 31 октября. С.1)
13. Кто фальсификатор? (№159. 31 октября. С.1-2)
14. Угрозы лживой «Правды» (№193. 14 декабря. С.1)
15. Выход из тупика. (№196. 17 декабря).

Кроме того, вероятно, именно Сорокин автор многих неподписанных передовых статей в «Воле народа».

Стиль Сорокина узнаваем не только мною...

Автором неподписанных статей:

- 1) Долой большевизм (7 сентября)
- 2) Опасный уклон (8 сентября)
- 3) Проблема власти (15 сентября)
- 4) На краю бездны (20 сентября)
- 5) Ленинцы, черносотенцы и полуленинцы (13 октября)

«...по темам, тону, стилю схожим с авторскими статьями Сорокина» современный исследователь

«с риском ошибиться» считает П.А. Сорокина. Поскольку:

«...в отличие от статей Аргунова, строго фактологических, логических, иногда сухо аналитических, статьи Сорокина эмоциональны и обращены не на сам факт, а на его социологический смысл».²³

§5.

а). Письма Мак-Кракену (1924–1925)

...Продолжается переписка Сорокина с Мак-Кракеном. Из нее известны первые американские адреса Сорокина.

В ноябре 1923 г. Сорокин жил: 145 W. 84 th. str. New-York City. С конца марта по июль 1924 года Сорокин с женой жили в арендованном у Алексея Вирена доме по адресу: 204 Sheffield Ave. Springfied Gargen. Laurelton, Long Island. N.Y.C. Здесь в первых числах июня 1924 года Сорокин завершил «Leaves from Russian Diary».

В письме от 10 июня 1924 года Сорокин писал, что в апреле читал лекции в университетах Принстона и Мичигана, а в августе–сентябре даст два курса по всеобщей социологии в университете Миннесоты.

2 августа уже из Миннеаполиса Сорокин пишет:

«Из моей страны приходят очень плохие вести: снова голод, холера, тиф и так далее. Но, в то же время мне кажется, что новые молодые силы растут. Я оптимист».

17 августа.

«Я принят в университет Миннесоты в качестве профессора на следующий академический год <...> Экономические условия сравнительно скромные,

но они дают мне возможность жить, а это все что мне нужно».

20 октября.

«Посылаю вам экземпляр «Leaves from a Russian Diary», которая только что опубликована <...> Моя вторая книга «Социология Революции» выйдет в течении следующих двух-трех недель» <...> Я начал изучать проблему социальной мобильности. <...> Ужасно, что приходится выступать с лекциями о России по крайней мере раз в неделю в различных клубах. Надеюсь, что очень скоро я положу конец этому моему «бизнесу».

28 ноября.

«Кажется Вассар Коледж становится убежищем для русских «контрреволюционеров», после меня, вы оказали гостеприимство госпоже Жекулиной*, не говоря о других «контрреволюционерах» <...> Доктор Кондратьев приехал к нам три недели назад и все еще здесь. Чтобы его после возвращения Советское правительство не объявило за это «преступником» мы, по возможности, храним этот факт в секрете. Сейчас Кондратьева нет. Когда он вернется – я спрошу поедет ли он в Вассар в ответ на ваше дружеское приглашение. Если поедет, то прошу вас не давать паблисити его заявлениям, а если он будет вынужден все-таки давать некую информацию, то только людям, которые могут хранить в секрете его очень скромные заявления. <...> Моя «Социология Революции» выходит в январе. <...> Я получил дюжины рецензий на мои «Leaves...» Все они превосходны за исключением рецензии в «The Nation».²⁴

9 мая 1925.

«Я получил предложение остаться здесь на следующий год. <...> В России дела идут так как они должны идти. Революция вступила в третью стадию.

* Аделаида Владимировна Жекулина (урожденная Евреинова) (1866 Курск – 1950 Брюссель) русский педагог и общественный деятель.

<...> Страна все более возрождается, а ее «первые» люди показывают явные признаки слабости. «Агония» будет продолжаться некоторое время. Мне кажется ее конец недалек. Недавно я получил изданный русской компартией том (A Survey of the country life in Russia), в котором прочитал, что я крайне популярен среди крестьян соверной России. Такое свидетельство от Компартии мне крайне льстит».

25 ноября 1925.

«Не знаю для чего я написал около 400 страниц книги* о том чего я не знаю. Каждый человек имеет свой собственный бзик»

«Социальная мобильность» опубликована в 1927 году. И как пишет Барри Джонстон:

«...была первой из четырех книг Сорокина, ставших основополагающими в социологии того времени»²⁵

Мак-Кракен прожил долгую жизнь. Умер в возрасте 89 лет в 1970 году. Вассар Колледж он возглавлял с 1915 по 1946 год...

Кое-что можно извлечь и из прессы Вассара...

«Профессор Сорокин получил формальное приглашение от Советского правительства вернуться в Россию и занять его прежнее место в качестве редактора крестьянского журнала. Другие редакторы этого журнала получили сходные предложения. Но профессор Сорокин не вернется в Россию пока большевики у власти. Он полагает, что нынешнее правительство разрешая ему вернуться обратно надеется на его поддержку в примирении крестьянской партии с большевиками. Если даже он примет такое предложение правительство не сможет предотвратить его убийство крайними экстремистами, полагает Сорокин. Сомнительно также,

* Речь идет о «Социальной мобильности».

что он останется в живых, когда начнет обучать большевиков своей собственной психологической науке. Если, как пишет нью-йоркская газета, Троцкий брошен в тюрьму своей собственной партией, то конец большевиков очень близок».²⁶

Через день после публикации этой заметки в России умер Ленин... Новость застала Сорокина, видимо, уже в Нью-Йорке. Он немедленно пишет развернутый некролог «Фанатик и антисоциальный экстремист» и публикует в нью-йоркском ежемесячнике «Current History».^{26а}

Приблизительно в ноябре 1923 г. в Нью-Йорке была создана «Русская Академическая группа в Америке». Председателем Правления стал барон Сергей Корф. Секретарем – Михаил Карпович. Среди 20 членов – учредителей РАГ – Питирим Сорокин. Адрес секретаря группы Карповича – комната 805. 342 Madison Avenue, NYC. Здесь же находился и офис «Помощи русским студентам», которым руководил Александр Вирен...

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В АМЕРИКЕ

- 1. Балдин Силуан Фемистоклович**
- 2. Бахметев Борис Александрович**
- 3. Ботезат Георгий Александрович**
- 4. Васильев Сергей Александрович**
- 5. Виннер Николай Владимирович**
- 6. Гольдштейн Иосиф Маркович**
- 7. Гальцов Павел Семенович**
- 8. Данчакова Вера Михайловна**
- 9. Ингерман Сергей Михайлович**
- 10. Карпович Михаил Михайлович**
- 11. Ковальский Казимир Адольфович**
- 12. Корф Сергей Александрович**
- 13. Оберучев Константин Михайлович**
- 14. Остромысленский Иван Иванович**
- 15. Петрункевич Александр Иванович**
- 16. Покровский Николай Владимирович**
- 17. Полушкин Евгений Павлович**
- 18. Сатина София Александровна**
- 19. Сорокин Питирим Александрович**
- 20. Стадниченко Таисия Максимовна**

**СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В АМЕРИКЕ НА 1924 ГОД**

**(Избрано на Учредительном Собрании Группы 4
декабря 1923 года)**

**Председатель – барон Сергей Александрович
Корф**

**Первый Товарищ Председателя – Александр Ива-
нович Петрункевич**

**Второй Товарищ Председателя – Силуан Фемис-
токлович Балдин**

Казначей – Сергей Михайлович Ингерман

Секретарь – Михаил Михайлович Карпович

**Адрес Секретаря – Room 805, 342 Madison Avenue,
New York City**

**Адрес Казначея – 418, Central Park West, New
York City.²⁷**

Если на первую русскую книгу Сорокина «Преступление и кара» был дождь рецензий, то на первую американскую – ливень:

- 1) Charles Recht. Refugee Psychology (Nation. 1924. Nov.26)
- 2) Alexander I. Nazaroff. (New York Times. 1924. Dec. 7)
- 3) A.N. Nikolaieff. Russia from Within. (New York Evening Post. 1925. Jan. 3)
- 4) Louis H. Wetmore (Commonwealth. 1925. March 4. P.469-470)
- 5) Johan J. Smertenko. (New York Herald Tribune, 1925, March 14)
- 6) Harold D. Lasswell (The American Journal of Sociology. 1925. July. Vol.31. No1. P.108-109)

Уже через пару месяцев после выхода книги Сорокин, как это видно из его письма библиотекарю Университета Миннесоты Фрэнку Уолтеру, насчитал около 20 рецензий на нее. В том числе в:

- 7) «The Century»
- 8) «World Work»
- 9) «The Sun»
- 10) «The World»
- 11) «The Saturday Review of Literature»
- 12) «Boston Evening Transcript»
- 13) «Christian Advocate»

14) «The American Mercury» и другие.²⁸

Своих антикоммунистических взглядов Сорокин не скрывал. В начале мая 1924 года, когда он по приглашению Чарлза Кули приезжал прочитать несколько лекций в Мичиганский Университет, местный журнал писал:

«Питирим Сорокин, бывший профессор Петроградского университета, который прочитал на минувшей неделе серию лекций в Энн Арборе, прибыл к нам с самой прекрасной русской рекомендацией. Он трижды сидел в тюрьме при царском режиме. Он был приговорен к смерти и, наконец, выслан коммунистическим правительством потому что он был ученым и написал книгу «Голод как фактор»».²⁹

Не везде было так, как в Мичигане... В «Дальней дороге» Сорокин пишет о первых годах в США:

«...меньшинство американских социологов пыталось приуменьшить ценность моих работ всеми возможными способами. Как я узнал позднее, часть людей, входивших в это меньшинство, даже начала умышленную кампанию по «дискредитации Сорокина». Я не знаю точно, каковы были их мотивы. На основе отрывочных свидетельств, подозреваю, что «заговорщикам» не просто не понравилась разница в наших точках зрения, им встала поперек горла моя антикоммунистическая деятельность, которой я был занят в тот период, и моя критика любимых ими теорий и идеологий».³⁰

В 1924 году кроме «Leaves from a Russian Diary» и ленинского некролога, Сорокин опубликовал статью «Новый советский свод законов и советская юстиция», в которой речь идет о новом Уголовном кодексе РСФСР принятом в 1922 году. Начинает ее так:

«К 1922 году едва ли возможно говорить о какой-либо юстиции, законе, суде в Советской России, если вы хотите использовать эти термины в обычном значении. Годы 1918–21 были годами террора».

И продолжает:

«Я сам был свидетелем. В Устье во время моего заключения около 40 крестьян были расстреляны местной ЧК без всякого суда. Жертвы даже не знали за что их арестовали. И так по всей России. В период 1918–21 годов было казнено не менее, чем 500 тысяч человек».*

Вывод статьи – о «юстиции» в Советской России нельзя говорить вовсе...³¹

После выхода в январе 1925 года «Социологии Революции», Сорокин книг о России не писал долго...

Кампания по «дискредитации Сорокина» сыграла свою роль...

б). Семь рецензий в «The Saturday Review of Literature» (1924–1927)

Как и в России, Сорокин пишет рецензии на книги.

С 1924 года в Нью-Йорке стал издаваться журнал «The Saturday Review» (его основателем и редактором (1924–36) был литературовед Генри Кэнби. (1878–1961)). Время от времени в журнале появлялись небольшие рецензии профессора Университета Миннесоты Питирима Сорокина.

1. Русские Анналы. (1924. 2 августа).

Рецензия на «Modern Russian History» Александра Корнилова в переводе Александра Кауна (Knopf. 1924)

«Это один из лучших учебников по русской истории XIX столетия. Только «Лекции по русской истории» профессора Платонова, «История» Шмурло (опубликована на русском в 1920 г.) и 5-й том «Истории России» Ключевского (опубликован на русском только в 1922 г.) могут быть упомянуты

* Сорокин не указывает методы, которыми он вывел эту цифру. По данным профессора Эдинбургского университета Чарлза Саролеа от красного террора погибло более 1 миллиона человек («The Scotsman». 1923. №7. November).

как соперники, в некоторых отношениях они даже лучше, книги Корнилова. <...> Библиография приложенная к книге, однако, не полна. <...> Даже не упомянуты такие книги: как Маслов «Россия после 4 лет революции» (Kings Co), «Русский экономист» (тома I–VII. Лондон. 1918–1924) или статья Макалова о русском крестьянстве («Slavonic Review» 1923) и некоторые другие.

Что касается очерка А.С. Кауна «Россия при Николае II», который добавлен к книге, мы должны сказать, что автор хорошо сделал искренне сказав: «Я не претендую трактовать этот период *sine ira et studio*, слишком много негативных преувеличений и только случайно упомянуты позитивные стороны периода, который был периодом наиболее строгого и интенсивного развития России в экономическом и культурном аспектах».³²

2. Вызов Утопиям (1925. 7 февраля).

Рецензия на «We» («Мы») Евгения Замятина.
В переводе Г. Зильбурга. (N.Y. E.P. Dutton
and Co. 1924)

Это была одна из первых рецензий на знаменитую антиутопию. Вполне возможно, что именно Сорокин с Зильбургом³³ и осуществили его американскую публикацию. Возможно «американец» Сорокин вывез рукопись «Мы» «англичанина» Замятина из Советской России...

«Мы» это бомба смело брошенная в «стандартизацию», «рационализацию», «социализацию» и другие модные в наши дни лозунги. Философская как «Республика» Платона, интересная как одна из лучших утопий Г. Уэлса, холодная как дуло заряженного револьвера и саркастическое как путешествие Гулливера. «Мы» это мощный вызов вам социалистическим утопиям. Естественно, что такая книга пришла из России. Только человек таланта Замятина, который и доныне находится в центре величайшего эксперимента «стандартизации» и «коммунизации» человеческой природы мог написать эту Утопию абсолютно стандартизованного и социализированного общества. Это не означает, что

«Мы» – пропагандистская книга, высмеивающая Советскую Россию. Нет. Коммунистический режим дал только импульс необходимый для старта. Основное создано мыслью и фантазией автора».³⁴

3. «Россия теперь и прежде» (1925. 18 июля)

Рецензия на «Перекованная Россия» Е.В. Халлинджера (N.Y. Datton and Co. 1925)

«Среди многих книг, написанных иностранцами о Советской России книга Халлинджера одна из немногих свободных от нелепостей и ошибок обычных в таких книгах. В 26 главах автор дает живую и, в общем, точную характеристику политической, моральной, экономической, социальной и духовной жизни России в 1921–1923 гг. Его знание русской истории и языка, его искреннее стремление к правде и его симпатия к русскому народу, его жизнь в России в течении 9 месяцев помогли ему правильно оценить ситуацию»³⁵

4. «Одним разочарованным больше». (1925. 24 октября).

Рецензия на «Большевистский миф. (Дневник 1920–1922 гг.) Александра Беркмана и «Пестрые купола» Джеральда Шелли.

«Для многих, кто болен Революцией и Коммунизмом, Советская Россия кажется чудесным санаторием. Таких людей, если они честны достаточно послать в Коммунистическое Царство на несколько месяцев, чтобы радикально излечить их от болезни. «Большевистский миф» прекрасное этому подтверждение. <...> Со своей стороны могу сказать, что все факты, приводимые автором точны. Книга особенно полезна для тех, больных большевистской Дульсиной Дон Кихотов, которые ничего не знают о ней, кроме своих иллюзий и все еще сражаются за «грязную девку» Москвы. Книга поможет понять им всю абсурдность их отношения к большевикам. <...>

Книга Шелли типична. Со многими ошибками. Обычная средняя книга во всех отношениях. Кроме одного. Автор большой поклонник... Распутина...»³⁶

5. Русский народ. (1925. 19 декабря)

Рецензия на «Тень мрачного Востока» Фердинанда Оссендовского (N.Y. Datton and Co. 1925).

«Книга с романтическим названием представляет попытку охарактеризовать русский народ. <...> Хороша для рекламного отдела желтой газеты. На этом можно было бы и закончить если бы не одно обвинение, постоянно подчеркиваемое автором. Крайняя жестокость русского народа, как его характерная черта. То же самое мы слышали от многих советских правителей, которые таким способом пытаются оправдать их жестокость. Так ли это? Я думаю – вполне ошибочно. Верно, что жестокость русской революции была ужасна. Но все великие революции – у греков и римлян, немцев, французов, чехов, англичан и у многих других сопровождались той же степенью жестокости. В этом отношении русская революция не исключение. Но мы можем спросить, кто осуществлял эти зверства в русской революции. Автор сам отмечает, что среди чекистов были русские, евреи, латыши, поляки, венгры, немцы, китайцы и подонки всех наций. Из кого состоит третий Интернационал или Советское правительство? Там не так много русских как подонков всех стран. Русские люди были скорее жертвами чем авторами террора. Разве не из Западной Европы были импортированы в Россию марксистские теории? Где в Азии или в Европе примеры «христианства и гуманизма» показали организаторы Великой войны? Приняв во внимание эти и многие другие сходные факты, в том числе сравнительную статистику преступлений и наказаний в России и европейских странах перед революцией, мы должны сказать, что обвинения Оссендовского по крайней мере лицемерны. Если бы в настоящее время в России не было так много иностранных «спасителей» и «культуртрегеров» в

виде советских правителей, иностранных коммунистов и социалистов, пробольшевиистских писателей и симпатизантов, авантюристов и дельцов со всех стран, процесс нормализации и морального и физического возрождения русской нации, который уже начался, мог бы идти гораздо быстрее»³⁷

6. Русские Анналы. (1926. 30 января).

Рецензии: James Mavor. «An Economic History of Russia» New York: E.P. Dutton and Co. 1925.

N. Makeev and Valentine O'Hara. «Russia» New York: Charles Scribner's Sons.

«Это новое и незначительно измененное издание работы профессора Mavor'a вполне заслуживающей хорошей оценки которой было принято ее первое издание в Англии, Соединенных Штатах и России. Книга и сейчас остается наиболее полным, научным и беспристрастным обзором экономической истории России, написанной иностранцем. <...> Второй том практически – история революционного движения в России от XVIII столетия и революции 1917 г. <...> Работа представляет хорошую историю не только экономического но и социального развития России.

За исключением первых вступительных глав «Россия» Н. Макеева и V. О'Хара может служить продолжением книги профессора Mavor'a. Книга представляет историю последней русской революции... Как и профессор Mavor, авторы: бывший председатель Всероссийского Союза земств и англичанин, член англо-русского комитета в Петрограде, хорошо знают о чем говорят. <...> Без колебаний я рекомендую книгу всем, кто хочет иметь объективные и полновесные знания о большом событии современной истории»³⁸

7. Как писать рассказы. (1927. 24 сентября).

THE LIFE AND LETTERS OF ANTON TCHEKHOV.

Translated and edited by S.S. Koteliansky and Philip Tomlinson. New York: George H. Doran. 1927.

THE LETTERS OF ANTON TCHEKHOV TO OLGA L. KNIPPER. Translated from the Russian by Constance Garnett. The same.

ANTON TCHEKHOV: Literary and Theatre Reminiscences. Translated and edited by S.S. Koteliansky. The same.

«Эти три тома представляют Чехова как человека, писателя, мыслителя и как гражданина. <...> Чехов представляет лучший тип русской интеллигенции. <...> Многие его письма можно озаглавить «Как писать рассказы». <...> Чехов – реалист par excellence. Будучи реалистом он объективист в такой большой степени, что я склонен назвать его одним из наиболее выдающихся представителей истинного бихевиоризма в литературе.

<...> «Жизнь и письма Антона Чехова» содержат три сотни писем из 1822 чеховских писем, опубликованных в 6-томном русском издании.

<...> «Письма Антона Чехова Ольге Книппер» интересны для исследователей личности Чехова, но обычному читателю даст много меньше чем «Жизнь и письма А. Чехова». Третий том содержит очень хороший выбор эссе и воспоминаний литературных и театральных друзей Чехова. <...> Заявление издателя, что том содержит «материал ранее не опубликованный» верно только для английского издания. На русском языке весь материал, конечно, опубликован»³⁹

...Одна из рецензий на «Leaves from a Russian Diary» заканчивалась словами:

«Сегодня Россия находится на культурном уровне Персии. Даже Турция, Португалия и Румыния более цивилизованы»⁴⁰

3 октября 1924 года Сорокин выступил с очередной лекцией о России. На этот раз в «Ротари Клуб» Миннеаполиса. Прошел ровно год с момента приезда ученого в США.

**в). «Россия сегодня». Лекция Сорокина
в «Ротари клуб» (3.10.1924. Миннеаполис.
Миннесота)**

РОССИЯ СЕГОДНЯ

Господин Председатель и джентльмены:

Цель моей речи – дать как можно точную характеристику современной ситуации в моей стране. Я понимаю, что могу выглядеть односторонним. Поэтому попытаюсь обосновать мои заявления публикациями самого Советского правительства. Они далеки от точности, но они рисуют ситуацию скорее лучше чем хуже в сравнении с реальностью.

Развитие русской революции имело два основных периода: первый период от 1917 до 1921, второй период от 1921 к 1924. Первый период был периодом роста и наступления коммунизма; второй – время упадка коммунизма и деградации Советского правительства.

В течение 1917–1920 годов так называемая капиталистическая система была полностью уничтожена и введена коммунистическая система. Частная собственность, начиная с заводов и земли и кончая последней серебряной ложкой и рубашкой граждан была аннулирована. Все было «национализировано». Производство, распределение и потребление страны целиком контролировалось правительством. Работа граждан, их жилище и еда, их мысли и речи, все их поведение предписывалось правительством.

Все газеты, кроме правительственных были запрещены. Все заседания, книги, речи, кроме коммунистических преследовались. Тюрьма, а еще более чаще расстрел было обычным наказанием за любое слово критики коммунистического режима. Короче, мы имели неограниченную диктатуру коммунистов для реализации коммунистических мечтаний. Каковы были результаты этой «коммунизации»? Они были следующими:

1. 17 миллионов мужчин и женщин погибли в революцию. Из них около 600 тысяч были казнены

советским правительством без суда, около 1,5 млн погибло в Гражданскую войну и около 15 миллионов умерли от голода, болезней, эпидемий.

2. Вся экономическая жизнь в России разрушена. Промышленность снизилась до 10–15% от ее дореволюционного уровня. Сельское хозяйство до 20–25%. <...>

Средняя зарплата рабочих, которая до революции была 22 золотых рубля в месяц в 1918–21 составляла 2–8 рублей.

Крестьянство, безжалостно ограбленное правительством, стало в три раза беднее.

3. <...> Никогда во 2-ой половине XIX столетия русские трудящиеся классы не испытывали такой эксплуатации и такой полной потери всех прав человека и гражданина, и такой деспотии как в период 1919–21 гг. <...>

К 1919 г. разочарование и ненависть заменили первоначальную симпатию к коммунизму. Начались крестьянские и рабочие восстания. Несмотря на безжалостное подавление они были постоянны в 1919–21 гг. и имели характер ожесточенной партизанской войны. Количество восстаний было гораздо больше чем в XIX и XX веках при старом режиме. В начале 1921 г. коммунистическое правительство, чтобы остаться у власти, отменило в течении 24 часов почти весь коммунизм в экономической сфере и ввело «Новую экономическую политику» (НЭП), т.е. политику восстановления примитивной капиталистической системы. <...> Эта «эволюция коммунизма» стала возможной не из-за воздействия на правительство дипломатов и иностранных бизнесменов, но только лишь благодаря сотням тысяч русских крестьян и интеллигенции, которые пали в борьбе с коммунистическими душителями русского народа.

С этого момента начался процесс дегенерации коммунизма и Советского правительства. Благодаря разрешению частной инициативы и частичной денационализации появилось частное предпринимательство. <...> Эта тенденция к улучшению была прервана правительством. Коммунисты резонно полагают, что такой рост частной экономической

активности за счет «государственной промышленности и коммерции» является угрозой для него и разрушит его экономический базис. С другой стороны, чтобы покрыть дефицит национализированной промышленности, содержать огромное количество чиновников, иметь деньги для Третьего Интернационала и пропаганды Мировой революции, вознаграждать огромное количество своих шпионов и агентов Советское правительство вынуждено безжалостно грабить население <...>. Несмотря на факт, что производство зерна в России ныне недостаточно, чтобы накормить страну, правительство пытается экспортировать его за границу ради получения денег для своих и Третьего Интернационала нужд.

Поэтому экономическое улучшение было остановлено правительством. Реального экономического улучшения не происходит. За последние месяцы около 10 тысяч бизнесменов были ограблены правительством и высланы в Сибирь. Семь миллионов русских ныне вновь голодают. Нынешние восстания на Кавказе, Кубани и Дону, Тереке и других местах России – ничто иное как продолжение борьбы русского народа за существование и освобождение от удушающего режима коммунистов.

Я не могу сказать когда борьба закончится, но могу сказать, что окончится она только тогда, когда правительство будет низвергнуто. Надежда тех кто верит в эволюцию коммунизма – детские мечты. Даже если коммунисты захотят отменить свою диктатуру и ввести в России демократический режим они не смогут сделать этого. На первых же выборах они будут абсолютно разбиты. Потеряв власть они потеряют жизнь. Невероятно, чтобы им разрешили жить в стране, где одна треть всех семей потеряла отца или сына или другого члена семьи благодаря этому правительству. Поэтому коммунисты должны держаться за диктатуру до конца и делать все для разжигания Мировой революции. Только эта революция может дать им спасение. Вот почему они так упорно продвигают мировую революцию. Поэтому в Германии и Польше, на Балканах и в Индии, во Франции, Англии и везде мы находим

следы деятельности Третьего Интернационала и Советского правительства. Они вынуждены этим заниматься, чтобы спасти свои жизни от неизбежной расплаты ожидающей их в России.

Это дает мне возможность подчеркнуть международный характер русской проблемы. Борьба, которую русский народ ведет с Советским правительством, это борьба за интересы всех наций. Все должны знать, что в любой революционной деятельности в любой части мира мы найдем руку III Интернационала, а III Интернационал и Советское правительство поддерживаются деструктивными элементами во всех странах. Сражаясь с коммунистическим правительством русский народ фактически борется с деструктивными элементами во всех странах. Вы можете быть уверены, если русский народ будет в этой борьбе разбит, то это означает только одну вещь, триумф Мировой революции и неизбежную необходимость для всех стран взять эту борьбу на себя. Об этом нужно помнить. Это диктует определенную политику по отношению к современной ситуации в России для всех кто не хочет Мировой революции и ее неизбежного результата: кровавой бойни, бедности, голода и эпидемий.

«Не делать ничего, что может помочь Советскому правительству, и делать все, что может ослабить его» – единственно возможная политика для всех честных людей, желающих мира, прогресса и процветания для своей и других стран.

К сожалению эту простую вещь кажется не поняли все те, кто должен ее знать. Движимые жадностью, своими личными интересами и фальшивым идеализмом многие люди ведут себя в совершенно другом направлении. Этим они увеличивают страдания русского народа и ухудшают ситуацию в своих странах. Тяжесть на плечах русской нации так велика и ее страдания настолько сверхчеловечны, что мы имеем право требовать от этих сторонников коммунистов воздержаться от участия в истязании русского народа. И если это требование не будет выполнено, то русский народ имеет право считать таких людей своими врагами.

В связи с этим я должен выразить величайшее уважение этой стране. Не только в моих глазах, но я осмелюсь сказать, в глазах всех русских людей, Соединенные Штаты Америки являются одним из немногих счастливых исключений среди иностранных наций в отношении к России в течение этих лет.

Вы не только не делали ситуацию хуже, но дали огромную помощь моей стране. Эта великодушная и действительно дружественная позиция адекватно оценена русским народом и не может быть забыта. Не удивительно, что на американскую нацию теперь молятся в России, а слово «американизация» на губах людей.

Указывая на международный характер русской проблемы и опасности которые могут последовать если борьба русского народа с международными авантюристами окажется безуспешной, я в то же самое время уверен, что в этой борьбе коммунисты и Советское правительство будут разбиты. Они приговорены. Помимо указанных экономических причин, делающих поражение Советского правительства почти неизбежным есть много других причин, ведущих к этому же результату.

В настоящий момент советское правительство ненавидимо 95 процентами населения. Идеология и лозунги коммунистов потеряли свою привлекательность и вызывают ненависть в России. Институты частной собственности и личной ответственности ценятся даже более высоко чем ранее. С этой точки зрения Россия ныне самая антикоммунистическая страна в мире. Вместо трансформации крестьян в коммунистов революция трансформировала их в частных собственников. Вместо уничтожения религии дикая атеистическая пропаганда и религиозные преследования привели к возрождению религии. Попытки нынешних правителей возбудить патриотизм в сердцах людей привели к невиданному ранее национализму. Короче, коммунисты преуспели в создании тенденций вполне противоположных их желаниям. Учтите и тот факт, что большинство нынешних правителей не русского происхождения и рассматриваются народом как иностранцы. Коммунистическая партия прогнила и

напоминает весеннюю реку, освобождающуюся ото льда... Правительственная машина теперь состоит, по крайней мере наполовину из скрытых царских чиновников и «специалистов», которые ненавидят нынешних диктаторов. Учтите, что Красная Армия представляет редиску, розовую снаружи и вполне «белую» внутри.

Учтите эти и многие другие условия и вы поймете почему нынешний режим в России обречен, почему мятежи и восстания увеличиваются... С помощью величайшей жестокости правительство может давить некоторой время эти восстания, но долго так не продлится.

После освобождения от коммунистической тирании понадобится 20 или 30 лет чтобы залечить раны революции. Мы станем новой Россией. Россией – страной фермерской демократии; страной индивидуализма и частной собственности, объединенных с кооперацией и подлинной человечностью.

Россией, которая будет децентрализована и трансформирована в Соединенные Штаты России.

Россией патриотической, но не милитаристской, религиозной, но не догматической. Наконец Россией «the government of the people, by the people and for the people!»⁴¹

...Американские солдаты впервые вступили в борьбу с большевиками осенью 1918 года на Архангельском фронте. В качестве законного русского правительства США признали правительство адмирала Колчака и неизменно поддерживало его борьбу. Свое непризнание Советов США сформулировали 10 августа 1920 г. в ноте Б. Колби* и подтвердили в 1921, 1922, 1923 годах и далее... Они четко проводили грань между русским народом и Советской властью.

Прибыв в США Питирим Сорокин твердо поддержал линию Чарлза Хьюза** на непризнание большевистского правительства. Политика непризнания закончилась только в 1933-ем.

* Колби Бэйнбридж (1869–1950) – госсекретарь США с марта 1920 г. по март 1921 г.

** Хьюз (Юз) Чарлз Эванс (1862–1948) – государственный секретарь США в 1921–1925 гг. Председатель Верховного суда США (1930–1941).

Князь Л.В. Урусов* в своем докладе на Русском Зарубежном съезде в Париже в апреле 1926 г. выразил особую благодарность Соединенным Штатам:

«СА Штаты оказали народу русскому помощь и материальную: когда в 1921 году голод в России принял размеры стихийного бедствия, американскую АРА, организованную в чисто американских размерах, благославляли сотни тысяч пухнувшего от голода русского люда <...> и духовную <...>. Неизменно благожелательная к русскому народу, неизменно не признающая власти III Интернационала, царящей в России, великая американская республика, несомненно, тем самым действительно способствует грядущему освобождению нашей Родины, и наша благодарность должна быть ей громко выражена»⁴²

Большевики сделали все чтобы память была разрушена. Они уничтожили книгу Сорокина «Голод как фактор», посвященную АРА, миссии доктора Ф. Нансена...

Из доклада Герберта Гувера от 10 июля 1922 г. президенту США Уоррену Гардингу известно, что американский хлеб спас жизни:

«...в круглых цифрах около 3 250 000 детей и 5 300 000 взрослых – всего около 8 550 000 человек»⁴³.

Спасенных могло быть гораздо больше:

«...если бы русские железные дороги были в состоянии перебросить большие запасы продовольствия, которые Американская администрация помощи имела в русских портах»⁴⁴

Приблизительно 100 000 человек было спасено другими американскими организациями и:

«...около 400 000 человек поддерживается соединенными усилиями остальных европейских стран»⁴⁵

* Урусов Лев Владимирович (1877–1933. Париж) – бывший директор 2-го департамента Министерства иностранных дел России.

г). «Современная Россия» («Yale Review». 1926)

В 1926 г. в «The «Yale Review» Сорокин представил американскому читателю сразу 10 книг под общим заголовком «Современная Россия»:

Modern Russian History, by Alexander Kornilov,
translated by A.S. Kaun, A.A. Knopf.

A History of Russia, by S.F. Platonov, Macmillan Co.

An Ambassador's Memoirs, by Maurice Paleologue, 3
vols., George H. Doran Co.

The Bolshevik Myth, by Alexander Berkman, Boni &
Liveright.

The Reforging of Russia, by E.W. Hullinger,
E.P. Dutton & Co.

Lenin, by Leon Trotsky, Minton & Balch Co.

Literature and Revolution, by Leon Trotsky,
International Publishers.

My Flight from Siberia, by Leon Trotsky, American
Library Service.

Singe Lenin Died, by Max Eastman, Boni & Liveright.

Leon Trotsky, by Max Eastman, Greenberg.

«Современная русская история» Корнилова* является одним из лучших справочников по эволюции России в XIX столетии. Она показывает все основные стороны русского экономического, демографического и культурного развития в этот период. Она показывает также некоторые глубокие корни современного экономического потрясения. Вместе с историями Шмурло и Ключевского (которые до сих пор не переведены на английский) и «Историей России» Платонова (которая недавно переведена), книги Корнилова дают четкую и подлинно научную трактовку предмета. Это не означает, что работа не имеет своих «слабых пунктов». Но в некоторой степени они могут быть найдены в любом тексте. Важно, чтобы такие дефекты не были очень большими и многочисленными. Я не могу сказать того же самого относительно очерка А.С. Кауна «Россия при Николае II», являющегося приложением к

* Александр Александрович Корнилов умер в начале 1925 г. в Ленинграде.

книге Корнилова. Каун написал не научную работу, а политический памфлет.

«История России» Платонова – наиболее популярный элементарный учебник в средних школах России. В отличие от книги Корнилова это очерк эволюции всей истории России. Автор – величайший из ныне живущих русских историков; это означает, что книга хороша, компетентна и научна. Библиография, которая добавлена редактором и переводчиком неполна и случайна.

«Мемуары» Палеолога, дневник хорошо известного французского посла в России дает прекрасный, крайне интересный и в то же время точный отчет об истории России в 1914–1917 гг. Палеолог знает о чем пишет. За небольшим исключением его утверждения вполне заслуживают доверия. Автор день за днем описывает все изменения и важные события, которые происходили в то время. Царь и царица, министры и генералы, солдаты и интеллигенция, крестьяне и рабочие, город и деревня все есть в книге. Наблюдения Палеолога проницательны, описания живописны, стиль яркий.

«Большевистский миф» А. Беркмана замечательный человеческий документ, напоминающий «Разочарование» Эммы Голдмэн. Депортированный из США в 1919 г., автор прибыл в советское царство как в «святая святых» с восхищенным обожанием советских лидеров. Поступил на советскую службу. Но жизнь безжалостный учитель и иллюзии Беркмана вскоре начали развиваться и, наконец, исчезли. Вместо царства свободы он нашел царство неограниченной деспотии. Вместо «рабоче-крестьянского правительства» он обнаружил, что страной тиранически управляет небольшая кучка людей. С одной стороны сверхчеловеческое страдание, голод, болезни и экстраординарная смертность среди масс; с другой стороны кровавый террор и эгоистический цинизм коммунистов. Это было слишком много даже для искреннего анархиста. Как и Эмма Голдмэн он стал яростным врагом советской

системы и в конце 1921 года покинул Россию. Его книга это дневник, фиксирующий ежедневную жизнь людей в течение двух предшествующих лет, а также жизнь и разочарования самого автора. Его наблюдения напоминают мои собственные за 1920–1920 гг. опубликованные в «Leaves from a Russian Diary», «Большевистский миф» особенно полезен для открытия глаз «салонным социалистам» и другим близоруким любителям Советов.

«Перекованная Россия» Халлинджера – журналистский отчет о внутренней жизни страны в период, описанный Беркманом. Внимание автора в основном направлено на психологию людей, состояние искусства и науки, морали и религии. Несмотря на поверхность отчета, он более точен и более интересен, чем большинство книг о России иностранных журналистов. Основные дефекты отчета – несколько ошибочных утверждений и сомнительных гипотез и некоторые неточные статистические сведения.

Те, кто знаком с дореволюционными работами Троцкого будут разочарованы его тремя последними книгами. Как мыслитель и теоретик Троцкий никогда не был выше среднего уровня, но как стилист и памфлетист он в своих ранних писаниях показал много таланта. В его книгах «Ленин», «Литература и революция» и «Побег из Сибири» таланта не видно. Явно написанные в спешке они скучны, безсистематичны и поверхностны. Заявления о литературе и искусстве, науке и пролетарской культуре являются только утомительным повторением сказанного много раз марксистскими писателями в Европе. Тем не менее, с одной точки зрения книга Троцкого о Ленине ценна. Бессознательно она раскрывает некоторые черты коммунистических лидеров. Поэтому вдумчивый психолог и историк может ясно увидеть, что эти «спасители человечества» не могли жить мирно вместе даже когда они были эмигрантами, что они постоянно интриговали один против другого и, что их претенциозное «Я» постоянно проявлялось внутри этой маленькой кучки.

Том Макса Истмэна это панегирик Троцкому одного из его личных друзей и поклонников. Если мы поверим автору, то Троцкий нечто вроде божества, или по крайней мере чудесный герой-святой – честный, умный и блестящий. Эта книга принадлежит к сорту измышлений и не является реальной биографией или историческим описанием. Тем не менее она ценна. Она пытается обожествить своего героя, и презирует всех его врагов – среди них особенно других коммунистов, которые выслали Троцкого на Кавказ. Автор раскрывает многие «секреты» дающие картину взаимоотношений лидеров большевиков после смерти Ленина. Картина поучительна и подобно книгам Троцкого снова показывает, что «спасители человечества» не могут договориться даже друг с другом.

Как они могут решать дела мира – вот проблема до сих пор не решенная».⁴⁶

§6.

Три «Письма другу о России» («Борьба за Россию» 1927, 1929)

С ноября 1926 г. в Париже издавался под редакцией В.Л. Бурцева, С.П. Мельгунова и др. еженедельник «Борьба за Россию». Цель журнала – подготовка «свержения чуждой народу власти».

Сорокин опубликовал в «Борьбе за Россию» три письма*. Первое в 1927 г. Второе и третье в 1929-ом.

ПИСЬМО ДРУГУ О РОССИИ.

Дорогой друг! Вы спрашиваете, что я думаю о настоящем и будущем России и эмиграции. Сегодняшний вечер у меня свободен, и я готов кратко ответить Вам. Пишу то и так, что и как я действительно думаю.

Теперь, после четырех лет сравнительной оторванности от русских и России (в Миннеаполисе нет

* Возможно эти письма «заочная переписка» с Н.Д. Кондратьевым.

русской колонии), после четырех лет размышления о прошлых судьбах родины и наблюдения современной – подъяремной и эмигрантской – России; размышления спокойного, не тревожимого политическими страстями и партийной склокой, не нуждающегося ни в какой «позе», ибо смешно «позировать» перед самим собою; после этих четырех лет, теперь, когда я читаю или слышу сомнения в воскресении России или уверения в длительной прочности коммунистической тирании; или унылые и «плоскодонные» мысли о бесполезности и исторической обреченности эмиграции; или зазывания «примириться и засыпать ров»; или «кудластые и путанные бредни» «евразийцев» – я тихо и спокойно смеюсь. Смеюсь, как может смеяться здоровый человек, которому говорят серьезно: «дважды два – сорок пять». Не меньшей нелепостью звучат для меня все упомянутые и многие другие «прогнозы» и «уверения». Почему? Потому что прошлое России столь грандиозно, великолепно и могущественно в своем физическом, умственном, нравственном и культурно-социальном зодчестве, что абсолютно не допускает и малейшей возможности думать, что сброд интернациональных разбойников, называемый «советской властью», может навеки или надолго приостановить или придушить развитие Российского колосса... Временные кризисы – и иногда затяжные – случались, и не раз, – в нашем прошлом. И что же? Они изживались, и после них опять сильнее, чем раньше, русский народ рос и творил. Теперешний кризис? На три четверти он уже изжит. Только слепцы не видят этого. Здесь вот в этот момент, когда я пишу, я слышу, ощущаю, чувствую «Гимн Торжествующей Родины» над ее палачами, могильщиками и всевозможными «пискливыми комарами» воющими и ноющими в преддверии их конца. Если они еще не видят его – увидят потом, ибо на то они и «комары» чтобы не видеть дальше своего носа.

Чем больше изучаешь историческое «зодчество» России, тем более и более поражаешься, изумляешься и восхищаешься его богатством. И поистине, трудно удержаться от дружественного упрека – пре-

дыдущему поколению историков русской культуры и вождям интеллигенции, которые не видели этого богатства. Купаясь в неисчислимом и неизмеримом океане культурных бриллиантов, созданных и Киевской, и Владимирской, и Новгородской, и Московской, и «Червонной», и Санкт-Петербургской Россией, – они упрямо тыкали одним пальцем на «городового» другим – на «конституцию», и только полупренебрежительно упоминали невнятно о русской культуре. Поистине, «слона то я и не приметил». Ни мы, ни грядущие поколения России, надо думать, не сделают этой роковой ошибки... Я пишу не исторический и не социологический трактат, а потому здесь не место и не время проводить доказательства. Скажу лишь одно, что даже в области чисто политического строительства государства русский народ обнаружил неуступающую никому творческую способность строить огромное здание общества методами и способами, более гуманными и более мирными, чем другие великие нации мира. Только для полуграмотных школьников «политграмоты» политическое зодчество России означает «погром», «тюрьму народов», «кровавый царский империализм» и ничего больше. Но что же с них, с полуграмотных, да вдобавок, часто «главою скорбных» и требовать. Вместо спора, их просто надо поставить под холодный душ, потом хорошенько обтереть шершавым полотенцем, и отослать в начальную школу... для элементарного обучения.

Приведу лишь для иллюстрации несколько из многих и ежедневных фактов, показывающих наглядно, что представляла и представляет русская культура даже здесь, в американском большом городе, не имеющем русской колонии. Факты самые банальные, и потому особенно показательные.

Миннеаполис имеет один из лучших в Америке симфонических оркестров. Прошлой весной, при закрытии сезона программа последнего концерта была составлена по желанию публики. Для этой цели несколько тысяч вопросников было разослано публике для ответа, какую симфонию она хотела бы иметь в программе. Подавляющее большинство ответило: «Патетическую симфонию Чайковского».

В Америке миллионы семейств, помимо радио, имеют усовершенствованный граммофон. Просмотрите пластинки граммофона в домах, и вы найдете почти в каждом доме либо «Эй ухнем!» (Song of Volga boat men), или Римского-Корсакова, или Мусоргского, или Рахманинова, или Шаляпина, или «Сладко пел душа соловушка» и т.д. Послушайте концерты радио или симфонического оркестра. В каждом концерте вы найдете или русского артиста, или русского композитора, или русский номер. Очередная сенсация американской оперы в эту зиму: «Снегурочка» Римского-Корсакова и «Хованщина» Мусоргского. Театр? балет? живопись? скульптура? Ну, что же говорить об этом: всякий знает «Московский Художественный Театр», «Павлову», «Григорьеву» и т.д.

Наука? Моей жене – она ботаничка – то и дело приходится переводить статьи русских – до-революционных – ученых по всем отраслям естественных наук по просьбе американских ученых. Фраза: «в этой области больше всего или поразительно много было сделано в России» – повторяемая десятки раз американскими специалистами – стала чем то вроде стереотипа. В социальных науках? Это, пожалуй, в моей области, и на днях по английски и через несколько месяцев по немецки выходит мой том «Современные социологические теории», посвященный развитию социальных наук за последние 60–70 лет. Если не я, то ряд самых крупных и американских и немецких социологов, ознакомившихся с рукописью, думают, что книга является наиболее полным и авторитетным анализом развития социальной науки за последние 70 лет. Поглядите книгу, и вы увидите, что русские ученые «не казанские сироты» и внесли полный пай в общее развитие социальной науки за этот период. Посмотрите на русских ученых в эмиграции. Беру просто один-два примера из Америки. Год назад вышли томы М.И. Ростовцева по истории Рима и Греции. Вероятно, большинство русских интеллигентов знают (а если не знают, не мешало бы знать), что эти томы единодушно признаются за лучшее, за подлинное «последнее слово науки» в данной

области знания. Как это похоже на «бесплодность и обреченность эмиграции»! Другой пример, профессор Максимов из Чикагского Университета (гистолог Военно-Медиц. Академии), или директор музея Карнеги Авинов*, или Сикорский, или Тимошенко, или десятки других русских здесь. Поговорите со специалистами здесь – и вы услышите единодушный отзыв, что они «лидеры в своей области», ведущие других и открывающие новые пути... Даже скромные работы пишущего эти строки, вроде его «Социологии революции», патриархами американской социологии, вроде проф. Ф. Гиддингса и Аббота (Колумбия и Харвард), в их статьях были охарактеризованы, как

«самое лучшее исследование революционной психологии, какое когда либо было написано».

Я мог бы продолжить этот перечень на ряде страниц.

Русская литература? Она не нуждается в рекомендации. Нечего и говорить о классиках, которые переведены, читаются и считаются величайшими среди величайших. Но посмотрите на число переводов с русского различных мастеров слова среди живых русских писателей, и особенно эмигрантов. Случилось так, что мне время от времени приходится писать рецензии о переводных русских книгах в лучшем, вероятно, библиографическом и литературном журнале Америки «The Saturday Review of Literature». Не говоря уже о работах эмигрантов – мастеров слова – в роде Бунина, Шмелева, Куприна, Ремизова и т.д., – только за последний месяц мне прислали для рецензирования два тома писем Чехова. «Уединенное» Розанова, прекрасный перевод басен Крылова. Это за один месяц. Переведены и Пушкин, и Гоголь, и Аксаков, и Герцен, и Толстой, и Достоевский, и Тургенев, и Потапенко, и Гаршин и сотни других больших и малых русских авторов. Такому изобилию переводов может позавидовать любая литература. И что важно, книги не только переводятся, но усердно читаются, а ряд писателей,

* Авинов Андрей Николаевич (1874 Полтавщина – 1949 Питтсбург) – ботаник, художник, дипломат, коллекционер. В 1926–1945 гг. директор Музея Карнеги в Питтсбурге.

в особенности Чехов, сейчас задают «тон» современной американской литературе.

Наконец, мужество, моральная сила и политический здравый смысл? Те из нас, кто прожили годы революции в России, каждый день и каждый час видели воочию это мужество, граничащее с героизмом. И в народе и в интеллигенции громадный пласт, порой весьма в своеобразной форме, проявлял эти черты в самых трудных условиях. Только люди, не знающие России, могут думать, что вся интеллигенция – это Ольденбурги и К-о, все лидеры – это Раковские, Сталины, Троцкие, и весь народ – это демонстрирующее «коммунистическое» стадо или безгласная толпа рабов. По существу, громадная масса населения России, особенно ее крестьянство, с упорством и удивительной настойчивостью вело и ведет непрерывную борьбу с властью. Мало того, борьбу, которая уже заставила на три четверти капитулировать «правителей». Нужно ли упоминать тысячи героев, которые без позы и без шума погибли на своем посту. Или белое воинство с его героизмом и отвагой! Или эмиграцию – не ее политиканов, а ту толщу, которая изо дня в день, впроголодь, живет, работает на фабриках и... стоит на своем: не гнется, не лакействует и не помышляет о капитуляции...

Нет, с мужеством и моральной силой все обстоит благополучно.

Политический смысл? Оказался ли он у массы населения в России? Пусть об этом спросят коммунистов... Они на своей шее, за последние годы, чувствуют его весьма осязательно. Удалось ли им привить коммунизм толще населения и прежде всего крестьянству? напрасный вопрос: как и мы, все знают отлично, что с великим треском коммунизм и все бредни об арифметическом равенстве, интернационале и т.д. – все это провалилось. На минуту затуманенный разум, инстинкт народа уже прояснились и делают свое дело. Россия уже свободна психически от всей трескотни коммунистической фразеологии. Россия уже патриотична. Россия уже национальна. Россия держит свою исконную религию. Быт российский снова воскресает. Вос-

креснет и «инстинкт» государственного зодчества. Оказался ли политический смысл у эмиграции? У ее «официальных вождей» не всегда и не вполне. Но у толщи эмиграции, по-видимому, он проявился в ясной мере.

Первое, в удивительной взаимопомощи и солидарности. Последите за газетными призывами помочь инвалидам; Коверде, больным писателям или генералам, или шоферам, или студентам, или просто смертному русскому... Я следил и видел: ни один призыв не оставался без ответа и поддержки... И что особенно важно, со стороны таких же полуголодных и нуждающихся братьев... Это бесспорное доказательство солидарности национальной, как первого проявления национального здорового смысла. Один мой знакомый, смеясь, заметил:

«Еще десяток лет эмигрантской жизни – и мы, русские, будем спаяны так же крепко, как спаяны евреи: все за одного и один за всех. Мы будем неистребимы».

В этом полушутливом замечании есть глубокая правда.

Не видим ли мы дальше, что толща эмиграции, «чутьем чует», где правый и где кривой путь... Она более и более определенно идет туда, где соединяют, а не разъединяют. И за теми, кто зовет позабыть мелкие дразги во имя борьбы за родину, а не за теми, кто продолжает считать свои «портянки» важнее освобождения России. И будьте уверены, с этого пути трудно сбить ее. И не удивляйтесь, что имена многих бывших «лидеров» уже поблекли и должны поблекнуть совсем, если они не перестанут заменять национальный флаг России своими социалистическими, монархическими, республиканскими, евразийскими и прочими «портянками». Мало того, эмиграция чует – и это особенно ясно здесь, в Америке, – фальшь и искренность в любви к России. Дешевая фразеология теряет свое очарование. Политиканство – тоже. Балаболки и болтуны уже теперь почти без дела. Думаю я, что будущие лидеры эмиграции будут не эти «политиканствующие» искатели шума, треска, и субсидий, а крепкие русские мужи: талантливые инженеры,

выдающиеся ученые, великие писатели, артисты, изобретатели и организаторы. Им, этим людям дела, а не слов, суждено нас вести. А не политическим «кимвазам звенящим и меди бряцающей». «Знаменения времени» указывают на это.

Долго нужно было бы расписывать, мой друг, об этом. Но это не нужно. Приглядитесь к положению вдумчиво и беспристрастно, и вы увидите, что русская эмиграция на высоте. Такая эмиграция, с таким человеческим материалом и лидерами, не пропадает и не пропадет.

Такой народ, с таким прошлым и с такими творческими силами, не может быть удушен не только одной сворой Сталиных, Бухариных и всесветного сброда, но и десятью такими шайками. Будьте покойны – Батый, поляки, шведы, Наполеон, Дизраэли и сонм других исторических противников России были на тысячу голов выше грубияна Сталина, пьянчуги Рыкова, ничтожного Меньжинского и еще более никчемных прочих «правителей на историческую секунду». И что же, ничего, Русь-матушка справилась, да еще как с этими великими гигантами. Ей ли не справиться с этими плюгавенькими «правителями». Дайте только немного сроку... Только «воронье» да «скорбные главою» могут бояться этого пугала...

Значит ли это, что нам надлежит успокоиться на этом оптимизме и ждать спокойно «урожая»? Ничуть... Это значит лишь, что борьба имеет серьезные шансы на успех, – и потому «всю мудрость змея», всю «чистоту голубя» и всю силу боли за оскорбление Родины и Народа, все мужество русского патриота – все это надо сконцентрировать в ряд сильнейших духовных и физических бомб и, удар за ударом, неустанно, непрерывно, не оглядываясь по сторонам, бить врага – главного врага России – коммунистов и их пособников. Во имя этой цели все прочее должно быть забыто и отодвинуто на задний план. От слова до бомбы – все может быть использовано. За эти годы мы кое чему научились. За эти годы мы, слава Богу, разучились обращать внимание на своих и заграничных «тетушек», «шептунов», «гуманистов» и

прочих «истов» с их «портянками». То, что ряд лет звучало для нас авторитетно, все эти всевозможные «Лиги прав», всякие «гуманистические авторитеты», «монархии», «республики», «социализмы» и пр., и пр. – все это теперь мы познали и увидели, что «король то нагой». Мы знаем теперь, что эти «тетушки» даже вовсе не «боги», а очень маленькие и убогие людишки: и их «вывески» и «знамена» просто «обертки», порою даже вонючие. Пусть они шепчут... Это их дело. А наше дело – идти и делать то, что требуется интересами Родины, в данный момент тождественными с интересами человечества и высочайших ценностей культуры. Новое поколение эмигрантской и подъяремной России совсем, по-видимому, из другого «теста». Не из теста, а, пожалуй, из гранита... Повторяя слова Бисмарка, мы можем сказать о нем: «Оно, слава Богу, ничего, кроме Господа Бога, не боится».

С таким то поколением, да с такими то лидерами петь отходную России или эмиграции – полноте, не спешите...

Уже поздно. Завтра в восемь часов надо быть в аудитории. А потому кончаю. Хотя и коряво, но главное сказал. Остальное сами можете додумать.

Жму руку.

Ваш Питирим Сорокин

Миннеаполис,

Великая Американская Республика.⁴⁷

ВТОРОЕ ПИСЬМО ДРУГУ.

Дорогой друг!

...Прошел год со времени моего первого письма. Не писал тебе по причинам, о которых не стоит говорить здесь. Постараюсь теперь ответить на твои «проклятые» вопросы...

Вопрос первый: Что делает эмиграция и какова ее историческая миссия? Из тона твоего письма я вижу, что даже для тебя не прошло даром ежедневное обливание грязью Зарубежной России советскими прохвостами. Я мог бы ответить просто

на твой вопрос, сказавши: эмиграция продолжает держать успешно свой исторический экзамен. И какой экзамен! Покинувшая Россию ни с чем, без гроша и без покровителей; встреченная иностранцами скорее враждебно; брошенная среди государств, страдающих от безработицы; не зная языка «страны рассеяния»; не приученная заранее к видам труда или к ремеслу, которые дают сравнительно больший спрос на труд; поставленная в эти суровые условия, эмиграция не погибла. Больше того, она выжила и обнаружила несомненную жизнеспособность. Подумай хорошенько над этим простым, но разительным в своей простоте фактом! Вообрази, что буря внезапно вырывает деревья и перебрасывает их израненными и обломанными – в совершенно новую среду. Если деревья не умирают и начинают жить – не скажешь ли ты, что такие деревья показывают поразительную жизнеспособность? То же приходится сказать и об эмиграции. Буря нас вырвала внезапно, изранила, обломала и бросила в совершенно новую обстановку. Никто особенно не заботился «поливать» и «удобрять» почву, куда «эмигрантские деревья» упали; никто за ними не ухаживал; наоборот, немало было и есть охотников обломать и изрубить эти «деревья». И, несмотря на все это, там, где десять или семь лет назад лежали эти умирающие эмигрантские деревья, теперь стоит, живет и цветет большой, крепкий, зеленый русский лес!! «Чужой язык»? – Выучен. «Безработица»? – «Терпение и труд все перетрут». «Враждебность»? – Частью преодолена, частью рассеяна, частью обезврежена. «Неумение работать»? – Выучились. Эти немногие слова не выражают и миллионной доли тех неисчислимых препятствий, с которыми неустанно приходилось бороться огромному проценту эмиграции. И, однако, стойкое существование русской эмиграции факт, и факт настолько несомненный, что даже коммунистические тупицы принуждены признать его. Каждый день и каждый час они на своей шкуре «чувствуют его дыхание». И как чувствуют. Сотни миллионов дали бы за то, чтобы снести его! Да нет! Ни сотни, ни тысячи миллионов не помогут. Русская

эмиграция существует и до свержения коммунистической власти будет действовать и существовать. Удастся «отразить», «подрубить» или «вырвать» полдюжины полузасохших «вех», называемых сменовеховцами, евразийцами и другими именами («в семье не без урода»), но на место каждой такой единицы вырастают целые группы крепкого и коренастого молодняка... Таков смысл того, что я называю историческим экзаменом эмиграции. Он не оставляет ни малейшего сомнения в ее огромной жизнеспособности...

Предвижу твое возможное возражение, сказанное в твоей обычной манере: «Согласен, что эмиграция показала жизнеспособность. Но что ж? Самое жизнеспособное растение – лопух, а в животном мире – паразиты. Растут и выживают везде и при всех условиях!» «All right», как говорят американцы. Давайте посмотрим «паразитаризм» и «лопухообразность» эмиграции. Что касается «паразитаризма», то достаточно сказать, что огромное большинство эмиграции работает и, как общее правило, работает так, как редко работают в любой стране: иначе эмиграция не могла бы конкурировать со «своими рабочими». Работает она вдобавок в самых тяжелых отраслях труда в качестве рабочих, по преимуществу. Даром куска хлеба не дают чужаку, а манна небесная не падает с небес в теперешние времена. Потому упреки в паразитизме могут быть применимы к кому угодно, но не к русской эмиграции. Мы мало говорим, но работаем много – и, по-видимому, не дурно... Иначе мы умерли бы давно с голоду. Масса теперешней эмиграции проводит время за фабричным станком, в рудниках, на полях и виноградниках, в мастерской и конторе или в знойных пустынях Сахары... Не стоит больше говорить о том, что так же очевидно, как дважды два четыре...

Теперь о репейниках или лопухах. Да, эмиграция имеет цепкость репейника. Это верно. Но во всех других отношениях сравнение не проходит. Не было бы странным, если бы, поставленная в сверхчеловечески-трудные условия, эмиграция пала морально и дала огромный процент преступников

и преступности. И, однако, судебная и полицейская статистика ни в одной стране не показывает этого: наоборот, во многих странах она показывает обратное: низкую преступность русской эмиграции. Ты понимаешь – и немало – в социологии и в моральной статистике. Тебе не надо объяснять огромную многозначительность этого факта: он беспристрастный свидетель сверхнормальной моральной стойкости и подлинной социальности русской эмиграции.

Вышеприведенного было бы вполне достаточно, чтобы видеть, что эмиграция держит свой исторический экзамен хорошо. Живет и крепнет, работает и не вырождается ни морально, ни социально. Но этого мало. Сверх сего эмиграция выполняет три огромные исторические миссии: она творит высшие культурные ценности; она знакомит весь мир с русской культурой; она стремится помочь – прямо и косвенно – освобождению Родины от коммунистического маразма и ее возрождению для новой и достойной жизни. Пункт первый: творчество высших культурных ценностей. Я был бы рад, если бы видел, что творчество высших культурных ценностей процветает в современной России. Но, увы! Об этом мало приходится слышать. Газовая маска коммунистической тупости не только убивает новые таланты и не дает им роста, но отравляет даже те таланты, которые выросли раньше, до революции. В самом деле, чем «kozyряет» советская власть? В области театра: Художественным театром, балетом, операми и драмами, написанными и созданными до революции, без коммунистов и не коммунистами. Даже бедняга Мейерхольд, и тот «от старого режима». А с «Коммунистическим театром» вышел один конфуз. Ничего не вышло из всех коммунистических потуг на творчество. Чем козыряет коммунистическая тупость в области науки? Имена И.П. Павлова и других великих – дореволюционных и антиреволюционных – ученых. Ни об одном талантливом коммунисте-ученом не слышно. В области музыки? Скрябин, Прокофьев и Стравинский родились и выросли при старом режиме. Новых «коммунистических» имен не видно. Такова тяжелая печать коммунистического режима.

Взглянем на эмиграцию. Не было бы странным, если бы в суровой борьбе за кусок хлеба вся энергия эмиграции ушла на добывание хлеба только. Но нет! Не субсидируемая никем, она создала и имеет немало газет и журналов, свои театры, даже университеты, свою оперу, свои выставки свою литературу и сотни научных и художественных обществ и клубов. Ее молодое поколение учится в русских и иностранных средних и высших школах. Это, как видите, мало похоже на «лопух» или «репейник». С качественной стороны дело обстоит так: Школьные успехи русских студентов и учеников в школах и университетах Америки в общем и целом выше среднего уровня американских студентов и учеников. Сходно обстоит дело и в других странах. Такова умственная черта «издыхающей эмиграции».

Пойдем дальше. Достаточно только назвать крупнейшие имена: в области театра, музыки и искусства. Рахманинова, Стравинского, Ауэра, Кусевицкого, Гречанинова, Черепнина, Коровина, Стеллецкого, Яковлева, Билибина, Шаляпина, Н. Кошиц, Кедровых, Анны Павловой, Карсавиной, Преображенской, Мозжухина и т.д.; в области литературы имена: Бунина, Куприна, Шмелева, Бальмонта, Мережковского; в области науки: Ростовцева, Струве, Милюкова, Кизеветтера и сотен других; в области техники и изобретений сотни имен – и старых и новых; достаточно назвать эти сотни имен, чтобы видеть, что носители русской культуры почти в одной трети за рубежом России. И не это главное, а то, что все эти творцы продолжали и продолжают творить здесь и занимают места в первом ряду руководящих работников в соответственной культурной области. Нужно ли добавлять, что этим творчеством они поднимают престиж русской культуры и русского имени, увеличивают фонд русской национальной сокровищницы. Читают, изучают и поучаются у них народы. Вот и говорите после всего этого о «дегенеративной эмиграции». Поистине только слепые и глухие могут болтать об этом. Такова наша первая миссия.

Вторая миссия – ознакомление мира с русской культурой – ведется еще успешнее. Если бы ты жил

за границей эти десять-двенадцать лет, ты бы видел воочию этот огромный процесс распространения русской культуры во всех ее областях. И сделано и делается это главным образом эмиграцией. Это она ближе познакомила с культурой России в ее лучших достижениях иностранцев и продолжает знакомить. Мудрено ли поэтому, что сейчас мыслящие иностранцы уже не представляют «старой России» в образе «тиранического царизма, погромов и поголовной безграмотности». Нет! С этими «развесистыми клюквами» покончено. Этот мираж почти рассеян. Вместо него перед глазами иностранцев все яснее и яснее встает картина огромной страны и великого народа, организатора и колонизатора, создавшего свою великую культуру. Крупницы ее, познанные иностранцами, оказываются созданиями первоклассных гениев... Мудрено ли поэтому, что русская литература, музыка, театр, опера, балет, живопись, архитектура, наука, даже – русская религия и формы русских общественных институтов, начиная с земства и кончая старой кооперацией, – вошли «в моду», стали «образцовыми» и «первоклассными» в глазах иностранцев.

Будущий историк русской культуры не может пройти и не пройдет мимо того огромного дела, которое русская эмиграция сделала в распространении и развертывании образцов русской культуры среди народов мира. За десять лет эмиграция сделала столько в этом отношении, сколько до нее и не могло бы быть фактически сделано. Будущая Россия не преминет сказать свое полноценное «спасибо» эмиграции за это «сеяние разумного, доброго, вечного» русского гения по лицу нашей планеты. Такова наша вторая великая миссия. Что касается третьей – то что же говорить о ней много. Она очевидна. Одним своим существованием русская эмиграция играет роль химического катализатора, который многократно усиливает все антикоммунистические и антисоветские силы и процессы. Помимо этой «катализаторской» роли русская эмиграция с огромной энергией ослабляет, подрывает, дезорганизует, дискредитирует и бьет диктатуру коммунистической тупости и жестокости.

Может быть, при лучшей организованности эмиграция могла бы делать это дело еще успешнее; но и то, что она делает, составляет весьма весомую величину; настолько весомую, что «красные головотяпы» чувствуют это на каждом шагу – и здесь и там, в России.

Из своего личного опыта я мог бы дать немало примеров, как «они» это чувствуют в самых обыкновенных житейских делах. Например, ряд советских «визитеров» не был пущен в Америку просто потому, что власти получили точную и правдивую информацию, кого и что представляют из себя эти «визитеры». Ряд финансовых сделок советских головотяпов не состоялся по той же простой причине. Если иностранцы начинают лучше и лучше понимать природу коммунистического кнутодержавия – вините в этом эмиграцию. Изо дня в день, устно и печатно, она рассказывает и публике и властям подлинную природу революции и «власителей». И не без успеха.

Довольно. Я ответил на твой первый вопрос. Вывод: эмиграция обнаружила огромную жизнеспособность, моральную стойкость и выдержку, огромную интеллектуальную даровитость и культурное творчество, умение жить, работать и бороться. Она выполняет три исторические миссии огромного значения. Все это более чем достаточно, чтобы оправдать ее в глазах России. Без всякой гордыни и высокомерия, с безмерной любовью к России и к России подъяремной и с бесповоротной решимостью борьбы с ее поработителями, Россия зарубежная выполняет свое призвание. Страдает, но не жалуется; мучается, но не падает духом; переносит невзгоды, но с мужеством пленных русских витязей; и все время живет и помнит: «Россия». Будь покоен, Россия возрожденная скажет спасибо этой России зарубежной, свое сердечное спасибо. Это конечно не значит, что эмиграция не имеет никаких грехов и недостатков. Один Бог безгрешен. Но кто из-за «деревьев греха» не видит спасительного «леса» эмиграции – тот просто не желает видеть того, что ему не по нутру, и заведомо близорук. На

этом пока кончаю. В следующем письме отвечу на твой второй вопрос.

Питирим Сорокин⁴⁸

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ДРУГУ.

... «Оторвались от России... Не понимают положения дел на родине... Фантазируют и выдумывают». «Бог знает что пишут о советах»... – Таковы обвинения, адресуемые часто нам – зарубежным русским – от подъяремных русских... Даже в твоём письме есть схожие ноты... В этом послании я хочу потолковать немного на эту тему. Давайте, посмотрим, до какой степени все эти обвинения основательны... Вопрос важен также и для меня лично: как никак, а по крайней мере для себя самого я должен дать отчет в моей позиции непримиримости к современным поработителям России...

Начну с того, что совершенно неверно, будто бы мы безрассудно и только под влиянием страстей усвоили и продолжаем держать позицию непримиримости. Достаточно знать, что многие из нас – неустанно и непрерывно – каждый день проверяют и экзаменуют правильность и корректность своей информации и своих представлений о положении дел в России. Не счесть часов, которые я тратил и трачу на изучение всевозможных статистических и других источников советской власти. Живя здесь, в благословенной Америке, вдали от России, я, вероятно, знаю лучше и больше всевозможные отчеты, данные и статистические цифры советских публикаций, чем ты и чем многие другие лица, живущие там, в России. Помимо этого нам доступны сотни источников информации, закрытая для вас советской властью. Как это ни кажется парадоксальным, но мы часто лучше знаем положение дела в России, чем вы. И что же? Достаточно с элементарно-необходимой научной критикой изучать данные самой коммунистической банды правителей, чтобы видеть ясно и точно, что настоящее возрождение России при такой власти невозможно. Больше того, если бы я лично усмотрел наличие элементарной заботы

о России и русском народе со стороны этой банды и наличие элементарной творческой способности в этой банде, я готов был бы забыть все прошлое и, не стесняясь, пошел бы к «правителям» с поклоном и заявил бы:

«Что было, то было... Лично вы можете быть мерзавцами, – но раз ваша работа идет на пользу моей Родине, раз вы улучшаете ее экономическое, умственное, моральное и политическое состояние и имеете для этого все способности, вам и вожжи в руки. Правьте и властвуйте. А о грехах ваших вы дадите отчет Богу. Они меня не касаются».

Из этого ты видишь, что я достаточно «либерален» и «социологичен», чтобы различать личную «моральную стоимость» правителей и их способности к государственной созидательной работе. Они не часто совпадают. И я сам доказывал в своей книге («Social Modifity»), что правители с огромным созидательным талантом, но мерзавцы с этической точки зрения, как правило, были более полезны обществу, чем «идеально-добродетельные» простаки-правители. Петр Великий, Екатерина Вторая, Цезарь, Наполеон, Генрих VIII или Перикл – были великими грешниками; и однако это не помешало им быть великими правителями. Посему, если бы коммунистические властители обнаружили даже среднюю способность строить Россию, я был бы несказанно рад и не постеснялся бы провозгласить им: «Ave, Caesar!» Но, увы! действительность не дает мне ни малейшего основания для такого приветствия... Она без тени сомнения показывает, что коммунистические правители не только мерзавцы, но само олицетворение тупости и бездари, поскольку дело касается возрождения и воссоздания России. Все, что они делают в этом отношении, – тупо в высшей степени. Все, что они пытаются улучшить, – ведет к ухудшению. Словом, к моему великому сожалению, ни искры таланта, ни тени способности, ни атома созидательной энергии не обнаруживают эти «правители». Факты? О, их так много, что пришлось бы писать целые томы. Достаточно, однако, указать на итог их одиннадцатилетнего хозяйничания, чтобы видеть это. Этот итог

таков. Среди всех буржуазных государств нет ни одного, которое в экономическом, образовательном и в других отношениях не переросло бы довоенного состояния (в земледелии и промышленности, в числе школ и образовательных учреждений, в числе медицинских, гигиенических и социальных институтов, в развитии науки, техники, искусства и культуры, в числе филантропических и подобных институтов). А у нас? Довоенное и дореволюционное состояние все еще остается недостижимым идеалом. Таков итог, который дает сама советская статистика, если ее анализировать по настоящему. Ты не иностранный визитер и тебе не надо доказывать, что экономическое состояние России в данное время остается далеко позади дореволюционного состояния. Ты знаешь, что дутые цифры – вдобавок противоречивые – прогресса промышленности и финансов – рисуют преплачевное положение дела. Впрочем, к чему все оно, когда голод, недостаток хлеба, продуктов, топлива и очереди плюс полуголод данного момента лучше всяких других доказательств свидетельствуют о плачевном положении экономики в коммунистической сатрапии. В области иностранной политики наши головотяпы уже успели «оттяпать» значительные области от России и низвели ее влияние и престиж почти... до колониальной провинции. В области просвещения тебе не нужно доказывать, что и количественно и качественно школьное дело сейчас несравненно хуже, чем оно было до революции. В области народного здоровья и медицины Семашки на бумаге совершили чудеса, на деле развалили прекрасную – и земскую и государственную – медицину дореволюционной России. О науке, искусстве, моральном и религиозном регрессе я уже говорил и раньше. И так везде, что бы ни взял и какой бы области не коснулся. Власть дезорганизует народ и морально и умственно. Делает все, чтобы увеличить биологическое вырождение, разрушая семью и элементарные моральные устои. Своей дикой политикой она взбаламучивает и обостряет взаимоотношения разных национальностей России и все время закладывает бомбы сепаратизма. Промотав области России, ее

золотой фонд, частные и церковные богатства, теперь эти «удушители России» начинают «пускать в трубу» наши музеи и их ценности. Словом, протекшие одиннадцать лет советовластиа были годами непрерывных потерь и для России и для населения. Все классы потеряли и продолжают терять. Куда ни оглянись – везде раны, потери и страдания, вызываемые или увеличиваемые непроходимой тупостью и дубовой бесчеловечностью власти.

При таких условиях не приходится говорить ей: «правь и властвуй». Очевидно, каждый из нас должен сделать выбор: или Россия и интересы ее населения, или шайка тупиц и удушителей... Совмещение этих «или-или» невозможно и не дано. И ни ты, и никто другой не утешайте себя иллюзиями такого совмещения. Оно также невозможно, как невозможно согласовать интересы убийцы и его жертвы. Если кой-кто из интеллигентов занимается этим, то это просто обман и самообман для оправдания своей слабости или низости. Объективное положение таково, что кто борется за Россию и за интересы ее населения, тем самым борется против коммунистических тупиц. И обратно. Всякое – почти всякое – услужение этим тупицам, как бы незначительно оно ни было, есть удар по России и ее населению. Остается еще область «нейтральных» дел. Но они сейчас не интересны: от них не холодно и не тепло ни России, ни коммунистам.

Мы за Россию и за улучшение – не словесное, а реальное – положения ее населения. Следовательно, мы против коммунистов. Интересы России требуют прежде всего, чтобы руль власти был вырван из рук коммунистов и чтобы удушающая петля, наброшенная на Россию, была снята или разрублена. Отсюда дальнейший вывод: все силы и все средства должны быть брошены сюда.

За четыре с половиной года жизни в Америке я кой чему научился – и между прочим американской деловитости. Американец всякое дело сначала обдумает. Раз придя к решению он его выполнит по всем правилам науки, без колебаний и глупой гамлетовщины. Это чудесное правило должно быть применено и здесь. Раз практический вывод гла-

сит: «война коммунистическим властителям» – все что может способствовать успеху этой войны, все – не исключая террора – может и должно быть пущено в ход. Пусть кто угодно философствует на тему: а допустим ли мы террор?», «а морально ли это?», «а можно ли дать в морду тому, кто бьет сотни невинных людей?» (не вывелись даже здесь такие «философы»). Пусть они «глубокомысленно жуют» эти проблемы. Люди действия и глубокой преданности России не будут заниматься такой гамлетовщиной. «Война есть война», раз. «Право репрессалий – признанный институт международного права», два. Если даже в международной войне он применяется, тем паче он может и должен применяться в нашей войне с коммунистической шайкой. На расстрел ответом должен быть террор. На арест заложников ответом должен быть арест коммунистов, как заложников. На хитрость и подвох противная сторона должна ответить тем же.

Пора мягкотелого сентиментализма к палачам прошла... Палачи имели одиннадцать лет, чтобы одуматься и прекратить свои жестокости и надругательства. «Гуманность» к ним теперь была бы величайшей жестокостью к их жертвам. Смешно и глупо убеждать тигра проповедями, чтобы он не трогал своей жертвы. Кто хочет спасти жертву или себя, должен иметь ружье или другое оружие. То же относится и к коммунистической «гиене». Словом, все, что может содействовать и поскольку может содействовать победе в этой войне, все может и должно быть использовано без колебаний и гамлетовщины. Пусть разные мягкотелые ротозеи жуют свои «быть или не быть». От них все равно не станется ни тепло ни холодно.

Для тех же, кто любит Россию и кто носит в себе здравый разум и энергию, – здесь все ясно и нет колебаний. И молодое поколение зарубежных русских, по-видимому, обладает этой деловитостью и свободно от этой мягкотелости. Его не смутят ни выкрики разных «бабушек» фарисейского псевдогуманизма; ни истошно-кудластые витиеватости разных «евразийцев»; ни всевозможные «шатающиеся вехи», ведущие неведомо куда. Опираясь на

данные холодного и точного анализа фактов, мы знаем всю беспочвенность надежд возрождения России при данной власти. Мы знаем, что или она «сожрет» Россию или Россия должна избавиться от нее. Мы за Россию и потому вместе с 95% населения России мы участвовали, участвуем и будем участвовать в войне с коммунистической бандой. Это диктуется и холодным разумом и горячей совестью всех, кто любит Россию.

Питирим Сорокин.⁴⁹

Журнал «Борьба за Россию» был призван создать общий антибольшевистский фронт в эмиграции. Первая такая попытка – Российский Зарубежный Съезд в Париже в 1926 г. Силы эмиграции планировалось объединить с силами в подъяремной России.

Авторы журнала (как М.Е. Салтыков-Щедрин перед смертью в 1889 году) напомнили некоторые забытые слова...

«Честь и достоинство России требуют, чтобы от своих врагов мы избавились сами»,

– писал один из членов редколлегии Михаил Федоров.* Помимо страстного призыва к борьбе с коммунистической шайкой, Питирим Сорокин фактически стал в этих письмах первым историком «Зарубежной России» и ее «Исторической миссии»...

§7.

а). Юридический кружок Петражицкого (СПб. 1910)

В апреле 1927 г. в Варшаве отмечалось 60-летие Леона Петражицкого и 35-летие его научной деятельности.

* Федоров Михаил Михайлович (1858–1949 Париж) – бывший товарищ министра торговли и промышленности. В 1918 – член подпольного «Национального Центра» в Москве.

Последнего из оставшихся в живых после Е. Де Роберти, М.М. Ковалевского и К.Ф. Жакова, учителей Сорокина.

В 1917 г. Сорокин помог своему учителю эмигрировать из России в Польшу. В 1955 г. Сорокин писал Всеволоду Исаеву:

«Я считал и считаю Петражицкого величайшим ученым права XX столетия».⁵⁰

В юбилейной статье 1927 года, другой русский ученик Петражицкого М. Лазерсон назвал его:

«одним из крупнейших русских ученых-юристов, по национальности поляка, создавшего до сих пор не только не превзойденную, но даже и недостаточно оцененную теорию права».⁵¹

Рижская газета «Сегодня» поместила фотографию Л.И. Петражицкого на первой странице, а справа от нее фотографию Петражицкого с учениками. Сорокина на ней нет. В 1910 г. он еще только поступил в Университет...

Кружок философии права Л.И. Петражицкого в 1910 г.

Нижний ряд (слева направо): **А.И. Фишман**, **Е.М. Кулишер** (ныне проф. уголовн. права), **А.И. Колпакчи**, **Д.И. Эттингер**, **П.Е. Михайлов** (ныне ученый в области теории права), проф. **Л.И. Петражицкий**, **П.И. Люблинский** (ныне проф. угол. пр. в Петербурге), **Н.Н. Шульговский**, **Н.В. Болдырев**, **И.С. Войтинский** (ныне проф. по гражданскому и промышленному праву) и **А.Н. Круглевский** (ныне проф. Латв. Унив.). **Средний ряд** (слева направо): **Посевский**, **Болдырев** (ныне проф. русск. права), **И.С. Перетерский**, **Н.А. Райгородский**, **А. Давидов**, **Кролик**, **А.М. Кулишер** (ныне проф. госуд. права в Париже). **Верхний ряд** (слева направо): **Я.М. Магазинер** (проф. госуд. права в Петербурге), **Г.К. Гинц** (цивилист и известный политич. деятель в Сибири), **М.В. Шахматов**, **А.П. Лапин**, **В.Ф. Миллер**, **М. Лазерсон** (член латвийского Сейма и проф. русских унив. курсов в Риге).⁵²

В 1926 году, в статье о русской социологии Сорокин, представляя американским основателям «психологической

социологии» бывшего (до 1917 г.) профессора общей теории права в Университете Санкт-Петербурга, ныне профессора Университета Варшавы и вице-президента Международного института Социологии Петражицкого, писал:

«Экстраординарной ценностью его работ объясняется огромное влияние его теории на русских ученых в области социальных и политических наук, на философов, психологов, экономистов, теоретиков права и морали. Ею же объясняется и появление «школы Петражицкого» в юриспруденции, социологии, политической науке и психологии. Революция вынудила Петражицкого покинуть Россию, многие его ученики разбросаны по всей России, находятся или в тюрьмах или высланы (хотя сам Петражицкий, как и его последователи не принадлежал к старому режиму). В этом отношении работа школы прервана. Тем не менее есть все основания ожидать, что в будущем работа будет продолжаться. Теория принадлежит к типу научного достижения, влияние которого продолжительно и прочно».⁵³

Свою третью «американскую» книгу «Социальная мобильность» (1927) Сорокин посвятил Леону Петражицкому.

Стюарт Чапин в «Предисловии редактора» писал:

«Профессор Сорокин уже известен американским читателям как автор крайне интересных книг о великой Русской революции.

В новой работе профессор Сорокин представляет американским читателям принципы социальной мобильности впервые описанные в его ранних русских книгах и поэтому недоступных большинству американских ученых».

Сорокин в своем предисловии (январь 1927)* благодарит народ Соединенных Штатов Америки, **«где я нашел наиболее дружественное убежище, возможность**

* В русском издании «Социальной мобильности» (М., 2005) посвящение Петражицкому, предисловия Чапина и Сорокина отсутствуют.

работать и наиболее ценную социальную школу» и персонально 18 американских ученых, трех европейских (Ф. Козентини, Леопольд фон Визе, Готфрид Саломон) и двоих русских (М.И. Ростовцев, бывший посол России в США профессор В.А. Бахметьев)...

Каких только эпох, стран, культур, имен нет в этой книге... Из русских – ссылки на работы Д.Н. Анучина, Н.В. Вяземского, Груздева (кто это?), Е. де Роберти, Дементьева (кто это?), А. Ивановского, Н.Д. Кондратьева, Ж. Новикова, М. Острогорского, Полины Тарновской, Юрия Филипченко. Упомянут Ленин и ленинцы.⁵⁴

В этой книге Сорокин показал себя ученым, не только европейского, но мирового уровня. Несколько десятилетий спустя «Социальная мобильность» оставалась **«единственной исчерпывающей работой»** в этой области.⁵⁵

«Вертикаль власти», выстроенная в начале XXI века в РФ ее вторым президентом даже терминологически напоминает «вертикальную мобильность» о которой писал Сорокин...

Приверженность режима «вертикальной власти» великому русскому философу Ивану Ильичу хорошо известна, но однажды В.В. Путин в связи с «проблемой олигархов» вдруг упомянул имя Петражицкого:

«Известный российский теоретик государства и права профессор Л. Петражицкий, отмечал, что обязанность помогать нуждающимся, аккуратно платить рабочим условленную плату – это в первую очередь этические нормы. Хочу отметить, что все это было написано почти сто лет назад – еще в 1910 году».⁵⁶

Десятки томов «сочинений» Ильина многократно изданы и переизданы в нынешней РФ... «Масоновед» Ильин следил и за Питиримом Сорокиным.

1 сентября 1927 года Ильин писал Струве:

**«Дорогой Петр Бернгардович,
<...> прошу вести особый счет выступающим в «Возрождении» масонам. <...> 5. Питирим Сорокин. Это я насчитываю издали. А затем и впрочем – как**

Вашему Высокому Превосходительству будет угодно и на все есть воля Ваша».⁵⁷

Как раз накануне в «Возрождении» была опубликована статья П.А.Сорокина, от которой Ильин, вероятно, был не в восторге:

б). «Американская демократия и доморощенная псевдо-демократическая мягкотелость

Если бы наши «доморощенные» демократы, социалисты и полусоциалисты, немного серьезнее изучили существующие и процветающие демократии, особенно Северо-Американские Соединенные Штаты, огромная часть их писаний о демократии, республике и социализме не была бы написана. Не была бы написана по той простой причине, что существующие и процветающие демократии совершенно не похожи на ту «особу», которую оно зовут «демократией» и «желательным общественным строем».

Смогу бегло сравнить основные черты американской демократии с той «сахарной демократией» и «мармеладовым социалистическим строем» по доморощенному расписываемыми нашими демократами, чтобы видеть, что это вещи разные и даже противоположные. Сравнение это нужно и поучительно. Америка в настоящее время является страной, в которой положение трудовых масс является наилучшим, по крайней мере, экономически и политически. Америка представляет страну наиболее влиятельную в международном отношении. Лидерство – и политическое и экономическое и даже культурное – принадлежит Америке.

Спрашивается, как же это достигнуто? Через социализм? Или путем реализации «сахарных демократических идеалов» наших демократов? Ничуть. Реальное положение дела было и остается совершенно иным.

Средний годовой доход американского фермера и рабочего около 1 600 долл., т.е. неизмеримо выше, чем средний годовой доход рабочего и крестьянина в любой стране. Уровень жизни американского фермера и рабочего опять-таки гораздо выше, чем в других странах. Средний американский фермер живет как жил в России средней руки успешный помещик, с той разницей, что практически все фермеры имеют, по крайней мере, один автомобиль, – многие – два и три автомобиля, радио, телефон, ванную и т.д. То же самое можно сказать и об огромном большинстве американских рабочих, кроме небольшой части вновь прибывших иммигрантов и лентяев или никуда не годных лиц.

Таково положение дел с одной стороны. Со стороны же социализма Америка – наименее социалистическая страна. Не только среди общего населения, но и среди класса рабочих и фермеров социализм и коммунизм и «классовая борьба» и «классовая психология» развиты меньше, чем в любой европейской стране. Такова обратная сторона медали.

Это утверждение совершенно достоверно. Небольшое количество фактических данных иллюстрирует сказанное. Во-первых, в настоящее время на 112 с лишним миллионов населения, здесь имеется только около 7 000 коммунистов, несмотря на то, что принадлежность к этой партии не запрещена и законом не преследуется. Во-вторых число «салонных социалистов» несколько больше, но опять-таки совершенно незначительно. В-третьих, Американская Федерация Труда – совершенно свободна от социализма и непримиримо враждебна к коммунизму, враждебна настолько, что по конституции Американской Федерации Труда коммунисты не могут быть ее членами, а если случайно проникают, то исключаются. В ряду многих противников признания советов Американская Федерация Труда занимает наиболее непримиримую позицию. В ее многократных резолюциях она без стеснения клеймила советскую власть и коммунистов: «самыми вредными врагами рабочего класса», «тиранами», «убийцами» и т.д. Лидеры и вожди федерации – не социалисты. И вообще влияние социалистов

среди рабочих абсолютно ничтожное. Им тут нечего делать. Федерации служит не лозунг «классовой борьбы», а классового сотрудничества.

С еще большим основанием вышесказанное можно утверждать о классе фермеров. Американский фермер – индивидуалист-собственник. Он совершенно глух к коммунисто-социалистическим призывам. Общий взгляд населения на социалистов примерно такой: это – или бездельники или паразиты, или неисправимые и блаженненькие идеалисты.

Вывод: американские трудовые классы наиболее благоустроены и они же наименее социалистичны. Над этим выводом, согласно правилам индуктивной логики не мешает подумать нашим социалистам.

Теперь перейдем к американской демократии. Невежественные энтузиасты демократии часто понимают под демократией строй, в котором «все равны», в котором «все» и «вся» избирается и голосуется, в котором права исполнительной власти и в государстве и в общественных учреждениях сведены «на нет», в которых царствует «полная свобода», нет милитаризма, нет принуждения, словом, царствует «засахаренный гуманизм» и «благожелательная мягкотелость».

Я должен откровенно сознаться, что в ряду великих демократий прошлого и настоящего такой «демократии» я не знаю. В довершение с полной откровенностью можно утверждать, что великая американская демократия совершенно отлична от вышеизложенного идеала «засахаренной и беспозвоночной демократии наших доморощенных демократов». С их точки зрения американская демократия должна быть признана «деспотической автократией». Нижеследующие штрихи – немногие из тысячи таких штрихов – покажут, что реальная демократия Америки совершенно не похожа на то, за что ее часто выдают наши демократы.

Начнем с равенства. Сравните только состояние Форда и Рокфеллера с средним доходом большинства населения, и вы увидите, что экономическое неравенство в Америке не меньше, чем в любой стране. Политически права американского прези-

дента или министра, или генерала, не меньше прав короля, монархического министра или монархического генерала. Права и полномочия исполнительной власти, начиная с президента Америки и кончая любым чиновником в отношении подчиненных или рабочих, во всяком случае, не меньше, чем в любой не «демократической» стране. Если в ряду областей «администрация» избирается народом, во многих других областях – она назначается. Президент республики, как известно, сам назначает министров и они ответственны только перед ним, а не перед палатами. Но взгляните поглубже в основные учреждения Америки, и вы увидите нечто поразительное. Беру пример – американские университеты и школы. У нас в России ректоры, деканы, профессора избирались. Судьба университета зависела от совета университета. Здесь профессора, президент и деканы не избираются, а назначаются. Основные университетские вопросы «деспотически» разрешаются президентом и регентами университета без всякого совета и голосования профессоров или студентов. Профессора назначаются и оставляются президентом и регентами. Нет и тени того «демократизма», который существовал в царской России. Вышесказанное верно не только по отношению к частным, но и государственным университетам.

Другой пример из той же университетской жизни. У нас посещение лекций студентами было совершенно свободно. Здесь оно обязательно. Студент, пропустивший без уважительных причин ряд лекций, теряет весь курс и кроме того может быть наказан. Как это не похоже на «неограниченную свободу», воспеваемую нашими демократами.

Больше того, равные в правах вне их службы, рабочий и капиталист, подчиненный чиновник и его начальство, студент и профессор – в течение служебных обязанностей абсолютно неравны: один является «повелителем», другой – «подчиненным». И вы можете быть уверены, что эта «повелительность» одной стороны категорична и свободна от всякой «мягкотелости». Как пример, я могу упомянуть, что американские студенты, даже те из них, которые «оставлены при университете», третиру-

ются профессором примерно, как наши гимназисты учителями гимназии. И это во всех областях американской жизни. Она вся построена на разумной, но строгой дисциплине, не имеющей ничего общего с распушенностью фантастической свободы.

Я помню, как у нас в России потешались над «потешными». О введении принудительного воинского обучения среди студентов университета никто не осмеливался даже и заикнуться. Здесь принудительное воинское обучение существует во всех государственных университетах. Студенты под руководством офицеров в течение двух лет обязаны пройти курс воинской учебы, со всей ее муштровкой, дисциплиной и т.д. У нас даже в средних школах посещение церкви часто было не обязательным. Здесь в большинстве частных университетов и колледжей оно обязательно, и не только в праздники, но и каждый день.

С точки зрения демократов доступ в университеты должен быть открыт всем и вся. В Америке, особенно за последние годы, более и более растет движение в пользу недопущения или исключения из университетов массы возможных студентов. Частные университеты и колледжи делают строгий отбор поступающих студентов и принимают только тех, кто удовлетворяет необходимым умственным, моральным, физическим и религиозным требованиям университета. Что касается права поступления в государственные университеты – потенциально это право имеют все, кто окончил среднюю школу. Фактически, однако, положение иное.

Все вновь поступающие студенты подвергаются физическому и умственному испытанию. Родители тех из них, кто умственно не обещает быть особенно успешным, получают «совет» от университета не отправлять их детей: юношей и девушек, в высшую школу, потому что (и это сейчас экспериментально доказано) по всем данным, такой студент будет только бременем для университета, зря потратит время, зря израсходует деньги и потому для него и для родителей лучше, если он выберет себе другую дорогу, более соответствующую его талантам или бесталанности. В основе такой «не

демократической» политики лежит убеждение, что люди по своим природным качествам не равны, и только одаренные имеют право поступать в высшую школу. И школа сама начинает рассматриваться не только и не столько, как воспитательно-учебное учреждение, сколько как «селекционное решето», назначением коего служит «просветить» талантливых лиц и пропускать их и тормозить бесталанных и прирожденно-неодаренных лиц. С точки зрения наивного уравнилителя такая политика и такое воззрение должны рассматриваться как нечто кастовое и в высшей степени «не демократическое». И однако, реальное положение дела таково, как оно описано выше. И для всякого, кто понимает что-нибудь в биологии, психологии и социологии, должна быть ясной разумность такой политики.

Дальше. С точки зрения мягкотелого российского демократа смертная казнь преступников или телесное наказание их является «варварством». Мы умудрились отменить «смертную казнь» даже в армии в период войны и революции. В Америке этого «варварства» не боятся. 24 штата продолжают иметь смертную казнь. Некоторые штаты, например, Миссури, уничтожили ее в 1917 г., но потом обратно восстановили в 1919 году. Телесное наказание тоже существует. И за последние годы ряд штатов, которые не имели его, ввели опять (битье кнутом).

Нужно ли добавлять, что позвоночным столбом американской психологии всегда был принцип: индивидуальной инициативы, индивидуальной ответственности и риска, индивидуальной выгоды и универсального соревнования. Эти принципы в корне противоположные социализму, вылились в равенство, и не в арифметическое, проповедываемое нашими уравнилителями, а в равенство пропорциональное: каждому по его талантам, способностям и достижениям. Гения и идиота нельзя уравнивать. И не надо... Что нужно и что разумно, это распределить права и обязанности пропорционально гению одного и идиотизму другого. Эдиссон или Форд составили себе состояние неизмеримо большее, чем состояние обычного рабочего. И что же? Это вызывает здесь

скорее восхищение, потому что эти они обязаны своему гению, которого простой смертный не имеет. Вся американская жизнь построена так, что она дает каждому «шанс» сделаться чем угодно. Она как бы говорит каждому: от тебя самого зависит, будешь ли ты президентом, или Фордом, или Эдиссоном, или неквалифицированным рабочим или бедняком. Если не силен – пробивайся, докажи, что ты силен, преодолевай препятствия и будь чем ты желаешь быть. Если ты этого не можешь и только можешь, что хныкать и жаловаться на всех и вся, значит ты и в самом деле ничего не стоишь, значит «кишка тонка». Посему, будь доволен тем, что имеешь, вини самого себя и благодари тех, кто своим гением и талантом поднимая себя, улучшают и твое существование.

Такова внутренняя «пружина» всей американской психологии. С этой точки зрения понятно, почему всякий, кто достигает чего-нибудь, вызывает вместо зависти восхищение и почему громадная масса американцев думает, что Форд и Эдиссон, составив себе состояние, в то же время улучшили положение масс неизмеримо более, чем все социалистические «попечители рабочего класса» и революционные болтуны, взятые вместе.

Этот принцип «пропорционального равенства» и вытекающего отсюда соревнования является тем мотором, который порождает неиссякаемую энергию американского народа, неустанно толкает каждого к напряжению всех его сил и способностей и превращает жизнь американца в большое футбольное состязание, в котором каждый, соблюдая правила честной игры, в то же время старается побить своего противника. Победитель имеет право быть довольным победой, потому что он «играл честно», и побежденный не имеет никакого основания для ненависти к победителю, потому что он имел тот же «шанс» и если оказался побитым, то потому, что он слаб, а его противник силен. Это объясняет отсутствие классовой ненависти или классовой психологии среди американского народа. Индивиду и группы этой великой нации «играют» жизнь с увлечением, азартом, но соблюдая правила «чес-

тной игры». При таких условиях менее успевающие не могут жаловаться или ненавидеть более успевающих.

Отсюда – вышеуказанное «пропорциональное равенство» Америки, в корне отличное от «арифметического равенства» наших уравнителей.

Эти штрихи показывают, подлинная демократия весьма отлична от той фантастической демократии, вернее, «беспозвоночной мягкотелости», которую с таким азартом пропагандируют многие из наших демократов. Пишущий эти строки готов всеми силами пропагандировать основные черты американской демократии. Но он отказывается войти в царство демократии наших доморощенных демократов. Оно знаменует царство импотентности, бессилия, фантастики и мертвой фразеологии. Было бы величайшим несчастьем для России, если бы в ней даже временно установилась опять эта псевдодемократическая мягкотелость, захлебывающаяся от своей фразеологии. Впрочем, эта опасность, по видимому, не грозит в будущем.

Питирим Сорокин.⁵⁸

П.Б. Струве с 18 августа 1927 г. с поста редактора «Возрождения» ушел. Нина Берберова, хорошо осведомленная в подноготной эмигрантских интриг писала о «Возрождении»:

«Издание было правого толка, но конечно не за самодержавие, не поддерживающее фашизм и не поддерживающее Гитлера. Сотрудники газеты в большинстве принадлежали «правой» масонской ложе (Гранд Лож), в то время как сотрудники «Последних новостей» – принадлежали «левой» ложе (Гранд Ориан)»...⁵⁹

в). Переписка с Г. Саломоном (1925–1927)

Если с фон Визе и Козентани Сорокин был знаком давно, то социолог из Франкфурта на Майне Готфрид

Саломон* появился на горизонте в 1925 г. Ученик Зиммеля и Ф. Оппенгеймера он интересовался историей социологии и социализма, редактировал «Jahrbuercher fuer Soziologie», писал о Прудоне, Гумпловиче, Вико...

3 июля 1925

Дорогой сэр,

по рекомендации профессора Козентини (Турин) и профессора Mazet (Прага) я прошу Вас о сотрудничестве. Как редактор международного «Ежегодника по социологии» (1-й том выйдет на днях) я хочу попросить Вас написать статью о развитии социологии в России. (1–2 листа). Lorin, Bougle, Steffen, Barnes дали мне обозрение социологии в Италии, Франции, Швеции, Америке. Мне очень интересна Ваша книга «Социология революции». Если Вы пошлете ее мне я помешу объявление о ней в моем «Archiv fur Philosophie and Soziologie»...⁶⁰

Сорокин – Саломону

12 августа 1925.

Буду рад написать. Посылаю «Социологию революции». Пошлите мне один экземпляр Вашего «Ежегодника». Я попрошу подписаться университетскую библиотеку.

1 октября 1925.

Поздравляю Вас и G.Brown's Verlag с «Jahrbuch». Я внимательно прочитал и нашел его наиболее ценной и интересной социологической публикацией, которую я читал. Вы и Ваш издатель несомненно делаете один из крупнейших вкладов в социологию. Если никто из американских социологов не собирается писать о «Ежегоднике» – я буду рад написать.

Посылаю манускрипт статьи о русской социологии. Сейчас я пишу о социальной стратификации и социальной мобильности. Предмет, как Вы знаете, сравнительно новый. Возможно, Вы и Ваш германский издатель заинтересуетесь. Если – да, то я могу послать Вам манускрипт, когда закончу,

* Salomon (Salomon de la Tour) Gottfried (1892 Франкфурт на Майне – 1964. Там же). В 1933–1940 – Париж. В 1941–1958 – Нью-Йорк. С 1958 г. в ФРГ.

чтобы оставить право на перевод исключительно себе, в моем контракте с американским издателем, чтобы не иметь препятствий с его стороны как это случилось с «Социологией революции» и «Листами из русского дневника».

6 ноября 1925.

<...> Рад, что статья о русской социологии подходит. Я хорошо знаю, что гонорара быть не может <...>

31 мая 1926.

Спасибо за «Ежегодник». Его 2-ой том исключительно интересен. Без всякого преувеличения необходимо признать, что «Ежегодник» стал одной из лучших социологических публикаций в мире. Я говорю это не как комплимент, а как дело факта. Я написал профессору Н. Odum,* редактору «Social Forces» относительно Вашего стремления обменять «Ежегодник». Возможно, я напишу обзор «Archive» для одного из американских журналов. Это будет полезно для Вас во всех отношениях. Рад быть Вам полезным.

Саломон – Сорокину

15 июня 1926.

<...> Обещаю написать о Вашей «Социальной мобильности» и очень интересуюсь Вашими «Современными теориями» поскольку пишу сейчас «Историю социологии»

Сорокин – Саломону

26 июня 1926.

Я получил письмо от профессора Odum'a. Он будет рад обмениваться. С большим интересом ожидаю Вашу «Историю социологии»

6 августа 1926.

«Social Forces» предложили мне написать обзор «Ежегодника» «Archive» и книги Гумпловича.**

* Odum Haward W. – в 1922–1954 гг. редактор «Social Forces».

** Саломон написал к ней предисловие.

26 сентября 1926.

Дорогой профессор Саломон,

большое спасибо за Ваше дружеское письмо. Что касается статьи об «Интеллигенции», которую Вы любезно предложили мне написать. Мне трудно ответить определенно на Вашу просьбу, так как Ваше предложение не ясно для меня. Вы хотите, чтобы эта тема обсуждалась вообще, как очерк по социальной психологии (что-то сходное с «Типологией» М. Вебера), или Вы хотите, чтобы я взял тему в более узком смысле и рассматривал ее статистически вроде моих «Монархов» и «Миллионеров». В этом узком смысле в отношении недавнего времени у меня есть некоторые данные и я мог бы написать подходящий короткий обзор страниц на 10–15, который будучи сравнительным мог бы быть интересен. Но я смогу это сделать не ранее чем в феврале 1927 г., когда я смогу послать Вам мою статью. Если статья такого типа Вам подойдет – дайте знать и в феврале 1927 г. я пошлю ее Вам. Я думаю, что тема интересная и стоит изучения. С большим интересом я читал Вашу статью о материалистической концепции истории и цитирую ее в моей книге «Современные социологические теории» над которой сейчас работаю.

Этим летом я имел удовольствие встретить доктора A. Walter* из Геттингена и доктора C. Fridrich из Гейдельберга. Мы много говорили и часто упоминали Вас. Доктор Fridrich сказал мне, что в Вашей серии будет опубликована одна или две работы доктора Mombert'a**. Если это верно, мне бы хотелось иметь его книгу, т.к. я очень ценю его работы и могу написать краткий обзор его книги. <...>

Саломон – Сорокину.

Следующий «Ежегодник» предназначен для статей о проблеме «Интеллигенция». Я полагаю, что лучше всего – написать краткое социо-психологическое введение, возможно, с некоторыми статистическими введениями изложенными хронологически. Но, пожалуйста, Ваша статья должна

* Walter Andreas

** Mombert Alfred (1872–1942) – личный архивный фонд в библиотеке Карлсруэ.

сначала появиться на немецком языке. Я посылаю Вам одну из новых книг Момберта.

Буду рад, если Вы анонсируете интересные новые книги об американской социологии.

Сорокин – Саломону.

13 февраля 1927.

Я написал обзор о Гумпловиче и надеюсь, что он будет опубликован в мартовском или июньском номере «Social Forces».

Моя «Социальная мобильность» в процессе печатанья. В предисловии я позволил себе выразить свою благодарность Вам, вместе с другими учеными, которым я много обязан*... Я надеюсь Вы не против.

Моя книга «Современные социологические теории» подходит к концу. <...> Поскольку теории Gobineau, Chamberlain, Ammon, Larouge мало известны здесь, я излагаю их основные принципы. Посылаю Вам главу из книги. Можете, если подойдет, опубликовать где хотите.

Я не могу подготовить статью (об интеллигенции) к июлю. Могу предложить две других. Если подойдут, то на английском я опубликую их через некоторое время после немецкого издания. Одна из них «Лидеры фермеров и пролетариата». В двух моих семинарах теперь подходит к концу изучение 6 000 лидеров американских фермеров, 3 000 лидеров американских рабочих и 500 наиболее выдающихся европейских лидеров пролетариата. <...>

Сорокин – Саломону.

10 мая 1927.

<...> Odum сообщил мне, что мой обзор 1,2 томов «Ежегодника» и Гумпловича будут опубликованы в «Social Forces» в июне или сентябре. <...>

18 июня 1927.

<...> «Social Forces» вышлют мне для обзора экземпляр книги Barnes «Soziologie and Staatstheorie».**

* Как уже отмечалось в московском (2005) издании «Социальной мобильности» предисловие Сорокина снято.

** Издана в переводе на немецкий язык Саломоном и с его предисловием. Саломон просил Сорокина написать рецензию на немецкий перевод в «Social Forces».

<...> Что касается статей «Experimental Study of the Efficiency of work of Pre-School children under the Group», «Individual», «Equal», «Unequal», «Remuneration», то я обещал их доктору Леопольду фон Визе и посылаю на днях.

Надеюсь Вы уже получили мою «Социальную мобильность»?

Спасибо за готовность написать ее обзор. <...>

6 сентября 1927.

<...> Если Вы хотите перевести мои работы – пожалуйста. Если желаете иметь от меня статью о Социализме, то разумеется, я готов написать. Озаглавил бы ее так: «Социалистические эксперименты в истории. Их причины, сущность и результаты». В статье я мог бы аналитически исследовать наиболее важные эксперименты в их фактической (а не в «словесных реакциях») природе. Мои выводы являются полностью негативными, не потому что я так хочу. Они такие потому, что соответствуют фактам. Если такое «непопулярное» мнение может появиться – дайте знать. <...>

Немецкое издание моих «Современных социологических теорий» выйдет, вероятно, в 1928 году.

Книга о «Rural - Urban Population» продвигается. Результаты моей первой серии экспериментов будут опубликованы в «Kolner Vierteljahrshelpe» доктора Визе. Результаты дальнейших экспериментов планирую дать доктору Thurnwald'у в соответствии с его любезным предложением. Немецкое издание моей «Социологии революции», вероятно, будет опубликовано в конце этого или начале 1928 г.

P.S. Вы, вероятно, видели краткую заметку о «Ежегоднике» и книгах Гумпповича в последнем номере «Social Forces». Мой обзор был гораздо более обширен, но поскольку большинство читателей «Social Forces» не читают по-немецки, меня попросили сократить... <...>

Звезда американской и мировой журналистики Г. Солсбери,* начинавший с репортажей из зала суда

* Солсбери Гаррисон (1908 – 1993 Миннеаполис. Миннесота) – шеф московского бюро ЮПИ с 1944 г. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Москве в 1949–1954 гг. Выслан из СССР.

над Аль Капоне в Чикаго, а в 1944 г. направленный в СССР вспоминал:

«У меня не было специальной подготовки для работы в России. Я не знал языка, не знал истории, не знал культуры, о революции знал чуть больше того, что услышал от Натана Розена в квартире на втором этаже старого дома Дериксона на Ройялстон-авеню. Правда, я был уже профессиональным репортером, но абсолютным невеждой в том, что касалось России. В университете я прослушал курс социологии революций, который читал Питирим Сорокин. Сорокин был эмигрантом и говорил с таким акцентом, что я с трудом разбирал, о чем он толкует. Больше всего он любил рассказывать о том, как пробирался через Сибирь и прятался в канавах от кавалеристов Красной Армии. Я и понятия не имел, что он занимал важный пост в правительстве Керенского, не представлял, что его ждет блестящая карьера в Гарварде. Я прочитал «Войну и мир», был без ума от «Вишневого сада», но эти произведения мало что говорили о России 1944 года».*⁶¹

Стюарт Чапин, который находился под впечатлением огромных знаний Питирима Сорокина и пригласивший Сорокина занять место профессора социологии в университете Миннесоты вспоминал:

«Сорокин прибыл и вызвал сенсацию. <...> Студенты не были готовы к его стилю преподавания».⁶²

Рональд Олтоуз, ссылаясь на Чапина пишет о Сорокине:

«Казалось, что он соперничает со всеми: от студентов, до членов факультета. Результат – яростные схватки».⁶³

Факультет раскололся на соперничающие фракции. Одна – во главе с Малькольмом Уилли, другая – Питиримом Сорокиным.⁶⁴

* Как раз в 1944 г. в Нью-Йорке была опубликована книга Питирима Сорокина «Россия и Соединенные Штаты».

§8.

«Ложные утверждения госпожи Е.Д. Кусковой». Письмо в редакцию «Возрождения» (1928)

Один из самых выдающихся уроженцев Миннесоты Синклер Льюис в 1923 г. опубликовал в мартовском номере журнала «Nation» статью **«Миннесота – скандинавский штат»**:

«Город Миннеаполис, насчитывающий сейчас четыреста тысяч жителей, семьдесят пять лет тому назад состоял из одной хижины. До 1837 г. во всей Миннесоте, занимающей 80 тыс. кв. миль – столько же, сколько Англия и Шотландия вместе взятые, – не было и 300 человек белых и метисов. <...>

Семьдесят пять лет тому назад – пустыня, в которой беспрепятственно носился чиппева. Сегодня – сложная цивилизация, будущее которой – несет ли оно радость, огорчение или то и другое – мы не можем предугадать. Чтобы понять Америку, надо всего-навсего понять Миннесоту».⁶⁵

Свои шесть лет (1924–1930) в Миннесоте Сорокин назвал «счастливыми годами». Дон Мартиндейл в своей книге годы 1921–1930 назвал «золотым веком Миннесотской социологии». Хотя Миннесота и «скандинавский штат», в 1920 г. там было немало и русских.

Нью-Йорк	– 533 545
Пенсильвания	– 193 631
Иллинойс	– 151 144
Массачусетс	– 107 282
Миннесота	– 45 829
Висконсин	– 28 242

В Миннеаполисе было много различных русских обществ вплоть до библиотечного, основавшего в 1908 году русскую библиотеку.⁶⁶

Иммиграция русских (и др. восточных славян) в Миннесоту началась в 1870-х. Что такое царская Россия

американцы знали из лекций и статей Дж. Кеннана. Голод, разразившийся в России в 1891–92 годах усилил американское осуждение царизма. Губернатор Миннесоты Мерриам (W.R. Merriam) организовал в штате комитет с субкомитетами во всех county для сбора средств голодающим русскому народу. Идея быстро распространилась по всей Америке. После большевистской революции Миннесота как и все США вновь помогали голодающим русским. Бизнесмены Миннесоты собрали тысячи долларов на отправку продовольствия в Россию.

«В январе 1924 г. «Миннеаполис Star» начала высказывать свой редакционный ответ советской революции. Обосновавшийся в Миннеаполисе русский журналист Борис Беркман опубликовал редакционную статью, в которой осудил успех коммунистов в 1917 г., но выступил за признание СССР и торговлю с новым советским правительством».⁶⁷

В изданной в 1981 году Историческим обществом Миннесоты книге отмечается, что несколько политических эмигрантов из Сов. России прибыли в Миннесоту.

«Часто хорошо образованные они нашли профессиональное применение. Пример такого политического иммигранта – Питирим А. Сорокин, интернационально признанный социолог, который преподавал в Университете Миннесоты в 1924–1980 годах перед тем как основать и возглавить департамент социологии в Гарвардском университете».⁶⁸

Университет Миннесоты был основан в 1851 году. Сто лет спустя, он, как и любой американский университет был уже «миром внутри мира».⁶⁹

К 1986 году (135 лет существования) – 11 лауреатов Нобелевской премии. Самый известный – Сол Беллоу (преподавал в Университете в 1947–1959 гг.). Университет был создан даже ранее штата. (В союз штатов Миннесота вошла в 1858 г.).

Первоначально социология и антропология были единым департаментом. В 1919 году получили самостоятельный статус. Главы департамента социологии:

Arthur J Todd	1919–1921
Frank J Druno	1921–1922
F. Stuart Chapin	1923–1952
Elio Monachesi	1952–

Здания старого университетского кампуса, которые П.А. Сорокин упоминает в своей переписке (Falwell Hall, Walter Library*, etc) сохранены и действуют доныне. Как раз в Walter Library, которая в 1924–1968 гг. была основной университетской библиотекой в 1994–95 годах находились архивы, в которых я ежедневно работал...

Нашлись сведения об единственном русском друге Сорокина в Миннесоте, упомянутом в «Дальней дороге».

«Среди друзей вне Университета Миннесоты особая дружба связывала нас с мистером и миссис Андерсон (доктор Джордж Андерсон позднее стал профессором русской истории в этом университете)»⁷⁰

Профессор Феофан Ставру при первой встрече в сентябре 1995 г. сказал мне об Андерсоне:

«Он был моим предшественником. Его настоящая фамилия – Юрий Строганов».

Профессор Василий Алексеев:

«Юрий Владимирович Андерсон (Строганов) – хороший человек старой культуры. Сорокин приезжал по его приглашению в университет Миннесоты с докладом. Потом был банкет. Моя жена сидела с его женой. Я вдалеке. Сорокин держался независимо, но без хамства»**

«Миннеаполис дейли» 17 апреля 1985 г. кратко сообщала:

* В честь того самого библиотекаря Фрэнка Уолтера, письмо которого Сорокину цитировалось ранее.
** Алексеева (в первом браке Шаховская) Людмила Васильевна (1913 Петербург – 1998). В 1928–1945 – в Чехословакии. 1945–1951 – Мюнхене, 1951–1955 – Нью-Йорке. С 1955 г. жила в Миннеаполисе. 20 лет работала в библиотеке университета. Руководила миннесотским отделом, созданного в 1973 году Конгресса русских американцев.

«Отставной профессор истории Джоржд В. Андерсон умер в понедельник утром после долгой болезни. Андерсон, 89 лет, преподавал русскую историю до отставки в 1962 году. Он родился в России. Осталась его жена Анн.

Мемориальная служба состоится сегодня в 1-30 в Mt.Olivet Lutheran Church, 5025 Knox Ave 5».⁷¹

Д. Андерсон выпускник Университета Миннесоты (Master of Arts, июль 1935; Ph.D. июнь 1946. Тема докторской диссертации «Россия в Средней Азии накануне Первой мировой войны»).

В одной из публикаций 1962 года скупо сообщается, что Андерсон родился и получил степень доктора права в России. В 1943 г. стал инструктором в Университете. В 1946 г. получил Ph.D. и с тех пор оставался на факультете, вел военные классы для армии и флота, преподавал историю мусульманских народов, а с недавних пор историю России и Восточной Европы. <...> Мисс Андерсон (тоже выпускница Университета, BA и MD.⁷²

В списке участников одной из научных конференций сказано:

«Профессор Андерсон получил степень кандидата права в Университете Санкт-Петербурга <...>. Он регулярно пишет статьи в «World Scope Encyclopedia», « Journal of Agricultural History» и другие научные журналы. Его последняя поездка на Средний Восток была в 1955 году».

В архиве Университета в «Walter Library» сохранилась катушка с записью 20-минутного интервью Андерсона (1969 год).

«Родился в Эстонии. Отец – военный. В Петербурге окончил гимназию. В университете готовил диссертацию на степень доктора юриспруденции. С 1915 г. на фронте. Трижды ранен. Затем большевистский переворот. Мой дядя медицинский начальник в Сибири. Байкал. Манчжурия. Давал уроки по русской литературе. Карачи. С 1920 г. – в США. Нью-Йорк, Кливленд. Сорокин – великое имя в истории. Гофман, Форд, Сорокин помогли мне с

карьерой. Сорокин очень, очень хороший друг. Был гений – хороший лингвист. Подобных я больше не встречал. В России мы пытались найти мою семью. Но нашли только Волгоград (при Хрущеве). Это до сих пор полицейское государство. Сталинский режим. Очень ужасная жизнь».⁷³

Для Миннеаполиса Сорокин, конечно, был необычной птицей. Местная печать часто писала о нем. Заголовки сенсационны:

**«Русские ученые встречают товарища,
считавшегося мертвым.**

Русские ученые вчера вечером вспоминали свои студенческие дни в Санкт-Петербурге, ныне Ленинград. Говорили об ужасных эскападах революции. Они встретились и приветствовали своего старого друга, который, как многие из них полагали, погиб в красном терроре 1917 года.

Делегация из 20 русских ученых* (знакомящихся с экспериментальной работой сельскохозяйственного колледжа Университета Миннесоты) многие все еще не залечившие раны нанесенные революцией, когда тысячи погибли от рук анархистов и царистов, провела дружескую встречу с лидером восстания Керенского. Многие не видели Сорокина восемь лет и считали его убитым большевиками.

Профессор Сорокин участвовал в подготовке визита ученых и тщательно спланировал день своего появления перед ними. Он знал, что многие не знают о его существовании и приготовил сюрприз.

Хотя он исчез из советской тюрьмы и прибыл в США семь лет назад профессор Сорокин не имел связи со своими коллегами, т.к. находился под запретом и его письма перехватывались русскими властями.

Гостей возглавлял доктор К.Д. Глинка** из русской Академии Наук и близкий друг Сорокина.

Несколько других русских тоже были близкими друзьями профессора Сорокина, главного помощника Керенского во время «белой» революции,

* Участники Международного конгресса почвоведов.

** Глинка Константин Дмитриевич (1867–1927) – почвовед. Академик АН СССР.

когда умеренные реформаторы отрешили царя от власти. Впервые с тех пор как он прибыл в Миннесоту несколько лет назад профессор Сорокин имел возможность говорить с русскими и получить информацию из первых рук о положении в его родной стране.

Сидя в гостиной Университетского клуба, многие из русских, включая доктора А. Лебедева, почвовед с Украины и А. Jerivlov'a, главу русской делегации и члена Русской Академии Наук пренебрегли посещением экспериментальных станций, чтобы услышать от своего старого товарища историю его 1000-мильного бегства из советской тюрьмы к свободе.

Пожилые люди, получившие известность перед тем как революция уничтожила царя и молодые профессора, выросшие при советском режиме сидели бок о бок вчера за ланчем в их честь».⁷⁴

Сорокин избран Корреспондентом Чехословацкой Академии.

Профессор Питирим А. Сорокин из департамента социологии избран Корреспондентом Чехословацкой Сельскохозяйственной Академии* в Праге. Об этом сообщается в письме, полученном на минувшей неделе от М Hodja, чехословацкого министра народного просвещения и образования и президента Академии»

В письме, переведенном с французского языка сказано:

«...Ваше избрание сопровождалось аплодисментами всех членов академии. Академия просит Вас принять эту честь, которая предоставлена очень немногим выдающимися людям и среди которых Вы занимаете одно из первых мест».⁷⁵

...В середине января 1928 г. «Возрождение» опубликовало «отклик»** на труды Сорокина:

«Social Mobility» П.А. Сорокина, том, вышедший несколько месяцев назад, возбудил большой инте-

* Основана в 1924 г.

** Написан, вероятно, самим Сорокиным.

рес среди американских социологов и экономистов. Помимо чрезвычайно лестных газетных рецензий, ряд наилучших журналов Америки и Германии напечатали уже обширные специальные статьи по поводу книги. В ноябрьской книге «The Quarterly Journal of Economics», который редко дает рецензии даже и об экономических книгах, напечатана обширная статья проф. Гарвардского Университета «Sorokin on Mobility». Статья начинается с утверждения:

«Ни один серьезный социолог, экономист, историк и философ права не может пройти мимо этой книги и должен изучить ее с наибольшим вниманием... Она открывает новый отдел социальной науки и является прочным и перманентным вкладом в сокровищницу социальных знаний...»

Виднейший американский «социальный географ», проф. of Yale University E. Huntington свою обширную статью «Социальная пирамида» о книге Сорокина и начинает так:

«Если бы единственным последствием русской революции было прибытие проф. Сорокина в Миннесотский Университет, мы были бы многим ей обязаны». (Saturday Review of Literature, December, 3, 1927).

Патриарх американской социологии, проф. Гиддингс, в своей статье называет книгу «замечательным произведением первостепенной важности» (Satur. Review, August 7, 1927). Проф. E.A. Ross пишет о ней, что он:

«гордится тем, что сделался обладателем этого замечательного тома».

Проф. берлинского университета и редактор Zeitschrift fur Soziologie, R. Thurnwald в своей статье о книге (Zeitschrift fur Sociologie, September, 1927) характеризует ее как «серьезный вклад в науку о познании социальных явлений». New York Herald называет работу «героической», «возводящей социологию на новую высоту научного знания».

Предыдущую книгу Сорокина «The Sociology of Revolution», проф. Гиддингс охарактеризовал, как:

«наилучшее исследование психологии и механизма революции, какое когда либо было написано».

Проф. Harvard University и виднейший историк Английской Революции, Са W. Abbot, назвал «работой, с которой на один уровень можно поставить только «Происхождение Современной Франции» Ипполита Тэна и «Психологию революции» Г. Лебона.

Эта книга переведена на японский и частями на чехословацкий. Сейчас она вышла по немецки (Lehmann Verlag Munchen), в переводе д-ра Кассполя, с обширной статьей о социологических работах Сорокина. В начале января выходит новый том Сорокина в амер. издании: «Современные социологические теории». Уже наперед ряд заметок в амер. научных изданиях говорит о ней, как

«о самой замечательной книге по обществ. вопросам, которые появились и появятся за этот год».

С рукописи книга уже переводится на немецкий язык и выйдет по-немецки в 1928 году.

Испанский социолог А. Posada посвятил разборку работ Сорокина обширную главу в своей книге: «La Llama Intima». То же сделал Pr. Franc Veber, проф. Люблянского Университета в своей книге «Jdejni Femelzi Slovanskego agrarisma».

В текущем году чехословацкая земледельческая академия избрала Сорокина членом. В предыдущие годы он был избран членом Германского Социолог. Об-ва, Междун. Ин-та Социологии и т.д.»⁷⁶

В марте Е.Д. Кускова опубликовала очередную статью против Сорокина.⁷⁷

Сорокин дает сдачу:

ЛОЖНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ Е.Д. КУСКОВОЙ

Письмо в редакцию

В «Днях» Е.Д. Кускова напечатала заметку, в коей утверждает, что я, будучи в советской России, был чуть ли не в стане «преемлющих коммунизм

и революцию», тогда как за границей призываю к непримиримой борьбе с большевиками. Таким образом в изображении сей «писательницы», я обрисован чем то вроде «приспосабливающегося хамелеона».

Настоящим я заявляю, что утверждения Е.Д. Кусковой, в своей сущности, абсолютно ложны. В ряду моих многих недостатков вышеуказанного недостатка я, к счастью или к несчастью, не имею.

Мою «примирительность» к большевикам в советской России Кускова доказывает тем, что я дал им подписку в том, что не буду заниматься политической деятельностью, и тем, что в своих лекциях и писаниях я даже доказывал «закономерность коммунизма».

Первое утверждение «обличительницы» формально верно. В октябре 1918 года, я был приговорен большевиками (в Великом Устюге) к смертной казни, два месяца был смертником, ежедневно ожидавшим расстрела и видевшим их. В декабре меня неожиданно увезли в Москву и здесь мне объявили, что меня освободят, если я дам подписку – не в признании власти советов, не в выдаче кого либо или чего либо, но в том, что я не буду вести политической деятельности. Так как такая подписка не наносила вреда никому и ничему, что я считаю ценным, так как моральные обязательства являются обязательствами, когда они обязывают обе стороны и когда другая сторона не является «бешеной собакой»; так как власть коммунистов я считал, и считаю, конечно, бандой мерзавцев, а мой арест и смертничество – самым тупым насилием (*vis absoluta*), я подписку дал, ничуть не сомневаясь, что подписка по отношению к банде разбойников не может меня обязывать в какой бы то ни было степени. Больше того – это для удовольствия г-жи Кусковой, – я, как и она сама, конечно, и все население России, – дал не одну, а десятки ложных подписок советской власти: напр., в том что я не имею оружия, хотя я его имел; в том, что я не принадлежу к «контр-революционной группе», хотя я принадлежал; в том, что, помимо советского пайка: «клади зубы на полку», я не пользуюсь услугами

мешочников, хотя я пользовался; в том, что без разрешения власти я не напечатал ничего, хотя я напечатал ряд статей и целый том; или в том, что при высылке я, (как и Кускова и все высланные) «обязался» без разрешения советской власти не возвращаться в Россию, хотя, каюсь, если я вернусь, я твердо намерен вернуться без – и только без – разрешения этой, с позволения сказать, власти и т.д.

Г-жа Кускова может видеть, что я, – как и она сама, и фактически, почти все население России, – «повинен» не в одной, а в десятках подписок и в самом «бессовестном» нарушении их. Мало того, я даже ничуть, ни на иоту, не стыжусь этого и если бы еще раз пришлось делать это, я сделал бы без малейшего угрызения совести. Если г-же Кусковой такое поведение угодно назвать «бессовестным», я решительно предпочитаю такую «бессовестность» и даже рекомендую ее другим – чем ее социально вредную «совестность» к «бешеным собакам» – «совестность», которой она сама не обладает.

Конечно, – и здесь центральный пункт моего «оправдания», – если бы после моих подписок, там в советской России, я вел бы себя «симпатичным паинькой» и «засыпателем рвов» по отношению к советам, а за границей, вдруг, перекрасился бы в непримиримого врага коммунистов, это действительно было бы очень некрасиво. Но вот в этом то грехе я не повинен. *И ни Кускова, и ни кто либо другой не может – абсолютно не может – указать ни одного акта, ни одной речи, ни одной строчки моей, ничего, что говорило бы о моей «примиренности» с коммунистической властью, или о «принятии» ее, или что бы то ни было в этом роде.* Если заявления Кусковой в какой бы то ни было степени имеют этот смысл, я заявляю категорически, что она лжет.

Больше того, я легко могу доказать ложность такого утверждения. Не все в Петрограде еще вымерли и тысячи лиц, начиная от профессоров и студентов Университета и кончая рабочими знают и помнят еще мое «примиренчество». Коммунисты сами, и их писания, даже самого Ленина статья, и номера «Петроград. Правды» и «Красной Газеты» за 1919–1922 гг. еще сохранились. Эти и далее

упомянутые документы не оставляют ни малейшего сомнения в ложности кусковского обвинения.

Начнем с моей теории «закономерности коммунизма». Я очень жалею, что Е.Д. Кускова до сих пор, по-видимому, не выучилась понимать смысла слова «закономерность».

Если где либо разражается землетрясение или холера или чума – их наступление «закономерно», т.е. имеет соответствующие причины. Специалисты их изучают, но ни они, ни всякий здравомыслящий человек из этой «закономерности» холеры не заключает, что они должны «оправдывать», «благословлять», «принимать» ее или не мешать ее распространению или «засыпать рвы» мешающие разливу заразы.

То же самое и с «закономерностью» коммунизма и революции. Раз они случились, очевидно, на то были причины. Но из этого ничуть не следует, что мы не должны бороться с этими «социальными холерами» и должны «принимать» их. После этих разъяснений «закономерности» – в порядке «элементарной политграмоты», по-видимому, не усвоенной еще г-жей Кусковой, – ясно, что моя «закономерность» не имела и не имеет ничего общего с кусковскими «приятностями» или «благословениями» коммунизма. Больше того, самая сущность моей теории «закономерности» коммунизма, полагаю, весьма неприятна для него, как и для почти всех видов социализма. Она состоит в том, что разлив и рост коммунизма и социализма, как правило, совершаются в периоды социально-политические – в периоды дезорганизации и деморализации или болезни общества, вызываемой обычно или войной или экономическим обнищанием или моральным разложением. Коммунизм и социализм – не симптомы расцвета общества, а его болезни. Только в истощенном или подорванном, социальном организме эти «бациллы» развиваются и растут. (См. мои статьи, напечатанные в советской России в «Экономисте», ном. 1, 3, 5, 1921–1922 г. «Артельное дело», март 1922 развитые в моей «The Sociology of Revolution», «Improvisement and «Expansion of Government Control» Amer. Journal

of Sociology, September, 1926, Social Mobility, N.Y. 1927, Contemporary Sociol. Theories, N.Y. 1928).

Такая теория, «закономерности коммунизма, социализма и революции» может быть принята за «оправдание их», очевидно, только не совсем уравновешенным мозгом. Больше того, если память Е.Д. Кусковой не дырява, может быть она вспомнит, что как раз «моя теория» «закономерности коммунизма» побудила даже «самого» Ленина в номере 3 коммунист. журнала «Под знаменем марксизма» (1922) вылить на меня ушат ругательств («идеолог крепостничества», «заклятый враг коммунизма», «лидер самой непримиримой части интеллигенции» и т.д.), этого «Ваньки-Каина». А про коммунистическую мелюзгу уже нечего и говорить. Она поносила меня, особенно в «Петроградской Правде» чуть не ежедневно. Нужно отдать им справедливость: эти головотяпы, по-видимому, поняли и оценили мою теорию «закономерности» и ее смысл куда лучше, чем Е.Д. Кускова.

Но мало и этого. Будет ли эта «вина» или «заслуга», но ни Кускова, ни кто либо другой не может указать ни одного даже полупримирительного начинания разных размягченных «рво-засыпателей», в коем я был бы участником. Ни в «Прокукише», ни в разных «Чаяновско-кусковских» подобных операциях я не участвовал, был категорически против них и об этой «непримиримости» не жалею.

Мало и этого. В годы 1918–1922 я выпустил – частью с разрешения цензуры, окаравшей мои работы, частью нелегально – четыре тома (Учебник социологии, курс общей теории права, 2 тома «Системы социологии») не говоря уже о моих статьях. Пусть г-жа Кускова укажет мне, хотя бы одну строчку в этих работах, которая была бы, хотя бы косвенно примирительна к советской власти. И, наоборот, если она прочтет их, она найдет не мало мест в них, опубликование коих в то время – да и теперь – грозило стенкой. Недаром же, покойный академик Э.Л. Радлов, встретив меня после прочтения второго тома «Системы», приветствовал словами:

– Как, после опубликования этой книги, вы все еще живы и не расстреляны!

Недаром же эти книги были изъяты властью, а мой большой том «Влияние голода на общественную жизнь», уничтожены в процессе печатания. Может быть, мой «обличитель» знает также, что, по крайней мере, пять или шесть раз, власть приходила меня арестовывать, помимо двух арестов и присуждения к смертной казни. Вероятно, и до сих пор в петроградской чека имеется «досье», где под рубрикой «активные контрреволюционеры университета», мое имя стоит на первом месте. А мои лекции, в университете, или среди рабочих? Имеются, ведь, сотни лиц, которые могут засвидетельствовать, что они были, сплошной «контрреволюцией». Часть моих публичных речей и лекций напечатаны в том же «Экономисте», «Утре»* и др. изданиях.

Этот перечень я мог бы продолжать долго. Но не стоит. Ни писания Кусковой, ни моя персона, не стоят того.

Замечу лишь, что в Москве, в годы 1918–1922, я не читал ни одной лекции. Прочел только два доклада в заседании научного общества, где и доказывал вышеприведенную теорию факторов коммунизма, возмущившую Е.Д. Кускову, А. Чаянова и еще пару подобных «засыпателей рвов» и «советских полуэнтузиастов».

В заключение, я все же полагаю, что «намеки» Кусковой вылились из ее пера, «с кондачка», «наобум», как и многое другое, о чем она пишет на страницах разных изданий. Иначе, я принужден был бы думать о ней совсем нехорошо: хотя и сейчас я думаю, что если бы она и кой-какие другие журналисты писали бы поменьше, и шумели бы поменьше, и поменьше обличали бы других, а побольше следили бы за собой (помня: «Medice, cura te ipsum»), и они, и эмиграция, и Россия, выиграли бы больше. И «читатели» уже, наверное, относились бы более серьезно к их писаниям. Теперь же, я полагаю,

* «Утренники» – сборники под ред. Д.А. Лутохина.

масса этих читателей, относится к ним по русской пословице: «Мели, Емеля, твоя неделя!»

**С уважением.
Питирим Сорокин.⁷⁸**

Сорокина в этом «споре» поддержал Александр Амфитеатров.

«Прочитал сейчас обширное письмо проф. Питирима Сорокина – ответное на обличение его г-жей Кусковой. Статьи сей последней не читал, но, по ответу, легко составить о ней понятие. Раз г-жа Кускова утверждает, что деятельность Питирима Сорокина в России, до его эмиграции, была «примиренческой», то сим уже исчерпываются и содержание и значение статьи. Г-жа Кускова могла бы с равной достоверностью сообщить почтеннейшей публике, что проф. Сорокин, проездом через Париж, украл и увез в Америку собор Нотр-Дам и вот уже который год носит его в жилетном кармане. На такие рассказы русский народ выработал выразительную ответную пословицу.

– Рассказывай бабкин сон! –

Питирим Сорокин возражает на «бабкин сон» г-жи Кусковой обширным послужным списком своего активного и пассивного противобольшевизма, ссылаясь на свидетельство «тысяч лиц, начиная от профессоров и студентов Университета (Петроградского) и кончая рабочими». Я очень мало знаю г. Питирима Сорокина лично, хотя не скрою, питаю к нему симпатию, как к ученику, другу и доверенному лицу покойного Максима Максимовича Ковалевского, чья память для меня священна. Не скажу, чтобы и за деятельностью Питирима Сорокина в 1917–1921 гг. я следил с пристальным вниманием и мог бы сказать о ней много. Знаю только, что репутация Сорокина, как отъявленного и непримиримого врага большевиков, которого только политический такт его спасает от репрессий, держалась прочно, распространенно, и влекла к нему симпатии самых разнообразных кругов общества.

Были ли репутация и симпатии заслужены?

Смею с твердостью сказать, что да, так как, помимо длинного послужного списка ныне представляемого г. Питиримом Сорокиным, я был свидетелем его яркого противобольшевистского выступления, обращенного, с совершенною публичностью не только к русскому обществу, но и к Европе, – в лице первого большевистского гостя из нее Уэллса.

Это было на пресловутом обеде, который дал в честь Уэллса петроградский «Дом искусств», с приглашением почти что всех, еще уцелевших тогда литературных сил умиравшей столицы. Обед этот подробно изложен мною в «Горестных Заметках», с пропуском некоторых имен, не подлежавших тогда оглашению, потому что носители их обитались в пределах РСФСР (СССР тогда не было). Между названными значился и Питирим Сорокин. <...>.⁷⁹

За помощью к Сорокину обращались многие русские. Известные и неизвестные. Эмигранты и подсоветские. Сохранились три письма профессора А.М. Горовцова* написанные в апреле–мае 1928 г. из Парижа:

«Спасибо за письмо. Конечно нелегко получить кафедру рядовому ученому. <...> В 1921 году я нелегально вырвался из Советской России. <...> Я слышал о Вас как о человеке от покойного М.М. Ковалевского. Знаю Вас как ученого».⁸⁰

12 августа 1928 г. Сорокин писал президенту университета Миннесоты Лоутусу Гофману:

«Дорогой Президент Гофман, благодарю Вас за письмо и привет от доктора Kreinil. Хотя я не знаком с ним лично, но по его письму и рукописи, полученным мною недавно я заключаю, что он способный человек и талантливый ученый.

Конечно, я был бы рад помочь ему всем чем могу. Но, к сожалению, мои возможности в этом

* Горовцов Александр Михайлович (1878–27.10.1933 Париж) – выпускник юридического факультета Петербургского ун-та. До 1918 в МИДе. В 1918–1921 гг. профессор в Петербургском, Томском, Пермском, Иркутском, Киевском университетах. Специалист по международному и государственному праву. Издавал журнал «Отклики» (Петроград. 1915–1916), альманах «Трибуна» (Париж. 1922). Застрелился в Булонском лесу.

отношении очень ограничены. Во-первых, характер его статьи таков, что она может быть опубликована только в научных, а не популярных журналах. Вы хорошо знаете, что американские научные журналы не платят гонораров. Поэтому успешно решить эту проблему невозможно. Во-вторых, тема его статьи – анализ теорий доктора Р.Пирла* о населении уже очень много обсуждалась в США. Трудно найти журнал, который дал бы значительное место статье.

Зная, что эта тема обсуждалась значительно меньше в немецкой литературе и что немецкие журналы платят за опубликованные статьи небольшой гонорар я посоветовал ему отправить статью в один из двух немецких социологических журналов и написал их редакторам, моим друзьям – доктору R. Thurnwald (Берлинский университет) и доктору L. von Wiese, с просьбой принять статью.

Это все что я мог сделать. Я желаю и буду помогать в организации его приезда в США и поиске работы, которая дала бы ему возможность продолжить его научные исследования, но я не знаю как он может выехать из России и получить разрешение на выезд в США.

Я ценю Вашу доброту, заботу и память о нем.

Надеюсь, что Ваше путешествие в Европу и Россию было интересным, приятным и полезным. Если в связи с возможной публикацией результатов Ваших исследований русских проблем я могу быть Вам полезным для перевода русских источников или каким-либо другим образом, то, конечно, буду рад помочь всем чем могу.

Примите еще раз мою благодарность за Вашу подлинно гуманную заботу о докторе Kreinil.

Искренне ваш,
П. Сорокин.⁸¹

Публицистика в русской эмигрантской прессе на американской «социологической» производительности не сказывалась:

* Пирл (Pearl) Раймонд (1879–1940) – статистик, демограф. В 1928–1931 годах президент Международного Союза исследователей проблем населения.

**Университет Миннесоты
Колледж науки, литературы и искусства
Миннеаполис
Отделение социологии**

20 января 1928 г.

Мой дорогой профессор Блаха!*

С большим удовольствием посылаю Вам дарственный экземпляр моей недавней книги «Современные социологические теории». Прошу рассматривать ее как знак моего особого уважения. Я буду чрезвычайно благодарен, если Вы найдете время просмотреть книгу и высказать свои критические замечания в виде рецензии. Книга уже переведена (с рукописи) на немецкий язык (под редакцией Р. Торнвальда, Берлинский университет). Позвольте Вас попросить после ознакомления с книгой отослать ее на некоторое время профессору В. Сметанке (Прага – Карлин, Строймайерова, 3). Он хотел бы изучить ее. Поскольку американский издатель не имеет авторских экземпляров и мне приходится покупать книги за свой счет, я не могу себе позволить посылать слишком много дарственных книг своим друзьям. Отсюда – примите мои извинения. Вам будет интересно узнать, что немецкий перевод моей «Социологии революции» появился несколько дней назад.

**С наилучшими пожеланиями,
остаюсь искренне Ваш
П. Сорокин**

**Университет Миннесоты
Колледж науки, литературы и искусства
Миннеаполис
Отделение социологии**

1 марта 1928 г.

* Блаха Арношт Иноценц (1879 Krasnov, okr. Pelhrimov – 25.04.1960 Brno). С 1922 г. профессор социологии в университете им. Масарика в Брно. Создатель журнала «Социологическое ревю». Член Международного института социологии с 1924 г. В 1925 г. лидер Прогрессивной партии. Председатель социологической секции при Чешской Земледельческой Академии с 1926 г... В 1938 г. основал и возглавил Философский союз в Брно. Академик Чешской Академии наук с 1946 г. После коммунистического переворота вышел на пенсию в 1949 г.

Мой дорогой профессор Блаха!

Благодарю Вас за доброе письмо и дружескую оценку моей книги. Рад узнать, что Вам удалось найти в ней нечто стоящее. Я буду весьма благодарен, если Вы сочтете возможным послать мне Вашу рецензию (после издания) на эту книгу. Нет нужды говорить, что я с величайшей готовностью учту все, что Вы скажете о книге. Как Вы поживаете и как идет Ваша работа? Судя по разного рода периодике, я могу сказать, что Вы трудитесь очень напряженно и плодотворно.

Сейчас я вместе с профессором Циммерманом заканчиваю первый том нашей работы «Население города и деревни, миграция и взаимоотношения». В связи с моим исследованием я хотел бы получить экземпляр Вашей книги о социологии города и деревни. Если у Вас есть лишний экземпляр, то я буду весьма благодарен – пришлите его, пожалуйста, мне.

Немецкий перевод «Социологии революции» уже готов, и я рассчитываю, что к началу следующего года выйдет и немецкий перевод «Современных социологических теорий» под редакцией Р. Торнвальда.

С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
П. Сорокин⁸²

Между тем в СССР о Сорокине не забывал и в своем стиле напомнил в «Правде» наследник «Ваньки Каина» – Сталин:

«Разве не ясно, что VIII съезд партии целиком и полностью подтвердил лозунг Ленина, провозглашенный в его статье против Питирима Сорокина, как лозунг, которым обязана партия руководствоваться в своей работе в деревне за весь нынешний период социалистического строительства?

В чем состоит соль лозунга Ленина?...»⁸³

И так далее... Вплоть до приписывания слов Данте Марку Марксу...

Внутрипартийная борьба в компартии к концу 20-х годов достигла предела... Главный враг Сталина Троцкий разгромлен и в начале января 1928 г. отправлен в ссылку в Алма-Ату. 10 февраля 1929 года выслан из СССР.

В 1928 г. Питирим Сорокин выступил, как мы видели, с призывом к террору. Ему резкой статьей ответил С.П. Постников*.⁸⁴

В 1929 г., когда Троцкий сидел под арестом на Принцевых островах Сорокин обратился к президенту Гофману с шутивным предположением: пригласить Льва Троцкого выступить на общеуниверситетском собрании:

«Хотя Троцкий и выслал меня, мы теперь оба товарищи по несчастью, так что я был бы рад представить его университетской аудитории».⁸⁵

Предложение было отвергнуто...

Резкий удар по Сорокину нанес своей 15-строчной рецензией на «Социальную мобильность» в «Американском социологическом журнале» (март 1928) Эндрю У. Линд.

Сорокин приуныл, но не зря в предисловии к «Социальной мобильности» он выразил благодарность за помощь дюжине американских социологов. Один из них – профессор из мичиганского университета Чарлз Кули написал письмо редактору «American Journal of Sociology» профессору Эрнесту Берджесу.** Текст письма Сорокин целиком привел в своих воспоминаниях. Вместе с письмом Кули к себе:

«Апрель 20, 1928 года

**Дорогой
профессор Сорокин!**

Я написал записку профессору Бёрджесу с протестом против рецензии на Вашу книгу в последнем номере «Американского социологического журнала». Мне думается, Вам будет интересно ознакомиться с ней, поэтому, соответственно, вкладываю копию.

**Искренне Ваш
Ч.Х. Кули**

* Статья Постникова не найдена.

** Burgess Ernest Watson (1886–1966) – в 1915–1957 – профессор социологии Университета Чикаго.

Апрель 20, 1928 года

Профессору Э.У. Бёрджесу

Дорогой профессор Бёрджес!

Не помню, чтобы я часто выполнял какие-либо функции советника-консультанта журнала, каким являюсь, но, возможно, таким исполнением своих обязанностей явится выражение моих чувств в настоящее время: рецензия на книгу Сорокина «Социальная мобильность» в мартовском номере достойна сожаления. Вероятно, Вы считаете так же, и, вероятно, просто не смогли получить мнение более компетентного или менее предвзятого рецензента. Так как я сам постоянно отказывался от рецензирования, то, возможно, мне и не пристало выражать свое неудовольствие. Но есть и другие люди, пишущие рецензии, а уж если рецензировать, то с умом и честно. Не лучше ли было вовсе не давать отклика на эту книгу, чем посвящать ей такую поверхностную, а следовательно, презрительную заметку. Без сомнения, эта книга, будучи солидным и умным научным трудом, выполненным в фундаментальной области социальной теории, *сравнима с лучшими работами по социологии в мире.** Как должен чувствовать себя автор, если такая книга получает такую рецензию в ведущем журнале?

Я бы сам написал что-нибудь корректное по поводу этой книги, но весной болел и только сейчас готовлюсь первый раз выйти из дома.

Искренне Ваш
Ч.Х. Кули⁸⁶

«Эпизоду» с рецензией Сорокин посвятил в воспоминаниях целых две страницы:

«Письмо Кули для меня было особенно значимым, поскольку ранее я встречался с этим выдающимся социологом только один раз, и протест редакции был заявлен им исключительно по собственной инициативе, без каких-либо просьб или жалоб с моей стороны»⁸⁷

* Выделено П.А. Сорокиным.

Сорокин действительно высоко ценил Чарлза Кули:

16 сентября 1927.

Дорогой профессор Кули,

большое спасибо за присылку мне Вашей книги «*Lite and the Student*». Вчера и сегодня я имел несколько часов подлинного наслаждения при ее чтении.

Я храню отдельно от всех остальных моих книг небольшое количество таких как: Schopenhauer's «*Aphorisms*», Pascal's «*Thoughts*», Confucius' *Analects*, some of Plato's «*Dialogues*», несколько работ Montaigne, M. Aurelius' «*Thoughts*» и так далее. (Вполне несочетаемая смесь различных книг).

Когда я устаю от «научной» работы и хочу принять «умственную ванну» я беру одну из этих книг и прочитываю несколько страниц. Я рад, что коллекция таких книг увеличилась еще на одну – «*Lite and Student*». Я собираюсь поставить ее не среди «социологических» учебников и монографий, а к тем, которые содержат человеческую мудрость и глубоко проникают в суть вещей.

Из этого видно, что я думаю о Вашей книге. Я рад, что она у меня есть и счастлив получить ее от Вас.

Из моих работ, опубликованных на английском языке может сложиться впечатление, что я ничего не вижу кроме сухих и неизбежно ограниченных в их когнитивной ценности цифр и фактов. Тем не менее это не так.

И вышеупомянутая привычка показывает, что по моему мнению, одна страница книг, подобных названным, очень часто много более научна и показательна, чем дюжина различных научных трактатов вместе взятых.

Искренне ваш,
П. Сорокин.⁸⁸

Ответ Сорокина на письмо Кули от 20 апреля 1928 г.

23 апреля 1928.

Мой дорогой профессор Кули –

трудно выразить адекватно как глубоко я тронут Вашим письмом. Если я скажу, что оно более ценно для меня чем сотни позитивных рецензий в журналах, то это только отдаленно выразит мои чувства. Нет необходимости говорить как я Вам благодарен. Не потому что я чувствителен к рецензии в «Амер. социологическом журнале». Я ее предвидел и говорил несколько месяцев назад некоторым преподавателям здесь (профессор К. Циммерман, О. Данкан, Чарлз Андерсон), что такая рецензия может быть опубликована в «Ам. соц. ж.» и почему. И когда рецензия появилась мое предвидение оправдалось на 100 процентов. (Я не знаю почему, но доктор Park* не любит меня и поэтому мог предвидеть его действия).

После серьезных испытаний в России, я не обращаю внимания на различные «рецензии» и пытаюсь писать честно и независимо от того нравятся или нет мои взгляды публике и отдельным индивидам.

Тем не менее, я глубоко тронут Вашим письмом, потому что, как Вы хорошо знаете, я считаю Вас одним из нескольких великих ученых, а также джентльменом, ученым, гражданином и человеком. Ваше письмо еще раз подтвердило это.

Еще раз с уважением благодарю.

Искренне ваш
П.Сорокин⁸⁹

Если Эндрю Линд из Гавайского университета опубликовал 15 строчек⁹⁰ на 559-страничную «Социальную мобильность», то индеец В.К. Sarkar в своей книге посвятил 4 страницы **«антибольшевистской интерпретации советской трансформации России»** в Сорокинской «Социологии революции».⁹¹

Кроме Берджеса редакторами Чикагского «Американского журнала социологии» в 1928 году были:

Ellsworth Faris

* Park Robert Ezra. (1864–1944) – преподавал социологию в университете Чикаго. В 1925 г. стал президентом Американского социологического общества. Совместно с Е. Берджесом написал «Introduction to the Science of Sociology» (1921).

**Robert E. Park
Marion Talbot, Emeritus
Frederick Starr, Emeritus
William Fielding Ogburn
Ernest W. Burgess
Fay-Cooper Cole
Edvard Sapir
Louis Wirth
Robert Redfield
Herbert Blumer**

Контратака Сорокина на чикагский журнал закончилась полной победой. Уже в июльском номере «АЖС» появилась полновесная 6-страничная «более адекватная» (как сказано в примечании от редакции) рецензия на «Систему социологии». Написал ее по просьбе редакции Rudolf Heberle из Кембриджа, Массачусетс...⁹²

Елена Сорокина вспоминая годы в Миннесоте писала о муже:

«Он был очень популярен среди аспирантов, поскольку во время лекций всегда вдохновлял независимость мысли, поощрял дискуссии <...> Многие американские ученые получили свой первый импульс от сотрудничества с Питиримом»⁹³

1928 год закончился докладом Сорокина на съезде Американского Социологического общества в декабре. В журналистском отчете под сенсационным заголовком **«Бэббиты – необходимы, говорит университетский социолог»** читаем:

Чикаго. 27 декабря.

Выступая в защиту «Бэббитов» профессор П.А. Сорокин социолог из университета Миннесоты, заявил здесь сегодня, что они должны быть смешаны в пропорции 1000 к одному с Генри Л. Менкеном или Джордж Бернард Шоу»⁹⁴

§9. Письма В.Н. Сперанскому, Е.П. Ковалевскому. Переписка с С.Г. Пушкиревым

П.А. Сорокин – В.Н. Сперанскому*

18 февраля 1929 г.

Дорогой Валентин Николаевич,
только что получил Вашу книгу и спешу сердечно поблагодарить Вас за память обо мне и за Вашу любезную присылку Вашего труда. В ближайшее время я намерен прочесть ее внимательно и заранее предвкушаю и пользу, и удовольствие от этого чтения. Целое столетие как будто уже прошло с того времени, как мы виделись с Вами в последний раз в Царском, с его пайками, кониной и прекрасными теньями великолепной роскоши старого режима...

Как Вы живете? В газетах я читаю время от времени о Ваших лекциях, но это, конечно, не говорит много. Был бы чрезвычайно рад получить от Вас весточку о Вашем житье-бытье и работе.

О себе и жене скажу, что, хотя до сих пор мы и не перешли в американское подданство, но вошли в американскую жизнь корнями и живем не эмигрантской, а, так сказать, нормальной американской жизнью (что не означает, что мы перестали быть русскими! Наоборот). Оба профессорствуем: я в этом, а она в небольшом Hamline University в этом же городе (около 800 000 душ). Работаем оба много. Она печатает свои исследования в американских ботанических журналах, я извожу бумагу на разных языках в виде книг, обычно выпускаемых по-английски, а потом чудно переводимых на другие языки, и в виде статей в социологических журналах – американских, немецких, французских и даже японских. За пять лет бытия здесь я выпустил четыре больших тома, пятый – в печати, а трехтом-

* Сперанский Валентин Николаевич (1877 Москва – 1957 Париж) – правовед, историк философии профессор юридического факультета Петербургского университета. Преподаватель Сорокина еще по Психоневрологическому институту.

ная работа, порученная мне теперь Министерством земледелия Америки, в процессе писания. Итог этих «писаний» тот, что я заработал «репутацию» и числюсь среди «великих королей» социологии. Словом, научная и преподавательская работа идет успешно. Материально, в смысле жалования (но не наследных капиталов), я сейчас обставлен лучше, чем 90% американских профессоров (здесь, как Вы знаете, университеты платят «кому надо по делам»: чем более университет дорожит профессором – тем больше он платит, иначе профессор уйдет в другой университет). Сижу пока здесь, так как и люди, и обстановка Minnesota нравится. Отклонил много предложений. Но сейчас начинают сманивать университеты вроде Harvard'a. Если предложат очень заманчивые условия (в конце марта еду туда для ряда лекций среди graduate classes и переговоров), может и переключу.

Здоровье и прочее пока что в порядке. Сердечный привет от нас обоих Вам и Вашей супруге.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш П. Сорокин⁹⁵

«Пятый в печати» это – «Principles of Rural – Urban Sociology» (Принципы сельско-городской социологии). Том в 652 страницы написан совместно с молодым профессором университета Миннесоты К. Циммерманом, который стал пожизненным другом Сорокина и одним из первых американских популяризаторов его социологических теорий. Оба выросли в сельской местности. Карл Циммерман в деревеньке с населением в 300 человек в Штате Миссури. В 1914 г. закончил Westminster College Fulton, Missouri, Ph.D. получил в университете Миннесоты в 1925 году...

П.А. Сорокин – Е.П. Ковалевскому*

8 марта 1929 г.

Дорогой Евграф Петрович,

Спасибо за Ваше милое письмо. Что касается Биккерманского сборника с Вашей прекрасной ста-

* Ковалевский Евграф Петрович (1865 Петербург – 14.03.1941 Медон, под Парижем) – юрист. Член III и IV Государственных Дум от Воронежской губернии. Племянник М.М. Ковалевского.

тей (и другие статьи очень хороши) я уже имел и распространил 8 экземпляров этой книги среди видных американцев. Больше того: Биккерман написал мне, что может выслать бесплатно до 600 экз., и просит указать организации, которые взяли бы на себя наиболее целесообразное распространение книги среди американских влиятельных лиц, газет, организаций и т.д. Я дал ему адреса, и, когда книги будут высланы, они будут весьма целесообразно распространены и, конечно, будут сочувственные отзывы в печати и т.д.

Очень рад, что Вы и Ваша семья здоровы. С большой радостью слышал и читал о научных успехах младших Ковалевских. «Хорошая порода и кровь» дают себя знать.

Я и жена живем all right. Она подвизается на поприще ботанических исследований и профессорствует в Hamline University, я – в социологии. Эти годы пришлось упорно работать, но работа дала свои плоды, и потому она не в тягость. На английском «Сельская социология» выйдет в течение ближайших трех месяцев. Я буду рад прислать Вам экземпляр книги. Трехтомная «Сельская социология» продвигается, и в течение ближайших 18-ти месяцев я надеюсь закончить ее. Кстати, не могли бы Вы справиться при случае – получило ли «Возрождение» мои книги: «Social Mobility», «Contempor. Social Theories» и «D.Sociologic and Revolution» (перевод с английского). Около 6 мес. назад я послал эти книги «Возрождению», но не только отзыва, но даже упоминания в списке полученных книг редакцией не было. Был бы очень признателен Вам за эту справку. Через неделю буду в Harvard University читать специальный курс для Harvard graduate students и пару докладов для профессоров по специальному приглашению, что считается здесь большой честью.

Передайте мой сердечный привет Вашей супруге и всей семье.

Будьте здоровы и благополучны.

С искренним уважением
П. Сорокин⁹⁶

В Гарварде Сорокин встретился с Михаилом Карповичем, который с 1927 г. (по рекомендации М. Ростовцева) преподавал там русскую историю.

9 апреля 1929 г. Карпович в письме Георгию Вернадскому иронизировал:

«Здесь были Сорокин и Мартинович* <...> Сорокин подавил меня своей важностью, <...> около двух часов рассказывал лишь о своих успехах, о количестве (потрясающем!) написанных им книг и статей, о том, что какая-то его книга переведена даже на бенгальский язык и т.д...»⁹⁷

По воспоминаниям Карла Циммермана Сорокин был «always in a hurry». «Принципы...» были только частью большой работы из трех томов, которые они закончили уже к 1927 г. Сама работа возникла из их совместного семинара. Денег на подготовку трех томов не было. Сократили до одного. Но и на один том не хватило. Выручил старый друг Циммермана – Eduard C. Lindeman с женой. Дали 500 долларов.

«Я взял деньги и вернулся в Миннеаполис, где вместе с Сорокиным купил две, первые в университете, портативные пишущие машинки»⁹⁸

В «Предисловии» к «Принципам...» авторы выразили благодарность за помощь в размере 500 долларов персоне, «которая предпочла остаться неизвестной публике».

С потребностью Сорокина писать многочисленные статьи и книги ясно, с молодым Циммерманом еще яснее:

«Это была мечта жизни – опубликовать книгу с моим именем на ней. Меня не заботило будет ли кто ее читать»⁹⁹

После публикации «Принципов...» из Министерства сельского хозяйства от Чарза Гэлпина** поступило пред-

* Мартинович Николай Николаевич (1883 Петербург – 18.09.1954 Нью-Йорк) – востоковед. Профессор Петроградского университета. Трижды арестовывался ЧК. В 1922 г. бежал в Финляндию. С 1924 г. в США в Колумбийском университете преподавал историю Средней Азии.

** Galpin Charles J. – в 1919–1934 гг. руководил Division of Farm Population of Rural Lite US dept of Agriculture.

ложение все-таки подготовить и опубликовать работу в полном виде.

Статью для русского «раздела» книги Сорокин, по рекомендации Г. Вернадского, попросил написать живущего в Праге С.Г. Пушкарёва.

Сорокин – Пушкарёву

**Department of Sociology
the Training for Social and Civic Work**

**University of Minnesota
College of Science, Literature, and the Arts
Minneapolis**

2 февраля 1930

Глубокоуважаемый Сергей Германович!

Для трехтомной работы: «Source Book in Rural Sociology», изготовляемой мною теперь, желательна небольшая статья: 8–9 печатных страниц о политических организациях и движениях русского крестьянства в течение XX-го века, примерно с 1905 г. по сей день.

Статья должна дать общую – схематическую картину:

1. Политические организации и партии, связанные с крестьянским движением (Крестьянский Союз, Социалисты-Революционеры, также Всероссийский Совет крестьянских депутатов etc.), их основные цели, программные принципы и достижения или результаты.

2. Основные этапы, причины, характер и пути крестьянских движений и борьба за время революций, до данного времени.

Г.В. Вернадский сказал мне, что Вы могли бы написать такую статью. Она, естественно, должна быть свободна от пропаганды и должна иметь, насколько возможно, объективный и научный характер. Указанная трехтомная работа представляет: систематический курс сельской социологии, где каждый отдел состоит из основательного введения к проблеме отдела и из ряда статей,

предположительно наилучших статей, написанных авторитетами разных стран и переведенных на английский язык.

Словом вторая часть каждого отдела представляет своего рода научную хрестоматию. Работа эта выполняется мной по поручению Американского Министерства сельского хозяйства и будет напечатана в виде трех больших томов (800–900 страниц каждый) в 1930–1931 гг.

Если Вы чувствуете себя компетентным дать такую статью и склонным написать ее (она, конечно, пойдет под Вашим именем), я был бы очень рад.

Был бы очень признателен Вам, если бы по получению сего письма Вы сообщили мне немедленно, возьметесь ли Вы за нее или нет.

С искренним уважением П.А. Сорокин.

P.S.

Если Вы вообще следили и работали в этой области, я полагаю, такая статья, без деталей, не отнимет от Вас много времени.¹⁰⁰

Пушкарев – Сорокину

Глубокоуважаемый Питирим Александрович!

Посылаю Вам обещанную статью и надеюсь, что почта доставит Вам ее как раз к назначенному Вами сроку – 1 апреля.

Вопреки Вашему (и моему собственному) предположению она потребовала от меня не мало времени и труда, в течение целого месяца. Писал-то я и переписывал ее всего 3–4 дня, но 3–4 недели почти целиком потратил на собирание материалов, которых у меня набралась целая гора – свыше 150 страниц (!) выписок из источников и пособий и множество газетных вырезок (из собственного газетного «архива»). Конечно, я видел, что в пределах такой маленькой статейки я не могу использовать большинство собранного мною материала, но, встретившись со столь важной и значительной

темой, я не мог ограничиться беглым перелистыванием «попадавшихся» мне книг и брошюр. Однако должен признаться откровенно, что в конце этой работы мне стало жалко себя, ибо «гора» моих материалов (прежних и новых) родила только «мышь» в виде этой маленькой статейки, и потому я решил обратиться к Вам с довольно бесцеремонной просьбой: не можете ли Вы повторить свой «заказ» на ту же тему, только не на 10–12, а на... 50–60 страниц! Может, Вы нашли бы возможность поместить в каком-либо другом издании подобную статью. Ведь темы, которых она касается, так интересны и значительны... А эта моя статейка кратка и конспективна и, быть может, потому недостаточно «вразумительна» для иностранных читателей. Что касается специальных русских терминов, как «отрубники», «хуторяне», «наделы» и т.п., то я не стал писать для них специальных объяснений, ввиду чрезвычайной ограниченности отведенного мне бумажного «надела». А сверх того, потому что Вы лучше меня решите, какие именно из этих и подобных терминов должны быть снабжены объяснительными примечаниями и какого характера должны быть эти последние.

Что касается общего характера и главного содержания моей статьи, как видите, в ней немалое место занимает, кроме чисто политического элемента элемент социальной (или как пишут советские писатели, «расстановка классовых сил»), а также правительственные мероприятия относительно крестьянского класса.

<...> собственно политических движений российского крестьянства и его широкой политической организации до сих пор, по-моему, еще не было! Те движения, которые мы наблюдали до сих пор, это были или импульсивные реакции на непосредственные раздражения, или великое недоразумение (как аграрное движение и аграрный переворот 1917–1922 гг.). Создать массовую политическую организацию российского крестьянства есть задача будущего. Я «позволил себе» отметить это в заключительных фразах своей статьи. Если Вы найдете это замечание «неуместным», то можете его вычеркнуть, так же как и вообще вычеркнуть те слова

или фразы, которые покажутся Вам излишними или «тенденциозными»). И вторая «просьба» к Вам, еще более неожиданная, и мне думается, «бесцеремонная»!, что именно Вам, в сотрудничестве с Иваном Васильевичем Емельяновым*, надлежало бы подготовить теоретическое обоснование для программы такой подлинно крестьянской партии в будущей России. А мы с Г.В. Вернадским могли бы быть Вашими «техническими сотрудниками» по части исторического обоснования и разработки исторических материалов.

Конечно, это «дело великое», как говорили в старину, и требовало бы особых разговоров, пока же я ограничиваюсь этим кратким и предварительным «проектом».

Только у меня к Вам на будущее время еще одна просьба: если мое сотрудничество Вам когда-нибудь понадобится, то отпускайте мне, пожалуйста, «порции» времени побольше. Во-первых нам европейским недотепам не угнаться за Вашими бешеными американскими темпами, а второе, у меня есть обязательная и постоянная работа, подготовка русского отдела огромного общеславянского историко-юридического словаря, подготовляемого к печати Чешской Академией наук.

Теперь, например, я отстал от своей работы почти на месяц и должен «нагонять» этот месяц с диким напряжением. Конечно, я мог бы написать Вашу статью и сразу, но это бы тогда – «взгляд и нечто», а такого рода «сочинения» не в моем вкусе и не в моих правилах. Между прочим, ради этой статьи мне пришлось познакомиться с Вашим старым «соратником» Е.Е. Лазаревым. Заведующий библиотекой Русского исторического архива в Праге С.П. Постников сообщил мне, что у Е.Е. Лазарева есть весьма важная для моей темы книга Н.Я. Быховского: «Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г.». Книга была выпущена в СССР, но затем была конфискована и теперь ее невозможно достать, Лазареву же ее прислал сам автор. Я отправился к Лазареву, взявши Ваше

* Профессор И.В. Емельянов с 1927 г. жил в США. Профессор Рутгерского университета (штат Нью-Йорк) и глава кафедры сельскохозяйственной экономики. Автор статьи «Кооперация в сельском хозяйстве» во втором томе «Source Book...».

письмо, и выпросил у него на несколько дней драгоценную книгу. Он долго колебался, давать ли мне ее, но Ваше письмо мне помогло! Потом, когда я в назначенный день и час возвратил ему эту книгу, он был очень доволен, благодарил (!) меня и сказал, что я «единственный русский человек (sic!), который исполняет свои обещания...»

С искренним уважением С. Пушкарев

P.S.

Если моя статья будет напечатана, то очень прошу Вас выслать мне пять экземпляров ее оттисков, хотя бы не сброшюрованных, а просто соответственный печатный лист (или листы). Разумеется, хотелось бы и мне ознакомиться с Вашим трудом, если это не будет Вам слишком «накладно», пришлите мне, пожалуйста, хоть один оттиск принципиально наиболее важный Вашей статьи.

Сорокин – Пушкареву
University of Minnesota
College Of Science, Literature, and the Arts
Minneapolis
Department of Sociology
and
the Training Course for Social and Civic Work
8 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Сергей Германович! Ваша статья – в моих руках. Исключая очень небольшие сокращения (вызванные тем, что соответст. вопросы трактуются в особых статьях), статья будет переведена и напечатана во втором томе: «Source Book».

Беда лишь в том, что написали Вы ее почти вдвое длиннее, чем я просил. Но как-нибудь устрою, чтобы вместить ее. Я понимаю Ваше сожаление по поводу краткости статьи – в виду важности темы и богатства материала – но поделать ничего не могу: Source Book посвящена не России и не

политическим движениям только, посему больше места уделить нельзя.

Если в будущем представится случай для издания Вашей длинной статьи – я, конечно, поставлю Вас в известность. Пока же я не вижу такого издания, где такая длинная статья могла бы быть напечатана.

Что касается Вашего дружеского «второго» предложения: – соорудить теоретическое основание для подлинно-крестьянской для подлинно-крестьянской партии – предложение очень заманчиво, но едва ли исполнимо: для этого надо быть в России, и нужна соответствующая обстановка. Сидеть же здесь и заниматься этим делом, не ведая, будет ли возможность применить программу – это похоже на составление разных «платформ и программ», которыми и без того кишмя-кишит заграничная Россия. Пока что уж лучше делать то, что возможно, актуально и имеет узкую значимость в данное время. Кроме того, я не уверен, что такая важная задача мне по силам.

Пушкарев – Сорокину

30 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Питирим Александрович!

Прежде всего приношу Вам глубокую благодарность за благоприятное отношение к моей статье и за предоставленную ей Вами почетную возможность появиться во 2-м томе редактируемой Вами монументальной работы.

Простите, что огорчил Вас «преувеличенными размерами» своей статьи. Признаю себя виноватым, но прошу о снисхождении по двум причинам: первая – материальная – множество столь разнообразного материала было почти невозможно втиснуть в назначенные мне рамки, а вторая – формальная: я представлял себе размеры печатных страниц Вашего издания большими, чем они оказываются в

действительности, и потому не думал, что превышение назначенных размеров статьи окажется столь велико. Еще раз спасибо Вам, что Вы примирились с «чрезмерностью» моей статьи и решили вместить ее в общие рамки Вашего издания. Спасибо Вам и за обещанный гонорар. На «нашу» (т.е. чешскую) валюту в долларах не такая уж малая сумма, это – целый костюм, а Вы понимаете, как много значит в нашей переполненной условностями жизни возможность приобрести приличный костюм.

Жаль мне, что Ваши американские издательства не дают оттисков статей. Здесь в Чехии, повторяю, типографии дают охотно и за гроши «вольные листы» – без особой пагинации и брошюровки, – но если это в Америке неосуществимо, то уж сделайте милость, постарайтесь прислать мне экземпляр соответственного тома (с моей статьей).

Теперь несколько слов относительно будущей Российской аграрной теории. Конечно, не мне Вас учить и не мне Вам навязывать какие-либо работы или их направление. Но позвольте все же сделать на Ваши слова возражение исторического характера. Оказавшаяся вредоносной, однако чрезвычайно влиятельной, теория Маркса была создана им именно в эмиграции и, так сказать, в период затишья – между революциями. Плодотворная и полезная теория будущего российского аграрного движения и аграрного строя, по-моему, тоже должна быть подготовлена в промежутке между двумя великими российскими переворотами. Неизвестно, когда и как совершится переход России к иным – достойным формам общежития великого народа, но, во всяком случае, теоретические факелы, которые должны будут освещать этот трудный и шероховатый путь, должны были бы быть зажжены «заблаговременно». Ибо периоды горячей политической и социальной борьбы – не время для серьезного и глубокого теоретизирования. С другой стороны, в настоящее время мертвящего «затишья» в России живущий там несчастный советский «гражданин» (!) имеет гораздо меньше возможности теоретизировать, чем Вы, живя в Америке. Там вообще подвергнуты остракизму все теории, между тем как

называть «ленинизм» теорией можно лишь с большой натяжкой. Ибо, по существу, Ленин был только гениальный упрости́тель методов овладения чужой собственностью, а такого рода методология едва ли заслуживает названия теории. Между тем, русский зарубежник, живущий вне пределов действия «ленинизма», имеет возможность изучать не только историю и социологию, но и текущую российскую, точнее СССР-скую действительность – хотя бы по данным советской печати (иных данных нет ведь и у советского обывателя). А что мы непосредственно не переживаем и не испытываем тех чувств и настроений, которые волнуют или подавляют в данный момент массу сов. обывателей, – так ведь теории, рассчитанные на века, не могут обосновываться на мимолетных и переменчивых настроениях (ловить и учитывать настроения – дело будущих практических политиков). Наконец, по личному вопросу. Конечно, в этом деле Вам и «книги в руки»: с необходимыми для этого субъективными свойствами (не хочу их конкретизировать, чтобы мои слова не имели видимости комплиментов), Вы соединяете правильность направления, по которому идя можно найти нужную России равнодействующую социальных сил, ибо направление это должно быть далеким как от мертвых (для России) и совершенно бессильных идей прошлого (вроде «легитимизма»), так и от утопических проектов построения «нового мира», предназначенных для каких-то фантастических существ, лишенных всяких человеческих свойств и даже животных чувств (ведь, напр., парная семья, выращивающая своих детенышей, свойственна даже и части животного мира) и неизбежно вырождающихся в действительности в нелепо-кошмарные формы «шигалевщины» (в пророческом предвидении Достоевского).

Всего лучшего желаю Вам, глубокоуваж. П.А.

Искренне Вас уважающий
и готовый к (литературно-
историческим) услугам.

P.S.

**Заведующий библиотекой Русского исторического
заграничного архива в Праге С.П. Постников просил
передать Вам его пожелание, чтобы в приложении
к моей статье было упомянуто, что я при своей
работе пользовался источниками из названной б-ки.
О чем представляю на Ваше «благоусмотрение».**

**Сорокин – Пушкареву
University of Minnesota
College of Science, Literature, and the Arts
Minneapolis
Department of Sociology
and
the Training Course for Social and Civic Work**

16 мая 1930

Глубокоуважаемый Сергей Германович!

Спасибо за Ваше письмо. [...]

Ваши соображения по аграрной теории и эмигрантских идеологах довольно правильны. Во всяком случае – они правильны вообще (не в применении ко мне). Но вот какую оговорку надо внести сюда: мы часто не знаем, какое применение будет дано той или иной теории, часто теории, специально созданные для определенной цели, оказываются отброшенными жизнью, и часто теории, созданные без этой определенной цели или с совершенно другой целью, оказываются подхваченными жизнью.

Ведь и Marx не предвидел очень и очень многих «применений» его теории.

Вот я и побаиваюсь насчет жизненности многих специально созданных программ и теорий современной эмиграции. Вы сами правильно отмечаете их мертворожденность. Возьмите для примера «политические портняжества» публицистов из «Современных записок», «Последних новостей»,

часто из «Возрождения», etc. Стоят они не много, хотя и выглядят all right на бумаге.

Вот я полагаю, что в наших условиях те из нас, кто имеет прямое научное дело, должен делать его. Делая его, мы кое-чему учимся. Кое-что кристаллизируется. Подхватит или нет жизнь эти «кристаллизации» для ряда политических целей, это неизвестно. Если подхватит – all right, если нет – беда небольшая, работа сделанная не пропадет как научная работа. Таким образом, время и силы не будут пущены в трубу или не выльются в бесплодное «шитье программ», которых никто не будет «носить».

Вышеизложенное – не есть проповедь аполитизма. Если бы настало время активную политику делать, мы бы стали ее делать по мере сил и разума. Оно означает «наиболее плодотворный метод использования энергии каждого из нас». Например, если бы за эти годы я занимался только созданием и пропагандой платформ (неизбежно «снижение» во многих пунктах), я уверен, я играл бы ту же роль, которую играют здесь наезжающие из Европы наши «политики», вроде Слонима, Мансветова, В. Чернова, даже Керенского и Милюкова – роль оратора на нескольких митингах, которые никакого серьезного значения и влияния не имеют. Между тем, в результате моих «академических работ», «между прочим» мне приходится давать советы многим «инструментальным» лицам и учреждениям здесь (по тому же русскому вопросу), которые, несмотря на их «private character», вероятно, имеют больше значения, чем все митинги наших политиков вместе взятых. Это одна из иллюстраций того, что я хочу сказать.

С самого момента прибытия за границу я, после некоего размышления, решил: чтобы иметь некое значение в заграничной обстановке, а также чтобы быть независимым от всяких давлений, я должен создать себе прочную базу, чтобы жить, и некий престиж, чтобы влиять.

Для этого для меня есть лишь один путь: научная работа. Это решение привело к тому, что я решил «на авось» ехать в Америку, т.к. она обе-

щала возможность достать научную работу, чтобы жить и работать нормально. Хотя у меня здесь и не было никого из «покровителей», тем не менее, мне удалось «зацепиться здесь». Сначала было очень трудно.

Теперь, после шести с половиной лет, я стою на своих ногах. Не завишу ни от каких субсидий. Могу не считаться ни с какими организациями и свободно выражать, что я думаю. Имею некий научный, а с ним, как простое следствие, некий политический престиж. Встречаясь «запросто» с влиятельными лицами в политической государственной и экономических сферах, неформально влияю и значу кое-что. Ту же линию, пока обстоятельства не изменятся, я намерен держать и дальше. Причем полагаю, влияние, за пределами науки, прогрессивно растет и будет расти по мере роста научного престижа. А там увидим, если придет время, когда нужно будет «выехать в открытое политическое море», полагаю, я смогу это сделать и снабдить мою лодку довольно влиятельной «машиной». Возможно также, что довольно большое число лиц и учреждений заходят поддержать не меня, а то дело и те цели, которым я хочу служить. Словом, для «флота будущего водителя России» и наших будущих – подлинных лидеров – я смогу быть тогда хорошим солдатом и внести в их большое дело и мою посильную лепту.

А пока что линия поведения должна быть та же, коей я держался и раньше. На этом пути кое-что я как будто начал понимать, кое-что изучил. Надеюсь увеличить это понимание и изучение. По мере сил буду работать, трудиться, исполнять свой долг, не терять совести, а остальное – воля Бога и судьбы.

Кто знает, быть может, вместе с Вами и другими думающими людьми когда-нибудь в будущем мы будем конкретизировать результаты нашего изучения и работы для их осуществления будущими водителями русского народа. А пока, раз «трубный глас» еще не звучит, будем продолжать наше изучение и улучшать наше понимание «мистической» и мало «понятной» динамики общественной жизни.

Будьте здоровы и благополучны. Упоминание библиотеки заграничного архива излишне, и по условиям невыполнимо.

Жму руку.
Ваш П. Сорокин.

P.S.

Я, конечно, слежу за Россией. Читаю регулярно и «Известия», и «Правду», и журналы, и книги Советской России. Сейчас, например, я имею, вероятно, лучшую в Америке частную коллекцию книг и работ по аграрному вопросу (и старых и большевистских авторов).

P.S.

Ближайший учебный год я надеялся провести в Европе, как «Sabbatical year» (после шести лет седьмой год – вакантный в Американских университетах). Но мой переезд в Harvard нарушил этот план. Harvard, естественно, не может дать Sabbat Year без службы. Условились, что получу его через два года там (зачтут четыре года Minnesota).

Возможно, однако, что на лето 1931–32 гг. перееду в Европу. Тогда может быть, увидимся.

P.S.

Отзвуки моей работы здесь начинают все больше и больше доходить до Европы. В январских, февральских книжках «Revue Intern. De Sociologie» (1930 г.) можно найти большую статью о моих последних двух томах. Zeitschrift fur psychologie und Soziologie с мартовского номера сделают меня соредактором. В только, что вышедшем чешском «Sociologicka Revue» тоже уделили некое внимание мне. Недавно в испанском «Nacion» и Buenos-Aires'овском «Mercurio» напечатали большие статьи о моих работах. Японский журнал социальных наук и этики печатает уже в течение полутора лет серию статей редактора о моей социологии и т.д. Как видите, кой-что, по-видимому, дает работа. И «подобные примеры» начинают расти быстрее и быстрее.

«Source Book» – третий том близок к концу. Печатание его трех томов, по-видимому, займет

время, 1-й и, возможно, 2-й том появится в том году. 3-й, вероятно, в 1931 г.

Надоела она мне порядком, и я рад, что скоро сброшу ее с плеч долой. Ближайшие годы планирую посвятить работе над «Социальной динамикой» и «Экспериментальной социологией». [...]

С искренним уважением.
П. Сорокин.

30 января 1929 г. декан и председатель The University of Minnesota Press Committce Г.С. Форд писал президенту Л.Д. Гофману относительно «Source Book»:

«Профессор Сорокин несомненно сделает основную часть работы. Он уже приступил к ней со своей обычной интенсивностью и скоростью. Он предполагает сделать ее в 18 месяцев»¹⁰¹

Сорокин сделал быстро. И так же быстро университетское издательство их опубликовало... Том I – 1930. Том II – 1931. Том III – 1932. В 1995 году их можно легко купить в многочисленных букинистических магазинах Миннеаполиса...

Уже в первом томе на титульном месте Сорокин значился как профессор социологии Гарвардского университета. Два других редактора: Carle Zimmerman и Charles Galpin. Том посвящен памяти Теодора Рузвельта, сэра Horace Plunkett'a и Liberty Hude Baily. Среди ученых, которым выражена в предисловии благодарность один русский – доктор **Николай Кондратьев** из Московского сельскохозяйственного исследовательского института...

Из русских имен: **Ключевский, Кропоткин, Ковалевский, Поляков*** (Формы владения в Китае), **Туган-Барановский, Ленин, Коврайский** и **Нусинов** (Динамика изменений внутри крестьянских хозяйств), **Чупров, Преображенский** (Дворцовое поместье Богемии в XV и XVI столетиях), **Ростовцев, Маклаков** (Крестьянский вопрос в русской революции), **Прокопович** (Советское правительство и крестьянство), **Сорокин** (Последовательность изменений в советской сельскохозяйственной политике и новая аграрная революция).

* Поляков Александр Сергеевич (1906 Москва – 1940 Якутия) – историк китаевед. Умер в ссылке.

В предисловии выражена благодарность также доктору **Václav Smetanká** из Чехословацкой Академии сельского хозяйства. Из чехословацких авторов в первом томе: **Holeček** (Старая славянская деревня).

Второй том. Русские: **Черненко, Кубынин, Феноменов** (3 статьи), **Чаянов, Макаров, Емельянов, Гернет, Пушкарев** (2 статьи), **Кизеветтер, V. Smetanka** специально для тома написал статью «Аграрная партия в Чехословакии: ее история, современная организация, программа и успехи».

Я. Хюнерсон* – «Эстонская аграрная партия»

Тилманис – «Латвийский крестьянский Союз».

М. Ш. (Михаил Чубинский) – «В деревне карпатских гор» (перепечатано из парижской газеты «Россия и славянство» (1930. №60).

Третий том. Русских нет. **Кондратьев, Чаянов** арестованы еще 1930-ом. Из Чехословакии – **А. Блаха** «Крестьянская психология»...

Еще в 1926 году Сорокин с женой начали процедуру вступления в американское гражданство. «Присягу на верность» США они приняли 16 июня 1930 года. Свидетелями были Джордж Андерсон и Карл Циммерман. Документы о натурализации Сорокиных сохранились. По ним устанавливается адрес Сорокина в Миннеаполисе: 50 Delaware St. S.E.¹⁰²

В 1930 г. имя Питирима Сорокина впервые появляется в справочнике «Кто есть кто в Америке»...

1 сентября 1930 г. в «Нью-Йорк Таймс» была опубликована рецензия на «Принципы»...

В этот же день Сорокин приступил к преподаванию в Гарвардском университете.

В воспоминаниях 1963 года он пишет:

«Приезд в Гарвард подытожил важный период в нашей жизни и открыл в ней новую страницу»¹⁰³

Из Миннеаполиса в Кембридж они приехали на собственной машине...

Едет в Гарвард, но думает о будущей России...

* Hünerson Яан (1882 Каркси – 5.VI. Свердловская обл.) – агроном, государственный деятель Эстонии. Расстрелян в Северо-Уральском лагере.

С.П. Мельгунов пытался сплотить политическую эмиграцию. Сорокин – академическую...

В письмах В.Г. Коречневскому* от 27.07.1929 и 22.04.1930 он писал:

«Я следил за Вашей работой по созданию «Делового Центрального объединения». Для меня нет вопроса в том, что оно очень нужно. Поэтому я, конечно, с Вами. С этой же точки зрения я приветствовал и приветствую создание такого центра (для Америки), о котором я писал в письме Ломшакову. Если бы в ряде стран такие центры создались, то объединить их общей «надстройкой» – «федеральным центром» – оказалось бы очень легко. Во всяком случае много легче, чем сразу создать такой центр. Это, однако, не значит, что надо ждать пока такие центры создадутся. В Европе такой общий центр надо создавать немедленно – Общеевропейский. А потом слить Европейский и Американский центры будет легко».**¹⁰⁴

В университете соседнего с Миннеаполисом Сент-Пола работали русские эмигранты: ботаник Левин, лесовод Зон...¹⁰⁵ Еще больше русских ученых было в Чикаго...

Всего, по данным С.И. Метальникова*** в различных университетах и научных центрах в Северной Америке работало около 200 русских ученых.¹⁰⁶

Кому как не достигнувшему мирового научного Олимпа Питириму Сорокину было возглавить «федеральный центр» русской научной эмиграции...

И еще о Максиме Максимовиче Ковалевском и его учениках.

А.В. Амфитеатров окончивший юридический факультет Московского университета в 1885 году вспоминал:

* Коречневский Владимир Георгиевич (1880–1959 Лондон) – бывший профессор Военно-медицинской академии. С 1920 г. жил в Великобритании.

** Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960 Прага) – бывший профессор СПб Политехнического института. Член ЦК партии кадетов. С 1921 г. председатель Союза русских академических организаций за границей.

*** Метальников Сергей Иванович (1870 Симбирская губ. – 1946 Париж) – бывший профессор зоологии СПб Университета. С 1920 г. работал в институте Пастера в Париже.

«Любили – и если не носили на руках, то лишь потому, что поднять его было невозможно, – любили Максима Ковалевского. Необычайно жива в моей памяти его огромная, тучная фигура с красивым лицом умницы и вивера; его речь – спешная, немного лающая, немного захлебывающаяся, смешливая и любезная, целый фейерверк имен, цитат, острот, хохота, едких замечаний á propos, а часто и прямых плевков в партию политического мракобесия, забиравшего в ту пору большую силу под последним нажимом катковской педали. Я не знаю примера памяти, более обширной, чем память Ковалевского. Он шутя читал наизусть страницы английского, итальянского, испанского, шведского текста: он владел всеми без исключения европейскими языками с тою же свободой и легкостью, как русским. Огромная начитанность, стремление передать слушателям как можно больше даже шли в ущерб систематическому значению его лекций: курс его был труден. Когда Ковалевский готовился к своим лекциям, просто непостижимо: это был человек общества в полном смысле слова; он жил широко и открыто, бывал ежедневно в театрах, концертах, его можно было встретить всюду. А между тем, не считая лекций, вряд ли кто в молодой русской юридической науке написал столько огромных по объему и разносторонних по содержанию работ, как незабвенный Максим Максимович...»¹⁰⁷

От того Московского университета ничего не осталось... Были С.А. Муромцев, А.И. Чупров, В.О. Ключевский, будущий сэр Павел Виноградов, А.А. Кизеветтер, Максим Ковалевский... Много имен...

Через 20 лет Амфитеатров встретился с Ковалевским уже в Париже... Еще через четверть века вспоминал:

«Этого чудного человека я «обожал» еще с университетских лет, когда он читал нам историю государственного права и иностранных законодательств. А в парижские годы я был влюблен в него до готовности следовать за ним в огонь и воду. Есть у меня опасная способность этак само-

забвенно «врезаться» в талантливого человека, много раз наказанная разочарованием, – бывало, что до вражды. Но любовь к М.М. Ковалевскому я сохранил навсегда, и его имя – одно из немногих, истинно дорогих мне в отжитом прошлом. Еще недавно позволил я себе смелость посвятить его памяти мою книгу «Заря русской женщины» (Белград, 1930): часть труда, начатого когда-то по совету Максима Максимовича, с его подбадривающе веселым понуканием*».¹⁰⁸

В Париже Амфитеатров был лектором, основанной Ковалевским Русской высшей школы социальных наук. Под влиянием Ковалевского вступил в масонскую ложу «Космос»...

Амфитеатров упоминает, что одним из лекторов этой школы, и тоже масоном, был видный деятель армянского освободительного движения:

«...доктор Иван Захарович Лорис-Меликов , племянник знаменитого фельдмаршала и изобретателя «диктатуры сердца». Один из милейших людей, мир его праху. Тогда он состоял ассистентом Мечникова в Пастеровском институте, и тесно дружил с М.М. Ковалевским, – кажется, был и секретарем его. Жил трудно, скучно, почти бедствовал, но без уныния, всегда в духе и «в надежде славы и добра».**¹⁰⁹

...В списке членов масонской ложи «Максим Ковалевский» (1926. Белград) видим знакомые имена:

Аничков Евгений,
Чубинский Арсений, доктор,
Чубинский Михаил, доктор,
Марушевский Владимир,
Салтыков Николай, доктор,
Таубер Леонид.¹¹⁰

* Конечно же, Александр Амфитеатров тоже – «школа Ковалевского».

** Лорис-Меликов Иван Захарович (1862 Тифлис – 1931 Франция) – доктор медицины. Помощник Ковалевского по газете «Страна». Один из членов-учредителей вместе с П.А. Сорокиным Русского Социологического общества имени М.М. Ковалевского (Петроград. 1916). Список чл. РСО (62 человека) см.: Юрий Дойков. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. Архангельск. 2008. С. 235–236.

В воспоминаниях А.Я. Столкинда читаем:

«Профессоров М.М. Ковалевского и И.И. Иванюкова за статью в газете «Страна» приговорили к двум месяцам тюремного заключения, несмотря на защиту профессора уголовного права М.П. Чубинского...»¹¹¹

В современной РФ за статьи убивают и авторов и адвокатов...

Глава 3.

**Гарвард
1930–1968**

§1.

Письма Н.Е. Шаповалу (1930–1931)

Из Гарварда продолжается переписка с Н.Е. Шаповалом. Сохранилось два письма Сорокина:

23 ноября 1930

88 Washington Ave.

Дорогой Никита Ефимович!

Чрезвычайно жаль, что Вы не будете в Boston'e, и мы на этот раз не увидимся. Я вообще не знал точно, где Вы. Несколько месяцев назад я написал Вам письмо на Ваш канадский адрес, но ответа никакого от Вас не получил. Посему не знал, где Вы. Может быть, все же Вам удалось бы – полупроездом – на денек остановиться в Cambridge? И жена и я были бы очень рады, и Вы могли бы остановиться прямо у нас (88 Washington avenue Cambridge, tel «University 2313-M»). Chapin вернулся в Minneapolis и его Вы не увидите в N[ew] Y[ork'e].

Ваши меланхолические настроения понятны. Понимаю и Вашу усталость. Но... не забудьте, настроение дело изменчивое. Полоса меланхолии обычно сменяется противоположной. Так, по крайней мере, бывает у меня.

О какой моей книге Вы пишете? Если о «Principles of Rural-Urban Sociology», то я мог бы Вам ее выслать, вместо покупки. Напишите по какому адресу. Сейчас (три дня назад) вышел 1-й том моей «Systematic Source Book in Rural Sociology» (U[niversity] of Minnesota Press) и сокращенный немец[кий] перевод моей «Contemp[orary] Sociol[ogical] Theories». 2 и 3 тома «Source Book» выйдут в течение ближайших месяцев. Для «сельского социолога» это издание довольно важно. Стоят они – три тома – дорого: \$15. Как автор я получил только 2 экземпляра. Посему – не вышлю их. Но Чехослов[ацкая] Земл[едельческая] академия, вероятно, выпишет их и там Вы можете ознакомиться с ними.

Здесь пока что дела идут all right. Сейчас занят строительством деп[артамен]т of Sociology. Вероятно, в будущем году он откроется (хотя и не в полном виде). Есть, конечно, и здесь маленькие тернии. Но где их нет? Посему, не стоит на них обращать внимания.

Сердечный привет от нас обоим Вам и Ольге Филаретовне. Если будет возможность – проежайте через Бостон. Доставили бы нам большое удовольствие.

Крепко жму руку.
Сердечно Ваш П. Сорокин.

16 мая 1931

Дорогой Никита Ефимович!

Спасибо за Ваше милое и большое письмо. Рад, если «Principles» могут пригодиться. Я должен извиниться: обещав Вам прислать ее, я забыл о своем обещании в суматохе и работе и хорошо, что хотя и поздно, а вспомнил все-[таки]. Я жалею, что не могу прислать Вам «Source Book» и «Rural Sociology» (2-й том выходит из печати в конце мая); он содержит много и нового, и богатого материала. Может быть, Чешская Землед[ельческая] Академия имеет экземпляр. Советую проглядеть 1 и 2 том (3-й в печати и выйдет осенью).

Не писал Вам, п[отому] ч[то] занят был по горло организацией нового департ[амента]. Это была трудная работа, и я, кажется, удивил весь унив[ерсите]т скоростью и удачностью ее выполнения. Ваше замечание, что пришлось мне набрать этнологов etc и что мало в деп[артамент]е социологов, не совсем верно. Оно объясняется, вероятно, тем, что Вы не знаете, что кроется под этими именами. Напр[имер], проф. Wheeler (энтомолог), вероятно, теперь самый крупный в мире исследователь живот[ны]х обществ. Его книги об общ[ественной] жизни ос, пчел, муравьев – классические и самые лучшие. Работы Эспинаса, Adverdes'a – это и старо, и поверхностно. Wheeler, далее, подобрал специальных по общ[ественной] жизни обезьян, рыб, etc и, т[аким] о[бразом], курс «Животной социологии» дается самыми видными специалистами в этой

области. Нужно ли добавлять, что любой социолог *ex-officio* не мог бы дать ничего, кроме поверхностной стряпни в этой области, нахватанной в разных местах. Короче, мой принцип выбора был – брать крупнейших специалистов по вопросу и избегать поверхностных говорунов.

2-й пример: курсы по вопросам населения. Они [препо]даются E.B.Wilson'ом. Достаточно сказать, [что] это самый крупный демограф[ический] статистик Америки и, пожалуй, мира (все Pealls'ы, Gini и др[угие] и подметки его не стоят). Поскольку вопросы наслед[ственнойности] и генетики и т.д. задеваются, опять-таки я взял крупнейших мировых специалистов (Castle, East и др.), а не «социологов», которые никогда этими проблемами экспериментально или даже вплотную не занимались.

То же в отношении других специальностей. Вы сами пишите о ненаучности и философ[ствова]нии многих социологов. Прибавьте к этим грехам – поверхностность и верхоглядство как основной грех социологов *ex-officio*. Если социология хочет быть научной, с этим грехом она должна покончить. Теперь поймете, почему я не хотел и не хочу заполнять мой деп[артамент] «социологами», т.е. вторыми и третьестепенными статистиками, психологами, демографами, «биосоциологами», но предпочел для этих дисциплин взять первоклассных специалистов, которые дадут и дают не «третьесортный материал», а первоклассный.

Ввиду этого Dep[artament] of Sociology представляется и уже признается как, вероятно, самый сильнейший и лучший социол[огический] департ[амент] в мире по качеству профессоров, дающих курсы.

Создав Depart[ment], теперь я подвожу финансовую базу для его исследований. Сейчас я занят реализацией или проведением проекта исследования жизни, поведения, психологии и среды соврем[енной] город[ской] молодежи в исключительно широких и новых постановках. Работа эта рассчитывается на 3–5 лет с большим штатом сотрудников. Нужно будет для нее от 150 000 до 250 000 долларов. В течение года я надеюсь эту сумму достать, т[ак] к[ак] инициатива желат[ельности] такого исследования исходит из

местных общественных кругов и они, несмотря на depression, вероятно, соберут такую сумму.

Ввиду всего этого мое время в этом году ушло, гл[авным] обр[азом], на эти дела и только часть его я мог урвать для своей «Соц[иальной] динамики». Немножко продвинув ее, но понадобится 3–5 лет прежде чем я кончу ее. Если кончу – создам, вероятно, нечто действительно ценное и кардинальное. Может случиться также, что и ничего из затеи не выйдет. Пока же работа – грандиозная по заданию, интересует меня очень. Надеюсь за месяц продвинуть ее, по крайней мере, настолько, чтобы быть в состоянии прочесть мало-мальски связный курс в будущем году.

Говоря откровенно, огромное больш[инст]во и европейских, и американских работ в нашей области – макулатура, и я перестаю тратить время на их прочтение. Все эти обычные «учебники», бюллетени и т.д. – так ни к чему, пережевывание из пустого в порожнее.

О внешних «успехах» мне жаловаться не приходится (хотя я перестаю ценить их). Вчера выбрали меня членом Амер[иканской] Акад[емии] Наук и Иск[усств]; здешние социологи теперь следят за каждым шагом моим. Вы, вероятно, знали, что чикагские социологи с самого начала моего приезда ополчились против меня и ставили всякие палки в мои колеса. Теперь они чрезвычайно «почтительны» и стараются «сделать меня одним из своих». Но это не пройдет. И, вместо этого, я взял на себя инициативу вырвать Амер[иканское] Соц[иологическое] общество и American Journal of Sociology из-под их неограниченного контроля и махинационных влияний и, надеюсь, эта трудная задача довольно скоро будет завершена. Во всяком случае, уже на будущем годичном съезде социологов будет «бой». Этих чикагских ребят, довольно пустых по научным заслугам, но чрезвычайно искусных в полит[ических] махинациях, мы приведем в чувство.

«Principles» переводятся на немецкий (Dr. Seedorf, Director С[ельско]-х[озяйственного] института при Геттинг[енском] Универ[сите]те).

Теперь амер[иканские] издатели и социологи пристаю[т] ко мне с изданием моей русской «Системы социологии». Может быть, я соглашусь дать разрешение на это. Но пока колеблюсь.

Да, новость. В июле мы ждем прибавления в семействе. В силу этого лето мы должны проводить здесь. В конце августа, возможно, я приеду на 3 дня в Рим, где я должен председа[тельствова]ть в социол[огической] секции Междун[ародного] конгресса по населению. Если приеду в Рим, на пару дней загляну в Прагу, Париж и Berlin. Но не знаю еще, приеду ли.

Поправляйтесь и берегите здоровье.

Сердечный привет О[льге] Филаретовне и Вам от нас обоих.

Жму руку
Ваш П.Сорокин¹

Н.Е. Шаповал умер 25 февраля 1932 года в возрасте 50 лет. Его жена писала:

«В Чехословакии сделал много для Украины. Необходимо знать, что Чехословакия – центр русофильской политики и московской ориентации. Нужна огромная энергия, чтобы пробить русофильский гранит. Ездил в США и Канаду за материальной помощью для Украинского Дела.

В 1924 г. реализовал свою давнюю мечту создал Украинский социологический институт*. Научный Совет Института 8 июня 1929 г. дал Шаповалу докторат социологии. *Honoris causa*».²

Работать над «Социальной и культурной динамикой» Сорокин начал еще в Миннеаполисе.

Помощь в работе Сорокину оказывали «русские артели» в Париже и Праге.

«Пражскую артель» (П.Н. Савицкий, С.Г. Пушкарев, Е.Ф. Максимович, П.А. Остроухов, А.В. Флоровский) возглавлял П.А. Остроухов.**

* Из русских, кроме П.А. Сорокина, почетным доктором социологии и профессором Украинского социологического института стал В.М. Чернов (1931).

** Остроухов Петр Александрович (1885 Рязань – 1965 Прага) – историк, экономист, статистик. С 1920 г. жил в Праге.

О первых годах в Гарварде и работе над «Динамикой» сведения в переписке Сорокина с Пушкарёвым и Остроуховым.

§2. Переписка с С.Г. Пушкарёвым

I

7 сентября 1930

**Harvard
Dept of economics.**

Спасибо за Ваше милое письмо. Надеюсь, Ваше выздоровление идет успешно и всячески, конечно, желаю этого. Рад, что небольшая сумма Вашингт. чека Вам пригодилась.

То, что Вы пишете о Быкадорове*, не удивляет меня. Среди нас есть ряд таких «теоретиков», к сожалению. Они, конечно, дешевы (и для покупки и для продажи). Это, однако, не мешает им иногда быть горластыми и вредными. Считаю, вместе с Вами, следует относиться к ним беспощадно и критиковать их бессердечно.

Я на новом месте в процессе устраивания (поиски дома, покупка мебели и т.п. канитель). Занимаюсь сим безобразным делом уже две недели.

К счастью, главное уже сделано. Квартира найдена, большая часть мебели куплена, и в течение этой недели, надеюсь, канитель будет закончена. Все это стоит хлопот и денег (по чехословацким нормам, боюсь, одна обстановка – пришлось все купить новое – покажется чересчур роскошной (около 2000 дол.); но по здешним нормам это не так. Квартира хорошая и обстановка тоже, но без экстравагантности.

Через две недели работа и учеба начинается. Не знаю, как я буду чувствовать здесь, но, надеюсь, все устроится all right.

* Быкадоров Исаак Федорович (1882 ст. Нижне-Кундрючевская, области Войска Донского – 1957 Анже, Франция) – генерал-майор. Историк. Теоретически обосновал казачью идею, но затем отошел от идеалов казачей независимости и стал сторонником федерации с Россией.

Пока кончаю (приходится торопиться). Будьте здоровы и благополучно.

Ваш П.Сорокин

Мой личный адрес: 88 Washington Avenue,
Cambridge, Massachusetts,
U.S.A.

II

15 июля 1931 г.

Harvard University
Department of Sociology
Emerson Hall
Cambridge, Massachusetts

Глубокоуважаемый Сергей Германович.

Одновременно с этим письмом я пишу «University of Illinois. Press» выслать Вам экземпляр II тома «Source Book», где Ваши статьи напечатаны. Я надеюсь, они вышлют Вам том. Если нет, тогда я приму другие меры, чтобы книга была Вам выслана. Я прошу выслать также на Ваше имя экземпляр для А.А. Кизеветтера. Посему, если получите два экземпляра, передайте один Александру Александровичу. Моя работа идет по обычному. Вышел после немецкого и японского, китайский перевод моей «Contemporary Sociological Theories». Идет сербский перевод той же книги и немецкий перевод моей «Principles of Rural-Urban Sociology». Теперь переводится на английский мои два русские тома «Системы социологии»*.

За этот год я организовал в Harvard'e новый «факультет социологии» и «Институт социологических исследований».

Это отняло много времени, но все же за этот год успел (с помощью ассистентов) закончить ряд исследований в экспериментальной социологии и кой-какие проблемы «Социальной динамики». Над «Социальной динамикой» теперь и работаю. Это громадная задача и отнимет она ряд ближайших лет – четыре или шесть лет. Но в итоге может получиться что-то действительно крупное. Может и ничего не выйти.

* Издание не осуществилось.

Третий том «Source Book» печатается и выйдет осенью.

За это время выбрали меня членом Американской Академии Наук и Искусств и Американской Академии политических и социальных наук, назначили председателем Социологической секции Международного Конгресса по населению в Риме и т.д. Но в связи с тем, что у меня только что сын Петр родился, на конгресс не поеду и посылаю просто свой доклад.

Теперь я могу кое-что делать и для талантливых русских студентов здесь. Устроил четверем из них отличные стипендии в Harvard'e. Дельные ребята!

Передайте привет моим друзьям и А.А. Кизеветтеру.
Сердечно Ваш П.Сорокин.

III

1932 г.

Harvard University
Department of Sociology
Emerson Hall
Cambridg, Massachusetts

Простите, что тревожу Вас с просьбой. Я не знаю адресов профессоров Н.Л. Окунева и И.И. Лапшина. Будьте добры, препроводите вложенные письма им. Если почему-либо Окунева нет, письмо, адресованное ему, желательно послать П. Муратову.

Надеюсь, исполнение моей просьбы не затруднит Вас очень и, пожалуйста, сообщите мне, передали ли Вы письма (они содержат известное деловое поручение и мне важно знать их ответы).

Как Вы живете? Из газет узнаю время от времени о Вашей работе и выступлениях в печати и на разных собраниях. Я живу так, что жаловаться было бы грешно. Вот кончился второй мой год в Harvard'e.

Новый департамент, организованный мной, функционирует хорошо. Научная работа личная тоже

подвигается (хотя обязанности главы департамента и отнимают много времени для админ. работы). Год назад у нас родился сын Петр. Он растет. Материально – пока что жить можно хорошо. Если никакой катастрофы не будет – по-видимому я буду кончать свои дни здесь. Купил дом (хотя еще не все выплатил).

Словом, и материально, и духовно условия жизни здесь более чем удовлетворительны.

Жена моя и я – мы оба – шлем наши наилучшие пожелания Вам и Вашему семейству.

Сердечно Ваш П. Сорокин.

ПУШКАРЕВ – СОРОКИНУ

1934 г.

Глубокоуважаемый Питирим Александрович, после отправки Вам моей законченной работы по социально-экономической истории Германии (всего 11 очерков и столько же соответствующих диаграмм с разными введениями, дополнениями и приложениями, см. опись) у меня явилась душевная потребность, а также и деловая надобность «поговорить» с Вами непосредственно. Прежде всего – pro domo sua. Вы, вероятно, помните, что четыре года тому назад Вы находились со мной в довольно оживленной переписке по поводу заказанной мне Вами статьи о политических движениях и политических организациях русского крестьянства в XX ст. Статью эту Вы приняли благосклонно и поместили ее полностью во 2-м томе Вашего издания «Source Book in Rural Sociology», хотя ее размеры значительно превысили указанные Вами рамки. «В свое время» я, конечно, благодарил Вас за это, теперь же позвольте уже по другому поводу мне, как члену нашей, возглавляемой П.А. Остроуховым «рабочей артели», от души поблагодарить Вас за Вашу доброту и доверие, которые проявились в высылке Вами вперед и по высшей ставке гонорара за нашу теперешнюю работу по социально-экономической

истории нескольких европейских стран. Надеюсь, что моя работа благополучно дошла до Вас и что один вид ее достаточно показал Вам, что, получив Ваши доллары, мы не только не «сложили лапки» (подобно некоей упоминаемой в Вашем письме предосудительной личности), но стали трудиться еще пуще прежнего! Из тех посылок, которые вы получите вслед за моей, Вы, надеюсь, убедитесь в том, что усердие и трудолюбие являются не индивидуально моими, но общими свойствами членов нашей артели. Вы скажете, быть может, что мы слишком «переусердствовали», почему и работа наша так «беспредельно» затянулась, но, глубокоуважаемый П.А., Ваше задание допускало только два решения:

или исполнить его кое-как, «в два счета», и тогда – этому исполнению цена была бы грош, а не 1000 долларов, или же отнестись к нему серьезно и добросовестно, а это потребовало погружения в такое «необъятное» море общей и специальной литературы, которое нельзя было «переплыть» в течение 5–6 месяцев... Относительно своей особы я должен еще подать Вам «мотивированное объяснение», почему П.А. пригласил меня к сотрудничеству в этом деле и почему я счел себя вправе за это дело взяться. Мой интерес к социально-экономической истории происходит еще из старых («до-исторических») времен моего марксистского прошлого (к счастью, я был «поклонником» Плеханова, но никогда ни на одну минуту не увлекался Лениным); теперь же, во времена исторические, интерес этот был оживлен, развит и укреплен школой (и вышкой) П.Б. Струве, у которого я в Праге при испытаниях на степень магистра русской истории держал дополнительный экзамен по политической экономии и истории народного хозяйства. Побуждаемый отеческими наставлениями и указаниями Петра Бернгардовича и собственным интересом, я в то время (в течение 1924-го года) частью прочел, частью проштудировал (и проконспектировал) целый ряд важнейших трудов выдающихся нем. историков экономистов и экономистов-историков, таких как Г. Шмоллера, В. Зомбарта, К. Бюхера.

Теперь мне все эти авторыгодились, влившись в общее русло моей подготовки к ответам на поставленные Вами вопросы, причем, конечно, многое из прочтенного тогда теперь пришлось перечитывать вновь и делать нужные для этой работы дополнительные выписки.

Как явствует из предоставленных мною вам списков, я использовал для этой работы свыше 200 книг и статей общих курсов, монографий, статистико-экономических объявлений и статей в специальных научных журналах и в «*Handerworterbuch der Staatswissenschaften*». Последний «увесистый» многотомный «словарь» мне пришлось и использовать не только в последнем 4-м издании, но и в 3-м, предвоенном, ибо в 4-м издании был, ради экономии места, выпущен целый ряд специально исторических статей (как *Adel burger*), имевших для нашей работы первостепенное значение.

Так как я старался в своей работе дать (точнее, набросать) картину не только экономического, но и социального и политического положения и культурного значения каждой общественной группы, о которой у меня идет речь, то специальные историко-экономические обзоры, монографии и статьи мне пришлось пополнить и трудами обще-исторического характера, как например, «Немецкая история» К. Лампрехта. Курс Лампрехта я выбрал, принимая во внимание особый интерес Лампрехта к явлениям социально-экономической истории (я просмотрел 8 томов, от 2 до 9-го включительно) или «История немецкого народа» Янсена (8 томов). Однако, разумеется, кроме использованной мной литературы осталось множество литературы не использованной, или потому, что я не мог соответственные труды достать, или потому, что – «необъятного не обнимешь». Если бы я поставил своей целью более или менее полное исчерпание всей литературы, относящейся к вопросам экономической и социальной истории Германии, то рисковал бы закончить свою работу не в 34-м, а в 44-м году, а 10 лет Вы ведь не согласились бы ожидать при всем Вашем долготерпении, проявленном Вами в отношении нашей «артели». Однако, не желая, чтобы собранная мною

(перед началом работы и во время нее) необъятная библиография осталась совершенно «втуне», я изготовил и послал Вам «библиографическое приложение», заключающее в себе свыше 500 названий трудов по разным вопросам, относящимся к социально-экономической истории Германии. Если бы я имел дело с человеком более старым и менее понимающим, я убоился бы посылать такой огромный список неиспользованной литературы, но Вам я послал его совершенно спокойно на тот предмет, что он может когда-нибудь пригодиться Вам или кому-либо из Ваших учеников для какой-либо специальной работы. Конечно, этот список нужно всегда восполнять списком использованной литературы, ибо в этом последнем, в большинстве, находятся вещи для нашего исследования первостепенно важные. Если бы когда-либо понадобилось составить списки использованной мною литературы по тому или другому отдельному вопросу (я ведь представил Вам лишь общий список, использованной литературы), то это можно сделать очень легко, выписавши названия использованных трудов из моих примечаний к тому или другому очерку или части его. В своих библиографических ссылках я указываю всюду, кроме фамилии, начальную букву имени автора, ибо количество каких-либо Miller'ов или Weber'ов в Германии слишком велико. «Но чина и звания авторов» я не привожу, ибо это для нашей работы несущественно, а между тем титулы немецких ученых вырастают иногда до пятиэтажных размеров: Professor, Doctor... Wirkieoher geheiner Oberresierunagstat... так что титулы могут оказаться длиннее, чем название книги. При оценке моей работы по существу может прежде всего обратить на себя внимание отсутствие, в большинстве случаев, точного статистического или цифрового выражения различных уровней благосостояния всего населения в целом, различных групп его и замена этого точного выражения приблизительным оценочным описанием, но, как я пытался показать и, надеюсь, показал в своих «вводных замечаний», о точном статистическом выражении уровней благосостояния для прежних столетий – по крайней мере для

«моей» Германии – не может быть и речи. Там же, где сколько-нибудь точные и полные статистические данные имеются, т.е. для 2-ой половины XIX-го для первой трети XX-го в., я привожу эти данные даже в чрезмерном количестве, как, например, данные о национальном доходе с 1891 до 1932 г. в добавлениях к очерку 111-му. Поэтому, не по моей воле, но по характеру и богатству материала, с которым приходилось иметь дело, многие из моих очерков получили вид «головастиков», у которых последнее столетие (с 1833 до 1933 г.) занимает больше места, чем все предыдущие столетия, вместе взятые. Датой, на которой я «обрубаю» свое изложение, является приход к власти Гитлера (январь 1933 г.), ибо эта дата вносит в социально-экономическую историю Германии и отдельных групп ее населения столь много новых и еще не поддающихся сколько-нибудь точному и объективному учету элементов, что попытка выяснить социально-экономическое положение отдельных групп населения гитлеровской Германии была бы заранее обречена на неудачу. Теперь о размерах в настоящее время моих очерков. Быть может, работа моя вышла слишком «широковещательной», но все же, мне думается, что сколько-нибудь значительно сократить ее размеры было бы нельзя без ущерба для связности и ясности изложения. Ведь изложение всей социально-экономической истории церкви, двора или буржуазии в течении восьми столетий на каких-нибудь 10–50 страничках едва ли можно признать чрезмерно растянутым. Только два очерка второго цикла вышли из этих рамок: это история крестьянства, но ее изложение я умышленно не сокращал, полагая, что Вам, как идеологу аграризма, было бы не безынтересно иметь под рукой сколько-нибудь полное и обстоятельное изложение истории немецкого крестьянства, и затем истории класса промышленных рабочих, но этот класс всюду так «нахально» вылезает (точнее, выползал) вперед (и в жизни и в научной литературе), что множество относящегося к нему материала слишком трудно было бы втиснуть в рамки 1/2–2-х печатных листов, которыми «удовлетворились» другие классы

населения. Затем нужно принять во внимание, что около трети моего изложения занимают подстрочные примечания, с указанием литературы, цитатами и указаниями...

СОРОКИН – ПУШКАРЕВУ

IV

11 января 1935 г.

Harvard University
Department of Sociology
Emerson Hall
Cambridg, Massachusetts

Дорогой Сергей Германович.

Спасибо за Вашу дружескую «грамоту». Два или три дня назад я получил Вашу рукопись и кратко сообщил об этом П.А. Остроухову. Я, естественно, только бегло пока что просмотрел ее (не прочитал), но из этого вижу, что она сослужит мне службу в целом ряде ее данных, т.к. я и сам еще не добрался до экономической части своей работы, да и материал еще не весь прислан, я откладываю подробное ознакомление с Вашей и другими работами до того момента, когда весь материал будет в руках. Пока же спасибо за нее. Вы и вся «рабочая артель» – all right, как говорят американцы.

О себе скажу, что за эти годы, после переезда в Harvard, много времени у меня ушло на организацию, а затем администрирование Dept. of Sociology здесь. Уходит порядочно и теперь, т.к. глава Dept'a это вроде нашего декана факультета (но более автократичен и монархичен, чем наши деканы). Когда у меня в Dep-те около 18 профессоров и 15 matriculars, не говоря уже о студентах, специализирующихся в нем, это требует времени и энергии «вести такое хозяйство». За четыре года существования Dep-t вырос и количественно и качественно.

Но он, к моему глубокому, все еще остается «фашистско-монархическим», т.е. пока еще не на кого свалить администрирование, как бы я не желал этого (т.к. административную работу я не любил и не люблю).

Все же эти годы исподволь работал над своей большой и дикой работой, условно пока называемой «Социальной динамикой». Намарал бумаги уже три с половиной тома. Таблиц, диаграмм, выкладок – океан. Исподволь, отдел за отделом, уже начинаю «выплывать» из-под этой массы. «Просвет» показывается, но до конца далеко еще. Затея-то довольно «сумбурная», но несмотря на это, она рядом с моментом острого недовольства собой и работой, дает много интересных и ценных минут. В первый раз в своей жизни чувствую, что работаю над чем-то действительно большим и важным, не для того чтобы «показать ученость», но, по душе, пытающейся хоть что-нибудь понять в этой непонятной мистерии, которая зовется социальной жизнью и «историей». Работа, если когда-нибудь будет окончена, будет вероятно «блин комом», но я предпочитаю «блин комом» стандартизированному фабричному «печенью». Я знаю, что я могу печь его нехуже других, и поэтому это стало неинтересным для меня. Да, вдобавок, этого «печенья» в наше время – время карликов мысли во всех науках, кроме разве химии и физики, – больше чем достаточно. Вот и «канителюсь» с «Динамикой». Решил, однако, положить какой-то предел выполнению по крайней мере первых трех томов. Посему в будущем учебном году получу на второй семестр «субботний отпуск с содержанием».

К концу 1936 г. посему надеюсь иметь три тома или томища (вместо шести гоголевских) готовыми к печати. Выйдет ли это? Увидим. Хотя сейчас (три дня назад) Елена Петровна, моя жена, была оперирована и, если все благополучно, только недели через две вернется домой, а посему мне приходится метаться между домом и сыновьями (мальчики: три и полтора года), между университетом, Radcliffe Collidge (здешние «Бестужевские курсы», где я тоже глава социального департамента) госпиталем и т.д., хотя сейчас, как видите, я довольно в «хлопотном» состоянии, жаловаться на личные условия не приходится. Harvard, будучи первым американским университетом, платит высокие жалования

(стал буржуем: имею свой, хороший дом 10 комнат, с большим садом, чудесно расположенный в огромном парке-лесе, автомобиль и пр.). Внешний престиж и т.п. тоже едва ли допускают жалобы с моей стороны. «Рассудку вопреки» и, к моему искреннему изумлению, вижу, что меня, по-видимому, считают за одного из немногих крупнейших авторитетов в социологии и здесь и в мире (переводят мои «писания» на ряд языков, выбрали вице-президентом Международного Социологического института, и того и гляди, на будущем съезде, в августе 1935 г., выберут президентом (хотя я на конгрессах-то никогда не бывал) и т.д. Все это не позволяет мне жаловаться на личные условия. Однако, общее-то состояние современной культуры и мысли таково, что не позволяет расширяться этому «личному» удовольствию в своем роде космическое оптимистическое самочувствие. В результате, чувствую себя больше и больше «отчуждающимся» от западной культуры вообще (последних четырех веков). И данные моей «Динамики» показывают, что живем мы в век «карликов» мысли и культуры, в смысле конструктивном. Но это уже «философия», о которой сейчас не стану говорить.

Летом планирую на месяц быть в Европе. Думаю заглянуть в Прагу. Может быть, и увидимся?

Пока же всего Вам хорошего.

Ваш П. Сорокин.

V

Harvard University
Department of Sociology
Emerson Hall
Cambridge, Massachusetts

Дорогой Сергей Германович.

Ваша рукопись и письмо в моих руках. Спасибо. Сейчас временно я занят другими, текущими делами. В октябре вернусь к 3-му тому моей работы (первые два тома месяц назад переданы издателю и, вероятно, появятся в 1937 г.) и потому сумею использовать то, что Вы прислали. Я жалею лишь, что Вы, работая над работой, потеряли часть Вашего

летнего отдыха. Но я ценю Ваши мотивы исполнить обещанное и благодарю Вас за это.

На будущий учебный год лишь удалось устроить приглашение Н.С. Тимашева сюда, в мой департамент, для чтения социологии права и криминологии. Жалею, что Ваша специальность далека от социологии, и потому я не могу ничего устроить для Вас в смысле приглашения сюда.

Сейчас мы заняты канителью в связи с 300-летием Harvard'a, на днях приедет и будет жить у меня М.И. Ростовцев, который приглашен Harvard'ом для получения почетной докторской степени в числе 60–65 крупнейших ученых мира.

Живем мы здесь пока что благополучно. Будущим летом, в сентябре, я, как президент Международного Социологического Института и Конгресса, должен быть в Париже, на Конгрессе. Должен открыть его и председательствовать. Но ехать мне очень не хочется. Если можно отвертеться – не поеду. Если нельзя – придется ехать. Тогда, может быть, побываю и в Праге.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш П. Сорокин.

...Русский экономист и историк Петр Александрович Остроухов (судя по тому, что в 1945 г. при захвате Праги Красной Армией не был арестован) в эмиграции политической деятельностью не занимался и идеально подходил на роль «бабки» сорокинской артели в Праге.

Его специальностью была – экономическая история. В Праге Остроухов находился с 1921 г., был членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, приват-доцентом Русского юридического факультета, занимал административные посты в целом ряде научных и учебных заведений русской эмиграции.

После второй мировой войны продолжил преподавательскую деятельность, а также до 1964 г. был сотрудником Чехословацко-советского института Чехословацкой академии наук. В 1965 году Остроухов умер. Летом 1974 года его архив поступил в Москву и был передан в Центральный Государственный архив Октябрьской революции (ныне ГАРФ).

§3.

Письмо Г.В. Вернадского – П.А. Остроухову. (1932?)

Дорогой Петр Александрович.

На днях я был в Кэмбридже (Бостон) и видел Сорокина. Говорил с ним о тебе. Он говорит, что не может иметь дело *(два слова неразборчиво – Ю.Д.)* помимо тех к кому уже обратился, но очень сочувствует тому, чтобы при тех, к кому он обратился образовались группы сотрудников между которыми были бы распределены работы. Насколько я его понял, он по социологии искусства считает своим представителем в Праге – Окунева, а по историко-экономической группе – Кизеветтера. Поэтому тебе нужно немедленно обратиться к Кизеветтеру с просьбой дать тебе часть работы. К сожалению не могу написать о тебе Кизеветтеру, как ты может быть знаешь, я ведь с ним не переписываюсь. Если бы написал это пожалуй, тебе только бы повредило.⁴

§4.

Переписка с П.А. Остроуховым (1932–1936)

ОСТРОУХОВ – СОРОКИНУ

10 сентября 1932 г.

П.А. Остроухов
Магистр политической
экономики и статистики
профессор и секретарь
Русского юридического
факультета в Праге.

Глубокоуважаемый Питирим Александрович.

По совету бывшего здесь у нас в Праге этим летом профессора Г.В. Вернадского обращаюсь к

Вам с предложением своих услуг по тем научным вопросам, которые разрабатываются под Вашим руководством. Специальность моя – экономическая история, в частности – Россия, но я также мог бы выполнять задания из области политической экономии, статистики и истории русской вообще. Читаю книги на языках: латинском, греческом, английском, французском, немецком, шведском и чешском.

Здесь в Праге, как Вам, конечно, известно, существует богатая, постоянно пополняющаяся русская библиотека, и потому, быть может, я оказался бы Вам полезен для наведения и составления всякого рода справок и т.п.

Положение русской профессуры в Праге становится все тяжелее и тяжелее. А положение семейных людей, к которым принадлежу и я, грозит прямо отчаянием: казенные стипендии по несколько раз в год сокращаются, а достать здесь скромный заработок, сейчас при общем сжатии расходов в учреждениях и безработице среди чехов в высшей степени трудно.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Петр Остроухов.⁵

СОРОКИН – ОСТРОУХОВУ.

Я готов предложить Вам исследование на тему очерченную в моем следующем листе. [...] Сделать надо быстро, не позднее 7 августа, в крайнем случае сентября 1933 г., едва ли одному человеку можно справиться. Поэтому я предлагаю Вам следующее: 1) Подобрать из русских специалистов ряд лиц по специальности. 2) Разделить работу между ними. 3) Совокупно обсудить лучшие пути выполнения такого задания. Нужно, вероятно, включить и экономиста-статистика, вроде профессора Кона.* [...] Ответственным лицом для меня будете Вы. Вам и будут высланы деньги. Если создадите такую группу,

* Кон Станислав Салезиевич (1888 Варшава – 3.02.1933 Прага) – ученик П.Б. Струве и А.А. Чупрова. В эмиграции с января 1921 (из Тифлиса). В Праге с 1923 г. Доцент РЮФ. Автор «Крестьянской России». Работал в Чешском исследовательском институте сельского хозяйства профессора Брдлика, etc.

сообщите ее состав, план. Если все будет хорошо я немедленно протелеграфирую Вам: «Начинайте работу».

Из перечисленных стран я особенно нуждаюсь в Италии, Центральной Европе, Франции, Голландии и Англии. Испания и Россия на второй очереди. [...] Мои фонды ограничены и за всю работу по этим странам – от 600 до 1000 американских долларов в зависимости от полноты и качества работы. Пока как Вы можете справиться у профессора Тимашева, Лосского и других я платил цену им или максимальную или близкую к максимуму, так как их работа была удовлетворительна вполне. Если работа наладится и Вы и другие нуждаетесь в некотором авансе, он может быть выслан.

План и задание исследования.

1. Основные колебания экономического благосостояния.

а) всей страны

б) высших классов (аристократия, духовенство, интеллигенция)

с) буржуазия

д) низших классов (свободных и несвободных) в истории Италии (или главных итальянских республик – городов), Франции, Германии, Австрии (современной центральной Европы), России, Испании.

Пояснения. 1. Работа не предполагает необходимости исследования новых источников, новых документов и т.д., и предполагает разумную сводку всех лучших и новейших работ выдающихся специалистов (с соответствующими ссылками, цитатами, etc).

2. Мелкие и короткие колебания экономического благосостояния для прошлых веков невозможно установить точно. Но крупные колебания – так сказать вершины процветания и бездны падения можно (приблизительно точно). Мне нужны эти «крупные» колебания от периода к периоду от полстолетия к полстолетию, от столетия к столетию с начала истории каждой из этих стран до нашего времени. Конкретная работа должна принять вид

своего рода диаграммы с комментариями такого рода*. Сходным образом для других стран.

Если нельзя сделать «кривую» непрерывной в силу отсутствия данных, то важно указать по крайней мере лучше или хуже стало экономическое положение. Скажем, при переходе от XI века к XII веку, от XII к XIII, etc. Короче, установить, по крайней мере периоды несомненного сравнительного процветания и периоды несомненного улучшения.

Исследование «кривых» должно касаться: отдельно общего экономического положения страны, и отдельно основных, особенно «культурно-творящих» классов. Страна может быть в плачевном состоянии, а верхние классы в хорошем состоянии и обратно. Для меня важно и то, и другое.

3. Конечно, я отлично учитываю возможность отсутствия данных для установления того или другого положения. Если такие «дыры» и будут, но кой-что главное и основное все же будет дано, «дыры» не повредят основному.

4. Для единообразия и сравнимости результатов желательно и необходимо установить своего рода единообразную систему оценки и индексирования подъемов и падений благосостояния и их величины (сравнительной). Все работники должны обсудить этот вопрос (с участием статистика-экономиста) и выработать такую систему. [...]

ОСТРОУХОВ – СОРОКИНУ

4 марта 1933 г.

Прага.

Только сейчас могу обстоятельно ответить на Ваше письмо от 2-го февраля сего года.

После долгих переговоров мне удалось подобрать группу сотрудников и распределить между ними работу.

1. Англию, Голландию и Францию беру на себя и выполняю эту работу вместе с помощником.

2. Россию взял профессор Савицкий, экономист и историк.

* Далее Сорокин приводит примерную «кривую» общего экономического положения для Италии.

3. Я и Савицкий берем на себя общий надзор за единообразным выполнением работы другими сотрудниками, консультантами, etc.

4. Германию, Австрию взял на себя приват-доцент С.Г. Пушкарев, работавший для Вас когда-то по крестьянскому вопросу в Сибири. Сергей Германович занимался ранее экономической историей Германии под руководством П.Б. Струве.

5. Испанию и Италию берет на себя профессор А.В. Флоровский, в последнее время, занимавшийся историей торговли в Европе.

Возможно привлеку еще кого-либо в качестве сотрудника по Голландии, но пока такого я еще не нашел.

Когда распределение работы было уже закончено ко мне обратилась от имени своего мужа госпожа Водовозова* с просьбой дать ему работу и показала Ваше письмо к нему. Я боюсь привлекать его. Он, как Вы знаете, совсем глух. Затруднит, тем не менее пытаюсь предложить ему Голландию. [...]

Если состав группы, etc. подходит, телеграфируйте «начинайте работу».

Одновременно с посылкой телеграммы просим выслать аванс в размере трети определенного Вами минимума, т.е. 200 USD. Дело в том, что положение всех нас в Праге очень трудное, получаемую от казны скудную стипендию приходится пополнять разными заработками. Эта же работа отнимает несколько месяцев, в течение которых сотрудники должны будут воздержаться от других занятий и потому необходимо будет их подкармливать. Этот аванс я не предполагаю раздать сразу, буду выдавать частями. Кроме того, часть этого аванса я во всяком случае должен буду сохранить на возможные расходы: ведь может статься, что придется выписать какие-нибудь пособия; оплатить переписку и т.д.

В ожидании Вашего скорого и благополучного ответа остаюсь...

* Водовозов Василий Васильевич (1865 СПб – 7.10.1933 Збраслав, Чехословакия) – покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд. Его вдова – Водовозова Ольга Александровна (? – 16 ноября 1933. Прага) – покончила жизнь самоубийством.

СОРОКИН – ОСТРОУХОВУ

15 марта 1933 г.

[...] Сейчас получил Ваше «основательное» письмо. Очень рад, что Вы взялись за работу и, что удалось Вам организовать группу. Ваш план целиком одобряю. [...] Что касается В.В. Водовозова – согласен с Вами. [...] Сейчас послал Вам каблог-рамму – начинать работу. Итак, начинайте с Богом.

СОРОКИН – ОСТРОУХОВУ

30 мая 1934 г.

Ваши три пакета прибыли. [...] Работы Ваши окажут мне очень существенную помощь. [...] Из письма Савицкого заключаю – работа группы задерживалась, а по правилам Комитета* выплаты гонорара авансом запрещалась. [...] Но мне удалось убедить комитет сделать исключение в виду особого положения нашего исследования. Комитет, однако, возложил на меня ответственность за то, что работа будет действительно выполнена, прислана мне и будет представлена мною Комитету.

Я взял на себя эту ответственность будучи уверенным в научной порядочности и моральной добросовестности всей Вашей группы. Я вполне надеюсь, что Вы меня «не подведете» и выполните Вашу задачу добросовестно, даже более энергично после высылки всей суммы теперь. Нечто подобное я делал и раньше для ряда русских ученых и никто, кроме одного случая, меня не подвел. Один случай был, кстати говоря, у Вас в Праге, где после подобной высылки авансом всей суммы, с значительным избытком, этот русский ученый прекратил работу и ничего мне не выслал, кроме того, что выслал до получения всей суммы. Этот случай оставил «неприятный вкус» в моей психологии и заставил меня быть менее доверчивым. [...] Повторяю еще раз мою просьбу: двигайте работу не в ущерб добросовестности возможно энергичнее.

* The Harvard Committee for Research in the Social Sciences.

ОСТРОУХОВ – СОРОКИНУ**Май 1934 г.**

[...] Сейчас я получил Ваше суровое письмо. Мы выбиваемся из сил, чтобы обработать для Вас собранный большой материал.

СОРОКИН – ОСТРОУХОВУ**2 января 1935 г.**

Рукопись профессора Пушкирева в моих руках. Спасибо. Передайте ему также мою сердечную благодарность за работу. [...] Поверхностное ознакомление с ней произвело на меня хорошее впечатление. Когда пришлете остальные части?

Будущим летом в августе предполагаю быть в Европе, на один месяц. Загляну и в Прагу, вероятно, может быть свидимся тогда можно поговорить лично о планах возможной будущей работы (хотя она пока не имеет никаких реальных основ, кроме потенциальности). [...]

СОРОКИН – ОСТРОУХОВУ**14 июля 1936 г.**

Спасибо за рукопись профессора Пушкирева об Австрии. Равным образом спасибо за работу Максимовича, полученную мной. Я не знаю продолжаете ли вы (вся группа) работу по другим странам. Поскольку она делается для меня, я должен предупредить, что продолжать ее не нужно, если остальные страны не будут закончены в течение ближайших двух месяцев.

Дело в том, что первые два тома моей работы уже в руках издателя и, вероятно, выйдут в январе 1937 г. Третий том, где глава об экономических колебаниях должна быть, должен быть готов для печати осенью этого года. Откладывать его из-за отсутствия материалов по ряду стран я не могу. Тем более, что теперь выясняется – экономические

колебания займут лишь одну-две главы во всей работе и являются в ней, во всяком случае третьестепенной проблемой. Если эти станы, и Россия от XIII до XX вв., готовы пришить материал. Если нет – all right также.

Деньги, высланные Вам возвращать не нужно. Распределите их между участниками. Я, вероятно, сумею использовать только диаграммы. С короткими комментариями. [...]

P.S.

В сентябре 1937 г. я как Президент должен председательствовать на Международном Конгрессе в Париже. Поехать мне не хочется, но если поеду, возможно, заеду в Прагу.

СОРОКИН – ОСТРОУХОВУ

26 сентября 1936 г.

[...] Все три тома выйдут, вероятно, в январе 1937 г. одновременно.

Три тома «Социальной и культурной динамики» были изданы в Нью-Йорке в 1937 году.

В приложении к главе «Колебания экономических условий» («Социальная и культурная динамика». Т.3) Сорокин указал, что глава написана в сотрудничестве с Г. Миквиц, П.А. Остроуховым, С.Г. Пушкаревым, П.Н. Савицким, Е.Ф. Максимовичем⁶, а:

«Диаграмма 5 и анализ, который сам по себе мог бы составить целый том, не данный здесь, были сделаны С.Г. Пушкаревым»

и далее привел 76 фамилий авторов на трудах которых этот анализ в основном основан:

«Не считая многих коллективных работ, статистических и других публикаций, важных журналов и периодики».⁷

Помимо Савицкого, Пушкарева, Остроухова, Миквица, Максимовича участие в «Динамике» принимали:

Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, Н.С. Тимашев, Н.Л. Окунев, П.Б. Струве, генералы: Н.Н. Головин и А.А. Зайцев, С.С. Ольденбург, Джон Болдырев* (ученик Сорокина в Гарварде).

Леопольд фон Визе откликнулся на первые три тома «Динамики» так:

«По сравнению с великой работой Сорокина работы Конта, Спенсера, Парето и Шпенглера кажутся любительскими».

А, когда в 1941 г. был опубликован последний четвертый том, то «Нью-Йорк Геральд Трибюн Букс» сравнила **«монументальный труд доктора Сорокина указывающего выход из современного кризиса»** с «Происхождением видов» Чарльза Дарвина...

Питирим Сорокин мог быть доволен. Лучше уже не будет... Были, конечно, и нападки на «Динамику». Марксисты провозгласили Сорокина «апостолом реакции». Недовольны католики и «советские товарищи»...

В работе над этим «magnum opus», помимо «русских артелей» в Праге и Париже (собравших огромный историко-статистический материал), Сорокину помогли своими «плодотворными советами»: Сергей Кусевицкий, М.И. Ростовцев, В.В. Леонтьев, С.Г. Елисеев... Сорокин благодарит их в «Acknowledgments» первого тома. Имени Михаила Карповича в этом списке нет...

Сорокин пишет о труде сделанном в основном русскими учеными:

«Искусство Италии изучалось независимо в двух местах. Исследователи не знали, что исследование производится параллельно в Праге под руководством профессора Н.Л. Окунева (которого я попросил сделать большую часть этой огромной работы) и в Кембридже, Массачусеттс Гарольдом Кроссом, которому я поручил эту задачу здесь. <...> В Праге было исследовано 32 299 картин и скульптур. В Кембридже – 13 427. <...> Так как пражских образцов было больше, а исследование сделано под руководс-

* Boldyreff John (Иван Васильевич) (1905–1971) – сын ученика И.П. Павлова В.Н. Болдырева (1872 Воронеж – 1946 Баттл Крик. Мичиган), возглавлявшего с 1923 г. физиологическую лабораторию имени Ивана Павлова. John получил Master's Degree в Гарварде в 1933...

твом выдающегося профессора истории искусств, то оно дает, вероятно, более точные сведения чем кембриджское исследование. <...> К сожалению, я не смог дать сходных параллелей по другим странам. Кроме итальянского искусства было изучено французское и византийское искусство но на очень незначительном количестве образцов. <...> Читатель может легко понять сколько работы сделано и какой труд затрачен исследователями, которые согласились сделать эту кропотливую работу за очень скромную плату. Скорее ради любви и науке чем за деньги...»⁸

С.Г. Пушкарев для небольшой статьи о Германии проанализировал огромное количество источников Сорокин приводит список только 76 авторов*:

«L. Achner, A. Arndt, W.J. Ashley, G. von Below, L.N. Berkut, L. Beutin, A. Bilimowitsch, J. Borchardt, F. Bothe, T. Brauer, H. Brück, K. Bücher, A. Cohen, H. Cunow, F. Curschmann, E. Daenell, A. Dopsch, O. von Dungern, R. Ehrenberg, H.V. Festenberg-Packish, F.X. Funk, T. Geiger, T. von der Goltz, V. Grinevitch, A. Günther, K. Hanefeld, A. Hauck, H. Herkner, O. Hötsch, O. Hue, K.T. von Inama-Sternegg, J. Janssen, J. Jastrow, K. Kaser, G.F. Knapp, R. Kötzschke, M. Kovalevsky, G. Krüger (ed.), R. Kuczynski, J.M. Kulischer, F.X. Künstle, B. Kuske, K. Lamprecht, J. Lippert, A. Luschin von Ebengreuth, R. Meerwarth, N. Molschnowski, J. Müller, L. Oberascher, E. Otto, E. von Philippovich, A. Pöschl, P. Sander, A. Sartorius von Walterschousen, D. Sächfer, A. Scharnagl, P. Schumpeter, G. Schmoller, G. Schnapper-Arndt, G. Schnürer, H. von Schubert, P. Schutiakow, M. Sering, H. Sieveking, W. Sombart, T. Sommerlad, L.A. Veit, Ad. Wagner, A. Weber, M. Weber, J. Wernicke, G. Wiebe, K. Woblyi, W. Woytinski, F. Zahn, W. Zimmermann, F. Zoepft.

Кроме того:

* Б. Джонстон при описании русского периода жизни Сорокина использовал 4 стандартные книги о России (В. Кирchner, Б. Вольф, А. Керенский, Р. Масси, В. Чемберлен).

«Доктор Пушкирев также использовал the Kirchliches Handbuch (A. Krose, ed.), Kapital and Kapitalismus (B. Harms, ed.), Die deutsche Landwirtschaft и много коллективных работ, статистических и других публикаций, важных Schriften и периодику»⁹

Е.Ф. Максимович для такой же небольшой статьи о Франции использовал многие коллективные работы типа «The Cambridge History», статистические публикации, хроники и множество других источников. Сорокин приводит имена 54 авторов, не называя их работ для экономии места:

G. d'Avenel, M. Augé-Laribé, P.M. Bondonis, M. Block, A. Coville, G. Martin, C.E. Labrousse, K. Lamprecht, C.V. Langlois, R. Latouche, E. Lavissee, H. Lemonnier, E. Levasseur, A. Luchaire, M. Mariéjol, H. Marion, G. Monod, C. Petit-Dutaillis, P. Raveau, A.E. Sayous, H. Sée, K. von Tyszka, R. Vivier, G. Wiebe, L. Verriest, H. Pirenne, P.A. Scheffel, G. Lefebvre, M. Lair, Du Bourg, C. Seignobos, F. Simiand, E. Pariset, L. Godart, E. Tarlé, P.H. Ardasheff, F. Volters, N.P. Graziansky, V. Dalin, M. Kovalevsky, J. Kulisher, V.F. Levitski, E.V. Olovianishnikova, I. Loutchisky, N. Kareef, D.M. Petrushevski, M.N. Pokrovski, F. Potemkin, A.A. Suchov, N.P. Freiberg, A. Schulgin, N. Nikiforoff, P. Boissonade, F. Lot и другие».¹⁰

На Сорокина работало 14 русских ученых-изгнанников. Департамент социологии в Гарварде в шутку называли **«белогвардейским»...**

Всего к работе над «Динамикой» Сорокин привлек около 60 крупнейших ученых мира... Если со всеми он вел такую же переписку как с Пушкиревым, то эти письма бесценны...

Посвящена «Динамика» сыновьям:

Петру и Сергею

и их крестным отцам и матерям

Сергею А. и Наталье А. Кусевицким

Михаилу И. и Софье М. Ростовцевым.

...В отличие от Сорокина Ростовцев не написал своей автобиографии:

«За 32 года жизни в Америке он не имел американских друзей, которые смогли бы хоть отдаленно постигнуть его определяющие русские годы. В лучшем случае они писали панегирики утешающие его вдову <...> Его единственные друзья в Америке, другие русские беженцы не решались писать правду»¹¹

§5. Переписка с М.И. Ростовцевым 1935, 1938.

Письма Ростовцева находятся в разных архивах. 8 писем в личном фонде П.А. Сорокина в Канаде. Письма Сорокина Ростовцеву в фонде Ростовцева в Дьюкском университете в штате Северная Каролина.

В начале декабря 1935 г. Сорокин писал Ростовцевым в Нью-Хейвен:

«В 1936 г. исполняется 300 лет Harvard'a. Планируется между другими празднествами пригласить около 60–70 самых крупных ученых мира из всех областей науки (около 15–17 по математически-физическим наукам, 15–17 биологов, 15–17 из humanities и 15–17 из Social Sciences) для symposiums и для пожалования почетных степеней ученых и т.д. Целых 4 комитета (по одному для каждой из четырех областей), составленных из самых крупных Harvard'ских ученых в соответствующей области, занималось выбором этих самых крупных ученых. Для Михаила, может быть, интересно знать, что его имя фигурирует в двух списках: Social Sciences и Humanities, и явилось в числе первых трех самых бесспорных (три ведь на равной степени) имен, единогласно и сразу же

названных и историками, и другими гуманистами, и представителями социальных наук (М.И. Ростовцев, F. Cumont и Meineke – три первые – бесспорные – имена из всех историков мира)»¹²

На конференцию по проблемам поведения человека, посвященную 300-летию Гарвардского университета получил приглашение И.П. Павлов. Не приехал – умер 27 февраля 1936 года*...

За четыре года до смерти Павлов писал:

«Должен высказать свой печальный взгляд на русского человека. Он имеет такую слабую мозговую систему, что не способен воспринимать действительность как таковую. Для него существуют только слова. Его условные рефлексы координированы не с действиями, а со словами».

За два года до смерти в обращении к советскому правительству Павлов сравнивал жизнь в СССР с жизнью древних азиатских деспотий:

«Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия».

За месяц до смерти он писал председателю СНК В. Молотову:

«Привязанный к своей родине, считаю моим долгом обратить внимание Правительства на следующее. Бесперывные и бесчисленные аресты делают нашу жизнь совершенно исключительной. Я не знаю цели их (есть ли это безмерно усердное искание врагов режима, или метод устрашения, или еще что-нибудь), но не подлежит сомнению, что в подавляющем большинстве случаев для ареста нет ни малейшего основания, т.е. виновности в действительности. А жизненные последствия факта повального арестования совершенно очевидны. Жизнь каждого делается вполне случайной, нисколько не рассчитываемой. А с этим неизбежно

* При неясных обстоятельствах 24.12.1927 года умер другой выдающийся коллега П.А. Сорокина академик Бехтерев. 5.02.1929 г. в «Правде» со статьей «Анекдоты» против академиков выступил ученик Сорокина по Психоневрологическому институту Михаил Кольцов.

исчезает жизненная энергия, интерес к жизни. В видах ли это нормального государства? Отсюда, по моему глубокому убеждению, так называемая вредительность. Это главным образом, если не исключительно, – не сознательное противодействие нежелательному режиму, а последствия упадка энергии и интереса.

Я поражен недавними арестами в Москве профессора Прянишникова*, а в Ленинграде (в Институте экспериментальной медицины) профессора Владимирова**. Первый, сколько я знаю, никогда политическим деятелем не был и представляет тип ученого (притом крупнейшего, выдающегося), целиком ушедшего в свое дело. А второй (я знаю его близко по 40-летней совместной работе в одном и том же учреждении) совершенно не способен к какому-нибудь противодействию настоящему режиму не только делом, но и сколько-нибудь свободно критикой его в интимном разговоре. Что касается до резких иногда заявлений первого, то думаю, что они неизмеримо менее вредны (если только вредны, а не полезны), чем рабские «чего изволите» – зло и гибель правителей.

Академик Ив. Павлов».¹³

Ростовцев на 21 год моложе Павлова... Жизнь в США не жизнь в СССР... Получив приглашение на работу в Гарвард, Ростовцев взвешивает целое лето 1938 года все pro et contra и отказывается... Не хочет в 68 лет «начинать все сначала».

В многословном письме Сорокину пишет:

«...каждая лекция будет для меня нервным испытанием, особенно в первые годы. Они могут не выдержать новой попытки к приспособлению после Оксфорда, Висконсина и Yale'a».

Сорокин в ответ:

* Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) – агрохимик.

** Владимирова Александр Александрович (1862–1942) – микробиолог, эпизоотолог.

12 октября 1938 г.

**Harvard University
Department of Sociology
P.A. Sorokin
Chairman**

Дорогой Михаил!

Спасибо за длинное и милое письмо. Выходит, что ты имеешь «миллион терзаний» и «горе от избытка», а не недостатки исключительно хороших предложений. Дай Бог всякому иметь такие «терзания».

Как бы мы ни желали Вас иметь здесь и какой бы большой радостью Ваше пребывание здесь ни было бы для нас, я вполне понимаю твой выбор, и он кажется в общем разумным. Конечно, и Harvard предоставил бы тебе полную свободу – читать или не читать лекции и т.д., – но переход на новое место – с *noblesse oblige* – действительно сопряжен с рядом усилий и напряженности. Я и сам знаю это по моему маленькому опыту. Даже в твоей роли Олимпийца какое-то новое усилие нужно в приспособлении к новым условиям. Конечно, тебе не нужно завоевывать внимание студентов и благорасположение коллег – ты объективно выше и по «ту сторону» всего этого. Все же необходимость выработки какой-то новой рутины уклада остается. При этих условиях, раз Yale предлагает тебе такие условия, продолжение пребывания в Yale делает не необходимой эту добавочную трату энергии.

Пишу это с чувством глубокого сожаления – и нашего и Кусевичких, – что мы лишаемся радости постоянного общения с Вами. Но это уже эгоистический мотив, который в счет не идет. Кстати, сходные мотивы играли роль и в отказе Кусевичского переехать и стать дирижером N.Y. филармонии...».¹⁴

...Сотрудничество Сорокина и Тимашева привело последнего из Парижа на работу в Гарвард (сентябрь 1936–1940) дочь Тимашева* вспоминала:

* Бобринская (Тимашева) Татьяна Николаевна (г.р. 1923 Берлин) в письме ко мне от 21.10.1999 года писала: «Вы третий ученый, который спрашивает о профессоре Тимашеве».

«...я хочу рассказать, как отца пригласили в Америку. К разработке 4-томного труда о социально-культурной динамике было привлечено около 60-ти крупных американских и европейских ученых. Сейчас известно, что заранее было решено автора лучшей работы пригласить в Гарвард. Им и стал отец. Это было признание его заслуг. Я помню, проф. Гинс* (он потом приехал в США из Харбина) даже где-то написал потом: «Это Тимашев разрешил вопрос Сорокина о динамике развития культур». Начал он работу эту в 1932 году, я хорошо помню все эти многочисленные таблички – он собирал уголовный материал – убийства, самоубийства... Признаться, папа даже заплакал, получив ту телеграмму-приглашение. Ему говорили – ты сумасшедший, бросать все и ехать на год! Но он твердо решил. К тому же, как блестящий аналитик, он уже тогда четко представлял себе, чем кончит Европа. Иллюзий у него не было.

Ему дали курс социологии права и курс советского общества. За один год его классы стали самыми большими в Гарварде, хотя они и не входили в обязательную программу. Его прозвали «The Great Tim». Студенты его обожали! Сидели по двое-трое и записывали синхронно, чтобы не потерялась лекция.

<...>

Надо сказать, что позже в Гарварде развилась нехорошая интрига против Сорокина – что коснулось и моего отца. Сорокина там не любили. Характер у него был действительно непростой, самоуверенный. И – откровенный, хитрить он не любил и не умел. В какой-то момент Сорокин пригласил молодого американского ученого (не будем его называть) к себе на кафедру, тут все и началось... Отец не стал участвовать в этой интриге против Сорокина и предпочел уйти из университета. Сорокина в конце концов сменили, а мой отец ушел в другой колледж».¹⁵

* Гинс Георгий Константинович (1887 Крепость Новогеоргиевск – 1971 Редвуд Сити, Калифорния) – юрист, ученик Петражицкого. С 1941 г. в США «самый близкий друг отца» (Т.Н. Бобринская).

§6. Биография С.И. Тхоржевского

...18 февраля 1931 г. в Ленинграде умер затравленный Н.И. Кареев... Еще раньше арестован С.И. Тхоржевский, который был неофициальным оппонентом на докторском диспуте Сорокина в 1922 году. В начале 1922 года Тхоржевский был деканом социологического факультета Технико-педагогического института (Мойка, 1. Угол Марсова поля). Жил на Сергеевской 77-22.¹⁶

Краткая справка о С.И. Тхоржевском составлена его сыном С.С. Тхоржевским.*

«Тхоржевский Сергей Иванович (6.(18).6.1893, Тифлис – 29.1.1942, Ленинград), историк. В 1911 окончил с золотой медалью 2-ю тифлисскую гимназию. В 1915 с отличием окончил юрид. фак-т Петерб. ун-та и был оставлен при ун-те на кафедре истории рус. права. Вступил в партию к.-д. В 1917 в Петрограде вышли из печати его брошюры «Всеобщее, равное и прямое избирательное право» и «Государственный строй Англии». Его публицистические статьи печатались в «Вестнике партии Народной Свободы» (Пг., 1918, №№ 4, 7, 9 и 11-12). В журнале «Дела и дни» (Пг., 1921, кн. 2) была напечатана его статья «В.О. Ключевский как социолог и политический мыслитель». В 1921–22 он был членом президиума Рус. Социологического общества, которое просуществовало менее года. В 1920–23 в Петрограде он преподавал социологию и историю полит. учений; в 1920–22 был профессором Технико-Педагогического ин-та (до его закрытия), в 1922–23 учебном году – преподавателем Высших Педагогических курсов, в 1923 – преподавателем 1-го Пед. ин-та. Отстраненный там от работы как немарксист, он был вынужден переключиться, ради заработка, на преподавание истории (обществоведения) в средних школах Ленинграда. Напечатал ряд историч. статей в журналах и сб-ках («Москва

* Тхоржевский Сергей Сергеевич (г.р. 1927) – писатель. В 1944–1952 в ленинградских тюрьмах, воркутинских лагерях. Один из 357 свидетелей «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына.

и Донское войско в XVII веке» – «Рус. прошлое», Пг., 1923, №3; «Государственное земледелие на юге России в XVII веке» – «Архив истории труда в России», Пг., 1923, кн.8; «Рабочие и крестьяне на Дону в XVIII веке» – там же, 1924, кн.9; «Поместье и крестьянская крепость» – там же, 1924, кн.10–11; «Социальный состав пугачевщины» – сб-к «Труд в России», Пг., 1925; «Крестьянство и пугачевщина» – «Записки научн. об-ва марксистов», Л., 1928).

Вышли из печати его книги: «Стенька Разин» (Пг., 1923; рец.: Н.Н. Кнорринг – «Последние новости», Париж, 1923, №1070, 18.X; Н.Н. Фирсов – «Каторга и ссылка», М., 1924, №4, «Народные волнения при первых Романовых» Л., 1924; рец.: А.А. Кизеветтер – «Совр. записки», Париж, т.19, 1924, с. 433–440; А.А. Сергеев – «Каторга и ссылка», 1924, №3; Н.Н. Фирсов – Историч. характеристики и эскизы, т. III, вып. I, Казань, 1926, «Пугачевщина в Помещичьей России» Л., 1930; рец.: М.Н. Мартынов – «Проблемы марксизма», Л., 1930, №5–6; А.А. Кизеветтер – «Руль», Берлин, 1930, №2964, 27.VIII; Н.Н. Кнорринг – «Последние новости», 1930, №3452, 4.IX; В. Мякотин – «Совр. записки», т.45, 1931, с.536–9).

В 1927–30 он был зав. клубом научных работников при ленинградском Доме Ученых. В ночь на 14.01.1930 арестован по так наз. «академическому делу» группы историков во главе с акад. С.Ф. Платоновым. После года пребывания под следствием был осужден тройкой ОГПУ ЛВО на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в Белбалтлаге, в Медвежьей Горе. В связи с окончанием строительства канала был 17.09.1933 досрочно освобожден.

Не видя для себя в Ленинграде никаких перспектив, он поехал, по примеру многих, на Дальний Восток. С сентября 1933 по 27.08.1940 работал экономистом в Управлении БАМлага в г. Свободном. Судимость была с него снята 27.05.1936. В сентябре 1940 он наконец вернулся в Ленинград с двумя готовыми исслед. работами (по 20 авт. л. в каждой): «Башкиры и пугачевщина» и «Уход калмыков из России в Китай и участие их в пугачевщине». Материалом для этих работ послужили,

в основном, изыскания в оренбургском архиве в 1929, а также в архивах Ленинграда (во 2-ой половине 1930-х гг. он каждый год приезжал в отпуск из Свободного в Ленинград и занимался в Публичной библиотеке и в архивах). Зимой 1940–41 в Ленинграде он не служил нигде, трудился над завершением написанного, надеясь на публикацию своих трудов в близком будущем (они так и остаются неопубликованными). Надеялся также получить место преподавателя в ун-те с осени 1941. Но тут началась война, а затем и блокада, и он умер от голодного истощения. Похоронен в братской могиле на Богословском кладбище.

Лит.: «Память», в.4, Париж, 1981 – Ростов А. (С.В. Сигрист). Дело четырех академиков; Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992 (ук.); «Звезда», 1993, №12 – Тхоржевский С.С. Шпага за шкафом; Академическое дело, в.1, СПб, 1993 (с. 7–9, 181); *In memoriam*. М.-СПб, 1995 – Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело».

С.С. Тхоржевский.¹⁷

«Исчезали» навсегда не только люди...

В 1936 г. Надеждинская улица в бывшем Петербурге-Петрограде, переименованном в Ленинград, стала называться «улицей Маяковского» в честь застрелившегося в 1930 г. поэта... В 1915–1918 гг. он жил здесь в доме №52. Питирим и Елена Сорокины жили в 1917 г. в доме №40... Рядом была редакция «Воли Народа»... Сорокин печатал в ней многих поэтов... Маяковского – нет...

Ныне «Ленинград» вновь – «Петербург»... В доме №3 на Надеждинской – жил А.Ф. Кони. В доме №33 – Виктор Шкловский... Как и Сорокин он прибыл в Петроград в начале 1919-го... Брат Николай (27 лет) уже был расстрелян чекистами на «Полигоне» у Охты... Другой брат Евгений (35 лет) врач, служивший до революции в клинике Д.О. Отт убит в 1919 г. в Харькове... В голодном Петрограде умерли: сестра Евгения (27 лет), тетка Шклового...

Все это Шкловский описал в «Сентиментальном путешествии» (Берлин. 1923). В марте 1922 г. Шкловский

бежал в Финляндию. В октябре (?) 1923 г. вернулся в Совдепию...

1937–1938 годы – в СССР разгар большого террора.

1 февраля 1937 г. в Москве расстрелян студенческий большевистский друг Сорокина – Юрий Пятаков. На публичном «суде» Пятаков «признался», что с 1933 г. был лидером «параллельного троцкистского центра», японским и немецким шпионом... Еще ранее – 10 января 1937 г. расстрелян Ивар Смигла. Без показательного шоу, но с объявлением в печати, 30 сентября 1937 г. расстрелян Лев Карахан (в 1934–1937 советский полпред в Турции)...

Расстреляны знакомые по Вологде: большевик И.М. Шумилов (20.06.1938) и Д.В. Канделики (29.07.1938) спецпредставитель Сталина в Берлине в 1935–1937 годах.

Бывший вологодский эсер и советник полпредства СССР в Германии С.А. Бессонов в марте 1938 г. был осужден по делу «антисоветского правотроцкистского блока». По этому же делу расстрелян бывший оппонент Сорокина – Н.И. Бухарин. В своем «политическом завещании» Ленин писал:

«Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это по-моему самые выдающиеся силы (из самых молодых сил) <...> Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии. <...> Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей»¹⁸

М.И. Кольцов (Фридлянд) – член редколлегии «Правды» арестован 14.12.1938. Жил в одном доме с Шумиловым (Серафимовича 2, Дом правительства*). Расстрелян 2 февраля 1940 г.

9.10.1937 в Ташкенте расстреляна Н.В. Брюллова-Шаскольская.¹⁹

В куйбышевской тюрьме в «процессе следствия» умер 7.10.1938 А.А. Гизетти... Детей у него не было...

* По неполным данным было репрессировано около 700 обитателей «Дома».

§7.

Справка УФСБ по Самарской области в отношении Гизетти А.А.

Гизетти Александр Алексеевич родился 28 февраля 1888 года в Петрограде, из дворян, член ПСР с 1908 года, член учредительного собрания, работал научным сотрудником в центральной библиотеке, до ареста проживал как административно-ссыльный в г. Куйбышев.

Привлекался к ответственности за контрреволюционную деятельность в 1920, 1929, 1931, 1933 годах. В 1931 году был выслан в Среднюю Азию г. Коканд на 3 года. Постановлением Особого Совещания ОГПУ от 28.06.1933 года осужден в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ (конкретных данных нет), сроком на 3 года. Постановлением Особого Совещания НКВД от 20.01.1936 года было разрешено проживание в г. Куйбышеве.

По данному делу арестован 11 января 1938 года. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной эсеровской меньшевистской организации; проводил активную контрреволюционную деятельность; поддерживал организационную связь с контрреволюционным эсеровско-меньшевистским подпольем в Москве, Ленинграде, Уфе и с зарубежной делегацией ПСР; создал и непосредственно руководил двумя террористическими группами, готовившими террористические акты против членов правительства; являлся немецким шпионом; проводил контрреволюционные совещания с участниками организации, на которых давал установки по созданию диверсионно-повстанческих групп, т.е. в преступлениях предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Гизетти Александр Алексеевич умер во внутренней тюрьме 7 октября 1938 года. Место захоронения неизвестно.

В Самаре одним из мест захоронений жертв политических репрессий является детский парк им. Ю. Гагарина, где установлен памятный знак».²⁰

Таких «справок» у автора – отдельная книга...

Сорокин писал в 1963 г.:

«...оба моих брата сгинули в русской революции»²¹

Старший Василий расстрелян ЧК в Великом Устюге осенью 1918 г. Младший Прокопий умер в тюрьме тогда же и там же... С Прокопием неясно. В книге Барри Джонстона опубликована фотография с подписью:

«Прокопий. Младший брат Питирима, с дочерью на руках. Великий Устюг. 27 июля 1929»...²²

Вполне возможно, что используя Прокопия и других родных Сорокина в СССР, чекистские «мастера» вели игру в «кошки-мышки» со своим давним «врагом №1» – Сорокиным...*

И Сорокин начинает с переездом в Гарвард «леветь»...

В марте 1937 г. в Мехико открылся контрмексиканский процесс, подготовленный объединенной международной следственной комиссией под председательством Джона Дьюи. Из американцев в комиссию входили: Эдвард Росс, публицистка Сюзанна Лафоллет, журналисты Бенджамин Столберг, Джон Р. Чемберлен... В сентябре был объявлен вердикт:

«На основании всех материалов ... мы считаем, что процессы в Москве в августе 1936 года и в январе 1937 г. были фальшивкой... Мы считаем, что Лев Троцкий и Лев Седов не виновны»²³

Сорокин вполне мог выступить свидетелем на контр-процессе. Возможно он давал какие-то советы члену Следственной комиссии Э. Россу...

В фондах Сорокина и Росса в Саскачеване и Мэдисоне переписка на эту тему отсутствует.

21.08.1940 был убит в Мехико Троцкий...

Один из членов комиссии Дьюи, известный итальянский анархо-синдикалист Карло Треска был убит агентами ГПУ в Нью-Йорке в январе 1943-го...

* В 1928 г. в Брюсселе в 48 лет «умер» Врангель. В 1930 г. в Париже «исчез» Кутепов... Деникин и Мельгунов в 1931 г. прекратили свою «политическую деятельность» явно не желая умереть и исчезнуть таким же образом...

Как и швейцарский процесс Конради 1923 года мексиканский процесс 1937 г. вскрыл много коммунистических преступлений, но Сорокин уже переключился на вполне безопасную критику западной цивилизации...

Голод в СССР 1932–33 годов в «Социальной и культурной динамике» отсутствует. Тем более обходятся стороной все острые политические вопросы в благой «Дальней дороге»...

... В 1933 году у Сорокина несколько дней гостил Н.О. Лосский. До этого он встречался в Чикаго с С. Харпером.

В «Воспоминаниях» Лосский пишет:

«С профессором Харпером я заговорил о страшном голоде 1932–1933 гг. в самых плодородных областях России, в Малороссии и на Северном Кавказе. Голод этот был следствием политики советского правительства, стремительно организовавшего систему колхозов и желавшего сломить волю малороссийских крестьян и казаков, особенно настойчиво борющихся против коллективизации. В «Последних Новостях» число погибших от этого голода исчислялось цифрой от трех до пяти миллионов. В настоящее время известно, что действительность была еще ужаснее: умерло от голода не менее пяти миллионов в Малороссии и не менее пяти миллионов на Северном Кавказе. Когда я заговорил об этом с Харпером, он сказал мне, что, собственно, в Советском Союзе был не голод, а «недоедание». Меня потрясло это замалчивание страшных преступлений большевистского режима. Скоро, однако, я понял поведение Харпера. В то время он был одним из главных осведомителей американского правительства о Советском Союзе. Ему поэтому необходимо было часто ездить в Россию и, конечно, советское правительство перестало бы допускать его в Россию, если бы он широко рассказывал об ужасах советского режима».²⁴

Говорил ли он на эту тему с Сорокиным Лосский не пишет...

В 1937 году Сорокин председательствовал на Международном конгрессе по социологии в Париже. Две недели в Париже, несколько дней в Германии, где он

встретился с немецкими учеными-антифашистами и «наблюдал довоенный нацизм».

В «Дальней дороге» Сорокин писал:

«Поездка оказалась полезной и поучительной во многих отношениях. Она дала мне возможность увидеть множество проявлений бездуховной европейской культуры, что подтверждало прогноз, высказанный в «Динамике» и предрекавший культурный кризис Старого Света. Упадочный характер европейской цивилизации, истощение ее творческих сил были заметны везде, куда не кинь взгляд».²⁵

Есть критика либеральной «европейской цивилизации», но нет «критики» сталинского «социализма», гитлеровского «национал-социализма»...

М. Хайдеггер («Бытие и времена», 1927), Х. Ортега-и-Гассет («Дегуманизация искусства», 1925, «Восстание масс», 1930), К. Ясперс (Три тома «Философии», 1932), И. Хейзинга, К. Ясперс, Г. Марсель – многие известные ровесники Сорокина в 1920–30-е годы писали общие слова о «кризисе эпохи»... Отдельные голоса, предупреждавшие о нацизме во внимание не принимались...

В сентябре 1938 года Даладье и Чемберлен передали в Мюнхене Чехословакию...

§8.

Письмо Сорокина А. Блахе (в Брно) 15.05.1938

«Милый доктор Блаха.

... Живете теперь с чешским народом в нелегкое время. Прошу, примите мои сочувствия в этом случае. Как и многие другие, кто не лишился своего критического мнения и элементарного понятия о справедливости, глубоко осуждаю правительства грубой силы, захватившие сцену политической и

социальной жизни. Будем надеяться, что это скоро пройдет.

Искренне ваш П.А. Сорокин,
директор социологического департамента
Гарвардского университета, США»^{*26}

Н.О. Лосский в воспоминаниях:

«Пишу эти строки 19 августа 1938 в Чехословакии, недалеко от Высокого Мита, где наша семья проводит время в прекрасной вилле, но наши души неспокойны; в Германии происходят маневры, имеющие характер мобилизации, отношения между Чехословакией и Германией сильно натянуты, и каждый момент может вспыхнуть война, которая опять станет мировой, и вероятно следствием ее явится всеобщий коммунистический переворот».²⁷

Марк Вишняк писал о своей встрече с Сорокиным в Париже в 1936 г. (Возможно Вишняк путает даты, т.к. сам Сорокин о поездке в Париж в 1936 г. не упоминает):

«Случайно и неожиданно мы встретились в Париже в 1936 году, когда Сорокин приехал с поручением от Гарвардского университета пригласить на празднование 300-летия университета наиболее достойных французских ученых. Мы очень обрадовались друг другу и вопреки англо-американскому воздержанию от поцелуев с мужчинами публично расцеловались. Питирим Александрович повел меня к себе в отель тут же поблизости от Лувра, на Рю Риволи, – гостиница была хорошая, но не перво-класная. Мы долго дружески беседовали. Сорокин вкратце рассказал, как дошел он до жизни такой и стал настолько «богат и славен», что от него зависело, кому из известных европейских ученых выпадет на долю почетное и заманчивое путешествие в Америку. Не без некоторого смущения он

^{*} Перевод (1998 г.) с чешского языка Г.А. Малахова. Малахов Георгий Александрович (1905 д.Ушаковская, Шенкурский у. Архангельской губ. – 2005 г. Канск. Красноярский край). Член ТКП. Секретарь С.С. Маслова. В 1923–1936 гг. жил в Праге. В 1936–1958 гг. – в Югославии. Выслан в СССР. Автор воспоминаний, романа «Смоляковы» (неопубликован), многочисленных общественно-политических статей.

говорил, как добиваются приглашения в Гарвард: у него в гостинице стояли очереди».²⁸

Возможно в связи с 300-летием Гарвардского университета Сорокин познакомился с бежавшим из Германии Альбертом Эйнштейном. Эйнштейн обосновался в Принстоне. Проводил яростную антигитлеровскую кампанию... Его биограф пишет:

«Гарвардский университет оставался, несомненно, единственным американским высшим учебным заведением, которое не прилагало настойчивых усилий заполучить его; напротив, специальный юбилейный комитет мучился над тем, как исключить его из числа приглашенных на празднование в 1936 году трехсотлетия университета, чтобы не оскорбить его. Члены комитета боялись, что если он прибудет, то затмит собою всех прочих ученых. Работавший в Гарварде астроном Харлоу Шепли предлагал присвоить Эйнштейну в 1935 году степень почетного доктора; уж тогда он наверняка не ожидал бы получить приглашения. Таким путем, как выразился Шепли, они могли бы «избавиться от него на трехсотлетие, не допустив нарушения наших празднеств тем безумием, которое в наши дни неизменно сопутствует имени Эйнштейна».²⁹

Администрация Гарварда приняла план Шепли...

...Если из сталинской России Сорокин не смог спасти Кондратьева, то из гитлеровской Германии был приглашен Леопольд фон Визе. Сначала (1934–35) он был профессором в университете Висконсина у Росса. Затем гостевым профессором в Гарварде у Сорокина. Затем Чикаго, Цинциннати, Chapel Hill (Северная Каролина)... После разгрома Гитлера Визе вернулся в Кельн, где и умер в 1969 г. в возрасте 93 лет пережив Сорокина на год*. Кондратьев был расстрелян после 8-летнего пребывания в тюрьмах в возрасте 46 лет...

...Осенью 1940 г. Вишняк с большим трудом эмигрировал в США. Обратился к П.А. Сорокину по вопросу опубликования своих работ:

* После WWII у Визе была русская жена.

«На мое письмо Сорокин скоро отзывался очень любезно по форме, но отрицательно по существу и, главное, совершенно непостижимо – по мотивировке.

<...>

Должен сказать, что поразил он меня тем, что и не ученый, а тем более профессор философии не мог не заметить совершенно явного заколдованного круга, заключавшегося в его словах:

«Пока вас не знают, никто вас печатать не будет, а когда узнают, тогда станут... Вот я могу печатать, что хочу и сколько хочу!..»

Ну, а как сделать, чтобы меня узнали, – этот вопрос, очевидно, Сорокину в голову не приходил, как не счел он нужным упомянуть и о том, как же он сам начал печататься, не будучи еще известен и прославлен?! Софизм Сорокина и фактически не выдерживал критики». ³⁰

Не помог Вишняку...

Немного помог Набокову-Сирину:

§9.

Переписка с Н. Набоковым. Письмо В. Набокова Н. Набокову. 1939

Профессору Питириму Сорокину.
Гарвардский университет.
Кембридж, Массачусетс.

Дорогой сэръ,

извините, что пишу не имея удовольствия лично знать Вас. Я пишу от имени моего кузена, Владимира Набокова, сына лидера Либеральной Партии

и бывшего министра В. Набокова, которого, я полагаю, Вы знали или встречали в прошлом.

По мере того как военная ситуация становится такой как сейчас, Французское правительство, кажется пытается избавиться от русских эмигрантов. Как Вы увидите из копии письма моего кузена ко мне – он пытается приехать в США, но ему необходим аффидевит и приглашения на чтение лекций в Америке. Он, как Вы, вероятно, знаете, окончил Кембриджский университет в Англии. Кроме того, будучи одним из лучших наших писателей – он превосходный энтомолог.

Я уверен, что прибыв в США он легко обеспечит здесь себе позиции.

Я получил письмо от мисс Александры Толстой, пишущей что она послала ему два аффидевита, которые по ее мнению, не будут эффективными для получения американской визы и поскольку подписанты недостаточно финансово состоятельны и влиятельны.

Я лично послал ему аффидевит, но больше ничего сделать не мог. Любое содействие в этом деле будет большой помощью и если Вы сможете помочь, я буду беспредельно благодарен.

Все что ему нужно – это аффидевит и приглашение на лекции. Разумеется он никогда не будет просить у Вас финансовой помощи.

Если Вы готовы помочь ему в получении американской визы, пожалуйста свяжитесь со мной или мисс Толстой в Толстовском фонде, 289 Fourth Ave, New York City.

Надеюсь на ответ.

Искренне ваш,

Николай Набоков*,

Head of Department of Music.

P.S.

Приложение: Копия письма от В. Набокова Н. Набокову.³¹

* Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978 Нью-Йорк) – композитор. С 1923 г. жил в США. Преподавал в Wells College. Aurora-on-Cayuga, New York.

59, rue Boileau
Paris XVI

Дорогой Ника;

Не удивляйся этому письму. В течение последних двух лет я пытаюсь приехать в США. Мой литературный агент настаивает на приезде. Некоторые мои друзья (профессор Карпович и другие) уверены, что найдут мне преподавательскую работу. Я включен в русскую квоту и двое моих друзей посылают мне affidavits, но поскольку они не мои родственники – только их affidavits недостаточно.

Сейчас, благодаря необходимости покинуть Францию не позже 10 декабря 1939 г. нахожусь в состоянии крайней тревоги (которая, знай ты все мои обстоятельства, была бы вполне очевидна для тебя). Главное – я не получил американскую визу. Все устроится, если я покажу здешнему консулу нечто вроде контракта из США, иными словами, если мне предложат чтение лекций, научную или литературную работу с фиксированным заработком, достаточным для нашей жизни в США в течение нескольких месяцев.

Я не хочу тебя беспокоить и делаю это только под прессом ужасных трудностей. Пожалуйста, помоги мне, если можешь: 1. Пошли мне affidavit (будь спокоен, конечно, я никогда не буду просить у тебя финансовой помощи) и 2. Пошли мне формальное предложение какой-нибудь должности или работы – данное предложение я не буду рассматривать, естественно, как реальное.

Я надеюсь у тебя все хорошо. Будь счастлив и до встречи если я смогу приехать.

В. Набоков
16 ноября 1939

Профессору Николаю Набокову
Колледж Веллса.
Аурора на Кайюга Нью-Йорк.

Дорогой профессор Набоков.

Мне бы хотелось послать affidavit с приглашением прочитать лекции в Америке мистеру В. Набокову, работы и новеллы которого я знаю и ценю. Но я не вправе сделать это и в настоящее

время я не могу воздействовать на факультет, чтобы такое приглашение было послано. Университет не может делать фиктивных приглашений. С другой стороны он не позволяет приглашать таких лекторов за плату.

Сожалею, но все что я могу – написать обычную просьбу «тем, кого это может касаться», которую посылаю. Иногда такие просьбы помогают, иногда нет.

В любом случае – нет никакого риска в отправлении ее мистеру В. Набокову, который может попробовать показать ее вместе с другими бумагами американским властям в Париже.

Очень искренне Ваш.
Питирим Сорокин.

16 ноября 1939.

Тем кого это касается.

Я свидетельствую, что мистер В. Набоков один из знаменитых русских писателей нашего времени, кроме своего таланта обладает честностью и является хорошим гражданином. Я информирую также, что он имеет несколько приглашений для чтения лекций от различных американских университетов.

Любая помощь, оказанная ему в его усилиях прибыть с лекционным туром в США будет высоко ценима.

Искренне Ваш.
Питирим Сорокин

30 ноября 1939 г. СССР напал на Финляндию. С протестом против вторжения выступили (31.12.39) русские эмигранты: Рахманинов, Набоков... Подписи Сорокина нет...

В Нью-Йорк В. Набоков прибыл 28 мая 1940 г. К СССР оставался непримиримым до конца жизни. 14 апреля 1957 г. писал Роману Якобсону в Гарвард:

**«Уважаемый профессор Якобсон,
тщательно взвесив сложившуюся ситуацию, я
пришел к выводу, что не могу далее сотрудничать с
Вами в подготовке англоязычного издания «Слова».**

Говоря откровенно, мне трудно переносить Ваши краткие набегі в тоталитарные государства, даже если они вызваны научными интересами».³²

В 1967 г. Vladimir Nabokov поддержал войну против коммунистического Вьетнама. Послал приветственную телеграмму президенту Линдону Джонсону... Немного их было – американских писателей, поддержавших войну с тиранией...

Джон Апдайк поддержал...

... В 1920-х шла борьба за признание-непризнание СССР. Сорокин, это видно из его письма в «NYT» и т.д., открыто участвовал в этой борьбе. Не признавать...

Ситуацию к моменту его прибытия в США хорошо передает «Открытое письмо Гомперса» в «New York Times»:

Открытое письмо Гомперса

Нам пишут из Нью-Йорка:

В американских политических кругах сейчас говорят о весьма резком выступлении председателя американской федерации труда Гомперса против Херста – издателя целого ряда распространеннейших органов желтой прессы, в связи с компанией последнего за признание советского правительства. Гомперс опубликовал в «New York Times» (№ от 23 ноября), открытое письмо к Херсту, содержание которого, в общих чертах, сводится к следующему:

Гомперс сравнивает «бесстыдство, проявляемое Херстом в его кампании за признание советской России» с поведением пресловутого лжеисследователя северного полюса Кука, приговоренного судом к 14 годам тюрьмы за организацию фиктивных акционерных компаний для разработки несуществующих нефтяных источников. Он заявляет, что за исключением нескольких фанатиков, а также «публицистов и корреспондентов, подкупленных советским правительством», за признание советской России в Америке ратуют международные финансисты, охотники за концессиями, нефтяные магнаты и им подобные. «Херст знает, что наиболее влиятельным другом советов в нашей стране является полковник Томпсон – директор синклеровской нефтяной компании» – пишет

Гомперс, перечисляя тех американских политических деятелей, которые ведут кампанию в пользу признания.

В одной из своих статей, напечатанной в «Washington Herald», Херст писал, что отказ американского правительства признать советскую Россию объясняется давлением, произведенным на Кулиджа и на Юза «международными банковскими кругами». В связи с этим Гомперс ставит Херсту следующие любопытные вопросы: «Разве не правда, что несколько, наиболее выдающихся представителей международного финансового мира посетили недавно Юза и других членов правительства, настаивая на признании советов? Разве не правда, что эти финансовые круги, видя упорство Юза в вопросе о непризнании советского правительства производят давление на американское правительство, побуждая его найти ту или другую формулу, которая будет означать признание, но под другим именем? Какие международные банкиры противятся сейчас установлению сношений между Америкой и советской Россией?»

В своем открытом письме Гомперс, между прочим, указал, что сенатор Кинг, ездивший недавно в советскую Россию, открыто признал свою заинтересованность в некоторых концессиях. Действительно, за несколько дней до этого в Вашингтонском «Evening Star» от 16 ноября появилась телеграмма из Москвы. В ней сообщалось, что сенатор Кинг обратился к советскому правительству с заявлением о желании взять на себя разработку целого ряда рудников на юге России. Однако, сенатор Кинг поспешил выступить с категорическим опровержением, как этой телеграммы, так и заявления Гомперса, в той части, которая его касалась. Кинг заявил, что он впервые узнал о предложениях, с которыми он будто бы обратился к советскому правительству, из телеграммы «Evening Star».³³

Много их было и есть: Херстов, Куков, Кингов, Бора, Шредеров, etc.

Осенью 1930 г. в США прибыл Рабиндранат Тагор, незадолго до этого побывавший в СССР. В интервью американским СМИ расхваливал «успехи большевиков в ликвидации безграмотности в деревне»...

В ответ в «Нью-Йорк Таймс» (12.01.1931) было опубликовано письмо русских эмигрантов, подписанное в том числе и Сергеем Рахманиновым:

«К нашему удивлению, Тагор расхваливал деятельность большевиков и, кажется, даже восхищен их достижениями в области образования. Но странно, что он не произнес ни слова относительно тех ужасов, которые творят советское правительство и ОГПУ.

Вследствие того, что может привести к ложному пониманию фактов, мы желаем спросить, знает ли он о том, что вся Россия стонет под ужасным ярмом малочисленной, но хорошо организованной банды коммунистов, которые насильно, посредством красного террора, правят русским народом?

<...>

Никогда и ни в какой другой стране не существовало правительства, ответственного за такое множество жестокостей, массовых убийств и преступлений, как то, которое возглавляют большевики»³⁴

В письме также говорилось о трех миллионах узников в концлагерях, «коллективизации», расстрелах инженеров и ученых, как раз во время визита Тагора в СССР.

Подписать это письмо Рахманинова убедили врач И.И. Остромысленский и граф Илья Толстой, сын Л.Н. Толстого...³⁵

Чьи еще подписи под письмом нам неизвестно...

Современный российский автор утверждает:

«Отношение русского зарубежья к Т(агору) было неизменно благожелательным. Симпатии Т(агора) к СССР, в котором он видел «утреннюю звезду», освещающую начало новой эры, будущее всего человечества (об этом см. в его сборнике «Письма о России», вышедшем после визита в СССР в 1931) болезненной общественной реакции не вызвали».³⁶

Тагор был тесно связан с Н. Рерихом. Познакомились в Лондоне в 1921 г. Впоследствии сын Н. Рериха – Сергей Рерих женился на внучатой племяннице Тагора.

То, что русский художник эмигрант Н.Н. Рерих был завербован органами ОГПУ:

«...это исторический факт, безусловно и неоспоримо. Скорее всего вербовка произошла в Англии, перед путешествием семьи Рерихов в Штаты»³⁷

В США главной задачей Рериха поставленной перед ним чекистами было – добиться признания этой страной большевистского правительства...

В США Н. Рерих находился с 3.10.1920 по 8.05.1923. С краткими визитами – в 1924, 1929, 1934 годах. Его секретарь З.Г. Лихтман-Фосдик говорила в 1977 г. о тайной встрече Рериха с сенатором Бора совпису В.М. Сидорову:

«В 1922 году я присутствовала на встрече Рериха с одним из возможных кандидатов на пост президента от республиканской партии. Это был человек выдающегося ума, лишенный обычного для того времени предубеждения против советского строя. Помню, с каким сочувствием он относится к программе, которая, по мнению Рериха, могла иметь самые благие последствия для мира. А пункты этой программы были: признание Советской страны, сотрудничество с нею, тесный экономический и политический союз. Осуществись такая программа – и многое в нашей жизни пошло бы по-другому»³⁸

«Программа» Рериха и Иностранного отдела ОГПУ осуществилась с приходом к власти в США Рузвельта...

В конце 1920-х англо-американский сектор ИНО ОГПУ возглавлял Николай Мельцер*. Тогда состоялся его разговор с Григорием Агабековым, начальником Восточного сектора.

В 1930 г. Агабеков перешел на Запад.

В вышедшей в 1931 году в Нью-Йорке книге «ОГПУ: русский секретный террор» он привел слова Мельцера:

«Основная наша задача в Америке – это подготовка общественного мнения к признанию СССР. Это задача огромной важности, так, в случае удачного

* Мельцер Николай Иосифович (1890 Евпатория – 1937 Москва). С 1909 г. студент юрфака в Мюнхенском у-те. В 1911–16 – студент СПб у-та. Вполне мог быть знаком с П.А. Сорокиным... Арестован 28.08.37. Расстрелян по обвинению в шпионаже 9.12.1937.

исхода мы наплевали бы на всех. Если бы Америка была с нами, то во внешней политике мы меньше бы считались с Англией и, главное, с Японией на Дальнем Востоке. А в экономическом отношении это было бы спасением, ибо в конце концов все капиталы сконцентрированы в Америке!»³⁹

На ОГПУ в этом направлении работали: сенатор Бора, его друг миллионер и филантроп **Чарлз Крэйне***, директор Чикагского института искусств и одновременно сотрудник «Амторга» **Луис Херш**, (завербован сразу после октябрьского переворота 1917 г. Агентурная кличка «Буддист»), журналист **Деккерс**, упомянутый ранее «рецензент» П.А. Сорокина **Чарл Рехт**, имевший в 1922 г. встречу с самим Лениным⁴⁰, журналист **А.В. Руманов**, бывший знакомый Сорокина и Ковалевского по Петербургу, ставший в эмиграции секретарем великого князя Александра Михайловича и вращающийся в кругах американских капиталистов, а также Путилова, Керенского, Бурцева...

Противостояние «Сорокин–Рерих» – отдельная книга...

Безусловно важно исследовать и деятельность американцев в Праге. Первым послом США (1919–1921) был сын Ч. Крэйна – **Ричард Крэйн** (1882–1938), а дочь **Ч. Крэйна** была замужем за сыном президента Масарика **Яном**... Письма агента ГПУ «Ивана Пана» (**Руманов**) шли в Прагу на имя Mr. J. Crane, Hrad Prague, IV. Это адрес официальной резиденции президента Чехословакии...⁴¹

Связи Сорокина с министерством сельского хозяйства США... «Фанатик Рериха и коммунизма» – глава ведомства с 1933 Генри Уоллес... Его сотрудники – агенты ГПУ и разведупра Красной Армии – **Гарольд Уэйр, Джон Абт, Нанат Уитт, Ли Пресман, Элджер Хисс, Дональд Хисс, Генри Коллинз**...

Уоллес станет вице-президентом США... Хисс и компания перейдут в Госдепартамент... Будут разоблачены только в 1949 г. **В. Чэмберсом**...

* Крэйн (Crane) Чарлз (1858–1939).

Конечно не все было так плохо... Еще до приезда Сорокина в США, в том же 1923 г. не состоялась поездка в эту страну Екатерины Калининой...

Нью-Йоркский корреспондент германских «Дней» писал о настроениях в Америке:

«Но пожалуй наиболее ярким выражением охватившего американское общество негодования явилась история с отменой предполагавшейся поездки по Америке супруги президента советской республики Екатерины Калининой. Поездка эта была организована здешним отделением советского Красного Креста «с целью сбора пожертвований на голодающих русских детей». В виду этой цели и заверений организаторов, что всякая политика будет совершенно исключена, государственный департамент разрешил выдать г-же Калининой американскую визу. Но когда в здешних газетах появились известия, что Калинин в качестве председателя ВЦИК утвердил смертный приговор о. Буткевичу*, со всех концов страны посыпались протесты против допущения Калининой в Америку. Протесты эти были настолько решительны и многочисленны, что государственный департамент вынужден был отменить ранее данное разрешение. В правительственном сообщении по этому поводу было прямо указано, что «присутствие г-жи Калининой в Америке является в настоящее время совершенно нежелательным в виду того глубокого впечатления, которое было произведено в этой стране казнью прелата Буткевича. Принимая свое решение, государственный департамент имел в виду выразить протест против этой казни».

Воистину, злейшие враги большевиков не могли бы повредить им больше, чем это сделали они сами. Своими же руками они разрушили даже те ничтожные шансы на успех, которые у них когда-либо были в Америке.

**М. Баич.
Нью-Йорк, 28 апреля 1928 г.⁴²**

* Буткевич Константин Ромуальд Юлианович (1867 Зубры, Двинская губ. – 1.04.1923 Москва) – расстрелян как «шпион».

Из переписки Сорокина известно, что и в дальнейшем удавалось предотвращать приезд в США наиболее одиозных советских «деятелей».

Информацию Сорокину и его друзьям давали не только беглые чекисты, подпольные источники в самой России, но и немногие ученые, писатели, которым удалось выехать из СССР.

Академик **А.А. Васильев** летом 1924 г. выехал в Париж. В сентябре 1925 г. обосновался в Мэдисоне.

В 1927 г. прибыл в США и обосновался в Нью-Йорке генетик **Ф.Г. Добржанский**...

В 1930 г. обосновался в Чикаго академик-химик **В.Н. Ипатьев**...

В 1929 г. в СССР не вернулось из заграникомандировок 72 человека. С этого года «Невозвращенцы» стали считаться «государственными преступниками». В 1933 г. «невозвращенцем» стал **Георгий Гамов**. В 1934-ом он прибыл в США...

В ноябре 1931 г. все с того же Виндавского (Рижского) вокзала в Москве уехал (один из последних, кому удалось уехать) старый друг Сорокина **Евгений Замятин**. В обращении к председателю СНК и СТО А.И. Рыкову в октябре 1929 г. с просьбой о выезде из СССР он писал:

«Я знаю, что Республика вынуждена сейчас быть очень экономной в вопросе о выдаче валюты едущим за границу. Если это может задержать выдачу мне разрешения на выезд (других мотивов я не вижу) – я готов отказаться даже от установленной правилами валютной нормы, так как авторский гонорар от предстоящей (в Нью-Йорке) постановки моей пьесы «Блоха» на английском языке – на первое время даст мне средства к существованию.

Я убедительно прошу по возможности ускорить ответ на мою просьбу и о результатах сообщить мне по прилагаемому адресу.

Евг. Замятин.

Ленинград, ул. Жуковского, 29, кв. 16.»⁴³

Не Сорокин ли устраивал нью-йоркскую постановку «Блохи»?

...Известно, что Петр Савицкий (из «Пражской артели» П.А. Сорокина) в 1927–29 годах дважды нелегально побывал в Москве...

Владимир Лебедев, старый друг Сорокина еще по «Воле Народа» (1917) совершил тайную поездку в СССР в 1929 году...

В 1923–30 гг. «на тайной работе» в СССР побывал С.С. Маслов...

В Финляндии действовал земляк Сорокина Игнатий Мосшег.*

Его книги:

1. **«Правда о большевизме»** (1922). Написана в стиле Сорокинских «Листов...» и Жаковского «Сквозь стой жизни»...

2. **В восточном чертовом котле.** (Ювяскюля. 1924) – автобиография.

3. **Крик о помощи из тюрьмы народов.** 1, 2 части. (Хельсинки. 1930) – о древней и новой истории коми народа и других народов России.

4. **Старая и сегодняшняя Москва и угнетенные народы Северо-Востока Европы.** (Варшава. 1931).

5. **Як Москва ныщила народы.** (Львов. 1941).

И. Мосшег представлял коми народ на финно-угорских конгрессах в Хельсинки (20–21.06.1921), Ревеле (июнь 1924), Будапеште (1931)...

На Конгрессе 1931 года Мосшег говорил:

«На этом большом празднике, куда приехали большие и малые группы финно-угорских народов, я приветствую всех от имени коми, манси, хантов, мари и мордвы... Я надеюсь, что любовь к родине, чувство соединения народов, приблизит то время, когда и представители вышеназванных народов будут здесь»⁴⁴

Если точнее – то Мосшег был коми-пермяк... «Коми-пермяцкий Питирим Сорокин» происходил из многодетной семьи... Учился в Кочевской начальной школе, школе высшей ступени в с. Юрла. В 1900 г. окончил инородческую учительскую семинарию в Бирске. Учителем в деревне Пистог... За революционную агитацию отстранен от работы в 1908 г. Крестьянствовал. С 1912 г. – землемер. В первой мировой – прапорщик в Румынии,

* Мосшегов Игнатий Николаевич (20.05.1880 д. Дурово, Чердынский у, Пермс. губ – 8.03.1965 Хельсинки) – с 1939 г. гражданин Финляндии. Похоронен на православном кладбище Хельсинки.

Галиции. Ордена. Германский плен. В 1918 г. вернулся в Россию. Служба в колчаковских войсках. Тиф. Госпиталь в Омске. Красный плен. Фльтрационный лагерь в Красном селе под Петроградом. Бегство в Эстонию. В октябре 1920 г. Мосшег прибыл в Финляндию.⁴⁵

С момента основания (1928) он был членом Правления варшавского клуба «Прометей». Вероятно в это время Мосшег жил в Варшаве.

Официальное название клуба – «Лига угнетаемых Россией народов»: (Азербайджан, Дон, Карелия, Грузия, Идель-Урал, Ингрия, Крым, Коми, Кубань, Северный Кавказ, Туркестан, Украина).⁴⁶

«Прометей» действовал в тесном контакте с «Лигой Обера». Председателем клуба был украинец – профессор Варшавского университета **Роман Смаль-Стоцкий**. Среди варшавских «промеевцев» **Микола Ковалевский** (бывший министр пропаганды в правительстве Петлюры), **Лавро Панасенко** (секретарь «Прометей»), зам. председателя «Союза кубанцев» полковник **В.А. Федоров**, профессор **И.А. Бодуэн де Куртенэ**, профессор **А.Р. Ледницкий**, главный советник Пилсудского по Восточным делам **Леон Васильевский**, многолетний председатель польско-украинского товарищества **Станислав Стемповский**, защитник **Бориса Коверды** (1927) и **Сергея Войцеховского** (1928) адвокат **Мариан Нездельский**, лидер самой крупной политической партии Польши – партии национал-демократов (ПНДП) **Станислав Грибский**, бывший член Первой Российской Госдумы **Эдуард фон Ропп...**

Главным центром промеевской деятельности в Польше был варшавский сельскохозяйственный институт. Здесь работало немало ученых промеевских народов.⁴⁷

В 1936 г. Мосшег ездил в Варшаву на съезд национальных меньшинств России...

В марте 1936 г. подписался на архангельскую газету «Правда Севера»:

«будто бы потому что там живут его родители и он желает знать о них правду»⁴⁸

В эмиграции Мосшег встречался с Петлюрой, Жаковым... Надо думать не только для чаепитий.

Жизнь и работа Мосшега, взаимодействие с Сорокиным, борьба за освобождение поработанных народов России – тема отдельной книги...

В Риге действовал старый друг Сорокина М. Лазерсон, ставший депутатом латвийского сейма, в Праге – Шаповал, в Париже – Гучков, Мельгунов...

Вполне возможно, что всю эту антибольшевистскую работу координировал глава «белогвардейского департамента» Гарвардского университета П.А. Сорокин.

Когда в СССР начались гонения на ученых аграрников, в числе которых был и друг Сорокина Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин обращался за помощью к С. Харперу и др. американским ученым.

После возникновения «дела ТКП» во главе с Кондратьевым и Чаяновым Б. Бруцкус пытался организовать кампанию общественного протеста западной интеллигенции в их защиту. Привлечь немецкие научные круги... Вел переписку об организации защиты с Е.Д. Кусковой:

«Напишите крепкое письмо Питириму Александровичу Сорокину. Он человек энергичный, и он это сможет наладить. Кондратьев его старый друг. Побраните его в кредит, что он мало делает»⁴⁹

Неизвестно, написала ли Кускова своему многолетнему оппоненту Сорокину, но немецкие ученые с протестом выступили.

С протестом против массовых расстрелов в СССР в связи с убийством Кирова на митинге в Нью-Йорке выступила Александра Толстая...

Весь мир следит за сталинскими процессами 1936–38 годов...

С Запада идут протесты. А что Сорокин?

Сорокин в своих мемуарах об этом умалчивает... Зато с удовольствием цитирует бостонскую газету о самом себе:

«...имеет завидную репутацию человека с самым богатым винным погребом Гарварда».⁵⁰

Видимо Сорокин внутренне переходил на позиции Барбюса, Ролана, Шоу...

В 1930-х он уже не ездит из штата в штат, из города в город, объясняя американцам, что такое коммунизм...

Роль антикоммуниста №1 в США перешла к Александре Толстой. В своих воспоминаниях она пишет:

«В 1939 году ранней весной, на квартире последнего русского посла, Бориса Александровича Бахметьева, было созвано первое организационное собрание в составе Б.А. Бахметьева, Б.В. Сергиевского, С.В. Рахманинова, графини С.В. Паниной, друга бывшего президента Хувера д-ра Кодтона, профессора М.А. Ростовцева, присяжного поверенного Гревса, Т.А. Шауфус и меня.

В память моего отца, Л.Н. Толстого, решено было назвать комитет Толстовским фондом, и он был зарегистрирован в нью-йоркском штате 15 апреля 1939 года».⁵¹

С призывом к Госдепартаменту США воздержаться от закупок в СССР в знак протеста против царившего там произвола выступили 110 русских эмигрантов...

Сорокин с Толстовским фондом сотрудничал. Следы остались в его канадском архиве:

«Толстая А.: [1939, окт. – 1940, сент., 6 прилож.]: Благодарность президента фонда Л. Толстого во Франции П. Сорокину за оказанную им помощь профессору Г. Гурвичу и некоторым другим русским ученым в Америке; просьба к П. Сорокину оказать финансовую помощь русским ученым, живущим во Франции».⁵²

«Tolstoy Foundation. [September, 1949–1958. 8 items] Correspondence re: an invitation for Sorokin to attend the laying of the cornerstone of the new Tolstoy Building; a request for Sorokin to issue Affidavits of Support for the Kapralov family and Miss M. Malceva; Sorokin's inability to give Affidavits».⁵³

...В годы войны в Германии оказался, прошедший через сталинские тюрьмы знакомый Сорокина по «Заветам» и др. Р.В. Иванов-Разумник.

12 мая 1942 г. С.П. Постников писал ему из Праги в лагерь для Volksdeutsche в г. Конигц (Konitz) в Западной Пруссии:

«В большие люди в Америке вышел Сорокин. Он заведует целым социологическим факультетом. Написал много книг. Но вся его социология – американская механизированная. При встрече можно рассказать много интересного о нем, о том как он работает и пишет. Но Зырянин в нем нет-нет да и покажется».⁵⁴

После разгрома гитлеризма Иванов-Разумник, как и многие, пытался попасть в США. Публикатор его переписки О. Раевская-Хьюз пишет:

«Профессор Гарвардского университета Питирим Сорокин (см. о нем примеч. 20 к письму 7 Постникова в наст. изд.), получив от представителя UNRRA сообщение о необходимости помощи с переездом Иванову-Разумнику, пишет ему письмо (31 января 1946 г., посланное через UNRRA), в котором предлагает выслать продуктовую и вещевую посылки, сетует, что Иванов-Разумник не «известный Америке профессор», которому можно было бы устроить университетские лекции, сообщает, что обращается в две русские организации в Нью-Йорке с просьбой о помощи Иванову-Разумнику, и указывает на «Новый журнал» как на возможное место публикации его работ».⁵⁵

Не осуществилось. 18 марта 1946 г. Р.В. Иванов-Разумник умер в Мюнхене...

Более удачливый Владимир Набоков писал 8 мая 1944 г. из Кембриджа в Нью-Йорк – Р. Гринбергу о статье Сорокина «Причины войны и условия мира» («Новый журнал».* 1944. №7)

* Редактором был Михаил Карлович, коллега Сорокина и Набокова по Гарварду. В «Новом журнале», выходящем в Нью-Йорке и поныне опубликована всего одна статья Сорокина... Видимо, не сложились у него отношения ни с Карловичем, ни тем более с Романом Гулем (четким антикоммунистом)...

«Сорокин – c'est* а vomir. Интересно как болтун выдает себя в описании желательного «храма мира», где будут заседать более или менее католические священники, второсортные писатели-карьеристы, шарлатаны «ученые» вроде него самого и тому подобная пышная шваль».⁵⁶

И далее:

«Скучна весна в Бостоне с ее сдержанно зелеными деревьями и желтой однообразно цветущей форситии в палисадниках. О, ноздреватый снежок в весеннем овраге и молодая береза на шестом месяце»⁵⁷

§10. Переписка с Б.Л. Бразолем. 1933–1936

...В Вашингтоне, округ Колумбия, в библиотеке Конгресса США хранится личный фонд Л.Б. Бразоля.

В библиографическом словаре Е.А. Александрова «Русские в Северной Америке» о нем столбик в три с половиной строки. Даже дат жизни не удостоен.

«БРАЗОЛЬ Борис Львович – председатель о-ва А.С. Пушкина, член Исполнительного комитета Рос. антикоммунистич. орг-ций в США» Лит. Воззвание Исполкома Рос. антикоммунистич. орг-ций в США // НРС. 1959. 28 авг.⁵⁸

Имени Бразоля нет в 6-томном собрании некрологов (более 50 тыс.) «Русские могилы»...

Бразоль Б.Л. (31.03.1885 с. Журавное. Ахтырский уезд Харьк. губ. по другим данным в Полтаве – 1963) – непримиримый антикоммунист. Участник студенческого социал-демократического движения, от которого отошел в

* Тошнотворен.

1905 г. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1908 г.

Судебный и военный следователь. Участник Первой мировой войны. За границей с 1916 г. Основатель и председатель «Союза единства Руси. Правое дело» (1919–1925). Эта организация в начале 1920-х вела интенсивную антикоммунистическую деятельность. Бразоль опубликовал три книги:

Socialism vs Civilization (1920).

The World at the Crossroad (1921).

The Balance sheet of Sovietism (1922).

Книга «Мир на перепутье» была издана в Белграде в 1922 году (320 стр.) и получила широкую известность.

Бразоль был русским юристконсультантом федерального Генерального прокурора правительства США. Членом Международной криминологической академии в Вене...

В 1929–1932 гг. обследовал европейские криминологические институты и тюрьмы для криминологической комиссии Колумбийского университета.

Создатель Пушкинского общества в Америке (1935) и его бессменный председатель. Общество также проводило юбилей Гоголя. При нем был создан Гоголевский юбилейный Комитет (1952).

Б.Л. Бразоль активно сотрудничал в русской прессе США и был представителем великого князя Кирилла Владимировича в этой стране. Редактор газеты Форда «Дирборн Индепенденс».

20 марта 1933 г. Бразоль послал письма одинакового содержания **П.А. Сорокину, Г.В. Дерюжинскому, Л.И. Страховскому, А.П. Демидову**.^{*} Всего около 20 писем. С просьбой помочь «Русской газете»^{**}, **«существование которой является залогом русского национального единства в Америке»**.

Ответ Сорокина:

22 марта 1933

Глубокоуважаемый коллега.

Простите великодушно, что опять по своей дырявой памяти забыл Ваше отчество. Просто неловко,

^{*} Демидов Александр Петрович (1893 Ташкент – 1961. Форклед Ривер под Нью-Йорком) – врач. Учился в университете им. Шанявского. Один из создателей Ташкентского университета. В конце 1920-х через Персию бежал из СССР. С 1930 г. жил в США.

^{**} «Русская газета» (Нью-Йорк) – орган Центр. правления объедин. рус. нац. орг-ий (1930?–1934?).

но ничего не поделаешь. Ваше письмо поставило меня в затруднительное положение по двум причинам.

Во-первых, я не имею ни малейшего представления о «Русской газете» упоминаемой Вами. Во-вторых, мои скромные личные ресурсы (не сумма, даваемая мне для помощи в моих исследованиях, которую ни на что другое, и ничего для себя я не могу тратить, и трата которой позволяет мне давать работу для ряда русских ученых в Европе и таким образом косвенно помогает им) в настоящее время настолько напряженны, что при всем желании помочь новому хорошему делу, я просто не могу: (ничтожная сумма в виде подписной платы, etc. – это в счет не идет) слишком много «commitments» и здесь и в Европе, и в России. Вы сами прекрасно знаете, как много нужды и организаций коим приходится и нужно помогать (и Русских за границей, и Русских в России, и американских) и как рассчитывают на посильно-скромную лепту, раз она была обещана или посылалась раньше. Так как мой доход только жалованье, в конце концов, из него не выжмешь многого.

Я очень жалею, что принужден дать такой ответ, но «на нет и суда нет».

Прочел с удовольствием Вашу длинную записку Рузвельту и рад, что Вы пытаетесь бороться против течения (в том смысле, что почти весь мир стал сумасшедшим и от сумасшедших трудно ожидать несумасшедших действий и убеждать их доводами здравого смысла).

Я почти прекратил выступления по русскому или политическим вопросам (кроме моих университетских лекций и частных бесед с влиятельными людьми).

Ушел в работу, пытающуюся понять смысл и природу того, что делается теперь – и делалось раньше. Если что-либо из нее выйдет – даже отдаленно похожее на то, чем она должна быть – тогда может быть и моя лепта за эти годы будет внесена и мое «монастырское уединение» будет оправдано.

Искренне Ваш,
П. Сорокин⁵⁹

Выходит, что Сорокин в своих лекциях нарушал завет Макса Вебера:

«Политика не должна иметь места в аудитории, <...> пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории» (Зима. 1918 г. Мюнхенский университет. Доклад «Наука как призвание и профессия»)

И насколько эффективны были выступления Сорокина в аудитории «по русскому или политическим вопросам»... В частных беседах, не очень.

Бразоль, видимо, смог привлечь Сорокина к кампании против признания СССР. В личном фонде Бразоля хранится телеграмма Сорокина из Винчестера Бразолю в Нью-Йорк от 03.05.1933:

**«Thank. Yes»
Sorokin**

И ответ Бразоля:

**3 мая 1933
«Дорогой профессор Сорокин я получил Вашу телеграмму «Thank. Yes». В субботу 6 мая ночным поездом я еду в Boston и встречу Вас в воскресенье 7 мая в 12-30 в главном холле Copley Plaza.
Спасибо вам за ваше внимание к моей просьбе».**

В этом же файле **«Кампания против признания Советов»** в архиве Бразоля хранится вырезка из «New York Times» (May 17. 1933).

**«Признание России.
Редактору.**

В «Нью-Йорк Таймс» от 15 мая профессор Дьюи, Джером Дэвис, профессор Гиллин и 32 других, которые послали мистеру Рузвельту петицию, трубующую признания СССР. <...> Хочу привлечь внимание Ваших читателей, что в штате Массачусетс через сенатора Уолеса президенту Рузвельту была представлена петиция против признания сталинского режима, которую подписали 650 тысяч человек».

В мае, в недатированном письме Бразоль писал П.И. Страховскому в School of Foreign Service (Georgetown University. Wash. D.C.)

«В июне в Вашингтоне будет создан Русский Национальный Комитет. Председатель не Вы, но у Вас должен быть полный контроль. Цель комитета:

а). Открытая борьба против большевизма, социализма и прочая.

в). Открытая оппозиция признанию US Советской России.

с). Обеспечить американцев точной и полной информацией о Советах».⁶⁰

Борьба за непризнание СССР была проиграна, но в посильных делах Сорокин продолжает помогать Бразолью. Из Гарварда в Нью-Йорк.

10 ноября 1934.

«<...> Главная библиотека в Widener не имеет экземпляра Вашей «Mighty Three»*. Я говорил 3 раза Кроссу и не удивлюсь, если она до сих пор не заказана. Книга, конечно важна для студентов, изучающих литературу и славянскую культуру, однако, вне области социологии соответственно нашим правилам факультет не может заказывать для себя. Но я буду пытаться увидеть мистера Кросса и еще раз напомню ему, что Ваша книга теперь доступна.**

P.S. 13 ноября.

Сегодня я видел мистера Кросса и просил его заказать книгу для библиотеки и он обещал мне сделать это. Он заметил полушутливо, что не заказал книгу до сих пор так как ожидал получить добавочный экземпляр, как это было в случае с «Достоевским» Ярмолинского.

Я шутливо ответил, что независимо от того, получит ли он добавочный экземпляр или нет, он должен заказать книгу для Widener, потому что я хочу читать ее».⁶¹

* Книга Бразоля «Могучая тройка». (Пушкин, Гоголь, Достоевский) издана в 1934 г. в Нью-Йорке на английском языке.

** Кросс Сэмюэль Хаззард (1891–1946) – славист-медиевист. Профессор Гарвардского университета.

С конца 1934 г. в связи с приближением 100-летия гибели Пушкина Бразоль активно действует по организации Пушкинского Комитета. Привлекает Сорокина.

Сорокин Бразолю.
Из Гарварда в Нью-Йорк.

13 декабря 1934.

«Я буду рад служить в Комитете по организации юбилея Пушкина. Других русских, которые могут быть в Комитете Вы знаете также как я. Я могу упомянуть: Ростовцев, Сикорский, Тимошенко, Кусевицкий, Рахманинов, Карпович, Васильев, Вернадский и Патрик из Калифорнии (Patrikeev)*.

Из нерусских профессоров я предлагаю:

S.H. Cross Samuel

R.P. Blake (директор нашей библиотеки)

Harper S. – профессор университета Чикаго и несколько других.⁶²

28 декабря 1934.

<...> Идея иметь отдельный американский комитет очень хороша.

Я рекомендую Вас в Председатели Комитета, если Вы согласны. Секретарем должен быть кто-то близкий к председателю, чтобы работать рука об руку. Вы должны выбрать. Я голосую за Вас как за председателя не по нашей личной дружбе, я потому что переводами Пушкина и статьями о нем Вы сделали для дела Пушкина и русской литературы, вероятно, более чем кто-либо другой»⁶³

31 декабря 1934 г. Бразоль писал Сорокину, что по его совету послал письма Ростовцеву и Вернадскому, но ответов нет:

«Возможно добавочные письма от Вас ускорят их присоединение к нашему Комитету»⁶⁴

Сорокин – Бразолю:

* Возможно Patrick George – профессор. Автор учебников по русскому языку.

20 февраля 1935.

«Я только что говорил с доктором Кроссом, профессором славянских языков в нашем университете. Карпович знает американских профессоров, которые могут служить в американской секции Комитета лучше чем я.

Я могу предложить для членства профессора Blake, директора нашей College Library, его главной graduate Work была работа по русской истории и его жена русская.

Среди других персон интересующихся Россией: доктор Bruce, Harper и H.W.C.Dana. Доктор Dana официально не связан с Гарвардом и, как симпатизант коммунизму, вероятно, не подойдет.

Доктор Харпер – один из тех, кто потерялся между коммунистами и некоммунистами. Он много пишет и говорит о России. Несколько лет назад он симпатизировал коммунизму. Но с тех пор его позиция изменилась. Насколько сильно я не знаю. Мое впечатление, что ныне он очень далек от коммунизма. Профессор Карпович должен знать об этом больше чем я.⁶⁵

7 марта 1935.

<...> доктор Кросс сказал мне, что готов служить в нашем комитете. Профессор Blake, однако, очень занят в настоящее время и поэтому не готов служить.⁶⁶

В письме от 3 декабря 1936 г. Бразоль просит Сорокина поговорить с Кусевицким:

«Дать Пушкинский концерт и тогда не будет проблем с заполнением Карнеги холла».

Сорокин моментально отвечает:

4 декабря 1936.

<...> Кусевицкий сказал, что сам не против, но оркестр не его и любой добавочный требует времени и денег. Обычно большое количество. Оркестр дает более чем сотню концертов с примерно 200 репетициями. Любой добавочный концерт почти

физически невозможен для оркестра, чья программа и так переполнена.

Желая помочь он рассматривает вопрос посвятить Пушкину один из своих regular концертов (которые он дает дважды). Он планирует сделать это в Бостоне, но возможно, в Нью-Йорке. Здесь нет extra time, рах или special work, которые были бы нужны в случае добавочного концерта. Это все, что он может сделать при данных обстоятельствах»⁶⁷

19 февраля 1937 г. Сорокин пишет Бразолю:

«Благодарю за экземпляр Вашего превосходного выступления о Пушкине.* Вчерашний концерт Бостонского симфонического оркестра, а также сегодняшний и завтрашний посвящены Пушкину.

Вчера, перед концертом я выступил с краткой речью о Пушкине в качестве введения к концерту в Sanders Theater».

И приписка по-русски:

«Ваша речь отлична»⁶⁸

Переписка Бразоля и Г.А. Знаменского** содержит дополнительные сведения.

Бразоль – Знаменскому:

18 апреля 1936 г.

До сих пор в Бостоне, этом культурнейшем центре США не создан отдел Пушкинского Комитета. Карпович и Сорокин в полной мере сочувствуют комитету, но не смогли взять на себя работу по организации отдела. Сорокин очень дружен с Кусевицким и обещал мне склонить последнего дать в начале 1937 г. в Бостоне симфонический концерт, посвященный русской музыке, написанной на русские темы. Карпович посоветовал мне просить Вас взять на себя труд по организации отдела. Члены

* Бразоль Б.Л. Речь произнесенная председателем Пушкинского комитета в Америке Б.Л. Бразолем на торжественном собрании, посвященном памяти А.С. Пушкина 24 января 1937 года, в Интернационал Хаус в Нью-Йорке. Нью-Йорк. 1937 - 7 стр.

** Знаменский Георгий Александрович (1890 хутор Тиховский стан. Станица Мигулинская. Область Войска Донского – 1975. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль. Нью-Йорк). В США с 1923 г. Окончил Гарвардский университет и преподавал там русский язык.

Пушкинского Комитета, находящиеся в и около Бостона.

- 1. Профессор Николай Андреевич Бородин.**
- 2. Профессор Михаил Михайлович Карпович.**
- 3. Профессор Питирим Александрович Сорокин.**
- 4. Князь Лев Константинович Туманов (Hampock. New Hampshire).**
- 5. Князь Ираклий Константинович Туманов.**
- 6. Знаменский Георгий Александрович (Бостон).⁶⁹**

Знаменский с удовольствием откликнулся уже 22 апреля, но мало чем порадовал...

Бразоль – Знаменскому:

23 мая 1936

«<...> С грустью приходится констатировать, что часть русской интеллигенции продолжает с безнадёжной тупостью переживать жвачку керещины и февральской революции <...> Ничего не остается делать как ждать возвращения Карповича».⁷⁰

Вероятно, Бразоль был расстроен малым количеством русских, пришедших на оргсобрание отдела Пушкинского Общества в Бостоне.

Об этом писал ему Знаменский:

20 мая 1936.

«На организационное собрание были приглашены: 1) члены «Русского клуба» в Бостоне (Председатель – Карпович). В этом клубе почти вся наша местная интеллигенция. 2) приглашены не состоящие в клубе П.А. Сорокин, С.Г. Елисеев, Берестневы*, русский адвокат г. Кацединс?), он же и представитель общества «Знание» (Организация старой колонии). 3) представители православных приходов в Бостоне с их настоятелями и г. Челси во главе с настоятелем-протоиереем Максимилианом Антонишиным. Пришло 20 человек»⁷¹

Знаменский – Бразолю:

* Берестнев Алексей Александрович (? – 1952 Сиракьюз, шт. Нью-Йорк) – доктор, инженер. Берестнев Борис Александрович (? – 1952 Бостон) – инженер. Брат А.А. Берестнева.

26 мая 1936.

«Сорокин заявил мне, что оркестр Кусевицкого не дает никаких благотворительных концертов. Раньше сам Кусевицкий давал свои концерты как virtuoso на контрабасе. Теперь ряд лет он не практиковался и поэтому не может дать. В будущем сезоне он, вероятно, посвятит один из концертов (в регулярной серии) Пушкину. Вот и все. <...> Карпович тоже хорошо знаком с Кусевицким и если отдел будет организован я переговорю с Кусевицким».⁷²

Интересен еще ряд сведений из переписки Б.Л. Бразоля.

И.В. Емельянов (Из Wash. D.C.) – Бразолю.

13 января 1935.

«Я очень польщен предложением принять участие в работе Пушкинского Комитета <...> напоминает очень живо годовщину со дня его рождения, которую я помню с моей юности, в то время я был в Тобольске»⁷³

Бразоль – А.А. Васильеву.

15 января 1935.

«Центральное правление Объединения Русских Национальных Организаций в Америке с Русским Национальным Комитетом в Париже взяло на себя почин по образованию в США Пушкинского Комитета.

Работу по формированию Комитета Ц. Пр. возложило на меня».⁷⁴

В тот же день И.В. Емельянову.

15 января 1935

Первое наше организационное собрание состоится 29 января в студии Г.В. Дерюжинского (New York).⁷⁵

В члены Пушкинского Комитета Бразолю удалось привлечь: Бахметьева Б.А., Бородина Н.А., Васильева А.А., Вернадского Г.В., Емельянова И.В., Карповича М.М.,

Колесникова В.С.*, Петрункевича А.И., Ростовцева М.М., Рашевского Н.П.**, Сорокина П.А., Страховского Л.И., Тимошенко С.П., Сикорского И.И.

В 1935 году, когда Бразоль начинал подготовку к Пушкинскому юбилею старая (до 1917) колония русских в США насчитывала до 1 млн человек. Новая – примерно 30 тысяч.

«Национальные комитеты» – ЦПОРНО (Центральное правление Объединенных Русских Национальных Организаций) были созданы в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Сиэтле, Кливленде, Вашингтоне, Детройте.

В Бостоне, видимо, не удалось.

Партгруппировки – социалисты, младороссы, легитимисты...

Продолжает появляться имя П.А. Сорокина и в «Нью-Йорк таймс»...

1. Repts on study of war to Amer. Assn for Advancement of science. 1933. Dec.29. 17:5.

2. Sorokin (Dr) S. at Amer. sociological Soc. meeting NYC, attacks social planning. 1935. Dec.31. 8:2.

3. Social and Cultural Dynamics. 1937. Je.20. V1. 1:1 Review.

4. Repts on Survey of social and cultural movements. 1937. Apr.21. 25:8. ed. Apr.26. 18:4.

5. Comment on survey. 1937. 1r. My23. IV 9:4.

6. On Dr P.W. Bridgman's barring scientists of totalitarian states from Laboratory. 1939. F.20. 2:2.

7. Ed on study of daily activities of 103 WPA workers. 1939. F.28. 18:3.

8. Book. Time Budgets of Human Behavior, discussed. 1939. My.28. III. 4:2.

9. On aproaching world crisis. 1940. Ag.4. II 4:7.

10. On US coll student morals. 1940. Nov.22. 25:3.

11. Comment on his view on US coll student morals. 1940. 22. 25:2.

12. S. on sociology. Amer. sociolog. soc. 1940. Dec.30. 19:4. ed Dec.31. 14:4.

* Колесников Владимир Степанович (1899 Самара – 1972) – экономист, журналист. При Керенском в 1917 – начальник управления по снабжению населения продовольствием. Министр иностранных дел Дальневосточного правительства. В США с 1921. Первый председатель РООВА (1926). в 1934–35 – преподаватель русской литературы в университете Дж. Вашингтона.

** Рашевский Николай (? Черниг. губ. – после 1965) – биолог-математик. В 1934–35 – Рокфеллеровский стипендиат в университете Чикаго. В 1947–1965 преподавал там математическую биологию.

13. **Crisis of Our Age.** 1941. Nov.23. VI. 9:1. Review.
14. **Man and Society in Calamity.** 1942. Oct.26. 13:1. Rev.
15. **Man and Society...** 1943. Feb.7. VII. 4:2.
16. **Russia and the United States.** 1944. F.19. 11:4. Rev.
17. **Russia and the United States.** 1944. F.27. VII. P.1. Rev.
18. **S. on state of Soc. Science. Philosophy and Religion Conf.** 1944. Sent.11. 17:2.
19. **Society. Culture and Personality.** 1947. Ag.17. VII. 4:1.
20. **Reconstruction of Humanity.** 1948. Ap.18. VII. 21:2.
21. **Education. Foundation for integrated. Meeting NYC; rescarch projects outlined; project dirs and coordinating. bd. listed.** 1949. Ap.29. 24:4.
22. **Atomic energy international control. US citizens group urges pact for halt ownership of sources but strict inspection and destruction of weapon stuckpiles.** 1950. Je.12. 8:3.
23. **Peace Information Center repts 600 more Amer. sign. Partialist.** 1950. Ag.14. 18:2.
24. **Social Philosophies of an Age of Crisis.** 1951. Ja.14. VII. 3:1.
25. **Dr. Sorokin to retire as a teacher.** 1955. Mr.24. 17:2.⁷⁶

Политических заявлений нет...

Возможно они есть в «Новом русском слове» или, что более вероятно, в органе ЦПОРНО газете «Россия». Эта газета издавалась под редакцией Н.П. Рыбакова в Нью-Йорке с 1933 г. С 16 марта 1935 по 1967 г. была ежедневной. Цель газеты – общерусское национальное объединение и освободительная борьба...

Еще более удивительно молчание Сорокина в «Дальней дороге» о периоде второй мировой войны...

О своей встрече с П.А. Сорокиным упомянул в своих «мемуарах» советский агент А.С. Феклисов (Фомин), работавший под «прикрытием» должности 3-го секретаря советского Генконсульства в Нью-Йорке:

«Волею судьбы за время своей работы в США я несколько раз встречался с Питиримом Сорокиным. Осенью 1942 г. я прилетел в Бостон для выступления на митинге, организованном местным Комитетом помощи русским в войне. На аэродроме меня встретили представители комитета, среди которых оказался и Питирим Сорокин. Поздоровавшись со мной и назвав себя, он выразил сочувствие в связи с предательским нападением на СССР фашистской Германии.

По пути к автомобилю Питирим Сорокин признался:

– Я давно позабыл все обиды и делаю все возможное, чтобы хоть на толику облегчить страдания моего народа. Вы первый советский человек, с которым я разговариваю в США.

Питирим Сорокин был членом исполкома бостонского отделения Комитета помощи русским в войне. На митинге он сидел в президиуме, но не выступал. После митинга я распрощался с организаторами и ночным поездом уехал в Нью-Йорк».⁷⁷

В 1946 г. Феклисов, вероятно, в связи с изменой Игоря Гузенко, как и многие другие советские агенты был отозван из США...

Явно заданно написал о Сорокине в своих воспоминаниях посол СССР в США в 1943–1946 гг. А.А. Громыко:

«На приемы в советское посольство всеми правдами и неправдами проникали иногда и непрошенные посетители. Для этого они использовали официальные приглашения, которые адресовались нашими товарищами, ведавшими протоколом, естественно, не им, а их знакомым. Выклянчив такую пригласительную карточку, они оказывались в здании посольства СССР в Вашингтоне. Видимо, подобным образом и очутился в наших стенах известный эмигрант из России Питирим Сорокин.

Когда ко мне на приеме подвели Сорокина, я крайне удивился. Откуда взялся этот человек? В прессе его имя не фигурировало, а в российских эмигрантских кругах он, думаю, не пользовался авторитетом.

Я не стал, как, впрочем, и другие советские товарищи, спрашивать Сорокина, как он попал на прием. Об этом мы и без разъяснений догадывались. Задал я ему другой вопрос:

– Не скучаете ли вы по родине?

Сорокин ответил:

– Мне очень трудно дать ответ, учитывая мое прошлое. Но Ленину я, конечно, глубоко благодарен за все, что он лично для меня сделал. Ведь он сохранил мне жизнь.

Задал я еще два-три вопроса о его делах, но по тому, как он уходил от ответов, понял, что Питирим Сорокин не очень-то и хочет распространяться о своем житье-бытье, да и сама обстановка, наверно, с его точки зрения для такой беседы была неподходящей.

Позднее мы выяснили, что своих политических взглядов Сорокин не изменил. Правда он, как и многие русские в годы войны, восхищался героизмом Красной Армии и советского народа, которые переломили хребет нацистскому зверю, но это вовсе не значило, что он стал на сторону Советской власти. Умер он в 1968 году».⁷⁸

В 1944 г. в Нью-Йорке (E.P. Dutton and Company, Inc.) была издана книга А.А. Сорокина «Russia and the United States». (253p.)

Заданная, соответствующая моменту книга... Само-рекламное предисловие... В мемуарах Сорокин о ней умолчал.

Отдельные верные строки:

«Царские тюрьмы были раем по сравнению с коммунистическим тюремным адом» (p.134)

«Любой компетентный историк этих режимов (коммунизм, фашизм, нацизм – Ю.Д.) знает, что Советская система тщательно изучалась и затем применялась нацистами. Так Гестапо было организовано по образцу ЧК. То же самое, но в меньшей степени относится к фашизму» (p.138)

Информативны реминисценции:

«Я трижды сидел в тюрьме при старом режиме. Первый раз в Кинешме, Костромской губернии. Не разрешалось заходить в кабинет начальника, пользоваться телефоном и т.д. В итоге тюрьма очень быстро превратилась в одно из самых безопасных мест в городе для хранения революционной литературы» (р.134)

Но... Сорокин оправдывает сталинскую агрессию против Финляндии в 1939 г. (р.43–44) и т.д. Выступил «открыто»...

М.М. Карпович отрецензировал труд Сорокина в «Новом журнале»:

«На протяжении сравнительно небольшого числа страниц автор дает и обзор основных тенденций русского исторического процесса, и характеристику эволюции советского режима, и историю русско-американских отношений, и прогноз будущего их развития. Картину свою автор пишет широкими мазками, и многие частности им только намечены.

Книга эта вызывает в русском читателе смешанные чувства. Нельзя не сочувствовать основной цели автора – доказать желательность и возможность тесных и дружеских взаимоотношений между Америкой и Россией. Нельзя не разделять и руководящего им чувства протеста против того огульно отрицательного отношения к русскому прошлому, которое все еще часто встречается в иностранной литературе о России. Но способы, избранные П.А. Сорокиным для выполнения его задачи, вызывают серьезные сомнения. Наряду с положениями бесспорно правильными и фактами неоспоримыми, в книге его зачастую встречаются положения спорные и фактически необоснованные.

Спорным представляется мне, прежде всего, его исходное положение, а именно, что для длительного и прочного политического союза, или даже для сохранения мира между двумя странами, нужно чтобы у них была не только общность интересов, но и общность «основных ценностей», и чтобы между ними существовала известная «конгенитальность». Мне кажется, что исторический опыт этого

положения не поддерживает. Равным образом, при всем моем сочувствии к стремлению автора подчеркнуть положительные явления в историческом прошлом России, я все-таки затруднился бы подписаться под его утверждением, что «взятое в целом, политическое устройство России, от 9-го до 20-го столетия, было фактически столь же демократическим, как правительственный режим большинства европейских стран» (стр. 89). Прежде всего в столь общем виде, и в применении к историческому процессу, занявшему целое тысячелетие, такое утверждение лишено всякого конкретного содержания. Что означает здесь слово «демократический»? П.А. Сорокин воздерживается от определения демократии, предоставляя своим читателям сделать это самим. Но те примеры, которые он приводит в доказательство своего утверждения, во многих случаях могут только увеличить их недоумение. Я не могу входить в подробности, но укажу лишь несколько примеров явного, на мой взгляд, преувеличения. На протяжении своей истории Россия, конечно, не была «тюрьмой народов», как это утверждают враждебные ей писатели, но все же, вопреки П.А. Сорокину, евреи не имели свободного доступа в «правлящий класс» России и направленные против них ограничения до конца не стали «в значительной мере мертвой буквой», равно как и поляки в России не были в более привилегированном положении, чем в Австрии. Точно также, каковы бы ни были успехи женской эмансипации в России – строго говоря, только новейшее время и преимущественно среди образованного класса, – в 15–17 вв. «затворничество» русских женщин не было «сравнительно более мягким чем в Западной Европе того же времени», и даже накануне революции я не могу припомнить в России «многочисленных имен» женщин-профессоров, адвокатов и директоров банков. И наконец нисколько не отрицая огромного прогресса, имевшего место в конституционный период, все же позволительно усомниться в правильности утверждения, что после 1906 года гражданские свободы в России были «столь же широки, как в большинстве демократических стран».

Та же тенденция к преувеличению наблюдается и в той части книги, в которой говорится о советской России. Исходя из бесспорного факта эволюции советского режима, автор приходит к выводам, неожиданным по своей категоричности. Конечно, положение церкви сейчас много лучше, чем в эпоху гонений, но можно ли все-таки сказать, что «в настоящее время религия и церковь в России свободны и изъяты из под государственного контроля» (стр. 114)? Правда, в другом месте автор оговаривается, что процесс освобождения церкви закончен только «на две трети», но и в таком виде его утверждение кажется мне излишне оптимистическим. Такое же сомнение вызывает во мне и заявление П.А. Сорокина относительно «демократического управления» в колхозах, ставших будто бы «всего навсего модернизированной формой старого национального учреждения – крестьянского мира и общины». Я не знаю вообще, на чем основано убеждение автора, что за время, истекшее с начала революции, «правительственное руководство и контроль над экономической деятельностью имели тенденцию к ослаблению». Как известно, своего апогея этот контроль достиг как раз в эпоху пятилеток, т.е. накануне войны. Столь же необоснованным кажется мне и утверждение, что в политической области Россия перешла накануне войны «от коммунистической диктатуры к национальной демократии». Ссылка на конституцию 1936 года – без упоминания о том, что эта конституция впервые дала формальное выражение политической монополии коммунистической партии – признаюсь, кажется мне мало убедительной.

Наконец, и в той части книги, которая посвящена истории русско-американских отношений, мы встречаемся все с той же смесью правильного и фактически неверного, бесспорного и весьма спорного. И уже во всяком случае вся совокупность данных, подобранных П.А. Сорокиным для доказательства особого взаимного притяжения между Россией и Америкой, не может упразднить того неоспоримого исторического факта, что с 18-го до начала 20-го века влияния английское, французское, немецкое в России были много сильнее американского, а в

Америке те же влияния в такой же мере сильнее влияния русского».⁷⁹

Книга «Россия и США» составлена из серии лекций, прочитанных Сорокиным во время войны перед американской публикой. Смысл книги – СССР и США должны и после победы иметь дружеские или даже сердечные отношения. В этой книге начало будущей «теории конвергенции» Сорокина – Тимашева...

Не только Сорокин и Тимашев (в 1946 г. он опубликовал книгу «The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia») стали «оптимистами» по отношению к СССР (Тимашев в меньшей степени чем Сорокин). Многие русские эмигранты, многие американские профессора, политики...

После окончания войны Сорокин продолжает сотрудничать с Толстовским фондом.

§11. Письмо Александры Толстой. 15.05.1946

**«Глубокоуважаемый Питирим Александрович,
Сегодня утром получила Ваше милое письмо и чек для ученых в Германии. Только что организовалось Общество, выделившееся из American Council of Voluntary Agencies, в которое Толстовский фонд вошел членом, имеющим право посылать продовольствие в Германию. Возможно, что организация, со всеми разрешениями на посылки в Германию, займет около месяца. Но зато на эту сумму денег, которые Вы прислали, вероятно, можно будет послать в пять раз больше продуктов, чем обыкновенной почтой. Пришлите мне открытку с указанием, как поступить. На днях мне пришла мысль организовать при Толстовском фонде Профессорский фонд. Я сейчас занята составлением письма, которое отдам mimeографировать, с обращением к русским**

и американским профессорам. Каждому профессору, список которых у нас имеется, мы пошлем по пять экземпляров такого письма, с просьбой дальше его распространить. Есть ряд американских профессоров, заинтересованных в русских ученых, которые с удовольствием придут нам на помощь, как в финансовом смысле, так и предоставлением аффидевитов. К этому обращению мы приложим список наиболее известных ученых в Германии, Франции и Австрии. Думаю, что создание такого Профессорского фонда сильно облегчит задачу как отдельным лицам, оказывающим помощь профессорам, так и Толстовскому фонду».⁸⁰

«Профессорский фонд» был создан. Его официальное название – Комитет по оказанию помощи русским ученым и профессорам, бедствующим в Европе. В состав Исполкома Комитета вошли: П.А. Сорокин, В.Н. Ипатьев, И.И. Сикорский, М.М. Карпович, С.П. Тимошенко, М.И. Ростовцев, С.А. Кусевицкий.

К работе комитета были привлечены многие американские коллеги, в том числе Нобелевский лауреат Лайнус Поллинг. Несколько сотен русских ученых, оказавшихся в Западной Европе на положении ДП и не желавших возвращаться в сталинскую Россию получили возможность приехать в США.

Из письма А.Л. Толстой И.С. Шмелеву известно, что Сорокин помогал старейшему писателю русской эмиграции, с которым в 1923 г. свидетельствовал против большевиков на процессе в Лозанне и чью повесть «Солнце мертвых» цитировал в «Социологии революции»...

Шмелев умирал... Во въезде в США ему было отказано, «Новый журнал» и «Новое русское слово» его печатать бы не стали:

12 января 1950

«...пока что я только добиваюсь того, что в Ваш фонд поступили небольшие суммы от Бахметьева, Сергиевского, профессора Ипатьева, Сорокина, но все это очень мало, и эти деньги я Вам сейчас высылаю частями».⁸¹

Иван Сергеевич Шмелев умер 24.06.1950 в Бюси-ан-от во Франции...

§12. Письмо Л.Ф. Зурову

Сорокин поддержал Л.Ф. Зурова, которому писал:

**«Ваш «сочный» язык и Ваш талант живо вос-
кресли ряд знакомых картин, типов из собствен-
ной жизни, хорошо знакомых мне, но забытых за
все эти годы жизни вне России. Я испортил свой
русский язык и потому просто удивляюсь, как Вы
смогли не только сохранить его, но выработать Ваш
красочный стиль».**⁸²

Перестал быть Иваном, но не стал и Джоном... Тима-
шев по-английски говорил гораздо лучше Сорокина...

И.К. Окунцов* красочно описал русскую эмиграцию
1920–30 гг. в США:

**«Нет культурно-просветительных деятелей. Низок
культурно-общественный уровень русской эмигра-
ции. Для иллюстрации можно взять г. Бостон с окру-
жающими предместьями, как Челси и Кэмбридж.
Там достаточно русских интеллигентов. Наберется
несколько сот. Иные из них не только с русским
высшим образованием, но и с американским. В Гар-
вардском университете имеются русские профессора
как Питирим Сорокин, Омельченко. Рядом с этой
интеллигенцией живут многочисленные русские
организации с большим членским составом. Наибо-
лее деятельное из них – общество взаимопомощи
«Знание», в котором до ста членов. У «Знания» нет
даже своей библиотеки. Доклады, лекции, учеба –
больное место «Знания». А рядом группы русских
профессоров и студентов, не приближающихся к**

* Окунцов Иван Кузьмич (1874 п.Тонтай, Забайкалье – 1939 Нью-Йорк) – журналист и обществ. деятель. В 1906–1917 – в США. В 1917–21 в России. С 1921 г. в США. Первый историк русской эмиграции в Северной и Южной Америке. Труд опубликован его вдовой Н.Бирской-Окунцовой почти через 30 лет после смерти автора...

организациям. Чувствуется раздробленность и кастовая нетерпимость»⁸³

В 1907 г. в Нью-Йорке Окунцов создал первую регулярную русскую газету «Русский голос» (в 1907 переименована в «Русское слово», в 1919(?) – в «Новое русское слово»). Окунцов в 1921 г. некоторое время был ее редактором. В 1922 г. газету возглавил (до смерти в 1973 г.) Марк Вейнбаум...

Окунцов пишет с явной обидой на своего преемника:

«Как редакция «Русского Слова» после войны ни окружала себя знатью, ничего не помогло. Редакция забыла про главное – про русскую колонию, которую жила. В те годы для «Русского Слова» работали знатные люди: профессора Голштейн* и Сорокин, Оберучев, Дымов, Яковлевич, прозванный «редактором в гамахах», Крынкин, М.М. Волков, Семеновский, Ингерман, И.Л. Толстой, Оскар Норвежский, генерал В.А. Яхонтов, А.Н. Сахновский и др. Ничто не помогло и газета сходилась на нет. И если бы не спас ее Окунцов, только что вернувшийся из Советской России, «Русское Слово» не существовало бы».⁸⁴**

Еще до отъезда в США в 1917 г. Окунцов вновь организовал издание «Русского голоса» (№1 – 1.02.1917) Сразу после Октябрьского переворота газета заняла четкую просоветскую позицию. Поэтому Окунцов и был выслан в Россию... Место редактора занял Д.З. Крынкин***... Многолетним советским агентом был другой сотрудник «Русского голоса» – С.Н. Курнаков...

О нем и его сыне Н.С. Курнакове бывший генерал-майор КГБ СССР О.Д. Калугин писал:

«Так мы познакомились с семейством Курнаковых. Глава ее, Николай, работал директором вещания

* Голштейн Иосиф Маркович (1868–1939 Нью-Йорк) – доктор политэкономии. Преподавал в Моск. у-те. После 1917 г. – в США.

** Яхонтов Виктор Александрович (1881 СПб – 1978 Москва) – генерал-майор. С 1921(?) в США. Многолетний советский агент. В 1975 г. вернулся в СССР. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры в Ленинграде.

*** Крынкин Давид Захарович (1889–1959 Нью-Йорк) – врач. Урна с его прахом захоронена в Москве на Новодевичьем кладбище. Почет больший чем ликвидатору Троцкого – герою Советского Союза Рамону Меркадеру (Кунцевское кладбище).

на США. Родился он в Бруклине в семье эмигранта – белого офицера, покинувшего Россию во время гражданской войны. Отец люто ненавидел большевиков до тех пор, пока его не захватила волна антифашистских настроений, поднявшаяся в Америке в тридцатые годы. Тогда-то к нему и «подъехала» резидентура НКВД в США. В течение нескольких лет Курнаков-старший помогал спланировать патриотическое движение в поддержку Советской России, издавал газету просоветского толка. Когда на советско-германском фронте стало совсем туго, он устроил сыну нелегальное прибытие в СССР для вступления в действующую армию. После демобилизации Николай попал в Радиокомитет в качестве диктора, да так и остался там. Отец же по окончании войны, после того как в США развернулась травля коммунистов и попутчиков, вместе с женой получил разрешение вернуться в Советский Союз. В течение нескольких месяцев они жили на даче МГБ под Москвой, где подвергались интенсивной проверке. Отец не выдержал тягостной обстановки недоверия и тяжело заболел. Незадолго до кончины он написал письмо Сталину, в котором выразил непонимание происходящего вокруг него и попросил решить, наконец, проблему устройства на постоянное жительство в СССР. В 1948 году Курнаковым дали двухкомнатную квартиру в районе «Сокола», но эта радостная весть застала в живых только вдову и сына». ⁸⁵

Все семейство Курнаковых похоронено на Новодевичьем кладбище в Москве. ⁸⁶

Упоминает Окунцов в своей книге еще одно издание, к которому имел отношение П.А. Сорокин.

«РУССКОЕ ДЕЛО» (А.В.С.), ежемесячник, с марта 1929 года. Редактор Я.И. Лисицын. На русском и английском языках. Деньги на это издание были даны П. Громовичем, М. Зварикой, В.(*Sic* – Ю.Д.) Карповичем, И. Сикорским, П.А. Сорокиным, Р.И. Шелаем и Я.И. Лисицыным. **Закрыт**». ⁸⁷

На «патриотические» позиции советского толка Сорокин перешел еще до нападения Германии на СССР. Уж, если агрессию Сталина против Финляндии поддержал...

У его бывшего студента по Петроградскому университету, с 1931 г., работавшего в Гарварде Василия Леонтьева была другая позиция.

Эстелла Леонтьева пишет:

«...как бы мимоходом он объявил, что собирается в Финляндию сражаться вместе с Финнами (дело было весной 1940) против вторгшихся Советов. Он часами изучал газеты на многих языках, обсуждал это предприятие с Вакаром*, другом эмигрантом, которого встретил в Widener Library и пытался склонить его присоединиться к крестовому походу для освобождения Финляндии, или по крайней мере Карелии. Вакар отвечал, что они оба не так молоды, что в любом случае для Финляндии мало надежды, что сама Европа в величайшей опасности. Мы неделями разубеждали его. Он был вынужден отступить перед слезами мамы. Он любил эту маленькую северную страну...»⁸⁸

...Советы Леонтьева помогли Рузвельту вывести страну из «Великой депрессии» начала 1930-х. В 1941 г. было издано исследование Леонтьева «The Structure of the American Economy 1919–1929», за которую в 1975 г. он получил Нобелевскую премию...

Еще ранее, в 1971 г. Нобелевскую премию по экономике получил другой выходец из России, профессор Гарвардского университета с 1959 г. Саймон Кузнец...

§13. Письма Ф. Тённису. 1935

...11 апреля 1936 г. в Киле умер Фердинанд Тённис, отставленный наци в 1933 году от преподавания.

Сохранилось два письма Сорокина к нему за этот период:

* Вакар Николай Платонович (1894 Тульчин Подольской губ.(По др. данным Киев) – 1970 Сарасота, Флорида) – юрист, журналист, историк.

№1

Берлин
1 сентября 1935 г.

Профессор Ф. Тённис,
Киль.

Дорогой Профессор Тённис,

Мои поездки по Америке и Европе помешали мне поздравить Вас с Вашим 80-летием до 26 июля. С некоторым опозданием я шлю Вам мои самые сердечные поздравления и наилучшие пожелания еще многих лет Вашей в высшей степени творческой и полезной научной и практической деятельности. Я только один из множества тех, кто во всем мире уважает Вас и восхищается Вашей необычайно плодотворной и замечательной жизнью и Вашими достижениями. Пусть они продолжают еще долгое, долгое время!

Я приехал в Берлин вчера и завтра отправляюсь в Бремен, чтобы отплыть на «Европе» в Соединенные Штаты.

С глубочайшим уважением

Искренне Ваш
П.А. Сорокин.⁸⁹

№2

Гарвардский Университет
Факультет Социологии
Кембридж, Массачусетс, США
Эмерсон Холл
22 октября 1935 г.

Профессор Фердинанд Тённис,
Университет г. Киль
Киль, Германия.

Дорогой Профессор Тённис,

Я только что получил Ваше письмо от 8 октября. С сожалением сообщаю, что Ваше первое письмо, о котором Вы упоминаете, я не получил, и оно, вероятно, потерялось.

Что касается условий перевода Вашей книги «*Gemeinschaft und Gesellschaft*», я плохо знаком с такого рода вещами, и мне трудно давать советы в этом вопросе. Я не знаю, продолжал ли Д-р Лумис,

который был последние несколько месяцев занят своей книгой «Циклы семейной жизни», работу над переводом и сможет ли он найти американского издателя на условиях, которые Вы выдвигаете. Я буду рад сообщить Д-ру Лумису о Ваших условиях, но это все, что я могу сделать в настоящее время.

Я уверен, что если перевод будет закончен, и если будет найден американский издатель, Д-р Лумис будет рад направить Вам свой перевод для правки и одобрения.

С наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш
П. Сорокин.⁹⁰

Два послевоенных письма Сорокина в Париж профессору В.Н. Сперанскому:

§14. Письма В.Н. Сперанскому. 1946

№1

15 января 1946.

Дорогой Валентин Николаевич,

Рад был узнать, что Вы живы, благополучны и работаете. По нашим временам это уже большой успех.

Я не считаю себя компетентным в области экономики и не думаю, что мое мнение может иметь значение, но с интересом познакомлюсь с работой Кафели, если она может быть (в копии) переслана сюда. Проф. Ваав потерял сына на войне, он жив, хотя я его не видел несколько месяцев.

Мы здесь, конечно, не испытывали никаких серьезных материальных лишений за эти годы. Психологически, однако, трагедия человечества подавила меня и многих других, в том числе таких, как М.И. Ростовцев. Хотя я предвидел и в своих работах

предсказывал трагедию, и хотя история разворачивается вполне по программе, развитой особенно в моей «Динамике», все же она депрессировала и подавляет настроение, тем более, что будущие перспективы не кажутся мне розовыми: трагедия продолжается и далека еще от последнего акта.

Частью чтобы отвлечь себя от этих настроений, частью пока живешь – надо жить и работать, как будто все обстоит благополучно, я, помимо университетской работы, марал, как обычно, бумагу и выпустил за эти годы (помимо статей) ряд книг: 2-й том «Динамики», «Crisis of our Age», «Man and Society in Calamity», «Sociocultural Causality Space Time», «Russia and United States».

И теперь стараюсь кончить к лету двухтомную «Систему общей социологии»*. «Crisis of our Age» имел и продолжает иметь здесь очень большой успех (уже в 10-м издании); вышел в португальском переводе и переводится на три других языка. «Систему социологии» будут с рукописи переводить на два языка. «Россия и Америка» тоже вышла по-португальски и т.д. Словом, жаловаться не могу на отсутствие отзвука и успеха. И все же все это кажется ненужным и бесполезным в виду трагедии.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренне Ваш П. Сорокин.⁹¹

№2

6 апреля 1954.

Дорогой Валентин Николаевич,

Очень рад был узнать из Вашего письма, что Вы живы, благополучны и продолжаете Вашу творческую деятельность. Поистине проведение наградило Вас исключительным здоровьем, долгой жизнью и неистощимой энергией. Желаю Вам продолжения этих даров на многие годы! Если, паче чаяния, я приеду на Международный социологический конгресс в будущем сентябре во Францию (организационный комитет усиленно настаивает на моем личном участии в нем), может быть, повидаемся

* Society, Culture and Personality Their Structure and Dynamics: A system of General Sociology New-York. 1947.

и обменяемся результатами «ума холодных размышлений и сердца горестных замет» за эти годы? (Хотя по своей привычке и лениности, я, вероятно, не поеду на конгресс.)

Теперь о Цатуровской коллекции. Если бы я имел возможность содействовать ее продаже в Америке, я с удовольствием бы сделал это без всяких комиссионных вознаграждений, но беда в том, что я не имею ни таланта, ни связей для такой деятельности. Я поговорил о продаже с нашим Harvard Russian Research Center и с проф. K. Conant (он большой специалист по истории древней церковной русской архитектуры). Они тоже не знают, кто мог заинтересоваться такой коллекцией. По-видимому, Цатурова должна привлечь специальные агентства и лиц, которые профессионально занимаются покупкой и продажей ценных коллекций. Я пишу о своей беспомощности потому, чтобы не задерживать использования таких лиц и агентств. Если, паче чаяния, откроются для меня возможности содействия, я, конечно, немедленно сообщу Вам и сделаю, что смогу. Однако шансы таких возможностей ничтожны.

Я и моя семья пока что благополучны. Старший сын – физик – кончает работу на докторскую степень. Второй сын – медик, но специализируется в области научных исследований, а не в области практиканта-доктора. Жена возобновила свои ботанические исследования.

Я немножко продолжаю учить (Harvard дает мне привилегию полной свободы читать или не читать лекции, и, если читать, то столько лекций, сколько я желаю), но занят, главным образом, руководством этого Research Center и бумагомаранием. На прошлой неделе вышли два новых больших тома моих бумагомараний: их переводы на главные европейские и азиатские языки (кроме русского!) продолжаютс^я crescendo. Пока что три перевода моих томов уже опубликованы. Литература о моих «доморощенных» теориях тоже растет быстро. Помимо моих статей, за последние годы начали выходить монографии, популярные (введения) книги, докторские диссертации и т.д. о моих

измышлениях. Мир, по-видимому, изрядно обеднел, если он нуждается и находит что-то ценное в моих бумагомараниях и измышлениях.

Здоровье пока что приличное для моих лет (мне ведь стукнуло 65). В качестве физического упражнения я сделался садоводом и своими трудами вырастил сад азалий, рододендронов, сирени, роз, который тысячи любителей посещают каждую весну и который фотографируется журналами садоводства. Никак не ожидал, что сделаюсь известным садоводом.

Получаю часто приглашения от европейских, южноамериканских и азиатских (Индия) университетов читать курсы лекций; даже от правительств – приехать в качестве почетного советника. Но пока что все предложения отклоняю.

Предыдущее дало Вам представление о моей жизни и работе. Желаю Вам всего наилучшего.

Искренне Ваш П. Сорокин.

P.S. Простите за мой испорченный русский язык.⁹²

Читаешь и невольно вспоминаешь чеховского Ионыча...

§15. Переписка с С.Г. Пушкаревым. 1946–1957*

...Возобновилась переписка с С.Г. Пушкаревым.

Из Праги он вместе с семьей бежал от Красной Армии в западную зону оккупации Германии. В автобиографии, написанной, видимо, для издательства им. Чехова в Нью-Йорке Пушкарев писал:

«В течение многих лет я был научным сотрудником хорошо известного американского социолога Р.А. Сорокина и fellow-worker of the Encyclopedia Italiana.

* Письма написаны (продиктованы?) на английском языке.

«The Czech encyclopedia «Ottouv slovník naučný nové doby» содержит статью обо мне.

Весной 1945 года я прибыл из Праги в американскую зону оккупации. 22 января 1946 г. Сенатом Университета UNNRA в Мюнхене я был избран доцентом истории этого университета.

В 1946–49 годах я был директором, преподавателем истории и русской литературы и библиотечарей в средних школах в Elsenfeld ou Mainleus DP лагерях в Баварии.

21 июля 1949 г., вместе с семьей я прибыл в Соединенные Штаты. С тех пор я работаю над различными исследовательскими проектами в области истории <...> В 1951–52 гг. я прочитал курс русской истории в Institute of Contemporary Russian Studies at Fordhan University, NY.

С сентября 1950 г. я работаю в Yale University (New Haven, Conn) в качестве ассистента русского языка»⁹³

В 1994 г. в Урбана-Шампейн, Иллинойс Ральф Фишер* рассказывал мне, как Пушкарёв в начале 1950-х учил его русскому языку, заставляя наизусть читать стихи Пушкина во время совместных прогулок по кампусу...

№ 1

Гарвардский Университет Эмерсон Холл
Кембридж 38, Массачусетс
Департамент Социологии США
П.А. Сорокин, председатель

6 апреля 1946

Д-р С. Пушкарёв
Кляйн-Хойбах бай Мильтенберг
Бавария, Германия
(замок князя Левенштейна)

Дорогой д-р Пушкарёв:

Лично я могу мало сделать для получения визы на ваш въезд в США: я не могу менять законы. Через Толстовский и некоторые иные фонды мы пытаемся

* Fisher Rulf Tallcot Jr. (1920 Wash DC) – американский специалист по России.

помогать в этом вопросе насколько можем, но я боюсь, что мы можем сделать очень мало.

Я дал некоторую сумму Фонду Толстого и попросил отправить Вам продовольственную посылку. Я надеюсь, она дойдет до вас.

Я желаю помочь Вам, также как и другим ученым в похожем положении – и я получаю много просьб, но мои возможности ограничены и часто я могу сделать мало.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш
П. Сорокин⁹⁴

№2

Гарвардский Университет
Департамент Социальных отношений

Эмерсон Холл
Кембридж 38, Массачусетс

7 февраля 1947

Тем, кого это может касаться

Профессор д-р С. Пушкарев – один из выдающихся ученых в области истории и культуры России, также как и славянских стран Европы. В этом качестве он может оказывать наиболее плодотворные – преподавательские и исследовательские – услуги любому учреждению или агентству, которое возьмет его на работу. С его безмерным образовательным и научным багажом, плюс его практический опыт учителя, исследователя, администратора, он представляет ценность и в нескольких иных – родственных – сферах деятельности.

Как человек он безупречен, надежен, восхитителен, легко срабатывается. Как ученый, он является автором нескольких важных работ, преимущественно в области русской истории и культуры.

Я высоко его оцениваю и рекомендую его без всяких оговорок.

**Истинно Ваш
П. Сорокин
Профессор социологии
Гарвардский университет,
Колледж Рэдклифф.
Член Румынской, Бельгийской,
Американской Академии наук.**

№3

Питирим А. Сорокин

**Емерсон Холл
Кембридж 38, Массачусетс**

3 марта 1948

Тем, кого это может касаться

Дорогой сэр:

Профессор д-р С. Пушкарев имеет письменное подтверждение поддержки и хороший шанс найти исследовательскую работу в одном из университетов и исследовательских учреждений США. Любая помощь, оказанная его намерению въехать в США, будет высоко оценена. Едва ли необходимо указывать, что он был вынужден покинуть Россию (Советское правительство) уже в 1920 г. Став профессором Пражского Русского Университета, он был вынужден уехать и оттуда, когда туда пришли немцы, а затем Красная Армия. С тех пор он – перемещенное лицо.

**Истинно Ваш
П. Сорокин**

№4

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
альтруистической интеграции
и творчества
Питирим А. Сорокин, директор

Эмерсон Холл
Кембридж 38, Массачусетс

19 мая 1950

Д-р С. Пушкарев
374 Орчард Стрит,
Нью-Хейвен, Коннектикут

Дорогой д-р Пушкарев:

Я рад, что ваше исследование идет успешно и вы начинаете облекать его в его окончательную форму. Из вашего письма я понял, что проделанная вами работа – как раз того типа, что я бы хотел иметь.

Университет вышлет вам последние 150 долларов, как только я получу рукопись.

Искренне Ваш
П. Сорокин

№5

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
альтруистической интеграции
и творчества
Питирим А. Сорокин, директор

Эмерсон Холл
Кембридж 38, Массачусетс

19 июня 1950

**Д-р С. Пушкирев
374 Орчард Стрит,
Нью-Хейвен, Коннектикут**

Дорогой д-р Пушкирев:

Ваша работа не должна помешать вашей поездке в Нью-Йорк для участия в собрании Студенческого Христианского Движения. Если бы ваш манускрипт прибыл через несколько дней, это было бы хорошо. Пожалуйста, вышлите обе части рукописи заказными письмами на мой летний адрес: Мэнсонвилль, Квебек, Канада. Я буду там с 23 июня по 25 августа. Когда я получу обе части рукописи, вам будут высланы дополнительные 100 долларов.

**Сердечно Ваш
П. Сорокин**

№6

**Гарвардский Университет
Исследовательский центр
альтруистической интеграции
и творчества
Питирим А. Сорокин, директор**

**Эмерсон Холл
Кембридж 38, Массачусетс**

13 января 1954

**Д-р С. Пушкирев
256 Дэвенпорт Эвенью,
Нью-Хейвен, Коннектикут**

Дорогой д-р Пушкирев:

Я хочу поблагодарить вас за экземпляр вашего «Обзора русской истории», только что прибывший.

Я уверен, что я сам и два моих сына почерпнем много полезного из вашей книги. Хотя один из моих сыновей работает в сфере математической физики (он только что сдал устный экзамен на степень доктора), а другой – биолог (в этом году станет выпускником и собирается в медицинскую школу

параллельно с исследованиями), они оба посещали курсы русской истории, и по этой причине им будет интересна ваша книга.

Я ожидаю, что два новых тома этого Исследовательского Центра выйдут в Феврале, и экземпляр каждого тома будет выслан вам сразу после издания.

Желаю вам всего хорошего в этом Новом Году,

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

P.S.

Ваша книга должна быть издана по-английски. Я рад, что фордовские капиталы помогли изданию Вашей книги («Чеховский Дом» издает много хлама).

№7

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
альтруистической интеграции
и творчества
Питирим А. Сорокин, директор

8 Клифф Стрит
Винчестер, Массачусетс

4 апреля 1956

Д-р С. Пушкарёв
256 Дэвенпорт Эвенью,
Нью-Хейвен, Коннектикут

Дорогой д-р Пушкарёв:

Прошу извинить меня за то, что пишу письмо по-английски, я это делаю для экономии времени.

Хочу Вас тепло подлагодарить за экземпляр вашей новой книги «Россия в XIX веке». Она только что прибыла, и я успел лишь поверхностно глянуть на нее, но этого взгляда достаточно, чтобы поздравить Вас в связи с этой важной книгой, которую я буду тщательно читать и использовать как превосходный

источник в моих работах, когда они будут касаться проблем, исследуемых в вашей книге. Я очень рад видеть плодотворное продолжение вашей научной деятельности. Особенно я рад тому, что вам удалось издать вашу книгу через Чеховский Издательский Дом, который иначе истратил бы много денег Фонда Форда на незначительные публикации и сомнительную пропаганду.

Было большим удовольствием видеть Вас вместе с вашим сыном в Нью-Хейвене в декабре.

Приблизительно на этой неделе я ожидаю выхода моей новой книги «Причуды и слабости современной социологии и родственные науки». Я постараюсь послать Вам бесплатный экземпляр ее. В мае или июне я ожидаю выхода еще одной моей книги «Американская сексуальная революция». Между тем в свет продолжают выходить мои статьи в различных научных журналах и переводы на иностранные языки.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

№8

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
творческого альтруизма
Питирим А. Сорокин, директор

8 Клифф Стрит
Винчестер, Массачусетс

14 мая 1956

Д-р С. Пушкирев
256 Дэвенпорт Эвению,
Нью-Хейвен, Коннектикут

Мой дорогой д-р Пушкирев:

Посылаю Вам отдельно экземпляр моей новой книги «Причуды и слабости современной социологии и родственные науки» в знак благодарности

за то, что Вы послали мне Вашу книгу «Россия в XIX веке».

Я надеюсь, у вас и вашей семьи все в порядке.
С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин.

P.S.

Простите, что продиктовал письмо по-английски,
в целях экономии времени

№9

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
творческого альтруизма
Питирим А. Сорокин, директор

8 Клифф Стрит
Винчестер, Массачусетс

24 мая 1957

Д-р С. Пушкирев
256 Дэвенпорт Эвенью,
Нью-Хейвен, Коннектикут

Мой дорогой д-р Пушкирев:

Не будет ли Вам интересно сделать для моего исследования «Преступность правителей»^{*} краткий список российских правителей, начиная с Рюрика и кончая последним российским царем, которые в борьбе за власть убивали своих отцов, или матерей, или мужей, или жен, или сыновей, или дочерей, или сестер, или иных близких родственников (например: Святополк убил Бориса и Глеба, Иван Грозный и Петр Великий – своих сыновей, Екатерина – своего мужа). Я бы хотел иметь такой список по всем киевским, владими́ро-суздальским князьям, главам новгородского правительства, московским и Санкт-Петербургским царям. Список весьма схематично и приблизительно должен фиксировать, кто

^{*} Глава «Criminality and Morality of Heads of States» в книге: Sorokin P.A. Lunden W.A. Power and Morality. Boston. Mass. 1959.

убил, или сослал, или заточил, или замучил и кого из родственников, и степень родства: отец, мать, сестра, дядя, тетя и т.д. Такой список из нескольких страничек – вот все, что мне нужно для моего исследования в связи с установленной преступностью российских правителей. Если возможно, то в списке надо указать, кто из этих правителей умер насильственной смертью.

Я извиняюсь за то, что не могу платить за такую помощь адекватную ей цену, но я могу заплатить 35 долларов. При вашем великом знании русской истории я уверен, что составление такого списка не отнимет у вас много времени. Я был бы вам очень признателен за эту помощь. Если же вы не сможете составить такой список, то все также в порядке. Если же сможете, то было бы желательно, чтобы этот список попал в мои руки к концу июня или июля.

С извинениями за беспокойство по поводу такой просьбы,

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

№10

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
творческого альтруизма
Питирим А. Сорокин, директор

8 Клифф Стрит
Винчестер, Массачусетс

29 мая 1957

Д-р С. Пушкирев
256 Дэвенпорт Эвенью,
Нью-Хейвен, Коннектикут

Мой дорогой д-р Пушкирев:

Прежде всего, я желаю Вам полного выздоровления после Вашей операции и болезни. При вашем состоянии здоровья и других обстоятельствах вполне понятно, что Вы не можете взять на себя работу, о коей я Вас просил.

Благодарю Вас также за указание на трудные проблемы, связанные с изучением преступных действий российских, также как и иных, правителей. Однако для меня не требуется выяснения мотивов и роли обстоятельств в этих действиях. Подобные трудности возникают и в преступных действиях рядовых людей. Все, что мне нужно – это сами факты убийств, совершенных прямо или косвенно правителями, а также внятно ли и безоговорочно ли они давали согласие на убийство своих родственников и друзей, а в сомнительных случаях – протестовали ли они и наказали ли реальных исполнителей таких действий. В моем исследовании я не обсуждаю, можно ли оправдать их действия и плохими или хорошими были их мотивы. Все, что мне нужно – это простой факт, что они прямо или косвенно участвовали в таких действиях, когда они не наказывали исполнителей, и особенно если последние поощрялись (как в случае с Екатериной Великой или Александром I). Эти объективные факты – вот все, что мне важно.

Ныне, когда речь идет о преступности современных американских губернаторов, или мэров, или членов Конгресса или Правительства, мы просто следуем за приговором суда, не вступая в дискуссии о том, справедлив приговор или нет.

Я постараюсь сделать эту работу сам или попрошу кого-либо, кто может составить список если не всех, то хотя бы самых бросающихся в глаза и явных случаев убийств, совершенных российскими правителями вплоть до сегодняшних коммунистических и советских.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

№11

Гарвардский Университет
Исследовательский центр
творческого альтруизма
Питирим А. Сорокин, директор

8 Клифф Стрит
Винчестер, Массачусетс

6 июня 1957

Д-р С. Пушкирев
256 Дэвенпорт Эвению,
Нью-Хейвен, Коннектикут

Мой дорогой д-р Пушкирев:

Я высоко ценю Ваши соображения, данные во втором письме, но по причинам, которые трудно вместить в короткое письмо, я планирую написать маленькую книгу о преступности не только российских царей, но и всех королей, премьер-министров, римских пап, президентов, членов правительств, губернаторов штатов США, мэров больших городов, глав больших корпораций или профсоюзов; короче, категории людей, имеющих чрезмерно большую власть в качестве глав мощных общественных организаций.

Что касается мотивов убийств со стороны правителей, я не имею в виду полное игнорирование этих мотивов, но, с другой стороны, никакие мотивы убийства Петром I, или Иваном Грозным, или убийства любой из жен Генрихом VIII не могут быть морально оправданы. Мы не можем применять разные моральные стандарты к обычным людям и правителям. Если бы мы так делали, то все моральные стандарты стали бы относительными и превратились в пыль, что означало бы полный моральный цинизм. Эти короткие замечания не проясняют, конечно, многие вопросы, но я могу заверить вас, что в моем исследовании все необходимые примечания, оговорки и анализ будут сделаны.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш
Птирим А. Сорокин

P.S.

Пожалуйста, не забывайте, что моей первой специальностью было уголовное право, и, следовательно, я, естественно, знаю кое-что о важности и роли мотивов, также как и различных легальных и моральных оправдательных обстоятельств, как, например, самозащита и т.д.

ПИСЬМА С.Г. ПУШКАРЕВА – П.А. СОРОКИНУ*

№1

8 августа 1949

Глубокоуважаемый Питирим Александрович!

Получил Ваше письмо. Спасибо за скорый ответ, хоть и не очень утешительный... Г.В. Вернадский хлопочет об устройстве мне возможности научной работы, но пока вопрос еще остается нерешенным и я остаюсь «безработным». Поэтому я не могу отказываться ни от какой работы и согласен исполнить «работку» для Вас. Полного собрания Четых Миней, содержащих биографии русских святых, в здешней библиотеке нет (есть 8 томов изд. Археографичес. комиссией), но, может быть, Вы согласились бы, чтобы я произвел эту выборку из Русск. Биографич. Словаря с дополнениями из Энциклоп. Словаря Брокгауза и Ефрона – (на последние буквы). Ведь они достаточно солидны. – Что касается Ваших общих указаний на то, что работы Вашего Research Center «очень далеки» от моей специальности-истории, то разрешите мне по этому поводу выразить некоторое свое недоумение: я думал (и теперь имею смелость думать), что социология и история, в частности, история социально-экономической жизни, не только «не очень далеки», но, наоборот, весьма близки одна к другой и теснейшим образом соприкасаются. Ведь только за последнее столетие социологи имеют

* Написаны на русском языке.

достаточно полный и надежный статистический материал, а за все предыдущие тысячелетия они могут «питаться» только тем материалом, который им доставляют историки.

Взять и личные примеры, Максима Ковалевского или Питирима Сорокина, – разве они не являются и социологами и историками одновременно?

Что касается моей скромной личности, то мое будущее положение в США, конечно, полно неизвестности, может быть, мне придется быть не только ассистентом или писарем у какого-нибудь американского профессора, но и подметальщиком его помещений, однако это будет вопрос факта, а не правда, ибо право мое на самостоятельную научную работу достаточно обоснованно моим curriculum vitae. Нужно только, чтобы мои русские colleg'i помогли мне найти это право (я говорю, конечно, не о занятии профессорск. кафедры, но только о стипендии для научной работы).

Всего лучшего желаю Вам, глубокоуважаемый П.А., жду Вашего ответа по поводу «работки» и прошу не сердиться за откровенное высказывание моих, может быть, неуместных в этих местах, мыслях.

Мне очень стыдно признаваться перед Вами в столь малой осведомленности нашей церковной истории, но ничего не поделаешь! Даже о таком большом человеке, как зн-тый патр-х Гермоген (1612)... мы ничего не знаем до последних десятилетий его жизни! В Русск. Биографическ. Словаре помещена большая (12 стр.) статья Высоцкого о п-хе Гермогене и вот что мы в ней читаем (цит.). Как Вам это нравится!

P.S.

Ответьте мне пока по старому адресу; это квартира проф. Г.В. В-го, с которым я буду поддерживать постоянный «контакт»; а начет нашей новой комнаты я еще не знаю, задержимся ли мы там на продолжительное время или будем «кочевать» дальше.

С.П.

S. Pushkarev
374 Orchard Str.
New Haven, Conn.

Глубокоуважаемый и дорогой
Питирим Александрович!

Получил от Вас – одно за другим – краткую записку с извещением о получении рукописи, чек на \$100 и письмо от 20-го янв. – Большое спасибо за доверие (Вы послали увеличенный гонорар до прочтения рукописи) и за доброе отношение вообще. Получив Ваши письма, я возрадовался не только «в сердце своем», но и вслух – перед своим семейством, а теперь спешу и с Вами поделиться своей радостью и сердечно Вас поблагодарить!

За новую работу для Вас я согласен приняться незамедлительно, тем более, что назначаемый Вами теперь гонорар я нахожу sufficient, а вовсе не «нищенским». Конечно, за месяц или за два я не смогу сделать такую работу, но за три месяца (т.е. до конца апреля) я надеюсь с ней справиться. Приложу все усилия к тому, чтобы размеры рукописи о каждом святом не превысили 30–35 страниц...

Но только моя научная добросовестность, в которой Вы могли убедиться на собственном «горьком опыте», получая мои тяжеловесные рукописи, заставляет меня спросить Вас, не нужно ли расширить рамки этой работы.

В Вашем последнем письме Вы называете следующие имена: 1) Феодор Студит, 2) св. Венедикт, 3) John Climacus, 4) Игнатий Лойола, 5) St. François de Salles. – Между тем, в письме Вашем от 26-го окт. Вы написали мне такой список: 1) Василий Вел., 2) Федор Студит, 3) John Climacus, 4) Jsaac the Syrian, 5) abba Dorotheus, 6) св. Пахомий Вел. – Трех последних в новом списке нет. Значит ли это, что мы можем обойтись без них, или к ним нужно возвратиться? – С другой стороны, Вы писали, что Вы частично («начерно») уже проделали работу исследования монастырских уставов и, в частности, в одном уставе св. Венедикта нашли более 120

разных технических приемов. Если Вы так детально исследовали устав св. Венедикта, может быть, мне уже не нужно им заниматься?

Значит, первый мой вопрос: каких святых нужно нам изучать: всех ли по двум приведенным выше спискам, или только по первому списку, приведенному в Вашем последнем письме? В частности, включать или не включать в изучение устав св. Венедикта?

Далее, в каком порядке вести изучение: в хронологическом, по времени жизни святого, или в каком-нибудь ином? Тогда напишите, в каком.

Третий вопрос – «технический», но очень трудный для решения: если я не найду в наших библиотеках английского перевода творений названных святых, что тогда делать? Можно ли пользоваться латинским текстом в «необъятном» издании Migne и потом представить Вам выписки из них с параллельным переводом их на русский язык? Сделать перевод с латинского на английский мне было бы трудно, это взяло бы очень много времени и дало бы весьма неудовлетворительные результаты, так что Вам было бы легче перевести нужные тексты с русского на английский. Или можно было бы оставить латинские тексты лишь с указанием по-русски их общего смысла (как это сделано в моей «русско-английской» работе о св. Василии)? Если найдутся немецкие переводы, можно ли пользоваться ими?

Простите, что, еще не начав работы, затрудняю Вас кучей вопросов, но «обстоятельства вынуждают».

Еще раз спасибо за доброе отношение и за снабжение работой горемычного «безработного» дипиота! – Несколько дней тому назад у нас в New Haven'e был М.М. Карпович, но от него я узнал только, что план предположенной им моей большой работы по истории русского государственного права, во-первых, очень «съёжился», а во-вторых, отодвинулся в неопределенно-далекое будущее. – Я предложил ему другую работу на тему: «History of freedom in Russia» (начиная от киевской революции 1067 г. и кончая нашим временем). Работа эта была бы очень полезна и «поучительна» для большинс-

тва интеллигентной публики всех пяти континентов, которая уверена в том, что в тысячелетней истории России никогда не было ничего, кроме рабства, кнута и Сибири, и что русский народ никогда ничего другого и не хотел... – Но, пока что, это даже не планы, а только благие пожелания, и я остаюсь «готовый к услугам Вашим» (как писали в старых письмах) – на неопределенно-долгое время...

Всего лучшего, дорогой Питирим Александрович.
С искренним уважением и благодарностью

преданный Вам
С. Пушкарев

P.S.

Вчера «стукнуло» уже пол-года, как мы приехали в США...

№3

17.V.50

S. Pushkarev
374 Orchard Str.
New Haven, Conn.

Глубокоуважаемый и дорогой
Питирим Александрович!

Вчера я получил в подарок Вашу книжку «Altruistic Love» и вчера же закончил (наконец!) собирание материалов для Новой работы.

Прежде всего, большое спасибо за вещественный подарок и за то сверх-джентльмэнское отношение, которой Вы проявляете в Вашей книге (стр. 240) к Вашему New Haven'скому сотруднику. Если бы все ученые в This country были такими Good Neighbors как Вы (и в частности, так же быстро и точно отвечали бы на письма) хорошо было бы жить здесь... – Дух humility, которым я проникся, изучая монастырские уставы, не позволяет мне целиком принять Вашу похвальную характеристику («an eminent histrian of Russia»), но с другой стороны, дух sincerity заставляет меня высказать предположение, что в области русской истории у меня в самом деле значительно больше познаний, чем у

большинства здешних ученых,двигающих эту науку по всем направлениям... И все же – я остаюсь «не у дел» по своей специальности... Кстати, когда увидите М.М. Карповича, напомните ему, пожалуйста, о моем существовании на этом свете (письмо мое к нему осталось «безответным»...)

Теперь о нашем общем деле. Я как раз собирался писать Вам предварительный «доклад» о своей работе, чтобы Вы не подумали, что я помер или прекратил работу. Щедрин рассказывает про одного градоначальника, который «умер от натуги, усиливаясь постичь некоторый сенатский указ»... Так и Вы могли подумать, что я умер от натуги, усиливаясь охватить всю историю монастырей Востока и Запада. Спешу Вас успокоить, что это не так. Как я уже сказал, вчера я закончил собрание материалов и теперь приступаю к приведению в порядок «бесконечного количества цитат из источников, выписок из литературы, библиографических заметок и т.д., а затем приступлю к «изложению». Согласно указанию Вашего последнего письма (от 5 апр.), для тех источников, которых я не мог найти в английском переводе, я воспользовался изложением их содержания в соответств. литературе (однако труд François de Sales «Introduction to the Devout Life» не только проштудировал, но и сделал из него множество выписок, потому что в нашей «коллекции» это единственное религиозно-воспитательное руководство для мирян, а не для монахов, как все остальные наши источники). Для Исаака Сириянина и для Аввы Дорофея пришлось ограничиться немногими русскими выписками.

Для Пахомия Вел. и для Феодора Студита, в добавок и параллельно к английским, будут приведены латинские тексты (подробное объяснение будет дано своевременно, это только «предуведомление», как говорили в старину).

В общем в большей или меньшей степени мое investigation коснулось всех названных Вами святых, а именно: Пахомия Вел., Венедикта, Исаака Сир., Дорофея, John Climacus, Федора Студита, Игнатия Лойолы и François de Sales; кроме того «от себя» добавлены John Cassian, Бернард Клервос-

ский и Франциск Ассизский. – Уставы Доминиканск. ордена (на латинск. яз.) я нашел и просмотрел, но не стал их «разрабатывать» по недостатку времени и главное потому, что для нашей темы они не содержат ничего существенно-нового.

Работа распадается на две части (и некоторые святы, именно John Cassian и Игнатий Лойола, тоже «распадаются»): в первой будут монастырские уставы – Пахомия Вел., John Cassian'a (первые 4 главы его Institutiones), Венедикта (очень подробно!), Федора Студита, Франциска Ассизского и Игнатия Лойолы (Constitutiones); во второй части будут религиозно-воспитательные поучения John Cassian'a (последние 8 глав), John Climacus'a (пересказ), Исаака Сир., Аввы Дорофея, Бернарда Клеровск., Игнатия Лойолы («The Spiritual Exercises») и François de Sales. – Первая часть «поспеет» для отправки Вам недели через 3–4, вторая – месяца через полтора (от сего дня).

Будьте здоровы и благополучны, дорогой Питирим Александрович! Еще раз спасибо за доброе отношение!

С искренним уважением и преданностью

Ваш С. Пушкарев

№4

17.VI.50

S. Pushkarev
374 Orchard Str.
New Haven, Conn.

Глубокоуважаемый и дорогой
Питирим Александрович!

Вчера получил чек на 100 долларов. Спасибо! Своевременно получил Ваше краткое письмо (англ. «машинопись») от 19-го мая с приятным известием. «Дополнительное» спасибо! – Я, со своей стороны, тоже не удержался от некоторых дополнений, именно, добавил краткое содержание. Статуса Цистерцианского ордена (не по подлиннику, а «списал с книжки»), а затем к Уставу Феодора Студ. добавил

монастырск. code penal (из изд. Migne, на латинск. яз., с русск. переводом).

Теперь 1-я часть моей работы – монастырские уставы – «вот-вот» будет готова. Осталось только переписать содержание Constitutiones Игнатия Лойолы (в английском пересказе), затем проверить все уже переписанные уставы и добавить библиографию (переписать на́чисто с черновых листочков) и содержание – каждого устава отдельно и общую сводку содержания. Все это должно быть готово в течение недели, так что в будущую субботу, 24-го с.м. я надеюсь отослать Вам (заказным пакетом) 1-й «том» моего исследования; в крайнем случае, пошлю в понедельник 26-го с.м., так что Вы получите его все же еще в июне...

Затем сяду за переписку 2-й части (извлечения из религиозно-морально-воспитательных трактатов, из которых самым обширным будет «Introduction to the Devout Life» St. Francis de Sales). Это дело возьмет около 2-х недель, так что окончено будет около 10-го июля.

Теперь у меня к Вам является технический (или лучше «хронологический») вопрос. Меня зовут на съезд студенческ. христианск. движения в Нью-Йорке 1–4-го июля. У меня есть некоторое стремление поехать туда, но стремление не-непреодолимое. Однако, если бы я поехал, то это задержало бы переписку второй части работы почти на неделю. Поэтому я решил, прежде всего, спросить Вас: если Вас интересует более скорое получение всей работы, то я буду в начале июля спокойно сидеть дома и переписывать «свои» трактаты, если же для Вас одна неделя не играет роли, то я, может быть, «соблазнюсь» и поеду на съезд.

Второй вопрос: куда и по какому адресу посылать 2-ю часть работы? (1-ю я помню по Вашему обычному адресу, поскольку не имею – или не получу в ближайшие дни – по этому поводу никаких иных указаний).

Всего лучшего! Еще раз спасибо за доверие и за доброе отношение!

Ваш, искренно преданный
С Пушкирев

8.II.1951

S. Pushkarev
256 Davenport ave.
New Haven, Conn.

Глубокоуважаемый и дорогой
Питирим Александрович!

Простите меня, грешного, скверного, недостойного, худого, нерадивого, непотребного и лукавого раба своего! Я до сих пор не «проработал» (говоря советским жаргоном) «Философию общего дела»...

На праздниках я получил Ваш ответный привет (с портретом Пушкина) и сообщение о деятельности Вашего Research Center, в каковом сообщении вычитал Ваше намерение «пропечатать» меня со-автором Вашей работы. Большое спасибо! Вы продолжаете подавлять меня своим джелътмэнством, а я из верного слуги Вашего превратился в вышеозначенного раба! Дело в том, что я теперь запрягся, как водовозная кляча, в педагогическую повозку: в Jale я теперь вместо part time работаю full time; кроме того получил несколько вечерних уроков в местном Педагогическом Институте (State Teachers College); кроме того есть частные уроки; кроме того есть всякая дополнительная бесплатная работа и работишка, – и в результате получилась такая загрузка, что «ни охнуть, ни вздохнуть» (хотя «ноги протянуть» я еще не собираюсь). – Я прочел оба увесистые тома Федорова, из 1-го тома сделал множество выписок, но доделать эту работу никак не могу! Если Вы с ней не спешите, то я буду ее все-таки помаленьку «продвигать» и, может быть, в марте пришлю Вам результаты; если же Вы ею теперь не интересуетесь, то я сдам книжки в библиотеку, а выписки в свой «архив». Напишите, пожалуйста, Вашу на сей предмет резолюцию.

Всего лучшего желаю Вам, глубокоуважаемый и дорогой Питирим Александрович! Еще раз, сердечное спасибо за Ваше доброе отношение ко мне, проявленное в самый трудный период моей американской жизни.

Ваш С. Пушкарёв.

27 мая 1957

**Глубокоуважаемый и дорогой
Питирим Александрович!**

Получил Ваше письмо от 24 мая с.г. и в скорости на него отвечаю. Я не могу взять на себя составление криминального «листа», т.е. списка русских царей и князей, бывших убийцами своих родственников «в борьбе за власть» (in the struggle for power). Я мог бы отговориться обстоятельствами внешнего характера: дело в том, что прошлым летом и в начале этого года я был тяжело болен (печень и разные осложнения, дважды провел по несколько недель в госпитале, и, наконец, 11-го марта этого года подвергся серьезной и сложной операции (которая продолжалась 5 часов!)), – так что теперь я должен жить «отресея ножку»: не поднимать тяжестей, не переутомляться на работе, рано ложиться спать, сидеть на диете и т.д. С другой стороны, пробыв год «в отставке», я с осени прошлого года снова получил работу и заработок, достаточный для жизни: наш университет исходатайствовал у Фордовского фонда ассигновку для составления «Source Book In Russian History» для американских студентов, изучающих русскую историю (нечто вроде исторической хрестоматии – собрание отрывков из исторических источников от времен «рюриковских» до 2 марта 1917 года). Я «нанялся» (на два года) собрать потребные материалы, которые потом поступят на рассмотрение нашего «комитета редакторов» из четырех русско-американских профессоров историков (во главе с Г.В. Вернадским). Работаю я ежедневно (в библиотеке) до 3-х часов, а после обеда и отдыха занимаюсь лишь легким чтением и газетным архивом. Так что за добавочную работу я теперь не взялся бы, даже если бы она была оплачена и суммой, во много раз большей, чем 35 долларов. – Я мог бы на этом закончить свое письмо, но, будучи Вашим старым и ревностным сотрудником (и искренним доброжелателем), я позволю себе «сделать добавление», которое будет значительно длиннее письма...

Правда, что я довольно хорошо знаю политическую и социальную историю России, но элементом биографически-криминальным я никогда особенно не интересовался, так что для того, чтобы исполнить Ваше задание, мне пришлось пересмотреть всю русскую историю с этой криминально-уголовной точки зрения... Но и это не все. Я полагаю, что составление правильного списка царственных преступников встречает непреодолимые затруднения по существу. «Суд истории», конечно, есть, но он должен выносить свои приговоры по беспристрастному и всестороннему исследованию «всех обстоятельств дела», я это очень трудно и во многих случаях просто невозможно. – А так просто взяться занести два-три десятка русских князей и царей в список убийц, т.е. тяжких уголовных преступников, было бы, по-моему, unfair.

Немного есть таких совершенно бесспорных случаев, как братоубийство, совершенное Святополком Окаянным в 1015 году. – А вот, например, случай из киевской истории XII века. В 1146 году в Киеве «сел» княжить Игорь Ольгович, из черниговских князей (по смерти его брата Всеволода Ольговича), однако это «негодно бысть людям» – киевлянам (как повествует летопись), и они призвали на киевский «стол» Изяслава Метиславича, а Игорь был схвачен и заключен в монастырь. Скоро (в 1147 г.) Изяслав выступил из Киева на войну с князьями черниговскими, а в его отсутствие киевская толпа вытащила Игоря из монастыря и зверски его убила. По рассказу летописца, это произошло вопреки воле правящего князя Киевского, но ведь остается поле для догадок: а может, тайные агенты Изяслава подстрекали киевлян к этому преступлению?... Вставка (см. на об.)

Оставив древность, заглянем в новую русскую историю. Вы готовы внести в список царственных убийц – в борьбе за власть – Петра Великого, замучившего в застенке царевича Алексея. Я решительно не вижу в этом – конечно, грустном и жестоком – деле «борьбы за власть» в собственном смысле этого слова: власти могучего Петра слабый и беспомощный Алексей угрожать не мог, и за свою личную власть Петр нисколько не опасался; он боялся, что после его смерти Алексей отменит

все реформы и восстановит ту московск. старину, с которой столь яростно и настойчиво боролся Петр.

Далее, Екатерина II. Можно ли, по справедливости, считать ее убийцей ее ех-мужа? Его убили, конечно, екатерининские офицеры, но по ее ли секретным указаниям или в драке по пьяному делу (как объяснял Алексей Орлов). Кто может решить это теперь, когда все свидетели померли?

Теперь вспомним смерть несчастного ех-императора Иоанна Антоновича, убитого в Шлиссельбургской крепости в начале царствования Екатерины II. Кто был его убийцей: Елизавета Петровна, свергнувшая его с престола и впоследствии заключившая его в крепость? или Екатерина, в царствование которой его убили? или караульные офицеры, которые его убили, следуя данной им инструкции? или, наконец, подпоручик Мирович, который совершил вооруженное нападение на крепость и тем вынудил караульных офицеров «поступать по инструкции»?

Далее, Александр I: участвовал ли он в умысле убийства своего отца, или это убийство совершилось вопреки его воле и вопреки обещаниям участников заговора?

Повторяю, в области биографически-криминальной, тем более в области умыслов и намерений, есть множество вопросов не только не решенных, но часто и неразрешимых. Я хоть и не юрист по профессии, но вырос в юридической среде, и потому требую не только от юристов, но и от историков и социологов, чтобы их приговоры были обоснованы бесспорными данными, что, в значительном количестве случаев, является невозможным, за отсутствием письменных доказательств и за смертью всех свидетелей.

Простите за эти непрошенные комментарии, которыми я, по старой дружбе, позволил себе утруждать Ваше внимание.

Всего лучшего желаю Вам и Вашему семейству.
С искренним уважением и преданностью

Ваш С.П.

P.S.

Затем, вот еще вопрос: в киевский период русской истории, точнее, в течение почти 200 лет (от половины XI в. до татарского нашествия), когда

Русь разделялась на несколько земель, князья этих земель постоянно вели между собой междоусобные войны за обладание тою или иною областью или за обладание великокняжеским «столом» киевским; во время этих войн жестоко страдало и мирное население, которое частью избивалось или угонялось в плен и в рабство (в этом деле русским князьям усердно помогали «союзные» половцы). Спрашивается, заносить ли князей, инициаторов и участников этих жестоких междоусобий, в списки преступников или нет? Если да, то в эти списки придется занести почти поголовно всех князей этой эпохи (включая Владимира Мономаха). Если нет, то спрашивается, почему массовые убийства русского населения и погромы русских областей не составляют преступления, а «дамская революция» 1762 года, при которой лилась не кровь, а только водка и в результате которой погиб лишь один жалкий голштинский полу-кретин, по несчастному стечению обстоятельств оказавшийся на русском престоле, – является преступлением?

§16.

В.Д. Поремский. 1947–1948

В июле 1946 г. в лагере Ди-Пи в Менхегофе близ Касселя земля Гессен (2,5 тыс. русских) вышел первый номер журнала «Грани» (редколлегия: С. Максимов (Пашин), Е. Романов, С. Серафимов).

После третьего номера издание журнала под советским давлением было прервано...

Во втором (октябрьском) номере была опубликована заключительная глава из книги П.А. Сорокина «Social and cultural Dynamics» (London, 1939) в переводе «В.П.».

В предисловии говорилось:

«Появление книги П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» – крупнейшее событие в развитии современной социологической мысли.

Она – как бы синтез наметившихся в последнее время двух противоположных и враждебных течений. Одно из них представлено нынешней американской статистической школой, а другое – немецкими историософами Шпенглером и Шубартом. «Социальная и культурная динамика», преодолевая ограниченность и бесперспективность первой школы, подводит широкую базу научных доказательств под смелые выводы второй.

Три больших тома этого капитального труда (вышедшие в 1937–39 гг. в лондонском издательстве Максимилиан) охватывают огромный историко-статистический материал, подобранный целой группой (в основном русских) сотрудников П.А. Сорокина.

Задача автора заключалась в рассмотрении этого материала с единой и оригинальной точки зрения, на основе научного метода, в котором значительную роль играет интуитивное проникновение в сущность социальных явлений и нахождение типов или фаз культурного развития человечества.

В этом труде знаменитый русский социолог отходит от узости и бесплодности своих первоначальных, рационалистических установок (свойственных петербургскому периоду его творчества) и посвящает много блестящих страниц обоснованию и защите интуитивизма, как научно-правомочного метода познания.

Не имея возможности, в настоящий момент, познакомить русского читателя с трудом П.А. Сорокина во всем его объеме, мы публикуем лишь короткую заключительную главу из третьего тома. Этот отрывок разнится по стилю от спокойного и деловитого тона остального изложения. В нем автор дает волю своим чувствам и с большим литературным мастерством, особенно ярким в английском оригинале, подводит итоги кропотливому исследованию, растянувшемуся на две тысячи страниц.

Выводы и прогнозы автора построены не на песке. Они – результат многолетней работы целого сонма блестящих представителей подлинной науки над огромным фактическим материалом, обнимающим всю известную нам историю человечества.

Прислушаемся к ним. В них звучит бодрая уверенность в скором торжестве иных идеалов, чем те, которым поклонялся до недавнего времени весь мир, а в частности и особенности, в силу казенного принуждения, наш народ».⁹⁵

Переводчик «В.П.» это, вероятно, В.Д. Поремский*, который во время войны был переводчиком и преподавателем в лагере «для переподготовки» военнопленных в Вуэстрау.

Там:

«...в противовес гитлеровской русофобской пропаганде ВДП перевел и отпечатал на ротаторе книгу немецкого философа Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока» – о высших духовных качествах русского народа и всемирном призвании России».⁹⁶

Автор цитаты – Б.С. Пушкарев, сын историка, многолетний лидер НТС уже в постсоветской РФ.

30.03.1996 г. он писал мне:

«Что касается НТС, то в послевоенные годы с Сорокиным из руководства НТС, вели переписку А.Н. Артемов (Зайцев) по заказу которого я и написал упоминаемую Вами рецензию⁹⁷, и (в то время председатель Союза) В.Д. Поремский. Последний ему устроил публикацию, одной из его рукописей на немецком в Германии и пропагандировал его идеи».**⁹⁸

В статьях, докладах на протяжении десятилетий В.Д. Поремский часто упоминает Сорокина. В статье 1960 г. писал:

«Центральной идеей НТС вплоть до освобождения России является революция. Наиболее точное определение революции дал, по нашему мнению, П.А. Сорокин: революция – быстрое и радикальное изменение основ существующего порядка».⁹⁹

* Поремский Владимир Дмитриевич (1909 Ченстохов – 1997 Франкфурт на Майне) – многолетний лидер и теоретик НТС.

** Артемов Александр Николаевич (наст. фамилия Зайцев) (1910 с.Тырновос Рязанск.губ. – 2002). Председатель НТС (1972–1984). Главный идеолог союза.

С трудами Сорокина был знаком и сын В.Д. Поремского – А.В. Поремский*. В посмертно опубликованной статье он писал:

«Как правильно отмечает профессор П.А. Сорокин, уже самый факт, что кризисность нашего времени стала притчей во языцах, свидетельствует о наличии кризиса...»¹⁰⁰

Статья В.Д. Поремского «О духе нашей организации» (1979) начинается словами:

«Исследования Питирима Сорокина (P. Sorokin. «Society, Culture and Personality». 1947) показали, что длительность существования организаций зависит от многих факторов...»¹⁰¹

Имеется и мнение П.А. Сорокина об идеологии НТС:

«Национально-трудовой солидаризм представляет собой разработанную Национально-Трудовым Союзом социальную доктрину, на основе которой, согласно программе Союза, должна быть построена Национально-Трудовая Россия.

Национально-трудовой солидаризм основывается на персоналистическом миропонимании, т.е. во всем богатстве бытия выделяет прежде всего начало личности, понимая личность не как замкнутый в себе атом, а как сложное многоединство, способное вступать в живую связь с другими личностями. Персонализм раскрывает, таким образом, первичную солидарность царства личностей и создает философские предпосылки для солидаристического понимания общества, понимания, оказывающегося по ту сторону как индивидуализма, так и коллективизма.

Национально-трудовой солидаризм утверждает, что в основе общественного строительства лежит не эгоистическая борьба, а солидарность, на которой, в свою очередь, развивается взаимопонимание и сотрудничество.

* Поремский Алексей Владимирович (1931 Рига – 1960 Франкфурт на Майне) – разбился на мотоцикле.

Из всех возможных видов солидарности наиболее важными для государственного строительства являются солидарность *национальная*, основанная на естественной привязанности человека к своей родине и к своему народу, и солидарность *трудовая*, являющаяся выражением воли человека к деятельному служению не только родине, но всякой иной ценности, достойной этого служения (науке, искусству, хозяйству). Национально-трудоустрой есть поэтому общественный идеал национально-трудоустройства.

В тесной связи с развивающимся ныне *органическим* мировоззрением национально-трудоустрой солидаризм ощущает весь мир как органическое целое, в котором обладающая *свободной волей* человеческая личность обязана искать не самодовольствия, а творческих путей к воплощению своего предназначения.

Человек способен познавать законы мироздания, а познавая их, преобразовать как внешнюю природу, так и самого себя и человеческое общество. Он призван к тому, чтобы творчески управлять (дирижировать) социальным развитием. *Дирижизм* в общественной, национальной и государственной жизни является поэтому необходимым элементом национально-трудоустройства.

Управляя собой, людьми и природой, человек вынужден, однако, считаться с материалом. Он может достигнуть многого, но не всего и не любым способом. Его задача – не ломать жизнь в угоду той или иной отвлеченной идее, а искать наилучших, *оптимальных* решений возникающих перед ним задач. Не максимализм в утверждении или отрицании того или иного положения, а мудрый *оптимализм* является поэтому методической основой национально-трудоустройства.

Оценивая, наконец, место национально-трудоустройства в движении мировой общественной мысли, необходимо отметить, что это учение чуждо всякого материализма, позитивизма и утилитаризма. В его основе лежит вера в существование объективных *ценностей*, которым и призван служить в

своей земной жизни пусть слабый и грешный, но свободный и ответственный человек.

Настоятельно необходим поворот от рационализма к идеализму, от покорения и управления природой людьми к управлению людей самими собой. Этот контроль невозможен без системы абсолютных ценностей, абсолютные же ценности несовместимы с рационалистическим складом ума. Уже из этого одного следует логическая необходимость и практическая спешность поворота к новой идеалистической культуре. Эту новую культуру создадут новые люди. Эти люди должны обладать властью и техникой. Такие люди должны построить общество и культуру с меньшими бедствиями и несчастьями, свободную от индивидуальной и групповой ненависти, более благородную, более справедливую, более человеческую и более Божескую, чем настоящая база нашего рационалистического общества.

Мы можем верить в начало современного перехода от отжившей рациональной к новой идеальной культуре... «Король умер, да здравствует король!»

Питирим Сорокин¹⁰²

...Часть архива В.Д. Поремского находится в архиве, которым ведает господин Суперфин в Бремене (ФРГ). Другая часть находилась в архиве НТС (Франкфурт на Майне). В этом архиве, по моей просьбе, были найдены и присланы Михаилом Славинским мне в Архангельск в мае 1997 г. фотокопии писем П.А. Сорокина к В.Д. Поремскому:

№1*

7 ноября 47.

Глубокоуважаемый коллега (простите, забыл Ваше имя отчество)

Сердечное спасибо за письмо. Буду рад, если мой «Кризис» появится по-русски (курьёзный и грустный факт: мои книги переведены и усиленно переводятся на все основные языки, вплоть до

* Написаны на русском языке. Письма от 7.11.47; 9.12.47 – машинопись. Письмо от 14.05.48 – автограф.

китайско-японского и корейского, кроме русского). Американское правительство просило у меня разрешение на перевод части главы из «Кризиса» для Амер. Рундшау. Дал, и теперь она появилась. Хотя я не получил экземпляра журнала, но получил и получаю много писем от немцев, которые убеждают меня приехать в Германию и руководить творческим движением и выходом из морального и интелл. хаоса, в котором все немецкие поколения современных «дедов», «отцов», и особенно «детей» находятся. Скоро «Кризис» появится по-чешски (в печати теперь). Американское правительство предложило мне контракт на немецкое издание томов моей «Культ. и Соц. Динамики». Если что-либо не помешает, в будущем эта основная работа появится на немецком языке.

Что касается нем. перевода «Кризиса», то уже в 1942 г. Др. Ролф Хоффманн (он издал в 1928 г. томы: Ди Академии и жил тогда в Германии), перевёл книгу на немецкий. Я не связан его переводом и не дал никакого права, кроме того, что если он приведёт и найдёт издателя – олайт. Если нет, – я свободен дать право кому угодно. 3 года назад я известил его, что получил запрос из Швейцарии, я дал право перевода этому швейцарскому издателю, если его условия приемлемы для меня (потом из этого ничего не получилось).

Если есть серьёзный немецкий издатель, я охотно предоставляю ему нем. право перевода на весьма скромных финанс. условиях.

За последние дни, после появления статьи в Амер. Рундшау я получил уже два запроса от нем. переводчиков. («Кризис» появился уже в португальском – Бразилия и испанском – Аргентина – переводах. Франц. перевод готов и ждет издателя).

Я мог бы выслать мою: «Общество, Культура и Личность», но это очень большой – фактически два больших тома, опубликованных в одном кварто, с двумя колоннами. По этой причине издать по-русски такой большой кирпич, вероятно, невозможно. В январе 1948 выйдет амер. издание моей небольшой книги: Реконстракшен оф Хуманити. В ней я сжато, анализирую, что и как (какими путями и

средствами) нужно изменить в современ. культуре, общ. учреждениях и личности для того, чтобы предотвратить будущие катастрофы и начать строить творческий, соборный, мирный новый порядок. Это томик в 200–250 стр. Я его вышлю Вам. Если что он может быть более подходящим для перевода.

Рад, что Вы организовали изд-во и «Посев». Был бы рад, если бы Вы смогли выслать его мне, а также книгу Левицкого.

Сердечное спасибо.

Искренно Ваш
П. Сорокин¹⁰³

№2

9 декабря 1947

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич:

Сердечное спасибо за Ваше милое письмо. Желаю Вам полного успеха в Вашей творческой работе, издательстве и журнале.

За последние недели я получил от двух частных немец. издателей и затем от (*Неразборчиво* – Ю.Д.), который начинает издание классиков социальных наук просьбу дать им право на нем. издание моей «Динамики», «Кризиса» и «Society-Culture-Personality».

Из этих предложений (*Название издательства неразборчиво* – Ю.Д.) предложение, по-видимому, самое солидное (в смысле возможности издания). Поэтому, в принципе, я готов им дать право на нем. пер. «Кризиса». (Право на немец., японское и корейское издание «Динамики» просило меня правительство Соед. Штатов и условный контракт я подписал с Вашингтонским правительством, посему теперь написал туда и (*В издательство* – Ю.Д.) прийти к взаимному соглашению). Если (*Издательство* – Ю.Д.) гарантирует мне, что оно сможет издать книгу в течение 1–2 лет, я готов дать им право. С изданием (нем.) «Society-Culture-Personality» дело обстоит в сходном положении с тем различием, что в виду большого объема этой работы ее издание труднее. Однако, если солидный немец. издатель гарантирует – я готов дать немец. издателю (финансовые условия не имеют для меня большого значения).

Вообще, если и раньше мои книги переводились, теперь предложения от иностр. издателей стали более многочисленными.

Несмотря на мое желание посетить Германию и Европу – это трудно теперь сделать: не хочу прерывать работу здесь и спокойно сидя здесь возможно я смогу сделать больше, чем «шатаюсь по миру». Этим объясняется мой отказ на многочисленные предложения лекций, курсов и в Соед. Штатах и Mexico, Brasil, Argentina, France и др. странах.

С января 1949 г. до октября 1949 я получу отпуск от Ун-та. Тогда, может быть, я смогу посетить Европу (или Южную и Центр. Америку). Пока же в течение ближайших месяцев я буду занят: печатающей книгой: Реконструкция Челов-ва, и писанием двух специальных монографий: 1. Исследование 1000 (живых) Американцев альтруистов; 2. Типы альтруистов и многообразие альтр-го опыта.

Пока будьте здоровы и благополучны.

Искренно Ваш

П. Сорокин.

Амер. прав-во охотно дало бы мне командировку в Европу. Но я не хочу мешать «политику» и научно-моральную миссию Одно вредно другому.¹⁰⁴

№3

14 мая 48.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич:

Сердечное спасибо за письмо и книги Левицкого * и Владимирского. Обе книги хороши: как популяризация (Влад-кий) и как сжатая система мировоззрения (Левицкий). С обеими книгами мои воззрения сродственны в ряде существенных пунктов. Есть также ряд различий, но я лично приветствую различия: мир творчества и ценностей страшно обеднел бы, если бы различия исчезли, и все было бы стандартизовано в одну форму.

Что касается немец. издания моих книг на прошлой неделе U.S. Government (Washington) предложило мне контракт купить немецкое право пере-

* Левицкий С.А. Основы органического мировоззрения. С предисловием автора. (Менхегов). Изд. «Посев». 1947. – 250 с. О книге Владимирского далее...

вода моей Динамики (все 4 тома) Кризиса; Society, Culture and Personality и Reconstruction.

Я, конечно, согласился и на днях контракт будет подписан. Распределение этих книг среди немецких издателей будет зависеть от (*Неразборчиво* – Ю.Д.). Следуя моему совету, оно, по-видимому, уже распределило их между четырьмя издателями: (*Неразборчиво* – Ю.Д.) и еще одного. Словом, этот вопрос будет решен.

Я особенно рад, что Кризис появится по-русски: до сих пор ни одна из моих «заграничных» работ не появилась на русском языке (будучи переведены на 15 языков). На днях подписал контракт на финский перевод Кризиса.

Я и моя семья благополучны. Работа (исследовательская) продвигается, хотя сейчас временно я «забастовал» до августа: занят своим садом (у меня один из самых лучших садов, азалий, рододендронов, сиреней). Через месяц с семьей поедem на 7–8 недель в Канаду, где у меня есть «camp» (или «дача») среди дикой, но красивой природы: своего рода убежище от «цивилизации».

Ваш Посев получаю и нахожу его ценным и творческим (кроме, может быть, менее ценной чисто политической части): большевизм знамение нашего времени и его нельзя низложить силой, но надо изжить и переварить человечеству. С другой стороны, не большевистская западная культура нашего времени тоже гниловата и тоже нужно изжить ее... (*Окончание письма отсутствует* – Ю.Д.).¹⁰⁵

В.Д. Поремского можно отнести к «ученикам» Сорокина. К его «школе»... По крайней мере оптимизм Поремский черпал в пророчествах П.А. Сорокина...

В статье «Духовная революция» (1947 г.) цитирует учителя:

«Мы можем верить в начало современного перехода от ожившей рациональной к новой идеальной культуре. В свете этих положений моя теория и диагноз, действительно оптимистичны: «Король умер, да здравствует король»

(П. Сорокин – «Социальная и культурная динамика», – том 3-й)

и делает вывод:

«...Сорокин не одинок в своих оптимистических утверждениях, его устами говорит вся русская пророческая литература. Если оправдались ее мрачные предсказания, то оправдаются и светлые».

Сразу за цитатой из Сорокина идет цитата из Герцена... И вывод:¹⁰⁶

«Эта духовная революция протекает под знаменем солидаризма»¹⁰⁷

Статья «Социальная роль науки» (1968) начинается со ссылки на сорокинские «кривые» крупных технических и научных открытий со времен зарождения греко-римской цивилизации по 1900 год...

(П. Сорокин. *Общество, культура, личность*. Нью-Йорк. 1947. Стр. 611)

Далее Поремский пишет:

«Но еще более значительные изменения и за еще более короткие сроки произошли в XX веке. Кривые Сорокина были продолжены французским ученым Луи Арманом*. Эти кривые носят взрывной, экспоненциальный характер даже по сравнению с кривыми Сорокина, относящимся к предыдущему веку...»¹⁰⁸

Поразительно это русское правдоискательство. В лагерях Ди-Пи под угрозой выдачи в Совдепию:

«Высказывания многих современных мыслителей, как русских так и иностранных (Шпенглер, Шубарт) отводят России исключительную роль в разрешении наболевших проблем нашего времени.

В области социологии должно быть в первую очередь упомянуто о главной конструктивной идее солидаризма, которая в полном соответствии с ограниченным мировоззрением и персонализмом, утверждает возможность преодоления общественных противоречий путем согласования различных интересов и усилий, согласования осуществляемого

* Луи Арман. «В защиту будущего», Париж. 1962. стр.41–58) (Примечание В.Д. Поремского)

в процессе солидарного сотрудничества. Солидаризация частных устремлений имеет целью не подавление Свободы, а , наоборот ее обеспечение. Не либерализм, приводящий к анархии и борьбе всех против всех, но и не тоталитаризм приводящий к тотальному рабству. <...>

Идея солидаризма находится в полном соответствии с самобытной русской идеей соборности, отвечая, в то же время, запросам мировой социологической мысли. Социология нашего времени представлена в большой степени русскими учеными за границей (среди них первое место занимает П.А. Сорокин). Некоторые социологические разработки молодого поколения также не лишены значения».¹⁰⁹

В 1948 г. (10–12 марта) в Лимбурге прошел съезд российских зарубежных деятелей философии, науки, литературы и искусства.

Председатель съезда – профессор И. Курганов. Из США президиумом съезда получены письма и приветствия от Сорокина, Гинса, Сикорского.¹¹⁰

25 июня 1948 г. президент США Гарри Трумэн подписал законопроект о допущении 205 тысяч Ди-Пи и беженцев в США в течение ближайших двух лет.

«Посев» извещал:

«К 1950 г. как реальность обрисовывается исчезновение Ди-Пи из лагерей Европы».¹¹¹

И на той же странице:

«В Сан-Франциско создан Музей-Архив русской культуры».

Задача – сбор и сохранение русских культурных ценностей, трудов, мемуаров, фото, исторических документов, etc.

Академик В.Н. Ипатьев – почетный председатель Музея.

Почетные покровители: профессор П.П. Гензель, профессор П.А. Сорокин, писатель-профессор Г.Д. Гребенщиков, композитор А.Т. Гречанинов, инженер-агро-

ном И.К. Окулич, Высокопреосвященный Митрополит Феофил...¹¹²

Иван Ильин писал Н.В. Борзову*:

[после 26.02.1950]

«...я получил <письмо> от Музея и Архива Русской Культуры из Сан-Франциско. Они прислали мне анкетный лист с запросом, «какие услуги я могу оказать им»... И «что я обязан последовать примеру выдающихся наших людей эмиграции»...

Имена мне неизвестные. «Почетное покровительство» таких людей, как Феофил, Сорокин, Кусевицкий – очень мало говорит моему уму и сердцу. О Сорокине ныне даже Марк Вишняк завопил: Вы, вероятно, читали, как Вишняк недавно отдал Сорокина за тайное большевизанство? И еще одно: я бы понял, что этот архив хочет служить России и нам, русским ученым за рубежом... Но он требует услуг от нас...»¹¹³

20 июня 1948 г. в «Книжной полке» «Посева» отклик на брошюру Д.В. Владимирского:

«Автор – солидарист, опирается в своем небольшом труде на современных социологов и философов (Сорокин, Дюркгейм, Шелер, Штерн, Франк, Лосский, Бердяев и др.) <...>

...брошюра Д.В. Владимирского, несмотря на свой малый объем, представляет собой ценный вклад в современную солидаристическую литературу. Написана она живым, популярным языком, что делает ее доступной самым широким кругам.

В наших же зарубежных условиях появление такой брошюры на русском языке ценно не только тем, что ею обогащен «книжный фонд» современной русской общественной мысли, но и непосредственной пользой: ведь многие из тех, кто будет ее читать, испытали на себе теорию и практику мертворожденного учения о «классовой борьбе» как двигателе общественного развития.

Нам хочется обратить их внимание на заключительные строки брошюры Д.В. Владимирского:

* Борзов Николай Викторович (? – 1955 Беркли, Калифорния) – сотрудник газеты и журнала «Россия». Председатель фонда им. И.В. Кулаева. Издатель книги Г. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

«Правда побеждала всегда. Победит она и теперь. Естественный и исторический путь человечества нельзя повернуть назад никаким насилием, подобно тому, как нельзя остановить физического роста человека».

А.Н.¹¹⁴

19 сентября 1948 г. М. Алексеев пишет в «Посеве»:

«Вторая фаза Российской революции – Национальная революция будет ее завершением и в процессе своего развития, может быть, станет тем историческим событием, которым будет отмечен приход в мир новой идеалистической эпохи, веяния которой нами уже сейчас ясно ощущаются.

Это идеалистическая (Питирим Сорокин) мессианская или иоаническая эпоха будет, по предсказанию В. Шубарта наиболее отвечать духу Евангелия и Иоанна и мессианских устремлений России. Это будет эпоха, в которой, как мы предчувствуем, восторжествуют христианские идеи братства и солидарности.

Но рационалистически-прометеевская эпоха еще не ушла...»¹¹⁵

Е. Шугаев* 28 августа 1949 г.:

«Наш земляк Питирим Сорокин – профессор Гарвардского университета в США – в своей книге «Кризис нашего времени», исходя из циклической теории духовных культур, видит в нашем времени «нормальный» переходный период и бодро смотрит в будущее.

Бывший троцкист Джемс Бэрнхэм – ныне тоже профессор Гарвардского университета подходит к вопросу с точки зрения экономической и видит суть кризиса в замене капитализма новым строем «директократией».

Лео Блуа, Жак Маритен, Бердяев и др. ищут причину кризиса в духовной области – в упадке христианских ценностей.

* Нелединский Евгений Николаевич (1886 Псков – 1963 Нью-Йорк) – после 1920 г. в Чехословакии. Инженер-архитектор. Публицист. С 1950 г. в США. Преподавал русск. язык в Джорджтаунском у-те. Перевел с испанского на русский книгу Хосе Ортега и Гассет «Восстание масс» (Нью-Йорк. Издательство им. Чехова. 1954).

Экзастенциалисты всех сортов и оттенков со своей стороны окончательно потеряли Бога и ищут утешения в горделивом отказе от всяких претензий и надежд.

Среди этой пестрой толпы стоит Ортега И Гас-сет...».¹¹⁶

Коллега Сорокина по Гарварду Джеймс Бэрнхем* выдвинул в 1941 г. идею и термин «революции управляющих».¹¹⁷

В 1953 г. Сорокин заявил о трансформации капиталистического класса в менеджерский...

В 1951 г. Бэрнхем сформулировал программу антисоветской деятельности США против Восточного блока с опорой на эмиграцию...¹¹⁸

Н. Гаврилов, рецензируя третью книгу Бэрнхема «Макиавелисты» (1948), пишет в 1951 г.:

«Мир задыхается во множестве философских, псевдосоциологических и психологических трактовок сущего. <...> мы все больше и больше теряем представление не только о самой недостижимой истине, но и о методах ее поисков. <...> Вопрос об элите неизбежно является больным местом Бэрнхема, т.к. элита занимает центральное место в его теории Революции директоров. <...> Как показал уже Сорокин элита социологически неопределима. Недавно об этом же писал Левицкий***»¹¹⁹**

С. Левицкий в статье «Оправдание духа» (1954):

«Проф. Сорокин, как известно, делит культуры на идеациональные, основанные на безусловном примате духовных ценностей, при крайне низкой оценке материальных или чувственных благ <...>.

Современные палачи МВД вооружены последним словом психоанализа и рефлексологии, мастерски

* Бэрнхем Джеймс (Burnham James) (1905 Чикаго – 1987 Кент, Коннектикут) В начале 1950 г. работал в ЦРУ в Вашингтоне по организации интеллектуального сопротивления коммунизму. Президент Рейган почтил память Бэрнхема специальным заявлением.

** Питирим Сорокин «Система социологии» Т.2. «Социальная аналитика» (Сноска Н. Гаврилова).

*** Левицкий Сергей Александрович (1908 Либава, Курляндская губ. – 1983 Вашингтон). Ученик Н.О. Лосского. Член НТС с 1942 г. Из Менхегова уехал в США. Профессор Джорджтаунского университета.

пользуясь этим знанием для калечения души и тела. <...> Между холодным презрением американского бизнесмена, равнодушно смотрящего, как талантливый писатель вынужден мыть посуду в ресторане, до чекиста, посылающего этого писателя в концлагерь – дистанция еще огромного размера, но все же презрение бизнесмена есть вежа, указывающая направление к чекисту»¹²⁰

§17.

Допрос П.А. Сорокина. 25.05.1954. Бостон – Массачусетс

Поста председателя факультета социологии Гарвардского университета Сорокин лишился еще в 1944 г. Его преемником стал Т. Парсонс, а преобразованный факультет стал называться факультетом общественных отношений.¹²¹

В начале 1950-х ФБР проводило расследование в отношении обоих. Парсонса в частности подозревали в том, что с 1942 г. он был лидером коммунистической ячейки в Гарварде. Расследование в отношении его началось в 1952 г. по личному указанию директора ФБР Эдгара Гувера.

В одном из документов ФБР говорилось, что факультет общественных отношений Гарварда является наследником факультета социологии, который в свой начальный период был консервативным и состоял из «лояльных американцев».

Но сегодня факультет имеет левоконсервативную тенденцию в результате «манипуляций и махинаций» Парсонса*:

«Профессор Сорокин нанял Толкотта Парсонса двадцать лет тому назад после того, как экономический факультет Гарварда уволил Парсонса по неиз-

* Парсонс (Parsons) Толкотт (1902 Колорадо-Спрингс, Колорадо – 1979 Мюнхен). Президент Американской социологической ассоциации (1949). После WWII считался ведущей фигурой в социологии. Председатель факультета социальных отношений Гарварда (1946–1956). Его жена Елена Парсонс – администратор Русского исследовательского центра (1948–1969).

вестной причине. <...> Парсонс сместил Сорокина с должности, как только представилась возможность при реорганизации факультета социологии»¹²²

В составе факультета общественных отношений действовали Русский исследовательский центр и Лаборатория социальных отношений тесно связанные с американскими спецслужбами и проводившие секретную работу для ряда федеральных ведомств...

Глава Русского центра антрополог Клайд Клакхон* был вместе с Парнсонсом одним из создателей факультета социальных отношений. Через него Парнсонс мог влиять на некоторые аспекты американской внешней политики...

Расследование в отношении Парнсонса длилось два года и закончилось снятием подозрений в 1954 году.

Питирим Сорокин допрошен 25 мая 1954 г. в филиале ФБР в Бостоне.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ Фд-202

Дело заведено в: Бостон

Рапорт сделан в: Бостон, Массачусетс

Когда сделан: 18.6.1954

Заголовок: Питирим Александрович Сорокин

Характер дела: безопасность

Рассекречено: 10.5.1983

ВСЯ ИНФОРМАЦИЯ, СОДЕРЖАЩАЯСЯ В ДЕЛЕ, РАССЕКРЕЧЕНА
14.7.1993

РЕЗЮМЕ:

Питирим Александрович Сорокин продолжает проживать в доме 8 на Клифф-Стрит, г. Уинчестер, штат Массачусетс, и работает профессором социологии Гарвардского университета (г. Кэймбридж, штат Массачусетс). На допросе 25.5.1954 Сорокин сообщил, что все его усилия в качестве социолога нацелены на достижение мира во всем мире и предотвращение Третьей мировой войны. Сорокин рассказал о своей деятельности в нескольких организациях коммунистического толка, начавшейся в 1942 г., и указал, что он не участвовал активно в делах этих организаций, но разрешал использовать свое имя в связи с его усилиями по достижению выполнимого плана мира во всем мире -

* Клакхон (Kluckhohn) Клайд Кей Мейбен (1905 – 30.07.1960 Санта Фе, Нью-Мехико) – основатель и первый директор Русского исследовательского центра.

ДЕТАЛИ:

В Кэймбридже (штат Массачусетс)

Питирим Александрович Сорокин допрошен в своем офисе в Эмерсон-холле Гарвардского университета 25.5.1954 г. Тогда он сообщил нижеследующее:

1. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА И ЗАНЯТИЕ:

Питирим Александрович Сорокин продолжает проживать в доме 8 на Клифф-Стрит, г. Уинчестер, штат Массачусетс, и работает профессором социологии Гарвардского университета (г. Кэймбридж, штат Массачусетс). Кроме того, он служит директором Исследовательского центра альтруистической интеграции и творчества.

Сорокин сообщил, что он любитель ботаники и ежедневно часами занимается разведением азалий. Газета «Бостон Сандэй Глоб» 23.5.1954 г. уделаила полстраницы этой деятельности Сорокина, отметив, что ежегодно тысячи людей посещают его дом в Уинчестере, чтобы увидеть результаты его работы с азалиями.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

Коммунистическая партия США зарегистрирована Генеральным Прокурором США согласно исполнительного ордера 1.0450.

Сорокин сообщил, что после 1900 г. в царской России он заинтересовался созданием в ней новой общественной и экономической системы. Перед революцией 1917 г. он активно содействовал тем силам в России, которые способствовали свержению царского режима. Когда монархия пала, он стал чиновником в правительстве Керенского, и в тот период был известен таким лицам, как Николай Ленин, Иосиф Сталин, Лев Троцкий и другим, облеченным позже властью при большевистском режиме.

Сорокин указал, что двое из его братьев были убиты большевиками; что он сам трижды заключался в тюрьму и был приговорен ими к смерти; что он лично был объектом 5 обличительных выступлений, написанных Николаем Лениным: что в газетах города Архангельск до 1921 г. его имя оскорблялось и осмеивалось как имя реакционера и, говоря современными словами, фашиста, т.е. того, чьи действия не привлекали членов Коммунистической партии.

До обсуждения его участия в деятельности организаций в США Сорокин сделал обобщение: **«Если дело хорошее, то я буду содействовать ему даже если это содействие будет поддержано дьяволом; если дело плохое, то я не буду ему содействовать независимо от того, кто его поддерживает»**. Он сказал, что если он сочтет действия какого-либо правительства тоталитарными по природе, то он будет в оппозиции этим действиям; если же он сочтет их

направленными на достижение мира во всем мире, то он поддержит такое правительство.

Сорокин указал, что не был активным участником ни в одной из нижеперечисленных организаций; никогда не посещал их митингов и никогда их не финансировал; он никого не знает в этих организациях, кто бы мог засвидетельствовать его помощь этим организациям.

Он затем отметил, что не подписал петиции ни одной организации в последнее время, но быстро добавил, что это не потому, что он беспокоился из-за сделанных публичных разоблачений, связанных с использованием имен деятелей просвещения Коммунистической партией этой страны, а только потому, что он чувствовал, что не может помогать программе самих этих организаций, настолько по своей сути и натуре они оказались ничемными в качестве возможного инструмента мира во всем мире.

Сорокин сообщил, что он давно согласен с тем, что разные коммунистические партии по всему миру показали максимум изменчивости своих тактик, никогда при этом не меняя своей стратегии, нацеленной на достижение желаемого конца. В 1920-е и 1930-е годы он чувствовал, что лучший путь противодействия распространению философии коммунизма – встретить ее в лоб и контратаковать так, чтобы свести на нет эффективность коммунистических целей. Поэтому в те годы любая сентиментальность и идеализм в отношении коммунизма были тактикой, которая, по его мнению, была неправильной. Однако, с гигантским ростом силы и численности Коммунистической партии, также как и силы философии коммунизма, он чувствовал, что различные страны мира теперь вынуждены сменить тактику и встретить коммунистов демонстрацией не силы, а идей и идеалов с более мощным потенциалом, чем коммунистические. Короче говоря, тактика, применявшаяся для борьбы с большевиками в Архангельске в 1918 г., не была бы успешной в 1930 г., также как и тактика 1930 г. не была бы успешной в 1940-е годы из-за гигантского роста коммунизма за примерно 30 лет.

Сорокин сказал, что очень боится неизбежности 3-й мировой войны и что все люди должны сделать все, что в их силах, для предотвращения войны, которая может унести до 300 миллионов человек и которая, по его мнению, может разрушить цивилизацию в том виде, в котором мы знаем ее сейчас. Он указал: любой кризис, независимо от его характера, поможет тоталитарному правительству выживать и процветать. Т.е. война будет помогать выживанию тоталитарного правительства. Поэтому все нации мира должны сделать все, что в их силах, для недопущения 3-й мировой войны, которая будет способствовать сохранению тоталитарных принципов и практики в Советской

России и странах за так называемыми «железным» и «бамбуковым» занавесами.

Он сказал, что в социологии есть аксиома: в военное время правительственный контроль увеличивается, а доказательство сего – множество ограничений, возложенных на население США и европейских стран во время 2-й мировой войны.

Затем он сообщил, что лично он не мог бы санкционировать использование анти-демократических методов в этой стране для борьбы с тоталитаризмом и выразил надежду, что лучший метод победы над тоталитаризмом – предотвращение тех кризисов, которые помогают ему укрепляться. Он назвал войну и тоталитаризм двумя величайшими опасностями, которые могут обрушиться на человечество.

Затем он вывел из вышесказанного следующую социологическую истину: чем меньше войн и кризисов, тем меньше и тоталитаризма. Он сказал:

«Мы должны переварить тоталитаризм и достичь мира».

Возможная декоммунизация России, также как и нынешнее быстрое распространение коммунизма по Земле, могут быть замедлены лишь достижениями философии мира, которая будет взывать не только к правителям России и ее союзников, но и к обычным людям, живущим в подчинении. Сорокин сообщил, что, по его мнению, чем больше мы вооружаем мир, тем больше мы помогаем тоталитаризму в России и всех иных подобных странах. Поэтому важно изменить тактику, если мы хотим покончить с коммунизмом и коммунистическими партиями во всем мире. Итак, пока тактика может меняться, общая стратегия достижения желаемого итога, а именно – отмены коммунизма – остается неизменной.

Сорокин сказал, что, по его мнению, тихоокеанский регион – т.е. Китай или Индия и/или страны этого региона – станут следующим центром мировой цивилизации, как только центр сместится с западной цивилизации, находящейся на закате. Поэтому важно по мнению Сорокина, чтобы западные державы обратили внимание на факторы, влияющие на страны бассейна Тихого океана и попытались взять верх над ними конструктивными способами, а не просто противостояли красному Китаю как таковому просто потому, что его народ находится под властью коммунистического режима. Надо также предпринять усилия, чтобы понять роль Неру в Индии, который, по мнению Сорокина, искренен в своих стараниях по достижению мира на Земле. Далее он описал коммунизм и коммунистов как продукт выродившейся культуры, и сказал: если коммунизм надо победить, то мир должен внутри себя создать идеалистическую культуру, в которой коммунизм быстро разложится.

Он сообщил, что во многих странах мира есть много организаций и индивидуальных, борющихся против коммунизма, которые, по его мнению, более опасны для благоденствия и безопасности народов, так как они начали процесс подрыва конституционного правительства в своих странах в попытке покончить с коммунизмом. Сорокин описал таких людей как много более опасных для благоденствия Земли, чем нынешний коммунистический режим в странах так называемого «железного занавеса».

Возвращаясь к словам о превращении тихоокеанского региона в центр мировой цивилизации, Сорокин указал, что великие культуры Востока просыпаются вновь и что национализм становится более очевидным, и что ни индивидуалы, ни комбинация факторов и сил не смогут остановить проснувшийся национализм и появление великих восточных культур. Что касается стран Запада в их попытках противостоять России и распространению философии коммунизма, Сорокин сообщил, что пока мы делали приготовления к миру во всем мире, серия событий доказала поверхностность этих приготовлений. Он осознал, что трудно иметь дело с Россией по какой-либо линии, и поэтому он хорошо понимает, что русский идеал мира во всем мире предполагает навязывание коммунистической идеологии и экономики другим странам; он чувствует, что с середины 2-й мировой войны следующие факторы препятствуют обеспечению мира во всем мире (и в результате усиливаются тоталитарные цепи на России и ее сателлитах):

ПЕРВОЕ: газеты так называемого Западного блока с середины 2-й мировой войны отбросили идею достижимости мира во всем мире и сотрудничества и вместо нее распространили среди миллиардов читателей идею о том, что:

«Давайте разобьем русских!»

– вот лучшая политика. Этим они фактически дали русскому коммунистическому правительству эффективное идеологическое оружие против своего населения, заключающееся в информировании россиян о том, что страны Запада намерены полностью разрушить Россию.

ВТОРОЕ: Сорокин ссылался на различные поездки неназванных сенаторов США в страны Европы начиная с 1945 г. и выдержки из интервью с ними, в которых эти сенаторы в то время инициировали политику открытой войны против СССР. В частности, Сорокин вспомнил об усилиях по популяризации западных планов сохранения Вольного города Триеста, результатом которых стало решение части коммунистического блока удержать Триест. Он упомянул по аналогии, что газеты много писали о роли маршала Тито в Югославии, и соответствующая

направленность этих публикаций привела к усилению власти Тито на югославским народом.

ТРЕТЬЕ: Сорокин сослался на речь Президента США Гарри Трумэна в Фултоне (штат Миссури) в 1946 г. и на Уинстона Черчилля, премьер-министра Англии, которого Сорокин описал как «Дает крестовый поход против Советской России». Он выразил убеждение в том, что если бы такие люди, как Трумэн и Черчилль, были более осмотрительны в своих речах, которые слышал и читал весь мир, то Россия потеряла бы мощное козырь в своей пропаганде и предположительно ослабила бы свои мировые позиции из-за прямого призыва к миру. Сорокин уверен, что Фултонская речь дала русскому министерству пропаганды дополнительное горючее для поддержки огня советского национализма, а не истинного русского национализма, независимого от коммунистической партии.

ЧЕТВЕРТОЕ: западная политика окружения России, по мнению Сорокина:

«крупнейшая из возможных ошибок».

Он сказал, что русское правительство не тупое, и достаточно показать рядовым россиянам размещение западных военных баз вокруг России, чтоб они ощутили угрозу отечеству. По этому поводу он заметил:

«Факты об окружении противоречат утверждениям о мире из уст западных держав».

И наконец: по вопросу об инспекции атомных материалов, по представлению Бернарда Баруха в конце 1940-х гг., Сорокин весьма тщательно изучил планы как западных держав, так и России. Вопреки общепринятому мнению, заметил он, Россия разрешит инспекцию своего атомного потенциала западными представителями. Но Россия возражает против части плана, предусматривающей удаление всех атомных материалов через международный комитет, **«где она будет незначительным меньшинством»**. Сорокин сказал, что всем мыслящим людям должно быть ясно, что Россия чувствует: она никогда не сможет эффективно действовать по такой схеме. Он отметил:

«Даже царское или демократическое правительство России никогда бы не приняло условия, предусмотренные в западных планах по атомным материалам».

На вопрос о том, что он считает лучшим способом начала сотрудничества между Россией и западными державами в целях достижения мира во всем мире, Сорокин ответил, что Западу пора начать очень выгодную торговлю с Россией и странами Востока. Он добавил:

«Если мы сотрудничаем в войне, то мы можем сотрудничать и в мире».

Он сказал также, что мы путаем нынешнее правительство России с подлинной русской нацией и действуем так, что советскому правительству остается лишь убедить русский народ в том, что западные страны пытаются нарушить благосостояние России в то время как советское правительство делает все возможное, чтобы защитить национальные интересы.

Далее Сорокин сказал:

«Все правительства тяготеют к власти над всем миром - не только русское».

Например, США:

«Эта страна начала с маленькой группы государств и постепенно добилась положения доминирующей мировой державы; но, несмотря на нынешнее высокое положение США, социологи и другие мыслящие люди осознают, что всемогущих правительств нет».

Он считает: русское тоталитарное правительство должно зависеть от массы своего народа так же, как демократическое правительство, хотя и в не столь тесно, как при демократии. Как огромное количество граждан США, так и россияне считают, что действия их правительств нужны для их собственного выживания. Поэтому он полагает, что западные страны должны начать и сделать эффективной политику, которую советское правительство не сможет игнорировать и которая поэтому найдет отклик у россиян. Сорокин добавил, что пока есть лишь догадки о том, как это сделать.

Далее он указал, что следует понять, что люди в США еще не познали ужасов войны. Русские, потеряв около 20* млн человек во 2-ю мировую войну, хорошо с ней знакомы, и если советское правительство будет предупреждать своих граждан о войнах, планируемых западными странами, то русские, естественно, будут готовы выполнить распоряжение их правительства в попытке предотвратить войну. Так как советское правительство контролирует средства связи и образования в России и государствах-сателлитах, то оно зависит от западных стран в смысле эффективных способов показа этим лицам того, как может быть достигнут действительный мир во всем мире. Но, отметил Сорокин, пока можно лишь гадать, каков лучший способ соответствующей коррекции системы образования за **«Железным занавесом».**

Сорокин сказал:

«Реальный путь к миру будет понят народами России, Китая и Индии».

Он добавил, что попытки начать этот «путь» не безнадежны, но **«не просто слова, а реальные, позитивные, мирные действия»** должны быть предприняты, если западные страны хотят убедить рос-

* Сталин заявлял, что 5–6 млн...

сиян в достижимости мира во всем мире. Но, по его словам, он не знает, как это сделать.

По вопросу о начале крупной торговли западных стран с Россией и Китаем Сорокин отметил, что в то время, когда Англия, Франция, Бельгия и Голландия наращивают торговлю с Россией и Китаем, американцы ушли в другую крайность. Это крайне опасно в экономическом смысле, так как американские методы производства столь высоко механизированы, что перепродукция может свалиться на нас раньше, чем мы это поймем, и мы попадем в депрессию, что поможет проникновению философии коммунизма в сознание граждан США, как это было в 1930-е годы депрессии.

Торговля с Россией и Китаем, считает Сорокин, послужит началу культурных отношений и взаимосвязей между странами мира, а точные и общественные науки извлекут пользу из обмена научными и псевдонаучными данными. Сорокин затем отметил, что в крупных газетах предыдущей недели он заметил, что русский балет, бывший тогда на гастролях в Париже, был выслан из Франции потому, что французы возмутились присутствием среди них представителей тоталитарного режима в то время, когда Французские войска воюют с коммунистическими силами в Дьен-Бьен-Фу.

Он добавил, что Международный конгресс астрономов должен состояться в этом году в России и выразил надежду, что большинство ученых мира едины в мнении о том, что научная информация должна свободно обмениваться среди всех ученых мира. В ответ на вопрос, открыли ли Советы доступ к информации научного характера, Сорокин сказал, что библиотека Widener в Гарвардском университете полна советскими научными трудами и документами, и, по его мнению, советское правительство не предоставило лишь совершенно секретную информацию, равно как и американское правительство отказывается предоставлять такую информацию в американскую научную периодику.

Он выразил мнение, что как Россия, так и страны Запада виновны в отсутствии обмена как научными, так и социальными идеями, и добавил:

«Необходимы реальные перемены в сердцах с обеих сторон. Необходимо сотрудничество с обеих сторон».

Под этим он подразумевал, что ныне он считает, что страны мира сотрудничают неохотно в вышеуказанных сферах и что следует разработать планы по достижению эффективного сотрудничества. Сорокин указал, что он не так наивен, чтоб поверить, будто советское правительство обеспечит обмен данными общественных наук, в отличие от точных наук. Он сказал, что исследователи общества должны следовать партийной пропаганде, и западные социологические и исторические труды, например, никогда не будут допущены в советской России.

Сорокин сказал затем, что его собеседники могут принять его за апологета советской России. Это далеко не так, добавил он, потому что, как и всегда, он неизменно противостоит философии коммунизма и всем формам тоталитаризма. Затем он отметил, что, хотя его подход к достижению мира во всем мире у многих людей, вероятно, не найдет отклика, но он убежден, прожив долгую жизнь и будучи не понаслышке знакомым с историческими и социальными процессами, что его теории о достижении мира во всем мире правильны и западные державы должны изменить свои планы, если они намерены добиться примирения с Россией в будущем. Но он быстро добавил, что это вовсе не значит, что западные державы должны выслуживаться перед советской Россией и что цели и желания у России более ценны, чем у стран Запада. Но он считает, что так как правда не может стать известна русскому народу при нынешней системе, то странам Запада необходимо инициировать и дать жизнь общественным силам, которых советское правительство не сможет игнорировать, а русский народ признает и примет.

Далее Сорокин сравнил себя с персонажем русской мифологии Иванушкой-дурачком. Он сказал, что его собственные теории ныне напоминают ему роль Иванушки-дурачка, поющего похоронные песни на свадьбах и свадебные на похоронах. Итак, многие люди этой страны и, возможно, мира, могут не согласиться с взглядами и делами Сорокина, но он верит, что ни один искренний человек не сможет противодействовать его цели – достижению мира во всем мире.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОРОКИНА В ОРГАНИЗАЦИЯХ В 1942–1951 гг.:

«RUSSIAN WAR RELIEF»:

Страницы 357 и 358 доклада №4 об антиамериканской деятельности организаций коммунистического толка в Калифорнии за 1948 г. свидетельствуют:

«Следует понять, что «Russian War Relief» во всех отношениях – сателлит Коммунистической партии, а не организация типа Американского Красного Креста...»

«Несомненно верно то, что многие благонамеренные лояльные американцы поверили, будто «Russian War Relief» – честное американское агентство, тогда как твердое коммунистическое влияние и указания очевидны...»

Сорокин сказал, что в конце 1942 г. его пригласил то ли губернатор Массачусетса, то ли его хирург доктор Фрэнк Лэхи из клиники Лэхи в Бостоне, чтоб использовать его имя в бостонском отделении «Russian War Relief». Он сообщил, что посетил примерно 4 собрания этой организации, а позже помогал ей в сборе одежды и продовольствия. Он отметил, что большинство известных ему членов этой организации –

законопослушные американцы, консервативные в речах и поступках, но посвятившие себя помощи тяжело пострадавшему русскому народу.

Сорокин указал, что в деятельности бостонского отделения этой организации не было ничего, свидетельствовавшего бы о коммунистическом влиянии.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ АМЕРИКАНО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ:

Совет зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера. 10450

Сорокин сказал, что он никогда не участвовал в деятельности Совета и не может сразу вспомнить, давал ли он разрешение на включение своего имени в список местных спонсоров Совета.

Сорокин вспомнил, что в конце 1940-х годов он подписал петицию Совета о кампании за мирное решение различий между США и Советской Россией. Он сказал, что разрешил использование своего имени в этом контексте вынужденно и в надежде, что все мыслящие люди, видевшие его имя в связи с этой программой, должны понять, что целью этого было обеспечение мира во всем мире. Он добавил, что его подпись была поставлена в соответствии с его общей теорией достижения мира во всем мире.

AMERICAN COMMITTEE FOR YUGOSLAV RELIEF

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10450.

Сорокин сказал, что не помнит, чтобы когда-либо имел дело с этой организацией и не может предоставить информацию о ней. Он добавил: вполне возможно, что он разрешил использовать свое имя в связи с проектом этой организации, но никого в ней не знает и не помнит, кто бы к нему мог обратиться за разрешением на использование его имени. Если бы он подписал какую-либо петицию, выпущенную от имени этой организации, то сделал бы это по вышеуказанной причине, т.е. для достижения мира во всем мире.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ КОНГРЕСС:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10450.

Сорокин сообщил, что он не помнит, чтобы имел журналистские дела с органом этого конгресса «Славик Америкэн». Он вспомнил, что в конце 1940-х гг. его просили послать в этот журнал статью, и он послал, так как считает, что все меньшинства в этой стране имеют право создания организаций и обнародовать их цели и желания. Он указал, что не знал, будто эта организация могла быть прокоммунистической на высшем уровне ее. Он снова добавил, что не был знаком

с кем-либо в вей, и не помнит, кто обращался к нему от «Славик Америкэн». Он подтвердил свое утверждение, что не был редактором «Славик Америкэн» в 1947 г.

NATIONAL COMMITTEE TO DEFEAT THE MUND BILL:

Страница 80 **«Указателя подрывных организаций и публикаций»**, изданного Комитетом по анти-американской деятельности, характеризует этот Национальный комитет как **«лоббистскую организацию, выполняющую задачи коммунистической партии в ее борьбе против подрывного законодательства»**.

Сорокин сказал, что в 1948 г. ему звонили по телефону и просили разрешения на использование его имени среди членов Гарвардского Факультета, находившихся в оппозиции к биллю Мундта-Никсона. Он разрешение дал, но не помнит, кто именно у него его просил. Он отметил, что и сам был в оппозиции к биллю и считал, что билль интересам страны не послужит.

ВИЗИТ В США ПРЕПОДОБНОГО ХЬЮЛИТТА ДЖОНСОНА, ДЕКАНА КЕНТЕРБЕРИ:

Сорокин сообщил, что Джонсона не знает и никогда не встречался с ним. Он вспомнил, что в конце 1947 г. американская пресса немало писала об отказе департамента США выдать Джонсону визу для тура с лекциями по всей стране. Сорокин считает, что этот отказ – самый худший и, конечно, самый недемократичный акт, какой только могло сделать нынешнее правительство. Сорокин полагает, что Джонсону надо было дать визу независимо от тем лекций, даже если бы в них восхвалялся СССР. Затем назвал себя «борцом за реальные демократические принципы» и оценил поступок Госдепартамента как немудрый, так как это дало коммунистической прессе лишний повод комментировать деятельность американского правительства, а русскому правительству материал для пропаганды у себя дома.

КОНГРЕСС ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10450.

Сорокин сообщил, что никогда не посещал митинги этой организации, не знал ни ее членов, ни о их деятельности. Он сказал, что не помнит ни дачи разрешения на использование его имени этой организацией, ни того, кто бы мог просить о таком разрешении.

«МАССАЧУСЕТТСКИЙ СОВЕТ ИСКУССТВ, НАУК И ПРОФЕССИЙ»:

Стр. 82 **«Указателя подрывных организаций и публикаций»** за .1.4.5 от 1951 г., издававшегося комитетом по анти-американской деятельности, характеризует Совет как коммунистическую организацию

Сорокин сообщил, что никогда не посещал митинги этой организации и не может дать какой-либо информации о ней. Он вспомнил; в 1947 г. какой-то (он не помнит, кто) член факультета в Гарвардском университете по телефону просил разрешения на использование его имени в связи с «Конференцией в защиту Билля о правах», созванной в г. Нью-Йорк летом 1949 г. Сорокин считает Билль о правах Фундаментом американской конституции, и потому любая конференция в защиту Билля- верная сила в достижении мира во всем мире. Потому он разрешил использовать его имя в связи со спонсированием агитации за участие в этой конференции. Он сказал, что не знает активистов этой организации и не знает, имели ли место контроль над Советом со стороны коммунистов или их проникновение туда.

КОМИТЕТ ЗА МИРНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ АТЛАНТИЧЕСКОМУ ПАКТУ:

Стр. 37 вышеупомянутого **«Указателя подрывных организаций и публикаций»**, издававшегося комитетом по анти-американской деятельности, сообщает, что эта организация:

«создана в результате Конференции за мирные альтернативы Атлантическому пакту для содействия делу коммунистов в Соединенных Штатах, играющих свою роль в московской кампании».

Сорокин сообщил, что кто-то (он не помнит, кто) просил разрешения на использование его имени в связи с планом этой организации, призывающей к международному соглашению о запрете на использование атомного оружия. Сорокин сказал, что с радостью разрешил использовать свое имя, так как считает, что это был шанс дать миру знать, что лично он гигантски заинтересован в мире во всем мире и что он считает этот план и любой иной план, нацеленный на достижение мира во всем мире похвальными и ценными. Но далее он добавил, что не знал ничего об этой организации и не может ничего сказать о влиянии на нее коммунистов.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЗА ОТМЕНУ АКТА МАК-КАРРАНА:

Ежедневная газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» за 27 декабря 1950 г. опубликовала статью, гласящую, что этот комитет вырос из обращения более 1900 ведущих американцев к Президенту Гарри Трумэну и Конгрессу за отмену акта Мак-Каррана от осени 1950 г. и из бесчисленных писем, призывающих их к руководству движением за отмену.

Согласно акту Мак-Каррана по иммиграции и национальностям:

1) в Госдепартаменте создано бюро безопасности и консульских дел;

2) ужесточены условия, не допускающие враждебных иностранцев в страну, в том числе тех иностранцев, кто, по мнению консульств или генерального прокурора, добивается въезда для деятельности, угрожающей безопасности Соединенных Штатов;

3) Президенту даны полномочия для приостановления иммиграции, если он сочтет, что въезд какого-то иностранца или группы иностранцев противоречил бы интересам США;

4) в перечень лиц, не имеющих права на натурализацию, внесены члены и кандидаты в члены коммунистических и иных тоталитарных партий;

5) установлена презумпция того, что любой иностранец, в последние 10 лет перед подачей заявления о натурализации состоявший в подрывной организации, не соответствует принципам конституции.

Это резюме взято из «Пособия по международной безопасности» (документ Сената США # 47, Конгресс 83-го созыва, 1-я сессия).

Сорокин вспомнил, что в конце 1950 г. тысячи ведущих американских ученых, педагогов, бизнесменов и политиков обратились к Президенту Гарри Трумэну и Конгрессу США с просьбой отменить акт Мак Каррана. Сорокин сказал, что и тогда, и ныне стоит в оппозиции к положениям Акта, так как Акт, по его мнению, недемократичен и служит ценным пропагандистским козырем для советского правительства.

WORLD PEACE APPEAL

Стр. 123 вышеупомянутого **«Указателя подрывных организаций и публикаций»** идентифицирует эту организацию со Стокгольмской Петицией за Мир: **«кампания петиций, начатая постоянным комитетом Всемирного Конгресса за Мир на его встрече в Стокгольме 16–19 марта 1950 г.»** и **«получившая полное одобрение всех частей международной коммунистической иерархии»**.

Коммунистическая пресса хвалила эту организацию за то, что она обязала каждого коммуниста присоединиться к этому призыву. Она получила официальное одобрение Верховного Совета СССР, продублированного властями всех коммунистических стран-сателлитов и всеми коммунистическими партиями планеты.

Сорокин сообщил, что он с радостью разрешил использовать его имя в связи с деятельностью этой группы, когда ее цели были объявлены впервые, так как идея мира во всем мире совпала с его собственными целями. Но он не знает человека, просившего это разрешение. Затем Сорокин указал, что когда американская пресса сообщила о происхождении этой организации и отметила, что коммунистическая партия была ее инициатором, ему стало ясно, что эта группа коммунистическая. и поэтому когда позже спросили его разрешения на использование его

имени в связи с еще одной организацией, то он отказал. Он опять не мог вспомнить, кто просил его.

АМЕРИКАНСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЗА МИР:

Стр.21 вышеупомянутого **«Указателя подрывных организаций и публикаций»**, издававшегося Комитетом по анти-американской деятельности, сообщает, что эту организацию «коммунисты создали как новый инструмент для своего «мирного» наступления в США», и ее рекламировала газета «Дейли Уоркер» в жирных заголовках, в соответствии с прокоммунистическими задачами.

«ДЕЙЛИ УОРКЕР» – коммунистическое издание восточного берега.

Сорокин сообщил, что он разрешил использовать его имя в связи с одним из мирных проектов этой организации. Он добавил: **«Любой призыв к миру – хорошее дело»**. Он сказал, что не посещал митинги этой организации, не знал ее спонсоров и людей, просивших у него разрешения. Однако он чувствовал, исходя из его вышеупомянутых принципов достижения мира во всем мире, что эта организация – еще один способ достижения желанного мира.

AMERICAN COMMITTEE FOR PROTECTION OF FOREIGN BORN

Зарегистрирован Генеральным прокурором США согласно исполнительного ордера 10450.

Сорокин допускает, что дал некому незнакомцу разрешение на использование его имени в связи с программой, спонсируемой этим комитетом и обнародующей заявление против денатурализации американцев, родившихся вне США, виновных в преступной и/или подрывной деятельности. Сорокин сообщил, что давно считает, что если однажды иностранец получил гражданство, то его нельзя его лишать, какой бы деятельностью он ни занимался. Поэтому, когда этот комитет запросил использование его имени, он с радостью разрешил, так как считал, что натурализованного гражданина США нельзя денатурировать.

В этой связи он отметил, что сам он натурализовался в округе Хеннапин (Миннесота, г. Миннеаполис) в 1930 г. Он сказал, что считает свое американское гражданство одним из своих ценнейших достояний и что он добился этого гражданства за минимальный период времени, требующегося Службе иммиграции и натурализации.

INTERNATIONAL WORKERS ORDER

Зарегистрирован Генеральным прокурором США. согласно исполнительного ордера 10450.

Сорокин сообщил, что хорошо знает о внесении этой организации в Перечень подрывных организаций, зарегистрированных Генеральным

прокурором США. Но, прочтя в 1951 г. о том, что штат Нью-Йорк через государственный департамент страхования принял на себя активы этой организации, а в итоге и запретил ее существование, Сорокин поймал себя на мысли:

«Вот политика, имитирующая худшие характеристики Советского режима».

Он пришел к выводу, что институт частной собственности, как мы его понимаем в этой стране, был уничтожен штатом Нью-Йорк, и что опытный наблюдатель может разглядеть в этом процессе начала национализации и обобществления этой страны. Сорокин заявил, что он против этого, и пожелал обнародовать свой протест губернатору штата Нью-Йорк, так как он считает, что такая практика определенно опасна для будущего благополучия США. Если любое правительство штата может задавить любую организацию в своем штате, то нет организаций, которых бы не одолели совместно правительство штата и федеральное правительство. Сорокин отметил, что ничего не знал об этой организации, никогда не был с ней связан и не знал никого из ее членов.

БОСТОНСКИЙ КОМИТЕТ АМЕРИКАНЦЕВ ЗА СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ:

Сорокин назвал этот комитет группой индивидуалов, поддерживающих усилия африканцев в их попытках достичь свободы через войну рас в Африке. Он сообщил, что африканцы участвуют в организованной кампании ненасильственного сопротивления против южноафриканских законов, введенных усилиями южноафриканского премьера Малана, и что, в соответствии с его теорией о том, что национализм в Африке и на Востоке находится на подъеме и не может быть остановлен, он понял, что должен встать на сторону африканского народа, сопротивляющегося эдиктам правительства Малана. Сорокин отметил, что не знал о проникновении коммунистов в комитет или их контроле над ним, и не смог вспомнить никого из членов этого движения.

В этом контексте он указал, что религиозная политика и деятельность секты квакеров находят у него отклик, и он считает их искренне заинтересованными в достижении желанного мира во всем мире.

Сорокин сказал, что, возможно, он разрешал использование своего имени и другим организациям, но ныне не помнит ни их названий, ни лиц, обращавшихся к нему за таким разрешением.

3. РАЗНОЕ:

Подходя к концу интервью, Сорокин обобщил свои предыдущие высказывания о мире во всем мире, указав, что он крайне искренен в своих усилиях по достижению реального мира во всем мире, и что, хотя прокоммунистический характер некоторых из организаций, коим он

давал разрешение на использование своего имени в течение последних 10 лет, может создать подозрение и в его прокоммунистичности, на самом деле его борьба против коммунизма идет более 35 лет. Он сказал, что, хотя организации коммунистического лагеря **«использовали его и других»**, он считает, что дело не в этом. Как инициатор идеи настоящего достижимого мира во всем мире, он хорошо осознает, что сильные националисты этой страны могут обвинить его в поддержке России и коммунизма, хотя на самом деле это не так. Он сообщил, что он очень высоко ценит свое американское гражданство, но, как социолог и исследователь всемирной истории, чувствует, что многое в политике и деятельности правительства США после Второй мировой войны способствовало усилению власти советского правительства на русский народ. Исходя из своих личных знаний о русских, Сорокин считает, что они с радостью подружались бы с американским народом. Он сказал, что понимает, что почти невозможно убедить русский народ правдивыми заявлениями о мирных целях и намерениях американского народа, но так как советская диктатура такова, какая она есть, то инициирование процессов, в итоге ведущих к миру во всем мире, ложится на плечи США и западных держав.

Сорокин считает, что советские руководители искусно возбуждают национализм в Африке и на Дальнем Востоке и используют его против западных держав. Он выразил надежду, что западные державы будут осторожно подходить ко взрывоопасному вопросу о национализме, и сказал, что решение этих проблем на Дальнем Востоке может изменить ход истории, так как, по его мнению, культурный центр планеты со временем переместится из ныне доминирующей западной культуры в культуру восточную.

В заключение он сказал:

«Так как мои теории непопулярны, я подозреваю, что буду рассматриваться как подрывной элемент».¹²³

«Одиноким волком» в американской социологии. «Человек вне сезона» в американской политике. В разгар холодной войны призывает к «полному и всеобщему разоружению». Тем не менее Сорокин был сильным контрвызовом сталинистам и несталинским марксистам отмечал П. Толботт.¹²⁴

§18.

Россия. Тридцать лет спустя. 1950

В 1950 г. были изданы в расширенном виде анти-большевистские свидетельства Сорокина о преступном режиме большевиков («Leaves from a Russian Diary» NY, Dutton, 1924).

Новое издание получило название «Leaves from a Russian Diary, and Thirty Years After» (Boston, Beacon Press, 1950). На допросе в ФБР Сорокин эту книгу не упомянул...

Не издана она и в нынешней РФ...

В предисловии к изданию 1950-го года Сорокин писал:

«После первой публикации этой книги в 1924 г. некоторые Дон Кихоты Революции обвиняли автора в превращении прекрасной Дульцинеи Революции в кровавую девку из Тобосо.

В настоящее время таких наивных мало, за исключением, конечно, коммунистов. Дело пособников революции воспевать ее. События доказали, что мое исследование о революции было правильным.

Миллионы жертв революции, ее ненасытное кровопролитие, ее переполненные тюрьмы и концлагеря все это стало слишком очевидным за минувшие тридцать лет, чтобы рассеять все донкихотские иллюзии о красоте, грамотности, целомудрии и героизме революции.

Ныне общественное мнение на Западе страдает от противоположной односторонности, приписывая Революции все грехи и отрицая ее некоторые ценности. Это мнение страдает также от двух других ошибок: оно рассматривает Русскую Революцию как самостоятельный феномен, опасный для противоположной западной культуры, и, он рассматривает ее как особенно ужасный тип революции совершенно отличный от других революций, которыми их потомки гордятся.

Голая правда заключается в том, что ужасы русской революции не являются какими-то особенными, но типичны практически для всех насильс-

твенных революций, безотносительно ко времени, месту, расе, вероисповеданию или национальности.

Русская революция не является изолированной болезнью, произведенной злым гением Ленина, но является одной из четырех ярчайших манифестаций дезинтеграции нашего западного чувственного социо-культурного порядка.

Другие – две мировые войны и фашистско-нацистские революции.

Это не русская революция вызвала бесконечную катастрофу гуманизма после 1914 г. Это базисный процесс упадка нашего чувственного порядка, вызванный первой мировой войной, русской революцией, фашистско-нацистскими революциями, второй мировой войной и многочисленными восстаниями и анархией на Востоке и Западе.

По мере того, как эта дезинтеграция западного чувственного порядка продолжается, все попытки предотвратить революции и войны будут терпеть поражение.

Бесполезно пытаться остановить эти процессы возведением санитарных кордонов вокруг советского блока поскольку дезинтеграции пропитали Запад также как и Восток, санитарный кордон не поможет.

Еще более глупо пытаться лечить болезнь взаимной агрессивностью, непримиримостью, «холодной войной» и подготовкой к апокалиптической новой войне.

Такая политика – не что иное как родной брат Революции, ее деструктивности, ее кровавости, ее тирании, ее тоталитаризма.

Все это крестовые походы только прикрывают истину, а напыщенные фразы их лозунгов только усиливают, множат и распространяют микробы болезни. Только решительное объединение нашей культуры может остановить дальнейший рост деструктивных процессов.

Эта реинтеграция может не быть достигнута ни методами революции ни существенно сходной техникой горластых Крестоносцев против Революции.

Техника любви вместо ненависти, творческий конструктивизм, а не деструкция, уважение к жизни

вместо служения смерти, реальная свобода вместо принуждения и псевдо-свободы – вот что необходимо для восстановления гуманизма.

Эссе «Тридцать лет спустя» более подробно раскрывает основную пропозицию этого предисловия – пропозицию одинаково неприятную проponentам и оппонентам русской революции.

Единственное извинение, которое у меня имеется за это несогласие с обеими партиями, – старая максима:

Платон друг, но истина, еще больший друг».

Винчестер, Массачусетс. 1950.¹²⁵

Эссе «Тридцать лет спустя» является XXXII-ой (последней) главой «Листов» и имеет подзаголовок «Русская революция как гигантский успех и колоссальная неудача» (стр. 313–346).

Очень низко Сорокин оценивает советские «успехи» в области общественных наук:

«...во всех этих областях Революция не смогла создать ни одной своей собственной звезды и советское правительство вынуждено черпать их из остатков от старого режима.

Профессор Державин*, например. До Революции он был всего лишь мелким «приват-доцентом» в филологии. Сегодня Советское правительство титулует его как великого советского лингвиста, филолога и мастера всех сортов...

Не удивительно, что большинство достижений советских общественных и социальных наук, которые Советское правительство выставляет в качестве выдающихся достижений советского гения, вроде коллективных работ «История дипломатии» или «Советская Энциклопедия» фактически являются посредственными изделиями – серыми, мало компетентными, игнорирующими многие недавние достижения вне Сов. России, без проблеска оригинальности и искра творчества.

Кажется немного лучше дело в области естественных наук и технологии, жизненно необходимых

* Державин Николай Севастьянович (1877 с. Преслав. Таврической губ. – 1953 Ленинград) – литературовед. Ректор Ленинградского университета (1922–25). Академик (1931), член Компартии (1945), лауреат Сталинской премии (1949).

совправительству и поэтому им поддерживаемых, особенно в прикладных формах. Но даже в этих областях не появилось важных открытий или изобретений советский гениев. Когда совправительство хочет представить своих величайших звезд на выставках здесь, оно почти безвозвратно обращается к моим прежним коллегам из университетов Петербурга или Москвы, или, в любом случае, к выдающимся дореволюционным физикам, химикам, математикам, биологам, инженерам и изобретателям. Даже знаменитый или незнаменитый доктор Трофим Лысенко был профессором биологии еще до революции. Огромное большинство членов советской Академии Наук в области математики, физики, химии, биологии, техники являются все еще учеными дореволюционного разлива. В ряде случаев, не будучи способным вырастить ученых дома Советское правительство похищает или реимпортирует эмигрантских ученых вроде доктора Капицы из Англии или нанимает служить иностранных ученых.

Факты бесспорно доказывают, что Революция потерпела поражение даже в этих, жизненно важных областях.

Убивая, бросая в тюрьмы и запугивая действительных и потенциальных творцов в этих областях, сатрапы революции значительно ослабили творческий порыв даже в этой «материалистической» области.

Несмотря на значительное увеличение научных исследований институты и их персонал, вскормленные Советским правительством, современная советская наука и техника не произвели таких выдающихся ученых и изобретателей как дореволюционная Россия – Фаворский, Коновалов, Чернов, Докучаев, А.С. Попов, Чебышев, Ляпунов, Ферсман, Прянишников, Самойлов, Лебедев, Вернадский, Марков, Павлов и т.д.

Другие творцы, такие как доктор В. Ипатьев в химии, доктор И. Сикорский – в авиации...»¹²⁶ –

известно. Бежали на Запад и продолжали успешно творить...

Далее Сорокин пишет:

«...создано такое деспотическое правительство, какое едва ли известно во всей человеческой истории, безусловно более тираническое чем неспособное, импотентное, мягкое и очень человеческое конституционное правительство старого режима.

Советские диктаторы и Политбюро не ограничены никаким законом, они над законом, их капризы являются законом. Они контролируют всех от колыбели до могилы. Все у них под контролем – экономика, политика, профессиональная деятельность, религия, образование, отдых, медицина. Они вездесущи, всемогущи, всезнающи (через армию шпионов) и безжалостны к своим подданным не имеющим никакой свободы.

Их «свобода речи и прессы» это – слушать, говорить, писать и читать по указанию правительства. Существуют только правительственные газеты и журналы, радио и телевидение, книги и типографии. Без разрешения правительства никто не может напечатать даже визитной карточки, даже бумагу для письма достать трудно.

Если какой-либо наивный человек иногда выразит недовольство, то окажется в тюрьме или концлагере за «криминальный индивидуализм, требующий образовательных и исправительных мер». Эти меры – от казни до лагерей.

Люди не имеют свободы выбора местожительства. В какой части России, в каком городе, в какой части города, в какой комнате или в каком углу комнаты им жить – все зависит от сатрапов.

В выборе профессии выбор у «граждан» тоже небольшой. Что есть, пить и носить гражданам тоже решает правительство.

В ряде случаев, непрямым образом, правительство решает вопрос о возможности для индивида жениться, на ком и когда.

Суммируем: сатрапское правительство Революции обладает неограниченной свободой от любой формы контроля, а люди имеют мало, если вообще имеют, свободы от правительства.

С. Лагерное «воспитательное исправление» дает такие масштабы свободы русского народа.

В течение 30 лет Революции ее правительство казнило, как минимум 1 000 000 – 1 500 000 своих граждан, убило много больше миллионов людей – арестами, тюрьмами, ссылками, принудительным переселением из одной местности в другую. Не только в абсолютном, но даже в процентном отношении всего погибшего населения, едва ли какой период истории во всей истории России может в этом отношении соперничать с тридцатью годами Революции.

Как уже упоминалось ранее, до Революции, в период 1880–1904 гг., ежегодное среднее количество казней было от 9 до 18. Сравните их с наиболее консервативными, но апокалиптическими цифрами: 30 000 казненных ежегодно в период 1918–1950. Помните, что общее население тюрем, лагерей, и все другие сорта мест заключения и ссылки в дореволюционный период составляли небольшую часть одного процента общего населения.

В революционные годы флюктуация достигла 10–15 процентов. В начальный период революции, в 1918–1922 гг., в среднем, один из пяти человек был арестован и заключен в тюрьму по крайней мере один раз.

В целом, советский рай, в действительности представляет одну гигантскую тюрьму, в которой коммунистический «надзиратель» грубо управляет примерно 200 миллионами заключенных.

Как в любой тюрьме, все основные ресурсы этой гигантской тюрьмы коммунированы и национализированы. Население содержится в суровой дисциплине, от него требуется тяжелый труд, вознаграждение за который незначительно. Нарушение любого правила в камере сурово наказывается. При самом незначительном сопротивлении следует казнь.

Такова картина «свободы», которой достигло правительство после тридцати лет труда. Более трагического банкротства трудно вообразить.

D. Революция не уничтожила эксплуатации. Она только заменила ограниченную эксплуатацию трудящихся частным собственником (бедного богатым) неограниченной эксплуатацией людей пра-

вительством и его приспешниками. До Революции гражданин мог обратиться в суд за компенсацией в случае, нарушающей закон эксплуатации. Ныне некуда (за исключением Бога) обращаться против эксплуатации правительства.

Е. Революция не уничтожила социальное неравенство и социальные ранги и классы. В терминах прибыли, удачи, стандартов жизни русское население сегодня составляет высокую экономическую пирамиду с огромной стратой бедных, небольшой процветающей стратой различных рангов, и на самом верху – миллионеры, в основном высшего ранга коммунистические чиновники и их «специалисты» (приспешники).

В терминах количества прав и привилегий население России очень разнится. От «коммунистических Богов» (члены Политбюро и другие высокопоставленные), которые обладают неограниченным правом на жизнь и смерть большинства населения до советских «отверженных» в тюрьмах и лагерях, и отверженных, которые не в тюрьмах, но в любой момент могут быть арестованы, лишены всех прав и самой жизни в любой момент.

Дореволюционная Россия имела от 3 до 4 миллионов членов царской «знати». Нынешняя Россия имеет 5–6 миллионов коммунистической «знати». И эта знать намного более привилегирована чем царская. Она уже стала наследственной знатью с несколькими образовательными и другими привилегированными институтами открытыми только ее наследникам. В сотнях других форм социальное неравенство, полукастовое общество процветает во время этих тридцати лет «революционного равенства»! *Beati possidentes!** – снова полная реальность в России.

Подведем итог.

Какую творческую область мы не возьмем, от высшей до низшей, везде результаты Революции равны нулю. Или очень низкие или даже негативные. В качестве творческой силы Революция и ее сатрапы потерпели полную неудачу».¹²⁷

* Счастливы владеющие, (лат.).

§19. Предисловие к книге Саркисянца. 1955

В 1955 г. Сорокин написал предисловие к книге своего бывшего соотечественника Мануэля Саркисянца*, посвященную русскому и мусульманскому мессианизму. Саркисянец учился в Чикагском университете, самом либеральном в то время. Задышался в американской «обывательщине». Свою книгу написал в 1949–53 годах без всяких субсидий. Издательство Чикагского университета рукопись отвергло...

В 1952–56 Саркисянец преподавал в негритянском колледже в Техасе. С Сорокиным состоял в переписке с 1951 года. Сорокин выразил желание написать предисловие и помочь с публикацией книги в Германии, так как в США публикация книги такого толка невозможна. «Russland und der Messianismus des Orients» – была издана в Тюбингене.

Питирим Сорокин писал:

«Россия и мессианизм Востока» – одно из немногих по настоящему значительных исследований, посвященных духовному миру русских и в первую очередь – русскому мессианско-хилиастическому сознанию. Она не похожа на многочисленные книги о России, вышедшие в свет за последние три десятилетия, – поверхностные и зачастую вводящие читателя в заблуждение. Необычайная глубина анализа, сочетающаяся с широтой тематики (религиозная жизнь и философия, политика и мораль) придает этой книге совершенно особый характер. Повествование о русском хилиазме переходит в рассказ о хилиастических традициях, выросших на исламской, буддийской и индуистской почве; о движениях, доктринах и надеждах, обнаруживающих прямую или косвенную связь с духовным миром России.

* Саркисянец Мануэль (г.р. 1923 Баку) – в 1929 г. увезен родителями в Тегеран. В 1946–56 жил в США. Учился в Чикагском университете. С 1956 г. в Гейдельберском университете. В настоящее время живет в Мексике. Пишет книгу «Земля и Воля. От Герцена до Иванова-Разумника».

Мануэль Саркисянц раскрывает то, как и почему эти мировоззрения сыграли значительную роль в истории русской революции – как на стадии ее внутреннего созревания, так и в момент самого революционного взрыва. Он демонстрирует и то, как много значили хилиастические идеи для пробуждения азиатских народов к борьбе за социальную и политическую независимость. С большим мастерством М. Саркисянц раскрывает важнейшие переплетения и трансформации, которым подвергался идеал целостности (интегрализм) в различных мессианистско-хилиастических течениях русской общественной мысли. И в результате становится ясно не только то, *почему* хилиастическая традиция стала почвой для большевизма, но и то, *каким* именно образом эта почва была подготовлена.

М. Саркисянц размышляет – *post mortem* – о диалектике русской революции: о том, как в сталинскую эпоху революция уничтожила хилиастические силы, способствовавшие ее вызреванию и облегчившие народам Азии борьбу за независимость и социально-культурное возрождение.

В этом предисловии я могу лишь вкратце охарактеризовать содержание, предмет и значение работы, предлагаемой вниманию не одних лишь специалистов, но также самого широкого круга читателей – всем тем, кому не безразличен вопрос о революционном развитии в нашу эпоху. Я не во всем разделяю воззрения автора; однако для меня не подлежит сомнению, что его труд – значительный вклад в изучение духовной жизни России. Книга М. Саркисянца дает возможность увидеть, в какой огромной степени революция абсорбировала традиционные идеалы русского народа – и тем самым уничтожила как раз те источники, из которых она первоначально черпала важную часть своей духовной мощи.

Питирим Сорокин
Гарвард, 1955¹²⁸

Саркисянц сделал большую работу.

Список только тех, кому он выражает свое «данке» занимает полторы страницы...

Из русских это: Питирим Сорокин, Г.В. Бобринский (доцент санскритского языка и литературы Чикагского у-та), Д. Чижевский (Гарвард), Г. Флоровский (Колумбийский у-т), Г. Федотов (Нью-Йорк), Н.О. Лосский, Владимир Зензинов.¹²⁹

Очень мало было русских рецензентов книг самого Сорокина. Информации для «Возрождения» он писал сам.

Михаил Карпович откликнулся в «Новом журнале» на «Россию и США» в 1944-ом.

В 1942-ом там же о «The Crisis of Our Age» писал Николай Вакар:

«Было бы досадно, если бы в этом потоке затерлась и потонула превосходная книга П. Сорокина. <...>

Сломить общественное равнодушие задача иная, нежели те, которыми занят автор, однако в наше время едва ли более трудная. За несколько месяцев книга вышла седьмым изданием. Это хороший признак. Критика разделилась на восторженную и негодующую. Это лучшая похвала труду. <...>

П. Сорокин ставит проблему остро и крепко. Язык у него тоже крепкий, прямой и в своей прямоте грубоватый. Мы не привыкли обсуждать научные темы таким языком. Но этот дар изложения имеет свою убедительность, он открыл книге путь к широкому читателю. <...> Если верно, что истина пребывает посередине, то, очевидно, П. Сорокин ближе к ней, нежели его оппоненты. Его труд ценен тем, что помогает осмыслить происходящее и не потерять надежды. <...> Книга переводится на испанский, французский и немецкий (Швейцария) языки. Надо пожалеть, что не предвидится русского перевода или издания. В русском мире труд П. Сорокина, наверное, был бы высоко оценен».¹³⁰

Книга издана в 1941-ом в Нью-Йорке. Рецензия опубликована в 1942-ом. Там же.

«Сорок первый – наша совесть», как большевистский путь и красный террор, Голодомор Украины и Секретные протоколы... Ленинградская блокада...

Умерли зимой 1941-го: Гредескул, Тхоржевский, Холопов, Немилов, Боричевский, Звоницкая, Лутонин, Энгль, Андрианов, Голлербах (по пути в эвакуацию в Вологду), Н. Дармолатова¹³¹...

После войны труд Сорокина был действительно высоко оценен в русских беженских лагерях в Западной Германии.

Читал ли «Динамику» и «Кризис» «Самый гениальный русский мыслитель XX века»* П.Б. Струве и откликнулся ли? Первые три тома «Динамики» вполне мог читать... П.Н. Милюков? Его отзыв был бы особенно ценен...

В работе участвовали дюжина выдающихся русских дореволюционных профессоров... И почти никаких следов в периодике... Только архивы, переписка...

Тимашев откликнулся, но в американской печати («Thought». 1941. Dec. P. 610–12). Ковалевский, Петражицкий, Кареев, Де-Роберти – учителя, чьи фото у Сорокина на камине в Винчестере.

После «Современных социологических теорий» (11 переводов) «Кризис» (10 переводов) стал самой переводимой на иностранные языки книгой Сорокина (к 1971 году).

Огромное количество откликов в американской прессе имела «Russia and the United States». Отклик Михаила Карповича уже приведен. Книга была переиздана в 1946, 1950, 1953...

На суперобложке одного из изданий читаем:

«Новые соглашения Организации Объединенных Наций в отношении послевоенного мира неопределимо повышают достоинство и значение этой современной книги...

«РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ» Питирима А. Сорокина. Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.

Автор написал также: «Кризис нашего века», «Человек и общество в беде» и др. («The Crisis of our Age», «Man and Society in Calamity», etc.)

* По мнению Ричарда Пайпса.

Как сообщалось в «Нью-Йорк таймс», «Государственный секретарь Корделл Халл* на пресс-конференции охарактеризовал достижения Московской конференции как огромный шаг вперед, подающий надежды на будущее, увеличивая перспективы мира во всем мире». Ввиду исключительно важного значения нашего нового соглашения с Россией, необходимо более, чем когда-либо, чтобы народ Соединенных Штатов понял Россию и ту роль, которую она будет играть в послевоенном мире.

Большинство современных книг о России написаны людьми, не имеющими подлинного знания условий развития и истории страны. Профессор Сорокин, сам русский по национальности, возглавляющий Отдел социологии в Гарвардском Университете, провел глубокое исследование национального состава, идеалов, социально-политических учреждений, религиозных идей и характера России. Он считает, что Америка и Россия до сих пор развивались в одном и том же направлении и что теперь их судьбы были соединены войной. Своими объединенными усилиями они в состоянии создать прочный мир во всем мире.

Профессор Сорокин исследует сходство между Америкой и Россией, заходит далеко в глубь истории России, чтобы доказать, что эта страна всегда была в своей основе демократической, обеспокоенной мировыми проблемами, готовой к сотрудничеству и религиозной. Книга заканчивается философско-историческим обсуждением причин войны и мира.

Наибольшее напряжение войны, – утверждает профессор Сорокин, – наступает «в периоды радикального преобразования главных общественных ценностей», что является причиной войн в этом столетии, поскольку «в начале этого века происходит быстрый распад сенсорной культуры». Причина мира, – говорит он, – заключается в сходстве ценностей, «хорошо интегрированной системе конечных ценностей и их норм, которые все совместимы друг с другом». Когда эта интеграция и гармония нарушается, начинаются войны. Таким образом, гармония основополагающих идеалов в отношениях между Россией и Америкой способствует прочному

* Халл (Hull) Кордел (1887–1955) – в 1933–1944 – госсекретарь США.

миру, и это, в конце концов, распространяется на всех людей.

* * *

«Могущественное произведение», – отмечает Джозеф Дэвис*, бывший посол в Советском Союзе, автор работы «Миссия в Москве».

«РОССИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ» Питирима А. Сорокина.

Russia and the United States. By Pitirim A. Sorokin.
Джозеф Э. Дэвис продолжает: «Это – хорошо сбалансированный и исключительно научный, определенный вклад – причем наиболее ценный – в сохранение тех политических отношений России и Соединенных Штатов в будущем, которые так жизненно важны для какой бы то ни было формы «более примечательной послевоенной перестройки в пользу мира», в которой нуждается человечество».

«Профессор Сорокин из Гарварда очарователен... Его последние наблюдения о кризисе нашего века можно найти в замечательной книге под названием «Россия и Соединенные Штаты», которая по широте представленных в ней взглядов бросает вызов недавно опубликованной работе Мортимера Адлера «Что думать о войне и мире». Высказываемые Сорокиным положения обильно документированы и заслуживают того, чтобы их услышали». – Джон Чемберлен***, «Нью-Йорк таймс».**

«Удивительно достоверная и беспристрастная книга о советско-американских отношениях, в прошлом, настоящем и в будущем. Подтверждает растущее убеждение среди американцев доброй воли, что для нас сотрудничество с Россией после войны не только возможно, но и желательно... Книга «Россия и Соединенные Штаты» несет в себе важное содержание». – «Чикаго дейли ньюс»

* Дэвис (Davies) Джозеф Эдвард (1876–1958) – в 1936–38 – посол США в Москве. В 1943 г. вел переговоры со Сталиным. В 1945 – награжден орденом Ленина.

** Адлер (Adler) Мортимер (1902–2001) – философ, деятель просвещения.

*** Чемберлен (Chamberlain) Джон – журналист.

«Одна из самых своевременных книг о России из тех, которые когда-либо выходили в свет... Мне наиболее интересной представляется глава «Причины и факторы войны и мира». – Д-р Даниел А. Полинг*, «Крисчен Геральд».

«Сорокин предпринимает попытку, поистине достойную Линкольна, найти общую почву для понимания как основу для того, чтобы был и сохранялся мир во всем мире». – «Сент-Луис глоб-демократ»

«Вызывает оптимизм, когда такой человек может с уверенностью обрисовать условия, необходимые для прочного мира, а также может назвать многие причины, почему наша страна и Россия могут серьезно надеяться на взаимное доверие, которое приведет к плодотворному сотрудничеству в последующие годы». – «Луисвилл курьер-джорнел» (Ежедневная газета (Луисвилл. Кентукки. Осн. в 1868) – Ю.Д.).

* * *

Питирим А. Сорокин.

«Один из властителей умов этого поколения...» – «Сосьолоджи энд соушел ресёрч» («Социология и социальное исследование»). Университет Южной Каролины.

Его книга «Кризис нашего века» (The Crisis of our Age) явилась одной из великих книг своего времени...

«Величайшую возможную услугу, которую только можно оказать человечеству, представляет этот смелый анализ всех черт Западной цивилизации». – Профессор Чарльз Элвуд.**

«Я хочу, чтобы все знали, что из всех, кого мне довелось в жизни встречать, П.А. Сорокин ближе всего подошел к тому, чтобы собрать разрозненные кусочки нашей современной цивилизации в единый понятный облик. Эта книга не является просто

* Поллинг (Paulling) Даниэл (1884–1968) – священник, писатель.

** Элвуд (Elwood) Чарлз

изложением суждения. Это – продукт широких знаний, глубокой эрудиции и мучительного исследования... В лице Питирима Сорокина я познакомился с выдающимся умом». – *Говард Винсент О'Брайен**. «*Чикаго дейли ньюс*».

«Прекрасное противоядие (по отношению к Шпенглеру)... Сорокин имеет веру в будущее, которая отсутствует у других крупных пророков. Его книга – это вызов пессимизму, который неизбежно поражает этот кризисный век». – «*Нью-Йорк таймс бук ревью*»**.

«Ему есть, что сказать, и это заслуживает внимания всех, кто пытается понять современный мир... Книгу можно рекомендовать сведущему читателю». – «*Коммонуил*»***.

«Книга представляет собой в популярной форме произведение одного из величайших социологов и философов нашего времени. Это – великолепная попытка успешного человеческого суждения, отделяющего сорняков от злаков пшеницы в нашей современной культуре». – «*Крисчен сайенс монитор*»****.

«Написанная одним из великих социологов нашего времени, эта книга имеет выдающееся значение не только для социологов». – «*Крисчен сенчери*»*****.

«Нет ни малейшего сомнения в том, что профессор Сорокин является одним из выдающихся социологов нашего времени. Это мнение в огромной степени подтверждается его книгами «Кризис нашего века» и «Динамика в сфере общества

* О'Брайен (O'Brien) Говард – романист, скульптор.

** New York Times Book Review – библиографическое приложение к воскресному выпуску газеты «Нью-Йорк таймс» в г. Нью-Йорке (штат Нью-Йорк). Основано в 1896 г.

*** The Commonweal – американское издание, еженедельный обзор литературы, искусства и общественной жизни. Издаётся в Нью-Йорке.

**** The Christian Science Monitor – ежедневная вечерняя газета. Издаётся в Бостоне (штат Массачусетс) с 1908 г.

***** The Christian Century – американский журнал религиозного характера. Издаётся в Чикаго (штат Иллинойс).

и культуры» (Social and Cultural Dynamics)». – «Сатердей ревью»*.

«Автор убежден (а это убеждение разделяет каждый социолог, кто не напрасно ест свой хлеб), что социальное изменение «имеет глубокий смысл»... Профессор Сорокин проделал ценную работу, показав, что социальное изменение имеет смысл и значение, подчиняется императивам, которые глубоко коренятся в природе человека и в условиях, в которых он живет, мыслит и творит». – «Бук-овзе-манс клуб ньюс»**.

«Поистине великая книга, которая заставит людей лихорадочно задуматься, которая, как одна из немногих, оставит свой отпечаток на нашем времени. Исключительно просвещенная книга..., побуждает действовать, легко читается». – Орвилл Прескотт***.

* * *

Питирим А. Сорокин
также написал:

«СТРАНИЦЫ ИЗ РУССКОГО ДНЕВНИКА» (LEAVES FROM A RUSSIAN DIARY). «Д-р Сорокин произвел на свет книгу, которая, вероятно, останется одним из таких источников сведений о революции в России, который будет иметь непреходящую ценность. Но это – гораздо больше, чем просто историческое свидетельство. Это такое же яркое повествование о человеческих приключениях в экстремальных условиях, какое когда-либо выходило из-под пера Конрада или Стивенсона». – «С исключительной простотой и скромностью этот замечательный человек рассказывает историю от которой кровь стынет в жилах».

Крисчен адвокат****.

* The Saturday Review – еженедельный литературно-критический и общественно-политический журнал либерального направления. Издаётся в Нью-Йорке. Основан в 1924 г.

** Book-of-the-Month Club News.

*** Prescott, Orville

**** The Christian Advocate

«КРИЗИС НАШЕГО ВЕКА» (THE CRISIS OF OUR AGE). «Книга, которая будит мысль. Книга, каких в последнее время вышло мало. Книга «Кризис нашего века» уже пользовалась удивительно популярностью для книги, которую вряд ли можно охарактеризовать как популярную, но она заслуживает того, чтобы ее гораздо более широко читали, чем это было до сих пор».

Профессор Ф. Ашли-Монтэгью.*

«ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В БЕДЕ». (MAN AND SOCIETY IN CALAMITY). «Перед нами – великий ученый, который отнюдь не является Иеремией. Хотя он признает огромные страдания, которые приходится испытывать человечеству из-за четырех больших зол, являющихся предметом его исследования, он не отчаивается. Бедствия, – говорит он, – не представляют собой одно зло, и, в более широком смысле, они имеют свою компенсацию... Д-ру Сорокину есть что поведать, – глубокую правду... Это – яркое, будоражащее мысль и в то же время стимулирующее повествование».

*«Нью-Йорк таймс бук ревью».*¹³²

Удивительно, что второе издание «России и США» самой «просоветской» книги Сорокина вышло в 1950-ом году одновременно с переизданием его самой «антисоветской» книги «Листы из русского дневника», да еще с уничижительной оценкой итогов правления большевиков.

«Холодная война» в 1950 году бушевала вовсю. В директиве СНБ США СНБ-68, принятой 14 апреля 1950 г. рефреном повторялось:

«Если война начнется в 1950 году...»

Сорокин издает в 1950-ом, соответствующую моменту книгу «Социальная философия в век кризиса», в которой исследует теории восьми социальных философов. Русские – Бердяев, Данилевский. Три немца – Шпенглер, Шубарт, Швейцер. Два американца – Альфред Кребер и Ф. Нортоп. Англичанин – Тойнби.

* Ashley-Montagu, M.F.

Сорокин сближает идеи Данилевского и сталинского режима. Границы Панславянского Союза, предложенные Данилевским, совпали с границами 1945 г. Сталин даже превзошел мессию, захватив Кенигсберг.

Сорокин пишет:

«Нынешнее противостояние Европы и России делает взгляды Данилевского поразительно современными. Его «Россия и Европа» более современна сегодня чем восемьдесят лет назад».¹³³

О Бердяеве, который умер в 1948 г. во Франции Сорокин вспоминает:

«...был арестован и выслан из России Советским правительством (в той же самой группе, что и я)».¹³⁴

Что касается Шубарта*, то им много занимался Поремский. Основную часть опубликованной по-немецки книги Шубарта «Европа и душа Востока» (Люцерн. 1938), в 1943 г. он перевел на русский и опубликовал. В 1945 и 1947 годах «Посев» переиздал... От Поремского Сорокин, возможно, и узнал о сгинувшем в советских лагерях немецком мыслителе.¹³⁵

§20. Два письма Г.Д. Гурвича П.А. Сорокину. 1950

Начало 1950-х. Нелегко для Сорокина и в личном плане. Умерли ближайшие друзья. Кузевицкий – 4.07.1951 в Бостоне. Ростовцев – 20.10.1952 в Нью-Хейвене. 21.07.1951 г. в Нью-Йорке умер Борис Бахметьев, первым в сентябре 1923 г., представивший американским ученым и политикам Питирима Сорокина, познакомивший его с

* Шубарт, Вальтер (1891 Зоненберг. Тюрингия – 1948 Казахстан) – с 1933 г. жил в Латвии. В 1941 г. за два дня до сдачи Риги немцам арестован. В 1998 г. его родственникам через немецкий Красный Крест было сообщено, что В. Шубарт умер в лагере для военнопленных.

профессором Гиддинсом, Алексисом Кэрролом...¹³⁶ Георгий Гурвич (с 1948 г. возглавлял кафедру социологии в Сорбонне и соперничал с Ж. Фридманом, Р. Ароном, Сартром), который был на 5 лет моложе Сорокина, в 1950-ом писал Сорокину:

«Дорогой Питирим Александрович, давно мы с Вами не переписывались. <...> После моего второго сердечного припадка, сразу перешел в старость, нужны очень строгие меры предосторожности, но хочется перед смертью написать еще пару книг. <...> А Вы вероятно продолжаете разрабатывать проблему любви (спасибо за книгу; она у меня сейчас на первой очереди)».¹³⁷

Выброшенный из Советской России Гурвич стал во Франции крупной общественной фигурой левого толка.

В другом, видимо 1946 года, письме он писал:

«Дорогой Питирим Александрович!

Пишу Вам, чтобы сообщить Вам, что я учредил социологический журнал «Cahiers Internationaux de Sociologic». <...> Он будет выходить дважды в год осенью и весной по 150 страниц и ставит себе главной целью содействовать сближению и сотрудничеству между французской и американской социологией. Я добился от издателя оплаты переводов статей иностранных авторов на французский язык. Первый номер, чтобы появиться в октябре должен быть сдан в печать в мае. Очень прошу о Вашем сотрудничестве, и в первом же номере. Дайте, пожалуйста, или

а) выдержку из введения или заключения Вашей «Системы социологии»

б) или общую характеристику американской социологии с 1938 до 1946 года.

с) или, все что Вы хотите, например, привет французским социологам, или описание американских институций, или о преподавании социологии в американских университетах.

<...>

Из Ваших книг – Система социологии сможет наиболее рассчитывать на успех во Франции. Вчера в interview, которое я дал французским журналистам

о России и США я ссылался на Вашу книгу «Russia and America». «Twentieth Century Sociology» усиленно переводится на французский язык...»¹³⁸

В старой России Гурвич был социал-демократом. Неизвестно при каких обстоятельствах летом (осенью?) 1920 г. ему вместе с женой Долли удалось уехать из Сов. России, вероятно в Ригу (уже во Францию к нему приехала пожилая мать).

Со слов самого Гурвича – Ленин выслал его за статью о Брест-Литовском мире.

Из письма Алданова – Коновалову* от 29.01.1941 следует, что из оккупированной Гитлером Франции Гурвич выбрался в США тоже довольно удачно:

«Карпович пишет мне, что комитет Джонсона выписал Гурвича «по французской линии», а для других надежды нет, потому что «русские беженцы не актуальны»¹³⁹

В этом же письме Алданов упомянул М. Ростовцева:

«...никакого участия в общественных делах не принимает».

Вполне возможно, что Гурвич влиял на постепенное левение Сорокина.¹⁴⁰

Помог русским беженцам Ф.Д. Рузвельт. Когда он умер в 1945 г. редакция (М. Алданов и М. Цетлин) «Нового журнала», в статье, посвященной его памяти писла:

«Не обойдем здесь молчанием факта, имеющего только личное значение. Из сотрудников «Нового журнала» многие обязаны покойному президенту свободой, а иные и жизнью. В изъятии из общих правил, по ходатайству людей ему известных, он не задумываясь, никого ни о чем не запрашивая, распорядился о немедленной выдаче виз довольно большому числу русских политических деятелей и писателей, которые в 1940 г. находились во Франции и которым бежать было некуда. Надо было бы

* Коновалов Александр Иванович (1875 Москва – 1948 Нью-Йорк) – член IV Госдумы от Костромск. губ. Министр торговли и промышленности Временного правительства. 1917–40 – Париж. 1940–47 – Нью-Йорк.

обладать редкой способностью к неблагодарности, чтобы не упомянуть об этом и в маленькой заметке, посвященной памяти очень большого государственного деятеля».¹⁴¹

В этом же номере журнала – первая публикация рассказа Ивана Бунина «Чистый понедельник»...

Был ли Сорокин участником «ходатайства, людей ему известных»? В Президентской библиотеке Ф.Д. Рузвельта (Гайд Парк, штат Нью-Йорк), вероятно, можно найти ответ на этот и другие вопросы по теме «П.А. Сорокин и Администрации Президентов США»...

Отзыв о Гурвиче Бориса Николаевского в письмах Борису Суворину:

«О Гурвиче я ничего не слыхал. Вы имеете ввиду, конечно «Жоржа» Гурвича, социолога? На конгрессе социологов в Германии, совсем недавно, он выступал сравнительно прилично. Если тот, то я очень хотел бы знать подробности».

<...>

«О каком Гурвиче Вы говорите? Социолог? Он никогда не был меньшевиком. Что с ним? Вернулся в СССР?»

<...>

«Жоржа Гурвича», – конечно знал, – и не высокого мнения о нем как о человеке»¹⁴²

Оценка Николаевским человеческих качеств Г.Д. Гурвича для нас более важна, чем реклама: **«Гурвич был наследником престижной кафедры Дюркгейма в Сорбонне»...**

О многом говорит и отсутствие Питирима Сорокина в числе авторов «Нового журнала».

В предисловии к его 1-му номеру (1942) «Редакционная группа» заявляла:

«Наше издание начинается в катастрофическое время – единственный русский «толстый журнал» во всем мире вне пределов Советской России. Считаю своим долгом открыть журнал писателей разных направлений. Разумеется люди, сочувству-

ющие национал-социализму или большевикам у нас писать не могут».

При жизни Сорокина вышел 91 том «Нового журнала» и только в одной статье его «Причины войны и условия мира» (1944. №7). Вариация доклада Сорокина на конференции в 1943 г. в Колумбийском университете...

Долее в заявлении говорилось:

«...мы считаем своим печальным долгом говорить о том, о чем не могут сказать слова русские граждане, оставшиеся в России, в Бельгии, в Югославии и о чем, по своим соображениям старается молчать почти вся (однако не вся) иностранная печать. Нам неизвестно, хранят ли об этом молчание иностранные государственные люди, имеющие возможность непосредственно сноситься со Сталиным и влиять на него. Есть основания думать, что «амнистия полякам» (в чем «амнистия»?!) дана была Кремлем не без воздействия Рузвельта и Черчиля. Как бы то ни было, независимо от нашего бессилия, нам было бы впоследствии стыдно смотреть в глаза миллионам русских людей, находящихся в советских тюрьмах и концлагерях, если бы первого нашего слова мы не сказали об «амнистии им».

Авторы первого номера: Бунин, Осоргин, Набоков-Сирин, Цетлин, Алданов, Авксентьев, Аронсон, Вишняк, Даллин, Зензинов, Ст. Иванович, Керенский, Николаевский, Георгий Федотов...

Марк Вишняк, отвечая в 1945 г. на анкету редакции «Нового журнала» «Как относитесь к советской власти?», писал:

«Новейшую и положительную фазу советской власти прославили «нового» Сталина, порвавшего с былыми революционными и интернациональными бреднями (Бэрнард Пэрс, Питирим Сорокин, Дуранти, Тревиранус и множество других), относят к 1934–35 годам».¹⁴⁴

Сорокин – прославитель Сталина – таково мнение одного из видных деятелей эмиграции, соратника Сорокина по московскому подполью весны 1918-го...

Ученик М. Карповича Ричард Пайпс, слушавший лекции П.А. Сорокина в Гарварде в конце 1940-х, вспоминал полвека спустя:

«Он был народником, конечно. Я посещал его лекции, но он был уже стариком и тогда не всегда системно излагал свои мысли. Он в основном говорил о прошлом, о политике. Лекции были не очень удачные, я должен сказать».¹⁴⁵

К серьезным делам в Гарварде Сорокина уже не допускали. Основать и возглавить в 1949 г. Русский исследовательский центр Гарвардского университета было доверено антропологу Клайду Клакхому. Сорокин, как бы в «утешение» получил грант и в том же году создал и возглавил Гарвардский исследовательский центр по изучению созидательного альтруизма. Центр Сорокина просуществовал 10 лет... К его работе Сорокин привлек и русских: И. Сикорского, православного священника Антония (Блума), генетика Феодосия Добржанского...

Сам он альтруистом, конечно, не был: в 1960 в письме к сыну своего старого друга – профессору социологии Чикагского университета Отису Дукану Сорокин писал:

«Мое обычное предисловие к моим лекциям по альтруистической любви таково:

«Мои лекции об альтруизме не означают, что я являюсь одним из выдающихся альтруистов. <...> Чтобы изучать альтруизм нет необходимости быть альтруистом. Я обычный человек».¹⁴⁶

Сорокин пытался скрыть обиду, что Русский центр возглавил не он, но это совершенно ясно. В своей книге 1956 г. он открыто писал:

«В течение последних нескольких лет ряд лиц совершенно не обремененных серьезными знаниями России, Японии или исламской культуры были избраны директорами или председателями в

русских, японских, исламских исследовательских центрах».¹⁴⁷

Клайд Клакхон был специалистом по индейскому племени Навахо...

С.Г. Елисеев, ровесник Сорокина, с 1934 г. возглавлявший в Гарварде японские исследования в 1956 г. по каким-то причинам покинул пост директора Гарвардского института «Яньцзин» и профессора университета и в следующем году уехал в Париж. Читал лекции в Сорбонне до самой смерти в 1975-ом.

В своем Центре Сорокин изучил, кроме всего прочего, благотворительные дела 500 своих современников-американцев. В итоге был вынужден признать что:

«Климат нетерпимости, вражды между людьми, а также личного и группового эгоизма» оказался совершенно непригодным для возделывания «прекрасного сада бескорыстной и созидательной любви».¹⁴⁸

В 1960 г. в Гарварде побывал Анджей Валицкий. Встречался там с Романом Якобсоном, отцом Георгием Флоровским, Александром Гершенкроном, экономистом, «замороженным символическим толкованием содержания «Доктора Живаго», Борисом Николаевским:

«И, наконец, Питирим Сорокин, один из создателей гарвардской школы социологии, директор Research Center in Creative Altruism – центра, популяризирующего альтруистическую любовь (в сочетании с аскетизмом) как средство против всех недугов приходящей в упадок западной цивилизации. Вначале он был почти недоступен, но когда я послал ему конспект готовившейся мною в то время работы о славянофилах (т.е. примерный план «В кругу консервативной утопии»), он пригласил меня в свою виллу, в окрестностях Бостона. Пропагандируя аскетизм, он жил в абсолютном комфорте, среди пышных роз, за которыми сам ухаживал, в окружении произведений искусства всех времен и культур (что сам же осуждал как проявление «хаотичного синкретизма» эпохи упадка), особенно

гордился картинами Кандинского и другими шедеврами «искусства сенситивной эпохи» (хотя писал о них как о симптомах вырождения). Он сразу назвал себя славянофилом, произнес тираду против Запада, а комментируя мой конспект и мои высказывания, заявил, что я «на голову выше» (мы разговаривали по-русски), погруженных в эмпиризм американских социологов. Ему в особенности понравилось, что я ссылаюсь на великих классиков социологии (Тенниса, Дюркгейма, Вебера – последнего он считал своим соперником, переоцениваемым в науке). Сорокин не только разделял мою веру в духовное возрождение России, но шел значительно дальше, пытаясь убедить меня, что уже сегодняшняя, официальная Россия достигла духовных высот, и с гордостью показывал упоминания о себе в сочинениях Ленина. Он был восхищен, что Хрущев на заседании ООН снял ботинок и ударил им по столу: он усматривал в этом симптом аутентичности, искренности и силы чувств, отсутствие чего ощущал на Западе». ¹⁴⁹

Кандидатура Бориса Пастернака на Нобелевскую премию по литературе была выдвинута в 1958 г. профессорами Ренато Поджоли, Хэрри Левином (из Гарварда) и Эрнстом Симмонсом (Колумбийский университет). В том числе и за роман-хронику «Доктор Живаго».

Участвовал ли Сорокин в этой «операции ЦРУ»? Неизвестно.

Протестовал ли против свистопляски в СССР в связи с присуждением премии? Вряд ли. «Открытое письмо советским писателям» направил Марк Слоним. Борис Зайцев опубликовал статью в «Русской мысли», Геннадий Андреев в журнале «Освобождение». Он же, вместе с писателем Александром Кашиным 4.12.1958 направил из Мюнхена телеграмму протеста в Кремль – К. Ворошилову. Вот, пожалуй и все «зарубежные свободные русские», персонально вступившиеся за Пастернака...

Студенты и преподаватели соседнего Йельского университета на общем собрании приняли соответствующую резолюцию-письмо и отправили Н. Хрущеву. ¹⁵⁰ Надо полагать подобное собрание было и в Гарварде.

Вытеснение Сорокина на обочину, возможно, имеет еще одну скрытую причину.

Советский социолог В.Э. Шляпентох, эмигрировавший в США в 1979 г. писал:

«Я не подозревал в Москве, насколько был силен антисемитизм в Америке в 20–30-е годы, когда существовали квоты в Гарвард <...> В этот период знаменитый Ултер Липман – теоретик демократии и общественного мнения – сам будучи из того же колена, делал все, чтобы забыли о его происхождении, и оправдывал квоту тем, что иначе «они» своим числом в науке и культуре «будут раздражать». Именно в этот период многие меняли фамилии, старались жениться на англосаксах и т.д. – все вполне в соответствии с известными нам образцами».¹⁵¹

В годы войны и после ситуация стала меняться... А, в год смерти Сорокина во главе Русского исследовательского центра Гарварда встал Ричард Пайпс.

Гарвардская цитадель капитализма, конечно, сильна и без этого пункта. Семь президентов США, 48 нобелевских лауреатов (к 2008 г.). Красноречив и факт, что:

«...по количеству дипломов (многие сотрудники ЦРУ имеют не один диплом) список возглавляют Гарвардский, Йельский, Колумбийский и Пристонский университеты».¹⁵²

Интересен вопрос о наличии в Гарварде, Йеле и т.д. советских агентов. Если таковые были в Великобритании в Оксфорде и Кембридже, то, уж в США, ставших после войны «главным противником»...

Похоже, что на эту тему наложено «табу»...

...Сплошные интриги. 8 июля 1950 г. в Мюнхене основан русскими эмигрантами послевоенной волны Институт по изучению истории и культуры СССР. Осенью 1950 г. в Мюнхене появилась экспедиция Русского исследовательского центра из Гарварда...

В августе 1953 г. было опубликовано «Обращение», подписанное почти пятидесятью виднейшими представителями, главным образом, первой российской эмиграции.

«Напечатанное в нескольких периодических изданиях, оно призывало к бойкоту работы Института. Среди подписавших были: А. Керенский, С. Мельгунов, Ф. Степун и др.»¹⁵³

Жаль, что автор не назвал все имена и даже не указал на источник... Мельгунов и Керенский, антикоммунисты, что их могло не устраивать в Мюнхенском институте?

Далее – очень близко к Сорокину.

Автор, бывший сотрудник Мюнхенского института продолжает:

«Хотя Институт к концу пятидесятих годов в своих исследованиях в основном, шел в русле вашингтонской политики, но и это не устраивало те либеральные элементы, в первую очередь американского общества, которые стремились к фантастической конвергенции с СССР, наивно полагал, что большевики когда-нибудь пойдут на это. <...> В результате в конце 1957 года появился позорный и возмутительный документ, составленный русскими руками <...> Документ датирован мартом 1957 г., и в конце его указывается происхождение документа «Кембридж, Массачусеттс». Последнее свидетельствует о связи авторов документа с Гарвардским университетом».¹⁵⁴

Опять имена не названы, но «конвергенция» явно указывает на Питирима Сорокина. Мог к нему присоединиться и вполне «левый», если не больше, глава Славянского отделения Гарварда Роман Осипович Якобсон...

Барри Джонстон, автор «интеллектуальной биографии» П.А. Сорокина, опубликованной издательством университета Канзаса в 1995-м, хорошо разобрался в кафедральных интригах «Сорокин – Парсонс» в Гарварде. Политические интриги гораздо сложнее.

24 марта 1953 года, через пару недель после смерти «великого вождя советского народа, товарища Сталина Иосифа Виссарионовича» П.А. Сорокин посылает Джеймсу Кратчфилду (Питсбург, Пенсильвания), имевшему выход на Госдеп некое «Заявление». В сопроводительном письме писал:

«Я буду очень рад если Вы любезно пошлете его мистеру Даллесу или любой другой влиятельной персоне. Для того чтобы Вы не думали о моем уклоне в пользу Советского правительства, возможно необходимо заявить, что я сражался с Лениным, Троцким и другими лидерами коммунизма, и в ряде статей, опубликованных Лениным и другими лидерами коммунизма в 1917–22 гг. меня называли «Врагом коммунизма №1». За свою вину я заплатил тремя тюрьмами, смертным приговором и 6-недельным ожиданием расстрела. Один из моих братьев был убит, другой умер в коммунистической тюрьме, не говоря о нескольких близких друзьях. Несмотря на это я пытаюсь быть объективным к советскому режиму».¹⁵⁵

Далее Сорокин изложил свои взгляды на современную ситуацию и свой вывод:

«Короче говоря, лекарство против коммунистического тоталитаризма не война, а мир. <...> Я готов посвятить себя этому делу. Если будет необходимо, я готов поехать даже в Советскую Россию, хотя по одной из бумаг, которую я подписал в 1922 перед высылкой, мне грозит смертная казнь в случае возвращения. <...>

Учитывая мое русское происхождение я не стремился к правительственным постам. Я не хочу таких позиций даже теперь, но если я могу быть полезным, то мое время, силы и скромные знания в распоряжении правительства Соединенных Штатов».¹⁵⁶

Какой ответ имело это обращение Сорокина неизвестно. Осенью 1953 г. президентом США был избран победитель Гитлера генерал Дуайт Эйзенхауэр. Он на один год моложе Сорокина...

Сорокин же, в январе 1955 года, вышел в отставку с должности профессора, оставаясь директором «Альтруистического центра» Гарварда. Нечто подобное сорокинской «конвергенции» после смерти Сталина выдвинуло новое советское руководство (Хрущев, Булганин).

«Сосуществование». Это подхватили в Индии (Неру), Индонезии, Бирме, левые круги Англии, Франции, Италии... Даже британская королева на одном из писем Ворошилову подписалась **«Ваш добрый друг королева Елизавета»**. В 1955 г. канцлер Аденауэр установил дипломатические отношения с СССР...

§21. **«Спасти Венгрию». 1957**

4 ноября 1956 г. «сосуществование» получило сокрушительный удар. Советские танки подавили восставшую Венгрию.

«Petöfi CIRCLE» in Exile.

113 East 37th Street. New York 16, NY

21 августа, 1957

Дорогой профессор Сорокин,

Вам известна ведущая роль, которую играли интеллектуалы в Венгерской революции. Начавшаяся после XX съезда КПСС удивительная «оттепель» достигла нашей страны и венгерские интеллектуалы стали говорить от имени совести. «Кружок Петефи»^{*} стал местом, где люди науки в различных областях от истории до атомной физики, стали собираться. Вместе с писателями и артистами они имели смелость обсуждать все проблемы Венгерской жизни в серии публичных лекций. От этих встреч страстный поиск правды распространился на всю нацию и вывел на путь к свободе и демократии. Как Вам известно 23 октября венгры восстали против коммунистической тирании и советского империализма.

Те члены Кружка Петефи, которые смогли вырваться в свободный мир, совместно с Федерацией Венгерских Писателей в Изгнании, призывают Вас привлечь внимание мира еще раз к венгерскому делу.

^{*} Организован М. Ракоши в марте 1956 г. для партийной молодежи, но «скоро превратился в центр оппозиции» (Тaubman, Уильям. Хрущев. Перевод с английского Натальи Холмогоровой. Вступительное слово академика РАН Александра Александровича Фурсенко. М., 2005. С. 320).

Мы знаем, что Вам известно о современной ситуации в Венгрии через прессу и радио. Но некоторые факты, касающиеся жестокости марионеточного режима Кадара не могут дойти до Вас по обычным каналам. Тысячи людей были убиты, брошены в тюрьмы, интернированы.

В период восстания, венгерские интеллектуалы создали свой собственный Революционный Совет, в качестве главной организации ученых, писателей, артистов во главе с профессором экономики Gyorgy Adam. Он теперь находится в тюрьме в ожидании суда по абсурдному обвинению в контрреволюционной деятельности.

Один из лучших венгерских мыслителей доктор Иштван Бибо, социолог и министр в правительстве Имре Надя*. Он исследовал изменения в венгерском обществе за последнее десятилетие и сделал верный вывод, что в коммунистическом государстве человек не может выразить себя как творец. Бибо теперь под арестом.

Laszlo Kardos, бывший лидер the People's College Movement и директор будапештского Музея Естественной Истории, разочаровался в коммунизме, выступил против Москвы. Он также теперь в тюрьме.

Шесть ведущих университетских профессоров уволены за независимое мышление и требование академических свобод.

По нашим последним сведениям писатели за свое молчание были атакованы министром Культуры марионеточного венгерского правительства Gyula Kallai. В нашей несчастной стране даже молчание считается предательством.

Выдающиеся венгерские писатели Тибор Дери и Gyula Hay находятся в тюрьме в ожидании суда. Хорошо известный Gyula Illyes, поэма которого «One sentence about tyranny» сама является трагическим документом о жизни при коммунизме, находится в психиатрическом госпитале, куда он был помещен после тюрьмы.

Директор Венгерского театра Gabor Foldes казнен за участие в Венгерском Революционном Совете. Одна из величайших драматических актрис Emma

* Надя, Имре – расстрелян 17.06.1958 по приказу Н.С. Хрущева.

Bulla была избита полицией так жестоко, что ее почки отбиты и теперь она находится в тюремном госпитале.

Такую же судьбу разделяет бессчетное количество других венгерских ученых, писателей, артистов.

Мы полагаем, что Вы понимаете наши чувства в эти дни, когда мы не можем безучастно смотреть на происходящее в Венгрии. Мы знаем, что Вы разделяете нашу боль с полной симпатией и готовностью помочь. Мы просим эту помощь, Вашу помощь, сейчас, когда Ассамблея ООН собирается обсуждать спецдоклад о Венгрии.* Мы просим Вас подписать прилагаемую декларацию «Спасти Венгрию».

Список подписавших будет опубликован в газетах и журналах. Он будет зачитан по В.В.С. и «Радио Свободная Европа» венгерскому народу. Мы также намерены передать текст Декларации по «Радио Освобождение» русскому народу и русским интеллектуалам добиваясь их моральной поддержки.

Сердечно Ваш.

Paul Jonas.

Председатель Кружка Петефи.

Imre Kovacs

Региональный представитель в США

Федерации Венгерских писателей

в изгнании».¹⁵⁷

Декларация американских интеллектуалов «Спасти Венгрию»

Борьба венгерского народа за свободу не окончена.

Марионеточный премьер Янош Кадар, установленный Советской Армией как Квислинг был установлен нацистами в Осло, продолжает кампанию террора.

От детей в школах до рабочих на фабриках и крестьян по всей стране, венгерский народ продолжает своё сопротивление тирании несмотря на то, что:

казнено 2 тысячи борцов за свободу,
заключено в тюрьмы – 25 тысяч,**

* 10.09.1957 внеочередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН осудила советское вторжение в Венгрию.

** По современным данным было казнено не менее 7 тысяч венгров. Около 20 тысяч венгров убито после вторжения 4.11.1956.

**интернировано – 15 тысяч,
депортировано – 10 тысяч семей среднего класса
по обвинению в «симпатиях к Западу»,
депортировано в советские лагеря – 12 тысяч
молодых рабочих и студентов,
и, в недавние недели, новая кампания терроризма
против венгерского интеллектуального мира.**

**Мы, нижеподписавшиеся американские писатели,
публицисты, артисты, ученые, представители амери-
канских гуманитарных наук, объявляем о сердечной
симпатии с нашими венгерскими коллегами и их
народом и нашей решимости продолжать подде-
рживать их усилия по восстановлению венгерской
независимости.**

**– протестуем против порабощения храброго вен-
герского народа советскими коммунистами и их
венгерскими агентами.**

**– безусловно поддерживаем Доклад о Венгрии,
составленный и опубликованный Специальным
Комитетом Ассамблеи ООН, спонтанность и спра-
ведливость отважного венгерского восстания.**

**– и призываем писателей, артистов и ученых
свободного мира присоединиться к нам в обра-
щении к писателям, артистам, ученым Советского
Союза использовать их влияние на Советское пра-
вительство и убедить его выполнить свои основные
обязательства, как они определены в резолюции
Ассамблеи ООН по Венгрии, а именно: вывести свои
войска и своих «советников» из Венгрии и позво-
лить венгерскому народу создать политические и
социальные институты по своему выбору.**

**Мы также требуем, чтобы правительства запад-
ных демократий четко выразили готовность подде-
ржать морально и помочь народу свободной Венгрии
заложить основы демократического управления
путем восстановления законности и консолидации
жизнеспособной экономики.¹⁵⁸**

**Американские интеллектуалы, к которым
поступили просьбы подписать декларацию
«Спасти Венгрию»**

**AMERICAN INTELLECTUALS ASKED TO SIGN
THE «SAVE HUNGARY!» DECLARATION**

1. Conrad Aiken	42. Philip Frank
2. Andreas Alföldi	43. Robert Frost
3. Nelson Algren	44. A. Whitney Griswold
4. Joseph W. Alsop, Jr.	45. John Gunther
5. Stewart Alsop	46. Ozkar Halecky
6. Luis Alvarez	47. Joseph Harsch
7. Eugene Barnothy	48. Helen Hayes
8. Magdolna Barnothy	49. Jascha Heifetz
9. Zoltan Bay	50. Ernest Hemingway
10. Leonard Bernstein	51. John Hersey
11. Hans Bethe	52. Marguerite Higgins
12. Felix Bloch	53. Sidney Hook
13. P.W. Bridgman	54. Theodor Karman
14. Pearl S. Buck	55. Elia Kazan
15. Alexander Calder	56. Paul Kelemen
16. Erskine Caldwell	57. George F. Kennan
17. Erwin Cantane	58. Grayson Kirk
18. Truman Capote	59. Hans Adolph Krebs
19. Turner Catledge	60. Polykarp Kusch
20. Henry Steele Commager	61. Willis E. Lamb, Jr.
21. Marc Connelly	62. I. Langmuir
22. C.F. Cori	63. Max Lerner
23. Gerty T. Cori	64. Fritz Albert Lippmann
24. Aaron Copland	65. Walter Lippmann
25. E.E. Cummings	66. Archibald MacLeish
26. Elmer Davis	67. Sandor Marai
27. Paul De Kruif	68. J.P. Marquand
28. Agnes de Mille	69. Edwin McMillan
29. Cecil B. de Mille	70. Margaret Mead
30. Ernst Dohnanyi	71. Yehudi Menuhin
31. Antal Dorati	72. Thomas Merton
32. John Dos Passos	73. Arthur Miller
33. Will Durant	74. Henry Miller
34. Vincent Du Vigneraud	75. Nathan Milstein
35. Ralph Ellison	76. Marianne Moore
36. Mark Etheridge	77. H.J. Muller
37. Howard Fast	78. Charles Munch
38. William Faulkner	79. Edward R. Murrow
39. Paul Fejos	80. Ernest Nagel
40. Edna Ferber	81. Reinhold Niebuhr J.
41. John Ford	82. Robert Oppenheimer

83. Eugene Ormandy	112. George Szell
84. Linus Karl Pauling	113. Albert Szentgyorgyi
85. Katherine Anne Porter	114. Joseph Szigeti
86. Edward Mill Purcell	115. Leo Szilard
87. Nathan M. Pusey	116. Edward Teller
88. Isidor I. Rabi	117. Max Theiler
89. Paul Radin	118. James Thurber
90. Marjorie Kennan	119. Paul Tillich
91. Rawlings Doel Read	120. Mark Tobey
92. Fritz Reiner	121. Charles Tolnay
93. James Reston	122. Lionel Trilling
94. Elmer Rice	123. Harold C. Urey
95. Eleanor Roosevelt	124. Mark van Doren
96. J.D. Salinger	125. Dietrich von Hildebrand
97. Harrison E. Salisbury	126. Selden Waksman
98. Jonas Salk	127. Leonard Warren
99. Carl Sandburg	128. Robert Penn Warren
100. William Saroyan	129. Morton White
101. Budd Schulberg	130. Eugene Wigner
102. Glenn T. Seaborg	131. Thornton Wilder
103. Irwin Shaw	132. Tennessee Williams
104. George N. Shuster	133. William Carlos Williams
105. Upton Sinclair	134. Edmund Wilson
106. P. Sorokin	135. Alexander Wolsky
107. W.M. Stanley	136. Herman Wouk
108. John Steinbeck	137. Frank Lloyd Wright
109. Isaac Stern	138. Richard Wright
110. O. Stern	139. Lajos Zilahy
111. Leopold Stokowski	

Мы будем благодарны за Ваши предложения по другим именам, которые не должны оказаться вне этого списка». ¹⁵⁹

Кроме Сорокина в этом списке из «бывших русских», пожалуй, только Яша Хейфец... Остается под вопросом – подписал ли П.А. Сорокин эту декларацию...

Обращаться к «русскому народу и русским интеллектуалам» было, конечно, бесполезно.

Год назад Эйзенхауэр и Даллес, несмотря на свою четырехлетнюю агитацию за «Освобождение», не откликнулись на просьбу Венгрии о помощи против русских танков...

Трагедия Венгрии 1956 года всегда будет пятном на его биографии пишет биограф Дуайта Эйзенхауэра.¹⁶⁰

§22. Гаагский конгресс. 1957

В апреле 1957 г. в Гааге проходил Конгресс за права и свободу в России.

Задача **«выявить и сформировать народные настроения и требования, дать этим в руки народа более действенное оружие борьбы за права и свободу»**.¹⁶¹

Смерть Сталина, вынужденная «десталинизация», восстания в Берлине, Будапеште, волнения в Польше, Кенгир, Воркута давали надежду на перелом...

Организационный Комитет Конгресса разослал около 250 персональных приглашений.

Сорокин ответил отказом:

«...свой отказ мотивировал тем, что он принципиально и неизменно признает только эволюционный путь к свободе».¹⁶²

40 человек не ответили на приглашение. 6 заявили о несочувствии цели Конгресса или порядку его созыва (Сорокин, Кускова, Б.Н. Сергиевский, В.А. Александрова, два члена «Союза борьбы за свободу России»).

Накануне открытия Конгресса генеральный секретарь ОК Л.А. Рар писал:

«Среди лиц, положительно отнесшихся к Конгрессу (из которых около 80 человек будут присутствовать на Конгрессе следующие:

Северная и Южная Америка:

1. Н.С. Арсеньев, профессор.
2. А.Г. Бармин, общественный деятель.
3. Ф.П. Богатырчук, профессор.
4. И.М. Боголепов-Ниман, профессор.

5. К.В. Болдырев, общественный деятель.
6. Л.М. Васильев, экономист.
7. М.Е. Вейнбаум, редактор газеты «Новое Русское Слово».
8. А.П. Воробчук-Загорский, общественный деятель.
9. Г.К. Гинс, профессор.
10. А.И. Делянич, редактор газеты «Русская жизнь».
11. Р.В. Дудин, общественный деятель.
12. А.Е. Капралов, журналист.
13. Г.П. Климов, общественный деятель.
14. Б.С. Коверда, общественный деятель.
15. Б.П. Крестинский, инженер.
16. И.А. Курганов, профессор.
17. Н.О. Лосский, профессор.
18. А.Н. Мазурова, журналистка.
19. С.С. Максимов, писатель.
20. В.Ф. Марков, литературный критик.
21. Д.Н. Наминов, общественный деятель.
22. Н.В. Нароков, писатель.
23. М.М. Новиков, профессор.
24. П.Л. Панча-Залесский, общественный деятель.
25. П.И. Пировов, бывший военный летчик.
26. Н.Н. Поппе, профессор.
27. С.Г. Пушкарев, историк.
28. А.Г. Ретивов, государствовед.
29. Ю.Н. Ростовцев, юрист.
30. В.Д. Самарин, журналист.
31. И.И. Сикорский, профессор.
32. И.Ф. Скворцов, агроном.
33. М.С. Соловьев, журналист.
34. А.Л. Толстая, общественная деятельница.
35. А.В. Тыркова-Вильямс, писательница.
36. Б.А. Филиппов, публицист.

Англия:

37. Н.Е. Андреев, историк, литературный критик.
38. Г.Ф. Ахминов, общественный деятель.
39. А.В. Байкалов, общественный деятель.
40. Г.П. Бенигсен, общественный деятель.
41. А.Ф. Бирюков, фельдшер, новейший эмигрант.
42. А.А. Бобринский, общественный деятель.
43. В.П. Грегори, общественный деятель.
44. Е.В. Евгеньев, журналист.
45. Н.К. Иванюк, общественный деятель.
46. Г.М. Катков, общественный деятель.

47. О.А. Керенский, инженер.
48. Т.Б. Мэттьюс, журналистка.
49. В.Н. Новиков, профессор.
50. А.И. Угрюмов, писатель.
51. Б.Г. Унбегаун, профессор.
52. С.В. Утехин, общественный деятель.

Франция:

53. А. Абелянц, общественный деятель.
54. Н.Н. Блюмер, общественный деятель.
55. С.А. Водов, редактор газеты «Русская мысль».
56. А.А. Гулевич, журналист.
57. Г.П. Димитриенко, общественный деятель.
58. Б.К. Зайцев, писатель.
59. Н.А. Звонников, общественный деятель.
60. Б.П. Кадомцев, общественный деятель.
61. А.А. Каргон, общественный деятель.
62. А.В. Карташев, профессор.
63. П.Е. Ковалевский, профессор.
64. Н.И. Мешутушкин, общественный деятель.
65. С. Оганесян, общественный деятель.
66. Н.Н. Оцуп, профессор.
67. Н.Н. Рутыч, журналист.
68. Б.В. Рябухин, общественный деятель.
69. Н.М. Сицинский, общественный деятель.
70. М.В. Славинский, общественный деятель.
71. П.А. Соколов, общественный деятель.
72. А.П. Столыпин, общественный деятель.
73. В.Ф. Тотомианц, профессор.
74. О.А. Фальц-Файн, общественная деятельница.
75. И. Финикова, юрист.
76. К.В. Фотиев, богослов.
77. А.А. Шмеман, общественный деятель.

Германия:

78. Н.С. Алимов, инженер.
79. Н.М. Андреев, новейший эмигрант.
80. Н.А. Анатольева, литературный критик.
81. Ф.А. Арнольд, общественный деятель.
82. А.Н. Артемов, биолог, общественный деятель.
83. М.В. Балмашев, артист.
84. Я.В. Буданов, профессор.
85. Г. Вартуни, общественный деятель.
86. В.В. Вейдле, писатель, профессор.
87. Н.Я. Галай, общественный деятель.

88. Е.И. Гаранин, юрист, общественный деятель.
89. В.Я. Горачек, издатель газеты «Посев».
90. Д.П. Гулай, генерал, общественный деятель.
91. Г.М. Данилов, общественный деятель.
92. Н.К. Декер-Новак, профессор.
93. М.М. Дзюба, общественный деятель.
94. М.Н. Залевский, экономист.
95. Л.Л. Зальцберг, экономист.
96. А.И. Иванов, инженер.
97. Е.А. Калюжный, общественный деятель.
98. С.Э. Кох, общественный деятель.
99. О.А. Красовский, общественный деятель.
100. И.П. Кронзас, общественный деятель.
101. С.Н. Крикорьян, общественный деятель.
102. Б.А. Кунгурцев, экономист.
103. С.Е. Кирсанов, инженер.
104. В.А. Ларионов, общественный деятель.
105. Ф.Т. Лебедев, журналист.
106. В.В. Леонтович, профессор.
107. В.С. Мерцалов, экономист, общественный деятель.
108. Е.Р. Миркович, историк.
109. А.А. Михельсон, инженер, новейший эмигрант.
110. А.Н. Неймирок, журналист.
111. И.В. Овчинников, общественный деятель.
112. Г. Овсепян, общественный деятель.
113. П.П. Писарев, общественный деятель.
114. Ю.А. Письменный, общественный деятель.
115. В.Д. Поремский, д-р химии, общественный деятель.
116. Г.А. Рар, журналист.
117. Л.А. Рар, общественный деятель.
118. Е.Р. Романов, журналист, редактор газеты «Посев».
119. Ф.К. Романовский, общественный деятель.
120. М.М. Саадык, общественный деятель.
121. Г.А. Сааруни, доктор филологии, общественный деятель.
122. А.В. Светланин, журналист.
123. А.С. Светов, журналист.
124. Н.Б. Тарасова, журналистка, литературный критик.
125. Ю.А. Трегубов, педагог.
126. И.М. Чаплинский-Саас, общественный деятель.
127. В.И. Юкшинский, общественный деятель.

Бельгия:

128. А.В. Горбань, инженер.
129. Я.Я. Колдаев, общественный деятель.

- 130. Б.И. Крылов, общественный деятель.
- 131. Е.И. Лукьянов, общественный деятель.
- 132. Л.А. Марков, журналист.
- 133. В.В. Орехов, общественный деятель, редактор «Часового».
- 134. К.В. Скворцов, общественный деятель.
- 135. Ф.Ф. Эссен, общественный деятель.

Швейцария:

- 136. Н. Алексинский, общественный деятель.
- 137. Х.П. Кроткова, общественная деятельница.
- 138. Г.А. Орлов, общественный деятель.
- 139. Б.В. Сикорский, общественный деятель.

Швеция:

- 140. А.А. Зиновьев, общественный деятель.
- 141. В.К. Муцениек, юрист, общественный деятель.
- 142. Р.Ф. Реннинг, общественный деятель.
- 143. Л.Д. Ржевский, писатель, литературовед.
- 144. А.П. Тимофеев, общественный деятель.
- 145. И.Е. Черемис, общественный деятель.

Австрия:

- 146. Г. Докс, общественный деятель.
- 147. К.Н. Николаев, общественный деятель.

Люксембург:

- 148. В.А. Герлах, общественный деятель.

Норвегия:

- 149. Ф.С. Тараканов, общественный деятель.

Испания:

- 150. Л.В. Мансырев, общественный деятель.
- 151. Н.Н. Рузский, общественный деятель.

Италия:

- 152. С.Г. Романовский, общественный деятель.
- 153. Б.Н. Ширяев, писатель.

Греция:

- 154. Б.А. Литвинов, журналист.
- 155. И.В. Павлов, общественный деятель.

163

Отказ Сорокина от участия в Конгрессе был опубликован в «Посеве» среди текстов приветствий и пожеланий Конгрессу.

В предисловии от редакции было сказано:

«Мы печатаем здесь вышеупомянутые тексты без комментариев, считая необходимым специально оговорить лишь наше глубокое несогласие с точкой зрения проф. Питирима Сорокина, обрекающего народ на пассивное ожидание «мирной эволюции» коммунистической диктатуры. Впрочем, эта точка зрения в устах проф. Питирима Сорокина не нова, и достаточно хорошо всем известно, что проф. Питирим Сорокин с его взглядами – надо отдать должное, последовательно им отстаиваемым – представляет собой почти единственное явление в эмиграции».¹⁶⁴

Лев Рар передал в редакцию «Посева» письмо Сорокина:

«Сердечное спасибо за приглашение на «Конгресс за права и свободу в России». К сожалению моя работа и обязанности здесь не позволяют мне приехать на Конгресс.

Вдобавок, если Конгресс и участвующие в нем организации имеют ввиду революционные действия, направленные к низвержению советской власти и сходные с революционным движением в Венгрии, я сомневаюсь в целесообразности таких действий. Пример Венгрии показывает, что в современных условиях такие действия ведут только к кровопролитию и разрушению страны, к анархии и бесполезным страданиям, а не к замене тирании свободой. Путь мирного переваривания советской власти и путь свободной критики этой власти является более продуктивным и целесообразным, чем путь революционных вспышек и восстаний. Кроме того, я не вижу сейчас никакой группы или партии или лидеров, которые смогли бы заменить советскую власть и преодолеть анархию, которая неизбежна в случае низвержения советской власти. Иными словами, я стал настолько последовательным «контрреволюционером», что я против революционного низвержения Советов. Среди многих разрушительных последствий такого низвержения расчленение России, остановка ее индустриального

и творческого подъема и ряд вредных влияний на население России – неизбежны.

В довершение всего этого, современный Запад (Европа и Америка) не в состоянии установить творческий новый порядок в России, потому что Запад тоже в состоянии разложения и распада.

Эти соображения объясняют почему, несмотря на все огромные дефекты советских «держиморд», я предпочитаю путь критически-мирного перерождения этой власти пути ее революционного низвержения (которое фактически невозможно в ближайшем будущем).

В этом отношении принципы и результаты исследований нашего Research Center дают добавочное доказательство бесплодности кровавых и насильственных путей улучшения общественной жизни любого общества.

С искренним уважением
Винчестер, США
П.А. Сорокин»¹⁶⁵

В советской «Правде» на Конгресс откликнулся бранью старый знакомец Сорокина Д. Заславский.¹⁶⁶

Сов. посол в Нидерландах С.П. Кирсанов выразил протест голландскому правительству. Протест отклонили, объяснив, что в Нидерландах свобода слова и собраний.

Заславскому, никто ничего не отвечал и не объяснял.

О позиции П.А. Сорокина писал 2.06.1957 в «Посеве» А. Колин:

«Путь мирного переваривания»

В высшей степени интересным является мнение профессора П.А. Сорокина, крупного американского социолога русско-эмигрантского происхождения (выехал из России в эмиграцию в начале двадцатых годов).

П.А. Сорокин называет себя последовательным «контрреволюционером», он отрицает путь насильственного низвержения режима, не видит никаких организующих сил, способных прийти на смену нынешней власти и преодолеть анархию, опасается *«расчленения России, остановки ее индустриального и творческого подъема и ряда вредных*

влиятий на население России» и предпочитает «путь мирного переваривания советской власти», или «путь критически-мирного перерождения этой власти». (См.: «Посев» от 12 мая с.г.).

Подкупает ясная и последовательная позиция П.А. Сорокина, с которой, разумеется, мы не согласны, но которая логически обосновывает его отказ содействовать решительному наступлению народа на власть.

Интересно, с точки зрения психологической, что Венгерская революция, которая нам кажется подтверждением эффективности, а стало быть и правильности, революционного пути борьбы, П.А. Сорокину представляется доказательством обратного. Такова сила fasciniрующей логики избранной им концепции.

Думается, однако, что проф. П.А. Сорокин (по крайней мере, в его письме Оргкомитету Конгресса) не до конца раскрывает все возможности народного сопротивления власти, народного давления на власть, включая высшую форму – угрозу революционного восстания, в деле «переваривания» власти, если даже оставаться на его позициях (проще, конечно, переваривать, когда съешь).

Во всяком случае, с нашей точки зрения, если эмиграция исключит себя из рядов борющихся факторов, то ей останется лишь «мирное переваривание» своих собственных соков.

Что касается «мирного перерождения власти», то вероятность этого нам кажется ничтожной. Но тут мы вступили в область абсолютных расхождений». ¹⁶⁷

Давным-давно ушел Питирим Сорокин с поля боя. Жил в Гарварде жизнью чеховского Ионыча. «Самый богатый винный погреб Гарварда», розы, картины Кандинского... Лицемерие, точно подмеченное А. Валицким...

Восстания и революции в советской зоне как раз и показывали, что «мирно переварить» коммунизм нельзя.

Основной доклад в Гааге сделал профессор И.А. Курганов.

Антипод Сорокина – он подсчитал количество жертв понесенных Россией в период правления большевиков – 66 миллионов.

В принятии решения о проведении Конгресса участвовали: Азербайджанское национальное объединение, Объединение армянских борцов за свободу, Национально-трудовой союз, Российское национальное объединение, Союз борьбы за свободу России, Украинское освободительное движение (УВР) и Центральное объединение политических эмигрантов из СССР. **«Позднее к решению присоединился и Калмыцкий комитет».**¹⁶⁸

А Сорокин?

Восхищается советским «держимордой», стучащим ботинком по столу в ООН на заседании 18 сентября 1959 на заседании Генеральной Ассамблеи.

В соавторстве со своим учеником по университету Миннесоты и Гарварду Ултером Ланденом* Сорокин написал и опубликовал книгу «Власть и мораль» (1959).

Касаясь ментального уровня и преступности правителей Сорокин писал:

«Чем больше, абсолютнее и жестче власть правителей, политических лидеров и высших чиновников бизнеса, профсоюзов и прочих организаций, тем более коррумпированными и преступными оказываются эти группы людей».¹⁶⁹

В процентном соотношении правители-убийцы превосходят обычное население во много раз, взять хотя бы Россию.

Олег убил Аскольда и Дира.

Святополк убил Бориса, Глеба, Святослава.

Святополк в свою очередь разбит своим братом Ярославом.

Война между сыновьями Ярослава, а затем сыновьями Владимира Мономаха... Процент убийц среди правителей Киевской (Рюрик) династии с ее ответвлениями на Волыни, в Галиции, Суздале, Владимире и Новгороде едва ли ниже 25–30 %.

В московский период – особый шик – ослепить «дорогих, но опасных родственников» (с последующей тюрь-

* Lunden, Walter A. (r.p. 1899. Миннесота). С 1947 г. профессор социологии Iowa State University. В 1943–46 гг. Ланден служил в армиях США в Англии, Франции, Германии по тюремному ведомству. Имел звание майора.

мой). Князь Василий Темный приказал ослепить своего кузена, князь Дмитрий ослепил своего кузена и так далее. Цари московские и русские убивали своих сыновей и кузенов (Иван Грозный, Петр Великий), давали согласие на убийство своих родителей (Александр I), жен, мужей, родственников (Катерина Великая, Елизавета I). По крайней мере 20–25 процентов правителей Москвы, а затем российской империи были виновны в подобных преступлениях.¹⁷⁰

«Власть и мораль» с дарственными надписями Сорокин послал президенту Эйзенхауэру, премьеру Хрущеву и получил благодарственные письма от них.¹⁷¹

31 декабря 1959 г. в возрасте 70 лет Сорокин окончательно ушел в отставку и превратился в обычного «почетного профессора».

В том же декабре Сорокин получил предложение и согласился быть консультантом «Special Operations Research Office» по «изучению больших и устойчивых социальных сил и тенденций, существующих в СССР и поддающихся психологическому воздействию».¹⁷²

Консультирование, видимо, продолжалось недолго... Сын коллеги Сорокина по России Богдана Кистяковского, химико-физик Юрий Кистяковский* достиг гораздо большего. Приехав в США в 1926 г. из Германии он с 1930 г. преподавал в Гарварде. В июле 1959 назначен спецсоветником президента США Эйзенхауэра по науке и технике. Награжден «Медалью Свободы», высшей гражданской наградой...

§23. Письмо А.Л. Толстой

27 сентября 1958 г. Сорокин писал Александре Толстой:

**«Глубокоуважаемая Александра Львовна,
Сердечное спасибо за Ваше письмо. Я не согласен
с Вашей политической деятельностью по следующим причинам:**

* Кистяковский Юрий Богданович (18.11.1900 Киев – 7.12.1982)

1. Западный союз наций, в особенности U.S.A., в международной политике не лучше, а скорее хуже (морально и социально), чем Советский блок наций.

2. Англия, Франция и С.А.С. Штаты не менее жестоки и бессердечны к ряду колониальных народов (Малайзия, Мао-Мао, Бикини и другое островное население, Алжир, etc.), чем Советы к венграм и другим народностям.

3. Запад не менее агрессивен и опасен для человечества в его «политике», чем Советский восток.

4. Творческий центр истории, который до 15-го века был в Азии и Африке и который только за последние пять столетий был в Европе и Западе, опять переносится в направлении Азии, Америки и Африки. Древние, великие цивилизации Азии и Африки опять пробуждаются и начинают играть творческую роль. Западные правительства не принимают до сих пор этого основного процесса и потому продолжают свою безнадежную и глупую политику.

5. В объективной исторической жизни, разница в системе ценностей, культуре и общественно-политических учреждениях Советской России С.А. Штатов постепенно уменьшается: обе нации движутся к какому-то среднему типу, который не является ни капитализмом, ни коммунизмом, ни «демократией», ни «тоталитаризмом».

Уже теперь, нет ни одной великой ценности в целой культуре и укладе России и Америки, которая оправдывала бы не только войну между этими странами, но даже продолжение «холодной войны».

6. В современном, чрезвычайно опасном положении человечества все творческие силы должны быть направлены на умиротворение вражды и ненависти этих стран, а не на разжигание конфликта.

7. Если бы Запад смог победить Россию, Россия была бы разделена на кусочки и русский народ был бы превращен в колониальный эксплуатируемый народ.

8. Если война разразится между Россией и U.S.A., ее жертвами будут не Эйзенхауэр, Даллес и Хрущев и Политбюро, а десятки миллионов американского и русского народов.

Эти соображения объясняют, почему в данное время человечество нуждается не в разжигании войны и ненависти между Западом и Востоком, а в умиротворении страстей и конфликтов и в особенности в установлении настоящего мира.

С искренним уважением.
П. Сорокин.¹⁷³

Похоже, что Сорокин прочно застрял на позиции «единой и неделимой».

§24. Закон о порабощенных народах. 1959

17 июля 1959 г. Конгресс США на совместном заседании обеих палат единогласно принял «Закон о порабощенных народах» Восточной Европы и Прибалтики. На основании этого закона президент Эйзенхауэр издал указ, объявляющий 3-ю неделю июля каждого года «неделей порабощенных народов».

Со своим «Заявлением» о принятом законе выступила группа из 16 штатных и почетных профессоров 12 американских университетов. Десять из них – историки. Половина подписантов – славянского происхождения – Андрей **Лосский**, Николай **Полторацкий**, Николай **Рязановский**, Глеб **Струве**, Николай **Тимашев**, Степан **Тимошенко**, Григорий **Чеботарев**, Сергей **Зеньковский**.

Другие – Arthur E. **Adams** (проф. истории. Мичиган. гос. у-т),

Osvald P. **Backus** (проф. истории. У-т Канзаса),

Robert P. **Browder** (председатель и проф. истории. У-т Колорадо),

Harold H. **Fisher** (почетн. проф. истории. Стэнфордский у-т),

Fred Warner **Neal** (проф. межд. отношений Claremont. Калифорния),

Edward C. **Thaden** (доцент истории. Пенсильвания. Гос. у-т),

D.W. **Treadgold** (проф. русск. истории. У-т Вашингтона).

Дата под заявлением – 17.11.1960.

Подписи Сорокина нет. Опубликовано в небольшом журнале «The Russian Review» в 1961-ом. Основатель и редактор журнала Дмитрий Сергеевич Мореншильдт, сам был профессором русской цивилизации, но «Заявление 16-ти» не подписал.

Подписанты заявляли:

«Очевидна необходимость в официальном пересмотре конгрессом США ошибочных положений Закона 86-90 и его отмене».¹⁷⁴

Инициатором «Заявления 16-ти», видимо, был профессор гражданского строительства Принстонского у-та Григорий Чеботарев*, борец с «сепаратистами» и «руссофобами».¹⁷⁵

§25.

«Конвергенция» США и СССР. 1960

1–8.09.1960 в Мехико проходил XIX Международный социологический конгресс. П.А. Сорокин произнес речь: «Взаимная конвергенция США и СССР на пути к обществу смешанного социокультурного типа».

Наиболее четкое и полное изложение его теории «конвергенции». Опубликованная на немецком, испанском, английском она возродила упавший с середины 1940-х интерес к Сорокину, а в СССР произвела фурор. В течение десятилетий, вплоть до прихода к власти М.С. Горбачева, «конвергенция» подвергалась непрерывной «критике» со стороны «ученых» и «журналистов».

«Критикуют», например, взгляды-идеи лидера «всякого рода антибольшевистских элементов» академика Сахарова. И тут же:

* Чеботарев, Григорий Порфирьевич (1899. Павловск. СПб губ. – 1986 Твиннинг виллидж. Пенсильвания) – в США прибыл в 1937 г. Гражданин этой страны с 1941 г. В 1959 посетил СССР в составе группы инженеров-строителей.

«Но ведь эти идеи тоже не новость, и родились они отнюдь не от Сахарова. Авторами теории «конвергенции», самой модной на Западе реакционной, утопической теории, были такие буржуазные идеологи, как У. Ростоу, Р. Арон, П. Сорокин и некоторые другие, в том числе и уже знакомый нам Збигнев Бжезинский. А ведь высказывания Сахарова – это от начала до конца конспективный перепев теории «конвергенции». В чем ее суть, если в двух словах? Все в том же: в якобы неизбежном «сближении», «слиянии» капитализма и социализма. Почему родилась эта теория? Она родилась как реакция на изменение расстановки сил на мировой арене, как вынужденное приспособление империализма к новой исторической обстановке. Если «конвергенция» есть закон развития современного общества, рассуждают буржуазные идеологи, следовательно, капитализм не так уж плох – он развивается в сторону «сближения», «слияния» с социализмом. А следовательно, продолжают они, зачем революционная борьба против империализма, когда можно искать «компромиссы», когда можно отказаться сначала от некоторых, а в конечном счете от свех основных принципов социализма... Такова суть далеко не безобидных намерений буржуазных идеологов».¹⁷⁶

Между тем, сам этот «мексиканский доклад» похож на подготовленный в «тайниках спецслужб». Только не тех, которые имеют ввиду дуэт «Кассис – Колосов»...

29 августа – 8 сентября 1962 г. на международном социологическом конгрессе в Вашингтоне присутствовала чехословацкая делегация из трех человек (Э. Кольман, словацкий академик Сирацкий, работник «Академии общественных наук» Сровнал). Глава делегации Кольман* вспоминал:

«Для делегатов из соцстран советское посольство устроило прием, на который были приглашены также и некоторые прогрессивные социологи-немарксисты. И среди последних был и профессор

* Кольман, Арноист (Эрнест) (06.12.1892 Прага – 22.01.1979 Швеция?) – чл. РКП(б) с 1917. Агент Киминтерна в Германии. С 1962 г. в Москве. В 1976 г. попросил политическое убежище в Швеции. Вернул Л.И. Брежневу свой партийный билет.

Гарвардского университета Питирим Сорокин. <...> ...на приеме он, с достоинством, хотя и не без легкой иронии, произнес короткий тост, вполне благожелательный, в адрес советской делегации».¹⁷⁷

Сам Сорокин пишет о встречах на конгрессе с советскими, польскими и чешскими социологами:

«...мы несколько раз собирались вместе, пока шел конгресс, и позже пятеро из них обедали у нас дома в Винчестере. Наши встречи проходили дружески, а беседы носили весьма откровенный характер».¹⁷⁸

В советскую делегацию входили: М. Иовчук, Г. Осипов, В. Штейнберг*... В.А. Штейнберг, ректор университета из Риги выступил на конгрессе с явной советской пропагандой. Его доклад (необъявленный заранее) назывался «Процесс демократизации в советских республиках». Штейнберг утверждал, что в период демократической республики 1918–1940 годов Латвия была экономически отсталой, неграмотной, угнетенной...

Уже после смерти П.А. Сорокина он опубликовал пропагандистскую брошюру в которой поминал: «воинственного антикоммуниста, эмигранта Питирима Сорокина».¹⁷⁹

«Нападки» на Сорокина в СССР, надо полагать, только повышали его «акции» в США...

§26.

Письмо к Д. Кеннеди. 1961

В мае 1961 г. он пишет письмо новому президенту США Дж. Кеннеди со своими рекомендациями по созданию дружественных отношений между США и СССР, не забывая напомнить что:

«В результате моего русского происхождения, личного знакомства и борьбы с Лениным, Троцким и другими коммунистическими лидерами я, веро-

* Штейнберг, Валентин Августович.

ятно, понимаю международные отношения между США и СССР, отчасти лучше чем большинство Ваших экспертов, которые не имеют такого опыта и личного знания коммунистических лидеров. <...> ...в настоящее время нет реальных поводов для продолжения холодной и подготовке к горячей войне между двумя странами».¹⁸⁰

Но советская «дипломатия башмака» продолжалась. В июне 1961 г. в Вене Кеннеди встретился с Хрущевым. Ничего хорошего из личного знакомства... Опасность войны нарастала.

27 июля 1961 г. в Пицунде Хрущев заявил представителю США Дж. Макклою:

«...если США начнут против нас войну, то, видимо, Кеннеди будет последним американским президентом».¹⁸¹

В августе возвели бетонную «Берлинскую стену»...

В своих «воспоминаниях» Сорокин это никак не комментирует.

§27.

Дискуссия с А. Тойнби. 1961

Зато с удовольствием многословно описывает свою поездку в октябре 1961 на первый съезд Международного общества сравнительных исследований цивилизаций в Зальцбург:

«7 октября 1961 года меня встретил в Мюнхенском аэропорту доктор Андерле*...»¹⁸²

и т.д.

Прибыл на съезд и Тойнби. «Нью-Йорк таймс» поместила его фото и отчет о съезде:

«Зальцбург. Австрия. 14 октября.

Немецкие и немемецкие ученые оказались сильно разделены на этой неделе, когда попытались дис-

* Anderle O.F. – создатель (1960) и генеральный секретарь Общества. Пост председателя Отмар Андерле предложил А. Тойнби. Тот отказался. Сорокин эту почетную синекуру принял.

кутировать о восточно-западных отношениях <...> Две большие фигуры конференции – профессор Арнольд Тойнби, британский историк и профессор Питирим Сорокин из Гарварда. Последний был президентом конференции. <...>

Профессор Тойнби напомнил немцам, что именно немецкий идеологический экспорт в Россию несет основную ответственность за распространение коммунизма в мире. Он сказал, что нравится это Западу или нет, но западный экспорт в Россию стал основным в модернизации этой страны. Британский историк сказал, что Германия и Англия несут большую ответственность за установление коммунизма в России.

Он напомнил, что Маркс был немцем, который разрабатывал свои теории в Британской библиотеке и что его работу финансировал Фридрих Энгельс от прибылей фабрики, которой он управлял в Манчестере.

Профессор Сорокин поддержал Тойнби, заявив, что если коммунистическая «отрава» распространилась в России, то необходимо напомнить, что сварена она была на Западе. Он добавил, что по мере роста могущества СССР коммунистические идеи возвращаются обратно на Запад. Западное общество, сказал профессор, подвергается фундаментальным изменениям под воздействием этого массивного напора от СССР.

Профессор Тойнби предположил, что, возможно, коммунизм покончит с буддийской цивилизацией Китая, таким же образом, как христианская цивилизация покончила с римской цивилизацией».¹⁸³

Госсекретарь США при Эйзенхауэре Джон Фостер Даллес, который был всего на год моложе Сорокина, умер в 1959-ом. Даллес учился в Принстоне, Сорбонне и «любил рассуждать о концепциях английского историка А. Тойнби, усвоенных им на зубок».¹⁸⁴

Новый госсекретарь Дин Риск (г.р. 1909) как и новый президент Джон Кеннеди (г.р. 1919) были учениками Сорокина по Гарварду. Могли бы и взять его в советники... Не взяли. Вероятно, «зря потратили время» на лекции Сорокина.

Еще до своей первой встречи с «советскими социологами» в сентябре 1962 г. в Вашингтоне Сорокин пытался «побывать на Родине». Но, как пишет современный российский автор:

«...американская сторона не горела желанием отпускать Сорокина на Родину. Когда летом 1962 года Президент Всемирного Совета Мира Джон Бернал пригласил профессора в качестве гостя на Всемирный конгресс «За всеобщее разоружение и мир» в Москву, то госсекретарь Дин Риск, который, как и Кеннеди, слушал лекции Сорокина в Гарварде, прислал ему официальное письмо с рекомендацией не принимать приглашение.

73-летнему профессору было уже не по силам связываться в политическую интригу столь высокого ранга, поэтому Сорокиным так и не удалось перед смертью побывать на родине».¹⁸⁵

Ф.В. Константинов, возглавлявший советскую делегацию на V Всемирном социологическом конгрессе, в своем докладе в ЦК КПСС от 8.10.1962 г. отметил попытки:

«...всемерно пропагандировать значение буржуазных социологических теорий и найти «изъяны» в марксистской социологической теории <...> буржуазными социологами и ренегатами от марксизма П.А. Сорокиным, А. Лефевром, М. Крозье и др.»

Их «антинаучные» тезисы были подвергнуты «критическому анализу» в докладе М.Т. Иовчука, Г.В. Осипова.¹⁸⁶

Писал ли Сорокин свой отчет «наверх» нам неизвестно.

...Продолжалась переписка со старым петербургским другом, советским суперпатриотом Г. Гурвичем.

Сорокин диктует по-английски машинистке. Гурвич пишет по-русски и «от руки».

22 февраля 1960

Дорогой Питирим Александрович!

<...> Католический университет в Вашингтоне попросил у меня написать о Вашем влиянии во

Франции, но так как Вы влияли главным образом на меня, мне очень трудно ее написать.

Оба жалуются на здоровье, интриги коллег, извещают о своих книгах, гонорарах, прочее.

В одном из последних писем (от 2.10.1964 г.) Гурвич писал:

«Вы конечно сильно преувеличиваете, сравнивая наши заслуги, успехи и репутации. Вы ученый известный во всем мире. Меня знают только во Франции, в Италии, в Югославии, в Латинской Америке и теперь обо мне начали немного говорить в Германии (иногда, то ругают, то хвалят в Советском Союзе, куда пригласить абсолютно отказывают <...> Я восторгаюсь Вашей творческой работоспособностью. Куда мне до Вас».

10.12.1965 Георгий Давидович Гурвич умер в Париже. В кратком некрологе Сорокин написал:

«Лично я потерял старого и наиболее знаменитого друга».¹⁸⁷

В свои последние годы (1963–68) Сорокин много писал своему старому другу по «шести продуктивным годам в Миннесоте» Дону Мартиндейлу, который продолжал жить в Миннеаполисе.

В письме от 17.01.63 г. Сорокин в постскриптуме собственноручно приписал:

«Я рад иметь в университете Миннесоты в качестве «преемника» такого знаменитого социолога как Вы»¹⁸⁸

Мартиндейл – Сорокину. 23.01.1963.

«Для меня Вы – один из последних величайших гуманистов Запада».

В письме от 16.02.1963 Мартиндейл выражает радость в связи со «спонтанной» «вопреки официальной клике»

кампанией по выдвижению Сорокина на пост Президента Американской Социологической ассоциации.

5.09.1963 г. Мартиндейл поздравил Сорокина с избранием Президентом ASA и написал:

«Возможно Вам будет интересен комментарий одного социолога, сделанный в письме ко мне от 2.09. о том, что он видел на недавнем заседании в Лос-Анджелесе: «Весь съезд, кажется был попыткой консолидировать позиции Парсонса внутри ASA против Сорокина, в течение годового периода его председательства»

Сам Д. Мартиндейл членом этого почтенного общества не был.

§28. Резидент КГБ Фомин (Алекс). 1962–1963

В 1960–1964 резидентом КГБ в Вашингтоне стал А.С. Фомин (Феклисов), старый (с 1942) знакомый Сорокина. В декабре 1962 по приглашению Сорокина Фомин бывал у него в гостях.

По словам резидента Сорокин заявил:

«Хрущев поступил правильно, что не допустил войны во время Карибского кризиса. Не нужно подвергать риску достижения Советского Союза, да и Кубы, которые с таким огромным трудом создавались в течение многих лет».¹⁸⁹

В июле 1963 Фомин вновь в гостях у Сорокина:

«Мы подробно обсудили политику мирного сосуществования, проводившуюся Советским Союзом. Сорокин в целом одобрял ее, но высказывал ряд замечаний. <...> Не пойму почему ваши теоретики ополчились на мою теорию конвергенции? Ведь это же мой вариант вашей политики мирного сосуществования».¹⁹⁰

Далее «Фомин» спросил:

«Питирим Александрович, когда же Вы, всемирно известный ученый, напишите книгу о своей Родине?»¹⁹¹

В ответ Сорокин попросил организовать его поездку в СССР, чтобы увидеть все «своими глазами».

Фомин направил в «Центр» справку о «беседрах» с Сорокиным и предложил «организовать приглашение в СССР Питирима Сорокина с женой».

При следующей встрече в Вашингтоне осенью 1963 г. с четой Сорокиных Фомин заявил:

«...в Москве положительно воспринято желательно Сорокиных приехать в СССР и что реально их могут пригласить в 1964 году»¹⁹²

ФБР прекрасно знало, кем на самом деле является дипломат «Фомин»... Госдепартамент рекомендовал Сорокину воздержаться от посещения СССР.

«Это уже второй раз мне не советуют ехать в СССР»,

– выражал огорчение Сорокин своему другу «Алексу», –

«Первый раз было летом 1961 г. Тогда президент Всемирного Совета Мира профессор Бернал пригласил меня в качестве гостя в Москву... на всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир*. Но я не поехал, потому что получил письмо из госдепартамента за подписью Дина Риска в котором рекомендовалось отказаться от приглашения».¹⁹³

Как раз летом 1963-го в СССР прокатилась очередная волна «критики» сорокинской «конвергенции»: в «Правде Украины» некто К. Слободин опубликовал фельетон «Метаморфозы Питирима Сорокина», в «Красном знамени» (Сыктывкар) местный «поэт-писатель» Серафим Попов называет Сорокина «лакеем империализма» и пишет:

«Нет не по пути нам с вами мистер Питирим Сорокин. И не ужиться нам с вашей идеологией. Советские люди, народы социалистических стран

* Москва (9–14.07.1962)

идут к светлому будущему, а вы вместе со своими хозяевами катитесь к неизбежному историческому концу», –

пишет «коми писатель» и завершает:

«...Мы же верим: будущее принадлежит коммунизму!»¹⁹⁴

«Литературная газета» завершает свой обзор «По страницам газет», (специально посвященный Питириму Сорокину) словами о «социологе»:

«...который оказался в конце своей «карьеры»... официантом на пропагандистской кухне врагов коммунизма»¹⁹⁵

Процитированные «Литературкой» опусы вызвали отклики. Один из читателей писал:

«29 июля 1963 г.

**Писателю Серафиму Попову
Сыктывкар**

С интересом прочел заметку в Лит. Газете «Мармелад Питирима Сорокина» и вспомнил, как около 40 лет тому назад мой приятель М.М. Васильев затащил меня в Праге на собрание эсеров. Лектор П. Сорокин с математической точностью сообщил, что «большевикам осталось не больше двух лет жизни».

Когда в президиум посыпались вопросы, М.М. Васильев написал ироническую записку:

**Итак, нам ведомы и времена и сроки,
Терпение, друзья, упрятерим.
Нам лекцию прочел Сорокин
Священномудрый Питирим.**

Итак, даже в те далекие времена П. Сорокин не мог похвастаться популярностью даже среди своих последователей. Может быть Вам это будет интересно, если Вы работаете над темой провала меньшевиков и эсеров.

С уважением.

Трескинский С.А.

Москва, Кутузовский просп. 27 кв. 152».¹⁹⁶

Встреча Сорокина с Алексом Фоминым с самого начала находилась под надзором. В служебном меморандуме ФБР от 9.04.1954 г., отмечалось, что несмотря на репутацию «антикоммуниста», контакты Сорокина с 1942 г. до настоящего времени, его поддержка различных коммунистических организаций требуют проверки.¹⁹⁷

В 1942-ом Фомин появился у Сорокина в Винчестере впервые...

ФБР, особенно в период маккартизма, интересовалось многим:

Досье ФБР на:

Мэрилин Монро – 97 страниц.

Джон Леннон – 248 стр.

Элвис Пресли – 683 стр.

Чарли Чаплин – 1923 стр.¹⁹⁸

Резюме на досье Альберта Эйнштейна составило 1160 страниц.¹⁹⁹

Рассекреченное досье П.А. Сорокина – 99 листов.

В основном – собранные по открытым источникам сведения о деятельности Сорокина в восьми «прокоммунистических» организациях: Сорокин подписал, Сорокин заявил, дал интервью и пр.

По этой подборке видно, что еще в 1930 Сорокин был «strong» антикоммунист.²⁰⁰

§29. Сдача. 1946–1967

После второй мировой он критикует «план Маршалла», «доктрину Трумэна», политику США на Дальнем Востоке и т.д. Пописывает сталинское «Стокгольмское воззвание»:

«Недавние подписанты этой Петиции не могут сослаться на незнание того факта, что петиция вдохновлена из Москвы, что те кто дали ей свои имена помогают Сталину в его всемирном пропагандистском наступлении на США и все свободные нации»²⁰¹, –

отмечалось в журнале «Контр-атака».

«Прослеживается прокоммунистическая деятельность Сорокина и по марксистской газете «Дейли Уоркер» (Нью-Йорк).

В досье указано, что Сорокин имеет **«сильный русский акцент и является широко известным экспертом по культивированию азалий»**, что в 1942 г. в связи с его деятельностью ФБР проводило расследование.

Отмечается участие Сорокина в созданном в 1953 г. «Бостонском комитете за южно-африканское сопротивление» и приводится цитата из статьи «Бостонская группа помогает южно-африканской компании за ненасильственное сопротивление».

«Сорокин, защищая ненасильственное сопротивление сказал в интервью:

«Ненасильственное сопротивление, по-моему мнению, единственная форма сопротивления, которую любой, морально ответственный человек может использовать против сил с которыми он сражается. Я не только осуждаю политику Малан* в Южной Африке и всех колониальных держав: Британии в Малайе и Южной Африке, Франции в Индокитае и Марокко, я могу сказать, что она глупа и безнадежна. Она против неизбежного хода истории. Эти страны, после нескольких столетий сна проснулись и хотя Милан и другие могут замедлить ее ход, ничто на земле ее не остановит».²⁰²

Выступает за «сопротивление в Южной Африке»...

Роман Гуль подробно описал последовательную деятельность русских антикоммунистов в США (Вишняк, Д. Даллин, Керенский, Зензинов, профессора: М. Карпович, Б. Константинов, И. Миролюбов, Б. Николаевский, А. Спасский, Г. Федотов и десятки других).²⁰³

Сорокин находился «на другом берегу».

После прихода к власти Л. Джонсона, надежду как-то «влиять» на политику Белого Дома, Сорокин, надо полагать, оставил и, конечно, не из-за «русского происхождения»... Своим учителем техасец Джонсон считал Давида

* Малан (Malan) Даниэль Франсуа (1874 Капская долина – 1959) – премьер-министр Южно-Африканского Союза (1948–54).

Дубинского*²⁰⁴, помощником президента по национальной безопасности назначил Уолта Ростоу**.

В американском «плавильном котле» «национальность» значения не имеет... Сорокин это понимал. Не случайно, в письме к Кеннеди, акцентировал свою «борьбу с Лениным и Троцким»...

Поездка Сорокина в СССР с помощью КГБ не удалась. После 1962 г. он вступил в переписку с такими советскими социологами как Г. Осипов, И. Кон, Г. Андреева, В. Карпушин, И. Голосенко...

В июле 1965 г. к «Президенту Американской социологической ассоциации профессору Питириму А. Сорокину» с письмом обратился его «коллега» – зам. председателя Научного Совета АН СССР по истории Мировой культуры Вл. А. Карпушин.²⁰⁵

Что за пышным титулом?

В «Хронике текущих событий» читаем:

«Совет по истории мировой культуры при АН СССР назначил на апрель (1982 – Ю.Д.) конференцию «Миф и культура». После того как зам. председателя Совета В.А. Карпушин (бывший работник КГБ) вычеркнул из списка докладчиков несколько еврейских фамилий, сказав при этом о «жидовской кампании», около 10 докладчиков отказались от участия в конференции. Карпушин отложил конференцию на осень».²⁰⁶

Чекист Карпушин преуспел больше чем чекист Феклисов. Академик П.Ф. Юдин (персона еще более одиозная), возглавлявший упомянутый совет, 3 февраля 1967 г. обратился в ЦК КПСС с письмом:

«...учитывая популярность имени П. Сорокина в странах Запада, принимая во внимание его антиамериканские настроения и особенно резкое осуждение им американской интервенции во Вьетнаме, было бы целесообразно положительно среагировать на

* Дубинский, Давид (1892 Брест-Литовск, Гродненск. губ. – 1982 Нью-Йорк). За организацию забастовки в Лодзи в 1909 сослан в Сибирь. С 1910 – в США. Вице-президент АФТ (1934). Один из создателей КПП (1935).

** Ростоу, Уолт (г.р. 1916) – сын еврея эмигранта из России Виктора Ростова.

желание П. Сорокина «до своей кончины посетить родину»^{*207}

Массированно обрабатывали Сорокина и в США. В письме Карпушину от 4.01.1967 он писал:

«Недавно нас посетила группа Русских ученых (21 человек), которые в «культурном обмене» познакомились с Америкой. Мы жалеем, что они смогли побыть с нами только два или три часа. Мы, конечно, были рады их посещению и ознакомили эту встречу шампанским и тостами».²⁰⁸

Видимо, в этот период Сорокина посетил и писатель Д. Гранин:

«Будучи в Гарварде, я попросил кого-то из дирекции Университета устроить мне свидание с Питиримом Сорокиным. Что я знал о нем? Да в сущности лишь то, что его раскритиковал Ленин... <...> Из нашего разговора я мало что запомнил».²⁰⁹

Предложение Юдина (читай КГБ) Отделом «науки и учебных заведений» ЦК КПСС в марте 1967 г. было признано нецелесообразным.

Но главное – Сорокин дал согласие на издание своей книги 1966 года «Социологические теории современности» в СССР. Это для КГБ важно. 18.11.1967 Сорокин пишет Карпушину:

«1. Следуя Вашему совету я прилагаю при сем мое «Вместо предисловия» к советскому изданию моей книги.

2. Я буду благодарен Вам и другим «цензорам» моей книги за удаление всех тех строк и параграфов моей книги, которые Вы найдете целесообразным удалить».²¹⁰

«Вместо предисловия

Советское издание моей книги в русском переводе является большой радостью для меня...

Приношу глубокую благодарность всем тем лицам и учреждениям, которые помогли Русскому изда-

* Цитата из Письма Сорокина Карпушину от 4.01.1967 г.

нию этой книги. Ее опубликование в год 50-летия Великой Октябрьской Революции является одним из симптомов конструктивно-творческой стадии этой революции. От души желаю Советской России полного успеха в строительстве нового – социального, культурного, морального, политического и экономического строя. <...>

**Питирим Сорокин.
Винчестер. США.
8 ноября, 1967».²¹¹**

Вспоминал ли в этот день Зепалова, Кондратьева, Седенко-Витязева... И свои собственные слова, опубликованные всего четыре года назад, неужели «забыл»?

«За эти двадцать дней, проведенных в районе бедствия, я получил не так уж много научных знаний, но память об услышанном и увиденном там сделали меня совершенно бесстрашным в борьбе с революцией и чудовищами, губившими Россию»²¹²

§30. Смерть. 1968

Последние 15 месяцев жизни Сорокин сильно болел. В мае 1967-го врачи поставили диагноз – рак. Спрогнозировали – год жизни.

В марте 1967 года была опубликована его последняя большая работа о России «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» (The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century. (The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1967. Mar. Vol. 370. P. 99–115). Как заправский советский агитатор Сорокин писал:

«Из всех культурных достижений специального упоминания заслуживает моральный ренессанс населения Советского Союза». <...> русская нация и другие национальности Советского Союза достигли культурного уровня Запада, а в некоторых областях даже превзошли его.

<...> В настоящее время советские граждане пользуются почти такими же свободами, безопасностью и «неотчуждаемыми правами» как и граждане большинства «капиталистических» западных стран»²¹³

Как раз в марте 1967-го от этих «свобод» освободилась дочь Сталина.

Сорокин уловил, что в СССР, после свержения Хрущева, вновь началось возвращение к сталинизму. Поэтому и писал, что с конца 1920-х – первая деструктивная фаза русской революции:

«...начала утихать и постепенно сменилась конструктивной перестройкой и созданием новых ценностей»²¹⁴

А нынешняя «конструктивная» фаза проявляется в различных формах «русского социального и культурного ренессанса»²¹⁵...

Связывал эту «конструктивную фазу» в развитии СССР с именем Сталина...

Сорокин «был в курсе» и о «суде» над Синявским и Даниэлем, и о письме «двадцати пяти» Л.И. Брежневу с протестом против реабилитации Сталина, других письмах, новых политических статьях УК, арестах, следовавших в 1967 году один за другим...

О чем думал он и вспоминал в последний год своей жизни, когда писал статью о «советской социологии»?²¹⁶

О «тенях», созданного им в 1916 г. в Петрограде «Русского социологического общества имени Максима Ковалевского»?

Вряд ли...

«Путь» Питирима Александровича Сорокина закончился 10 февраля 1968 года.

Он умер во сне. В собственном доме (Винчестер, Массачусетс). В субботу.

Некролог, опубликованный на следующий день в «Бостон Санди Глоб» заканчивался словами:

«Funeral services will be private».²¹⁷

Примечания

ГЛАВА 1. ПРАГА (1922–1923)

1. «Изгнанники» в Риге (От нашего рижского корреспондента) // Последние известия (Ревель) 1922. 1 октября №227 (664).
2. А.Д. – (А. Дагаров) Лучшие русские люди в изгнании // Рижский курьер (Рига) 1922. 27 сентября №520.
3. Сорокин П.А. Дальняя дорога... Автобиография. М., 1992.
4. «Руль» (Берлин). 1922. 5 октября.
5. Williams Robert C. Culture in Exile. Russian Emigre's in Germany. 1881–1941. Corne 11 University Press. 1972. P.137.
6. Образован в марте 1920 г. как отделение «Американского фонда нуждающимся литераторам и ученым», затем переименован в Берлинский комитет.
7. Создан в 1920 г. Прекратил существование в 1933 г.
8. ГАРФ. Ф.5774. Оп.1. Д.31. Л.91.
9. К.Г. [Белоусов] Питирим Ал. Сорокин // Записки русской академической группы в США. 1968. Т.2. С.258.
10. См.: РГАЛИ. Ф.2774. Оп.1. Д.4.
11. Там же. Д.7.
12. Там же. Д.5.
13. Руль. 1923. 18(5) марта.
14. Там же.
15. Сорокин Питирим. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Новая русская книга. (Берлин) 1922. №10. С.8–9.
16. РГАЛИ. Ф.106. Оп.1. Д.157. Л-Л.11–12 (Об.).
17. Демьян Бедный «О Питириме Белобоком» Публикация Т. Кузнецовой // Молодежь Севера. (Сыктывкар). 1990. 28 февраля.
18. РГАЛИ. Ф.2474. Оп.1. Д.6.
19. Прага: В Союзе журналистов и Писателей // Дни. 1923. 10 мая.
20. Дни. 1923. 11 марта.
21. Дни. 1923. 15 марта.
22. ГААО. Ф.150. Оп.2. Д.321 («О состоящем под гласным надзором полиции агрономе из мещан г. Нижнедевицка Сергее Семеновиче Маслове»).

23. ВОГА. Ф.108. Оп.5. Д.119 (Агентурные сведения о членах партии социалистов-революционеров).
24. См.: С.С. Маслов. Биография кандидата в Учредительное собрание // Вольный голос Севера (Вологда). 1918. 19 сентября.
25. О публичных выступлениях за границей С.С. Маслова // Революционная Россия (Берлин). 1922. №19. Май. С.43.
26. См.: Крестьянская Россия (Прага) 1923. Т. V–VI.
27. Мейснер Дм. Русское студенчество в Чехословакии // ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.389. Л.86.
28. Гуль, Роман. Я унес Россию. Т.2. Россия во Франции // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1983. Т.152. С.49.
29. Ответ ЦА ФСБ от 22 октября 1992 г. №10/А-349 на мой запрос о судьбе С.С. Маслова. Аналогичный ответ был и из Военной Коллегии Верховного Суда РФ от 25.03.1994.
30. Платонов Олег. Русское сопротивление. Война с антихристом. М., 2006. С.432.
31. См.: Sorokin P.A. Sociology of Revolution. Philadelphia, London. 1925.
32. Институт крестьянской культуры // Дни. 1923. 8 мая. №157. С.3.
33. Дни. 1922. 21 ноября.
34. Кускова Е. А что внутри? // Воля России. 1922. №6(34). С.28.
35. Петрищев А. Еще о нравственности и революции // Дни. 1922. 21 декабря.
36. Сорокин П. Идеология аграризма. Прага. 1924. С.31.
37. Там же. С.32.
38. Сорокин П.А. Россия после НЭПа // Крестьянская Россия. 1923. №2–3. С.141.
39. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага. 1922. С.104.
40. Дюшен Б. Изгнание интеллигентов // Накануне. 1922. 26 ноября.
41. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага. 1922. С.49.
42. См.: Письма Сорокина – Лутохину. ИРЛИ. Ф.592 (Д.А. Лутохин). Д.239.
43. Запись Д. Лутохина в дневнике от 31 мая 1923 г. [ИРЛИ. Ф.592. Д.3. Л.4].
44. Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри // Минувшее. Исторический альманах. Т.22. С.-Петербург. ATHENEUM-Феникс. 1997. С.33–38.
45. Там же. С.33.
46. Полуин Аркадий Павлович (1889–1933). Окончил курс Тенишевского коммерческого училища в Петербурге. Учился в Политехническом

- институте и на юридическом факультете Петербургского университета, который окончил, как и Сорокин, в 1914 году, но государственные экзамены сдать не успел, ушел на фронт. Участник похода в Восточную Пруссию. Сражался в Месопотамии и Персии. Награжден орденами. Умер в Париже при неясных обстоятельствах.
47. Отец Н.С. Тимашева – Сергей Иванович Тимашев, бывший министр торговли и промышленности. Член Государственного Совета. Умер в советской тюрьме от сыпного тифа в 1920 г.
 48. ГАРФ. Ф.5868 (Гучков): Оп.1. Д.236 (2). Л.90.
 49. ГАРФ. Ф.5868. Оп.1. Д.236. (2). Л.91.
 50. Там же. Л.101.
 51. ГАРФ. Ф.5868. Оп.1. Д.236 (3). Л.132.
 52. Сорокин П.А. Современное состояние России. С.81.
 53. Речь Обера, произнесенная в защиту Полунина перед судом присяжных в Лозанне по делу об убийстве Воровского. Перевод с французского. Белград. 1924. С.15.
 54. Суд совести. Передовая статья // Хутор (Прага) Ред. Е. Мареш. 1923. №31. 1 декабря.
 55. РГАЛИ. Ф.106. Оп.1. Д.7. Л.2.
 56. ИРЛИ. Ф.185. Оп.1. Д.1100. Л.2.
 57. НИОР РГБ. Ф.119. Картон 11. Л.41.
 58. ЦГАВО Украины. Ф.3563. Оп.1. Д.119-а. Л.35. Запись от 20 октября 1922.
 59. РГАЛИ. Ф.2226 (В.Ф. Булгаков). Оп.1. Д.1380. Л.5. Запись в альбоме В.Ф. Булгакова).
 60. Сорокин П.А. Неотвратимая лава // Хутор (Прага) 1923. №26–27. С.4–5.
 61. Сорокин П.А. Дальняя дорога. С.146.
 62. Сорокин Сергей П. Семейная жизнь с Питиримом Сорокиным // Возвращение Питирима Сорокина. Материалы Международного научного симпозиума посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. Москва – Санкт-Петербург – Сыктывкар. 4–9 февраля 1999. М., 2000. С. 36.
 63. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.146, 147.
 64. Johnston Barry. Pitirim Sorokin... P.20.
 65. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.148; Johnston Barry. Pitirim Sorokin... P.20.

66. Яблоновский Александр. Рецензия. Проф. Сорокин. Современное состояние России // Русский экономист (Берлин). 1923. №7–8. январь. С.49–50.
67. Кадомцев Б.П. Рецензия. Питирим Сорокин. Современное состояние России. Изд-во Вл. Винничука. Прага. 1923 // Русская мысль. (Прага – Берлин). 1923. Кн. I–II. С.366–368.
68. Савицкий И.П. (Прага) Академик Н.П. Кондаков в Праге // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С.203.
69. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир 1992. №4, 5.
70. Агентурное сообщение в Иностранный отдел ГПУ с изложением доклада Б.Г. Валленбургера* по истории русской эмиграции в Чехословакии // Русская военная эмиграция 20–40 годов. Документы и материалы. Том 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М., 2001. С.324.
71. Письмо Заграничной Делегации в Бюро ЦК // Меншевики в 1922–1924 гг. М., 2004. С.516.
72. См.: П.С. (Питирим Сорокин). Рецензия на книгу Д. Даллина. После войн и революций // Крестьянская Россия 1923. № II–III.
73. Там же.
74. Царев, Олег. Костелло Джон. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995. С.475, 476.
75. Сорокин П.А. Рецензия. Нитти Ф. Европа без мира // Крестьянская Россия (Прага). 1923. №2–3.
76. Власьев В. Изменение поведения людей во время революции. Из цикла лекций проф. П.А. Сорокина на тему «Социология революции» // Архив автора.
77. Улам Адам. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. С.446.
78. «Завоевания революции». Редакционная статья // Последние новости. (Париж). Ежедневная газета под редакцией П.Н. Милюкова. 1923. 10 января. №843. С.1.
79. Там же.
80. См.: раздел «Библиография» // Дни (Берлин). 1924. 6 января. №353. С.9.
81. Из протокола заседания Политбюро №31, 1923 г. // Коммерсант-Власть (Москва) 2008. 1 сент.
82. Письмо генерала Е.К. Миллера капитану 1-го ранга Д.В. Дену по вопросу организации защиты в Швейцарском суде эмигрантов Конради и Полунина, обвиняемых в убийстве Генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции В.В. Воровского //

* Валленбургер Б.Г. – представитель великого князя Кирилла Владимировича в Чехословакии.

- Русская военная эмиграция 20–40 годов. Документы и материалы. Том 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М., 2001. С. 52.
83. Отчет сотрудника ГПУ (от 19.05.1923) из Лозанны в Москву Литвинову // Цит. по: Шишкин Михаил. Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. М., 2006. С. 54.
84. Там же. С. 542. М.П. Шишкин (г.р. 1961 Москва) с 1995 живет в Цюрихе.
85. Senn Alfred Erich. Assassination in Switzerland. The Murder of Vatslav Vorovsky. The University of Wisconsin, Press. 1981. P. 122.
86. Ibid. P. 120.
87. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. Под ред. Г.Н. Севастьянова и Дж. Хэзлема. М., 2002. С. 344.
88. Пособничество белому террору? Ждем ответа! // Накануне (Берлин) 1923. 21 октября.
89. Кускова Е.Д. Следователям // Дни (Берлин). 1923. 23 октября; Кускова Е.Д. Господам из «Накануне» // Дни (Берлин) 1923. 26 октября.
90. Арцыбашев М.П. Записки писателя. V. Ответ. // За свободу (Варшава) 1923. 31 октября.
91. Кускова Е.Д. Господам из «Накануне» // Дни 1923. 26 октября.
92. Кража документов у Гучкова // Дни (Берлин) 1023. 3 ноября.
93. Письмо Гучкова Тырковой-Вильямс от 4.06.1923. Цит. по: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 68.
94. Драгунов Георгий. Новые факты о гибели В.В. Воровского // Архивы раскрывают тайны. Международные вопросы: события и люди. М., 1991. С. 257.
95. Гуро Ирина (Раиса Соболев), Лидия Фоменко. Барбюс. М., «ЖЗЛ». 1962.
96. Воробьев О.А. Трагедия перерождения (Николай Устрялов и «Смена вех» // Устрялов Н.В. Очерки философии истории. М., 2006. С. 5. Воробьев дает ссылку на РЦХИДНИ: Ф.17, оп.-3, д.261. л.3; оп.60, д.141. л. 18; оп. 84. д. 399.
97. Млечин Леонид. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. Изд. третье, дополненное. М., 2008. С. 59.
98. Генри Эрнст. Профессиональный антикоммунизм. М., 1981. С. 70.
99. См.: Гучкова-Трэйл Вера Александровна // Бережков В.И., Пехтерева С.В. Женщины-чекистки. СПб–М., 2003. С. 311–312.
100. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 69.

101. Письмо А.В. Амфитеатрова Б.В. Савинкову от 31.10.1923 из Леванто. // Минувшее. Историч. альманах. Том 13. М.–СПб. 1993. С.116.
102. Донесение агента ГПУ от 21.05.1923 в Москву // Гаспарян А.С. ОГПУ против РОВС. Тайная война в Париже. 1924–1939 гг. М., 2008. С. 229.
103. Там же. С. 229.
104. Письмо И.С. Шмелева Господину Оберу, защитнику русского офицера Конради, как материал для дела // Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационализмом. М., 2007. С. 556.
105. Доклад Ю.И. Лодыжинского. Международная борьба с коммунизмом // Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. Под общей редакцией А.И. Солженицына. М., 2006. С. 605.
106. Порочкина И.М. Инов И.В. Чехи в Санкт-Петербурге (1703–2003) СПб. 2003. С. 144.
107. Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Цит. по: Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Книга 2. Издание 4. М., 1986. С. 256. См. также. Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. Перевод с чешского. М., 1954.
108. Долгоруков П.Д. Великая разруха. Сб. Мадрид. 1964. Цит. по: Долгоруков Павел. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М., 2007. С. 62.
109. Там же. С. 64.
110. Там же. С. 70.
111. Там же. С. 73.
112. Ковалевский М.М. Моя жизнь. М., 2005. С. 426.
113. Порочкина И.М. Инов И.В. Чехи в Санкт-Петербурге... С. 103–104.
114. Сорокин Питирим. Дальняя дорога. М., 1992. С. 145–146.
115. Ленин В.И. Сочинения. Издание третье, перепечатанное без изменений со второго исправленного и дополненного издания. Под редакцией Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. Том XXIII. 1918–1919. Подготовлен к печати С.П. Коршуновым. М.–Л., 1931. С. 627.
116. Там же.
117. Ленин В.И. Сочинения. Издание третье... Под редакцией В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. Том XXVII. 1921–1923. Подготовлен к печати И.П. Товстухой. М.–Л. 1932. С. 591.
118. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С. 90.

119. Инов И.В. (Санкт-Петербург) Томаш Гарриг Масарик и российский литераторы и журналисты. // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции, проведенной Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье» совместно с Институтом российской истории РАН и посольством Чешской Республики в РФ 16–17 марта 2000 г. в Москве. М., 2005. С. 85.
120. Ленин В.И. Против погромщиков. К рабочим, солдатам и всему населению Петрограда – «Правда» 1917. 15 апреля. №33 // Ленин В.И. ПСС. Т.31. март–апрель 1917. М., 1969. С. 228 и др.
121. Эренбург Илья. Собрание соч. Том 7. Люди, годы, жизнь. Книга 2. М., 2000. С. 164.
122. Берберова Нина. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 184.
123. Там же.
124. Савицкий Иван (Прага) Начало «Русской акции» // Новый журнал (Нью-Йорк) 2008. №251. (Версия статьи с интернет-сайта журнала).
125. Там же.
126. Там же.
127. См. напр.: Сорокин Питирим. К вопросу о подготовке эмигрантской русской молодежи // Студенческие годы (Прага) 1923. Сентябрь. С. 20–22. То, возвращение в свободную Россию, о котором мечтал Сорокин и другие изгнанники не состоялось.
128. Копия письма А.И. Гучкова П.А. Сорокину от 4.04.1924 // ГАРФ. Фонд 5868(Гучков А.И.) Опись 1. Дело 15. Л. 25–29 (5 машинописных листов).

ГЛАВА 2. МИННЕАПОЛИС (1924–1930)

1. См.: Ross Edward. Seventy years of it. An Autobiography. New York. London. 1936. P.242.
2. Росс – Сорокину. Письмо от 4 августа 1923 // The Edward A. Ross Papers. The State Historical Society of Wisconsin.
3. Сорокин – Мак-Кракену. Письмо от 5 ноября 1923 // The Henry Noble MacCracken Papers: Box 99, Folder 15. Special Collections Vassar College Libraries.
4. См.: Сорокин – Харперу. Письмо от 12 ноября 1923 // The Samuel N. Harper Papers. The University of Chicago Library. Box 10. Folder 32. Переписка Сорокина с Харпером за 1923–1930 годы хранится в 10, 11, 12, 13, 14 боксах.

5. Pitirim Sorokin. Borah's injury to Russia. Identifying the People With Soviet Government Makes Matters Worse. To the Editor of the New York Times // New York Times. Jan. 7. 1924.
6. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.169.
7. Harper Samuel. The Russia I beleive in. University of Chicago Press. Chicago. Illinois. 1945. P.170.
8. См. также: Дойков Ю.В. Эпистолярное наследие П.А. Сорокина. Переписка с С. Харпером // Социологические исследования (Москва) 1996. №1.
9. Письма Сорокина Лутохину хранятся в личном фонде Д.А. Лутохина (Ф.592. Д.239) в ИРЛИ (Пушкинский Дом). См. также: Юрий Дойков. Две судьбы (Питирим Сорокин и Далмат Лутохин) // «Важская область» (Шенкурск. Архангельская область). 1992. июнь №6(22). С.17–31).
10. Письмо М.И. Ростовцева – А.В. Тырковой-Вильямс от 16 ноября 1921 г. // Скифский роман. М., 1997. С.485.
11. Переписка П. Сорокин – Э. Росс находится в «The Edward A. Ross Papers» в The State Historical Society of Wisconsin.
12. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.162.
13. Письма Сорокина Шаловалу хранятся в Киеве в ЦГАВО. (Ф.3563. Оп.1. Д.200). Там же хранится и русский вариант «Социологии революции» Сорокина, значившийся в 1997 году как «рукопись неизвестного автора».
14. Ф. 3563. Оп.1. Д.120. (Дневники) Л.10, 11 // ЦГАВО Украины (Киев)
15. Сорокин П.А. Дальняя дорога... С.138
16. Там же. С.134.
17. Новое об И.П. Павлове. Письмо великого физиолога американскому писателю Истману // Посев (Франкфурт на Майне) 1955. №47 (498) 20 ноября. Перепечатано из французского журнала «Прев» (Орган Конгресса в защиту культуры №47). «Прев» и «Посев» напомнили читателям, что Павлов всегда был **«ярким противником коммунистической власти и никогда этого не скрывал»**. Впоследствии его «переделали» но ведь это факта не меняет...
18. Ф.259 (Павлов И.П.) Оп.2. Д.798. Л.1–1 оборот (Автограф) // Архив С.-Петербургского филиала Архива РАН.
19. Там же. Д.976. Л.6–6 оборот (Автограф).
20. Duggan Stephen. A Professor at Large. New York. The Macmillan Company. 1943. P.209/
21. См. образцы: работы Ю.В. Яковца, Н.А. Григорян, А.О. Бороноева, etc. В 2005 г. в С.-Петербурге издана книга: И.П. Павлов: достовер-

- ность и полнота биографии (Сост. Ю.А. Виноградов и др.). Название многообещающее, но...
22. См.: Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб., 2000.
 23. Иезуитова Л.Н. «Слово о гибели Земли Русской А.М. Ремизова в газете «Воля народа» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Отв. ред. А.М. Грачева. СПб., 1994. С.74.
 24. Recht Chartes. Refugee Psychology // The Nation. (New York) 1924. November 26. Vol. CXIX. №3099. P.577.
 25. Johnston Barry. Pitirim A. Sorokin... P.35.
 26. Soviet Requests Sorokine's Return // The Vassar Miscellany News (Poughkeepsie. N.Y.) 1924. V.8, №24. P1. January 19)
 - 26a. Sorokine Pitirim. The Passing of Lenine. // Current History. (New York. N.Y.). 1924. Mr. Vol.19. P.P. 1012–17. Русский перевод см. в первом томе «Биографии».
 27. См.: Ульянкина. «В целях сохранения национальной русской науки» (история Русской академической группы в США) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. №1. С101–102. Список учредителей РАГ сохранился в фонде К.М. Оберучева (Р-5930) в ГАРФе.
 28. P. Sorokin. A Letter to Frank K. Walter 1925, Feb. 5 // Frank Keller Walter Papers // University of Minnesota Archives/ (MPLS. MN).
 29. An Expert's Opinion of Russia of the Present. Visiting Russian Professor Grant Interesting Interview to Alumnus. // The Michigan Alumnus (Ann Arbor. Michigan) 1924. May 8. Vol. XXX №28. P.884.
 30. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.163.
 31. Sorokin Pitirim. The New Soviet Codes and Soviet Justice. // Michigan Law Review. 1924. November. Vol. XXIII. P.38, 40, 41, 52.
 32. Sorokin, Pitirim. Russian Annals. // The Saturday Review of Literature. 1924. Dec. 20. P.398.
 33. Зильбург Григорий (Zilboorg Gregory) (1890 Киев – 1959) – психиатр, психоаналитик. В 1917 г. – секретарь в Министерстве труда Временного правительства. С 1919 г. в США. Автор книг, в том числе «Психология преступления и наказания» (1954). В архиве Э. Росса в Мэдисоне сохранилось письмо к нему Г. Зильбурга от 22 февраля 1922 года: **«Я ученик М. Ковалевского – врач. Как Вы, вероятно, знаете, окончил Психоневрологический институт. Хочу написать заключительную главу к книге Ковалевского «Современные социологи» (период 1909–1920 гг.). Хочу обменять мой русский диплом на американский MD. Хочу поступить в Колумбийский университет и получить MD одновременно с аме-**

риканским гражданством. Мне 31 год. Я был членом кабинета Керенского. Уже опубликовал книгу на английском языке».

34. Sorokin, Pitirim. A Challenge to Utopians // The Saturday Review. 1925. Feb. 7. P.507.
35. Sorokin, Pitirim. Russia Now and Later // Ibid. 1925. July 18. P.915
36. Sorokin, Pitirim. One Disillusionment More // Ibid. 1925. Oct. 24. P.237.
37. Sorokin, Pitirim. The Russian People // Ibid. 1925. Dec. 19. P.431.
38. Sorokin, Pitirim. Russian Annals // Ibid. 1926. January 30.
39. Sorokin, Pitirim. How to Write Short Stories // Ibid. 1927. Sept.27. P.133-134.
40. The Land of Lunacy // The American Mercury. 1925. January. Vol.IV. №13. P.127.
41. Sorokin. Pitirim. Russia of Today // Архив автора.
42. Доклад кн. Л.В. Урусова // Возрождение (Париж) 1926. 10 апреля. Цит. по: Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж. Документы и материалы. Под общей редакцией А.И. Солженицына. М., 2006. С.579-580.
43. Доклад председателя Американской организации помощи Г. Гувера президенту США о работе АРА в России. 10 июля 1922 г. // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М., 2003. С.235.
44. Там же. С.236.
45. Там же. С.236.
46. Sorokin Pitirim. Contemporary Russia || The Yale Review. 1926. Vol.XV. P.597-600.
47. Сорокин Питирим. Письмо другу о России // Борьба за Россию (Париж) 1927. 26 ноября. №53. С.2-7.
48. Сорокин Питирим. Второе письмо другу // Борьба за Россию (Париж) 1929. 26 января. №114. С.2-6.
49. Сорокин Питирим. Третье письмо другу // Борьба за Россию (Париж). 1929. 9 февраля. №116. С.2-5.
50. Sorokin Pitirim. Letter to Wsevolod Isajiv. December 5. 1955 // Копия в архиве автора.
51. Профессор М. Лазерсон. Двойной юбилей Л.И. Петражицкого // Сегодня (Рига). 1927. 12 апреля. №83.
52. Там же.
53. Sorokin Pitirim. Russian Sociology in Twentieth Century // Papers and proceeding. Chicago: Published for the American Sociological Society by

- the University of Chicago Press. 1906–1928. (Publication of the American Sociological Society. Vol.XXI. (1926). P.62–63.
54. Сорокин Питирим. Социальная мобильность. М., 2005. В этом издании есть «Предисловие» В.А. Попова, но нет имен тех, кому Сорокин выразил свою благодарность...
55. Sorokin Pitirim. Social and Cultural Mobility. NY. 1959. P.1. Foreword.
56. Путин Владимир. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2005. 25 апреля // Российская газета. 2005. 26 апреля.
57. Ильин И.А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы (1903–1938). Сост. и коммент. Ю.Т. Лисица. М., 1999. С.200.
58. Сорокин Питирим. Американская демократия и доморощенная псевдодемократическая мягкотелость // Возрождение (Париж) 1927. 31 августа.
59. Берберова Нина. Курсив мост. Автобиография. М., 1996. С.646.
60. Переписку «Сорокин – Саломон» (1925–1932). См.: Salomon Gottfried Papers в IISH. (Амстердам).
61. Солсбери Гаррисон. Сквозь бури нашего века . Воспоминания. М., 1993. С.255. Salisbury Harrison E.A. Journey for Our Times. A Memoir. 1983. P.247.
62. Цит. по: Althouse Ronald. The International Career of F. Stuart Chapin: An Examination of the Development and Contribution of Pluralistic Behaviorist. A Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Minnesota. In Partial Fulfilment of the Requirements. For the Degree of Doctor of Philosophy. June, 1964. P.106.
63. Ibid. P.106.
64. Martindale Don. The Romance of A Proffession. A case History in the Sociology of Sociology. Hew Delhi: India Second Edition. 1986. P.62. First Edition – 1976. St. Paul. MN.
65. Цит. по: Льюис Синклер. Собрание сочинений в 9 томах. Том 7. М., 1965. С.361, 373.
66. Simirenko Alex. Pilgrims, colonists, and frontiersmen. An etnic community in transition. London. 1964. P.53.
67. Holmquist June Drenning. They chose Minnesota. A Survey of the State's Ethnic Groups. St. Paul. 1981. P.413.
68. Ibid. P.413.
69. Gray James. The University of Minnesota. 1851–1951. The University of Minnesota Press. Minneapolis. P.3.
70. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.161.

71. Retired Russian History professor died Monday. // Minneapolis Daily. 1985. April 17.
72. Fifteen faculty members // Alumni news. The University of Minnesota. 1962. June. P.12.
73. Anderson Georg Waldemar. (1895–1985) Interviewed on his life and his teaching experience in Department of History at University of Minnesota. 1968. June 7. // Архив университета Миннесоты. Tape Recording. 388. Reel 30.
74. Russ scientists, here, meet chum given up as dead. // Minneapolis Journal. 1927. July. 18. P.11.
75. Sorokin Elected Correspondent to Czecho-Slovakian Academy // The Minnesota Alumni Weekly 1927 May 14. Vol.26. №28. P.456.
76. Новые работы П.А. Сорокина // Возрождение (Париж) 1928. 12 января. №954.
77. Кускова Е.Д. Бывший и настоящий Питирим Сорокин // Дни (Париж) 1928. 5 марта. №1359. С.2.
78. Сорокин Питирим. Ложные утверждения Е.Д. Кусковой. Письмо в редакцию // Возрождение (Париж) 1928. 6 марта.
79. Амфитеатров Александр. Листки // Возрождение (Париж) 1928. 16 марта.
80. Черновики писем А.М. Горюхова П.А. Сорокину // ГАРФ (Москва) Ф.6095 (А.М. Горюхов) Оп.1. Д.85 (17 листов).
81. Sorokin Pitirim. Letter to Lotus Delta Gofman. 22 august, 1928 // President Gofman Papers. Box 25. Russian trip folder. 1927–1935. University of Minnesota Archive. (Minneapolis. Minnesota).
82. Fond A. Bláha // Ústřední Archiv československé Akademie Věd. (Прага). Цит. по: «Социологические исследования» (Москва) 1992. №9. С. 145–147. Публикация В. Поданы (ученый секретарь Архива АН ЧР).
83. Сталин И. Ленин и вопрос о союзе с середняком. Ответ тов. С. // «Правда» №152. 3 июля.1928 г. Цит. по: Сталин И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М., 1947. С.198.
84. Показания С.П. Постникова чекистам в 1945 г. // Справка ЦА ФСБ РФ в архиве Ю.В. Дойкова.
85. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.169.
86. Там же. С.164–165.
87. Там же. С.165.
88. Sorokin Pitirim. Letter to Charles Cooly // Charles Cooly Collection. Box №1. Bentley Historical Library. The University of Michigan. (Ann Arbor. Michigan).

89. Ibid.
90. См.: The American Journal of Sociology. The University of Chicago Press. Illinois. Vol.XXXIII. P.347.
91. См.: Sarkar Benoy Kumar. The Political Philosophies Since 1905. Madras. 1928. P.P.293–296.
92. См.: AJS 1928. Vol.XXXIV P.P.219–225.
93. Sorokin Elena. My life with Pitirim Sorokin. Reprinted from «International Journal of Contemporary Sociology». 1975. Vol.12. №1–2. P.24.
94. Babbitts Are Needed, Says U. Sociologist // The Minneapolis Journal. 1928. Dec. 27. P.13. Column.4.
95. Цит. по: П.А. Сорокин – В.Н. Сперанскому 18 февраля 1929. Публикация Голосенко И.А., Копаневой Н.П. // Социологический журнал (Москва) 1991. №1. С.190.
96. Цит. по: П.А. Сорокин – Е.П. Ковалевскому. 8 марта 1929. Публикация Голосенко И.А., Копаневой Н.П. // Там же. С.191. Оба письма хранятся в фонде «Общества охранения русских культурных ценностей в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме.
97. Письмо М.М. Карповича Г.В. Вернадскому // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. G. Vernadsky Collection. Box 3. Цит. по: Сорокина М.Ю. Круги жизни Николая Мартиновича – ученого, дипломата, эмигранта // Репрессированные этнографы. Выпуск 2. Составитель и ответственный редактор Д.Д. Тумаркин. М., 2003.С.363.
98. Zimmerman Carl C. How I became a rural sociologist. 1965. P.22. Manuscript // Архив университета Миннесоты.
99. Ibid. P.21.
100. Переписка П.А. Сорокина и С.Г. Пушкарева. См.: ГАРФ. Ф. Р-5891 (Пушкарев Сергей Германович).
101. Ford Gay Stanton. A Letter to L.D. Gofman. January 30. 1929 // Архив Университета Миннесоты. University Press. 1922–1931.
102. Pitirim Sorokin. Helen Sorokin. Hennepin County District Court Naturalization Records, Volume 158 // Minnesota Historical Society. Research Center. MPLS. MN.
103. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С.174.
104. См.: Профессор В.Г. Коречневский. Отчет в организационной деятельности по устройству делового объединения Русской эмиграции. Представлен V съезду Русских Академических организаций за границей. Приложение 1. // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей в Софии. 14–21 сентября 1930. Часть 1. София. 1932.

105. Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую научную библиографию. Прага. 1935. С. 37.
106. Там же.
107. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Том 1. М., 2004. С. 119.
108. Там же. Том 2. М., 2004. С. 146–147.
109. Там же. С. 149.
110. Nenezić Zoran D. Masoni u Jugoslaviji. (1764–1980). Beograd 1984. 1-е изд. Стр. 59.
111. Столкинд А.Я. Памяти О.О. Грузенберга // О.О. Грузенберг. Очерки и речи. Нью-Йорк. 1944. С. 8.

ГЛАВА 3. ГАРВАРД (1930–1968)

1. Оба письма цит. по: Приложение II. Материалы П.А. Сорокина в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (г. Киев). Письма П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу (1922–1931) // Сорокин Питирим. Социология революции. М., 2005. С. 580–583.
2. О. Шаповалова. Н.Е. Шаповал. Биография. (Укр. язык) // ЦГАВО Украины (Киев). Фонд 3565. Опись 1. Дело 248. Лист 2.
3. Переписка П.А. Сорокина и С.Г. Пушкарева за 1930–1936 гг. См.: Фонд Р-5891 (С.Г. Пушкарев). Опись 1. Дело 213 // ГАРФ (Москва).
4. Письмо Г.В. Вернадского – П.А. Остроухову. Фонд Р-9586 (П.А. Остроухов) Опись 1. Дело 166. Лист 1. // ГАРФ (Москва).
5. Письма П.А. Сорокина П.А. Остроухову (1932–1936) находятся в ГАРФе в фонде П.А. Остроухова (Ф. 9586. Оп. 1. Дело 192 на 27 листах). Письма П.А. Остроухова П.А. Сорокину (1933–1939) там же. (Дело 155. На 73 листах).
6. Sorokin Pitirim A. Social and Cultural Dynamics. Volume Three. Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. New York. 1937. P. 217.
7. Ibid. P. 243.
8. Ibid. Volume 1. Fluctuations of Form of Art. P.P. 372, 373.
9. Ibid. Volume 3. P. 243.
10. Ibid. Volume 3. P. 237.

11. См.: Galder William III. Рец. на: Marinus A. Wes. Michael Rostovtzeff. Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart. 1990 // Bryn Mawr Classical Review. 02.03.2003.
12. См.: Rostovtzeff Collection. Special Collections Department of the William R. Perkins Library, Duke University, North Carolina. (Фонд Ростовцева. Библиотека особых коллекций Дбюкского университета). Цит. по: Скифский роман. Под общей редакцией академика Российской академии наук Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 198.
13. Цит. по: Медовой Борис. Михаил и Мария. М., 1991. С. 177–178.
14. Цит. по: Скифский роман... С. 196.
15. «И как мне радостно, что в божьей воле на божьей ниве я смиренный жнец». Интервью Марины Адамович с графиней Татьяной Николаевной Бобринской. // «Континент» (Париж–Москва). 2004. №2. С. 172, 173.
16. См.: Наука в России. Справочник. Данные к началу 1922 года. Научные работники Петрограда. ГИЗ. М–П. 1923.
17. С.С. Тхоржевский. Справка о С.И. Тхоржевском. // Архив Ю.В. Дойкова. Машинописная справка на 3 листах получена от автора в Петербурге 26 июня 1997.
18. Ленин В.И. Письмо к съезду 24–25.XII.1922. // Ленин В.И. Избранные произведения в трех томах. Том 3. М., 1976. С. 604.
19. См. о ней статью Сергея Александровича Кана, профессора кафедры антропологии Дартмунского колледжа. (Hanover, New Hampshire). Н.В. Брюллова-Шаскольская – этнограф, эсер, человек эпохи. // Этнографическое обозрение (Москва). 2008. №2. С. 87–105.
20. Фомичев П.В. (Врид. начальника подразделения). Архивная справка от 06.03.2006 УФСБ по Самарской области в отношении Брука Я.М. и Гизетти А.А. // Архив автора. См. также статью покойного А.В. Ратнера. Гизетти Александр Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 1. М., 1992. С. 559–560 (Фото. Библиография).
21. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С. 23.
22. Фото: Прокопий Сорокин с дочерью. 27 июля 1929 г. Великий Устюг. // Johnston Barry V. Pitirim A. Sorokin.... Вклейка между стр. 180–181.
23. Цит. по: Дойчер Исаак. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 430.
24. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб. 1994. С. 284.
25. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С. 190.
26. Цит. по: Vacek Jiří. Interakcie ruské a ukrajinské emigrace s českou a slovenskou vědou. // Ruska a Ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Sborník studií-2. Prague. 1994. Стр. 17.

27. Там же.
28. Вишняк Марк. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж – Нью-Йорк. Воспоминания. СПб. 2005. С. 261.
29. Брайен Дэнис. Альберт Эйнштейн. Минск. 2000. С. 451.
30. Вишняк Марк. Годы эмиграции... С. 262.
31. Письма В. и Н. Набоковых, П.А. Сорокина написаны на английском языке. // Копии в архиве автора.
32. Цит. по: Анастасьев Николай. Владимир Набоков. Одинокий король. М., 2002. С. 414–415.
33. Цит. по: Открытое письмо Гампера. // Дни. 1923. №339. 18 декабря. С. 3.
34. Открытое письмо Р. Тагору. Подписи: С. Рахманинов и др. // New York Times. 1931. January 12. Цит. по: Никитин Б.С. Сергей Рахманинов. Две жизни. М., 2008. С. 118–119.
35. Никитин Б.С. Сергей Рахманинов... С. 117. «Вечерняя Москва» (1931. №57. 9 марта) опубликовала статью «Колокола звонят» за подписью Д.Г.:
«Не так давно тот же самый Сергей Рахманинов вместе с Ильей Толстым опубликовал в газете «Нью-Йорк таймс» официальное письмо (от 1 января 1931 года) по случаю приближающегося визита в СССР Рабиндраната Тагора, отличающееся беспрецедентным бесстыдством, в котором два этих «солдата белой гвардии» раздражаются стенаниями по поводу пыток, применяемых ОГПУ, и «рабства» в этой стране, называют Советское правительство правительством убийц, преступников и профессиональных палачей». (Цит. по: Рахманинов С.В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Ризманом. М., 2008. С. 171).
36. Воронцова Т.В. Тагор (Тхакур) Рабиндранат (1861–1941) // Литературная энциклопедия и русское Зарубежье. М., 2006. С. 391.
37. Минутко Игорь. Испытание учителя. Версии жизни и смерти Николая Рериха. М., 2002. С. 384.
38. Цит. по: Сидоров Валентин. По маршруту Рериха. М., 1979. С. 36. См. также: Фосдик З.Г. Мои учителя. М., 1998.
39. Цит. по: Агабеков Георгий. Секретный террор. Записки разведчика. М., 1996. С. 296.
40. Рехт Чарлз. «Выполняя просьбу Ленина» Интервью. // Труд. (Москва) 1964. 22 апреля.
41. Шишкин Олег. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 76.
42. Баич М. Американские настроения. (От нашего корреспондента). // Дни. (Берлин) №160. 12 мая.

43. Письмо Евгения Замятина председателю СНК и СТО А.И. Рыкову // ИМЛИ РАН. Публикация с незначительными сокращениями Александра Галушкина в «Новой газете» (2009. №11. 4 февраля).
44. Приветственная речь И. Мосшега на финно-угорском конгрессе. (1931). Цит. по: Туркин А.И. Писатель и ученый Игнатий Мосшег // «Парма» (Сыктывкар). 1993. №3–4. С. 15–16.
45. Биографические сведения о Мосшеге по: Коньшин А.Е. Сын коми-пермяцкого народа И.Н. Мошегов (1880–1965). Коми-язывцы и историко-культурное наследие Прикамья. Пермь. 2002.
46. Былинин В.К. Зданович А.А. Коротаев В.И. Организация «Прометей» и «прометейское движение». // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Том III. М., 2007. С. 350.
47. Р.М. Прометейский рух. // Енциклопедія Українознавства. Том 6. Львів. 1996. С. 2357.
48. Донесение агента «Маури», хранящееся в «деле» И. Мосшега в архиве ФСБ по Коми республике. Цит. по: Коньшин А.Е. Сын коми-пермяцкого... С. 78.
49. Письмо Б.Д. Бруцкуса Е.Д. Кусковой. 1930(?). Цит. по: Письма А.В. Чаянова. Публикация, вступительная заметка и комментарии Р.М. Янгирова. // Минувшее. Исторический альманах. Т.18. М–СПб. 1995. С. 514.
50. Сорокин Питирим. Дальняя дорога... С. 190.
51. Толстая Александра. Дочь. М., 2001. С. 561.
52. Питирим Александрович Сорокин (1889–1968). Библиографический указатель. Сост. Л.В. Давыдова. 2001. С. 258.
53. Macahonuk Glen. A Guide to the P.A. Sorokin Manuscripts and Papers. University of Saskatchewan. 1972. P. 134.
54. Письмо С.П. Постникова Р.В. Иванову-Разумнику. 12.05.1942. Прага. Цит. по: Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов. Публикация, вступительная статья, подготовка текста и комментарии Ольги Раевской-Хьюз. Москва – Париж. 2001. С. 218.
55. Там же. С. 278. Письмо П.А. Сорокина Р.В. Иванову-Разумнику (31.01.1946) находится в собрании Иванова-Разумника, в архиве архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского). Центр русской культуры. Амхерст. Массачусетс.
56. Письмо В. Набокова – Р. Гринбергу. 8.05.1944. Цит. по: Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967). Вступительная статья, публикация и комментарии Рашита Янгирова. // Диаспора. Том 1. Новые материалы. Париж – СПб. 2001. С. 484.

57. Там же. С. 484.
58. Е.А. Александров. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Под ред. К.М. Александрова, А.В. Терещука. Хэмден (Коннектикут. США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия). 2005. С. 74.
59. Brasol's Papers. Box 13. Folder «Campaign Against Soviet Recognition». Murch 1933 // Library of Congress. Manuscript Division.
60. Письмо Б.Л. Бразоля Л.И. Страховскому. Май 1933. Brasol's Papers. Box 13. // Там же.
61. Письмо П.А. Сорокина Б.Л. Бразолю. 10, 13 ноября 1934. Brasol's Papers. Box 13. // Там же.
62. Письмо П.А. Сорокина – Б.Л. Бразолю. 13.12.1934. Poushkin Society. Box 1. // Там же.
63. Письмо П.А. Сорокина – Б.Л. Бразолю. 28.12.1934 // Там же.
64. Письмо Б.Л. Бразоля – П.А. Сорокину. 31.12.1934 // Там же.
65. Письмо П.А. Сорокина – Б.Л. Бразолю. 20.02.1935 // Там же.
66. Письмо П.А. Сорокина – Б.Л. Бразолю. 7.03.1935 // Там же.
67. Письмо П.А. Сорокина – Б.Л. Бразолю. 4.12.1936 // Там же.
68. Письмо П.А. Сорокина – Б.Л. Бразолю. 19.12.1937. Box 2 // Там же.
69. Письмо Б.Л. Бразоля – Г.А. Знаменскому. 18.04.1936 The Records of Poshkin Society in America. Box 1. // Там же.
70. Письмо Б.Л. Бразоля – Г.А. Знаменскому. 23.05.1936 // Там же.
71. Письмо Г.А. Знаменского – Б.Л. Бразолю. 20.05.1936 // Там же.
72. Письмо Г.А. Знаменского – Б.Л. Бразолю. 25.05.1936 // Там же.
73. Письмо И.В. Емельянова – Б.Л. Бразолю. 13.01.1935 // Там же.
74. Письмо Б.Л. Бразоля – А.А. Васильеву. 15.01.1935 // Там же.
75. Письмо Б.Л. Бразоля – И.В. Емельянову. 15.01.1931 // Там же.
76. См.: Falk, Byron A. Jr. Personal Name Index to the «New York Times index». 1851–1974. 1981.
77. Феклисов А.С. Признание разведчика. М., 1999. С. 428–429.
78. Громыко А.А. Памятное. Книга первая. Издание второе, дополненное. М., 1990. С. 189–191.
79. Карпович М. Рец. на Sorokin, Pitirim A. Russia and the United States. N.Y., Dutton. 1944 // Новый журнал (Нью-Йорк). 1944. №8. С. 408–410. См. также англоязычную рец. Michael Karpovich. Russia and the Unated States, by Pitirim A. Sorokin // The Russian Review. 1944. Vol. 4. Autumn. №1. P.105.

80. Письмо А.Л. Толстой П.А. Сорокину. 15.05.1946. Цит. по: Ульянкина Т.И. (Москва) «Дикая историческая полоса» Иммиграция русских ученых в США из послевоенной Европы // Русский Берлин. 1920–1945. Международная научная конференция 16–18 декабря. 2002. М., 2006. С. 441.
81. Письмо А.Л. Толстой – И.С. Шмелеву. 12.01.1950. Цит. по: «Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность...» Переписка И.С. Шмелева и А.А. Толстой. Публикация, вступительная статья и примечания Роберта Виттакера и В.И. Сахарова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 4. СПб. 2002. С. 606.
82. Письмо П.А. Сорокина Л.Ф. Зурову. Фонд Л.Ф. Зурова в Русском архиве при Лидском ун-те. Цит. по: Белобровцева Ирина (Таллин) «Видно моя судьба, что меня оценят после смерти». Предисловие к повести Л.Ф. Зурова «Иван-да-Марья». // «Звезда» (СПб) 2006. №8. С. 59. Белобровцева не указывает дату письма. Судя по контексту, вероятно, начало–середина 1950-х.
83. Окунцов Иван К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес. 1967. С. 257.
84. Там же. С. 322–323.
85. Калугин Олег. Прощай Лубянка! М., 1995. С. 112.
86. Кипнис Соломон. Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. М., 1998. С. 411.
87. Окунцов Иван К. Ук. соч. 340.
88. Leontief Estelle. Xenia and Wassily; a Russian – American memoir. 1987. P. 21.
89. Письмо П.А. Сорокина Фердинанду Теннису. 1.09.1935. Цит. по: Из истории Российской и зарубежной социальной мысли. П. Сорокин. Документы и материалы. Подготовка текстов и комментарии И. Голосенко. // Рубеж (Сыктывкар). 1992. №4. С. 39.
90. Письмо П.А. Сорокина Фердинанду Теннису. 22.10.1935. // Там же. С. 40. Голосенко **«...сердечно благодарит директора Института социологии при Гамбургском университете профессора Александра Дайселя, обнаружившего письма Сорокина в архивах г. Киля и предоставившего их для публикации».** (С. 41).

Голосенко пишет:

«В 1932 году немецкий журнал «Психология народов и социология» (где Сорокин печатался с конца 20-х годов) провел симпозиум на тему «Социология сегодня», на нем Теннис и Сорокин встретились лично».

Но не уточняет, где проходил симпозиум и состоялась встреча...

91. Письмо П.А. Сорокина – В.Н. Сперанскому. 15.01.1946. Цит. по: Голосенко И.А. Копанева Н.П. Письма Питирима Сорокина. // Социологический журнал. (Москва) 1995. №1. С. 192. Это и последующее письмо хранятся в фонде В.Н. Сперанского в IISH в Амстердаме.
92. Письмо П.А. Сорокина – В.Н. Сперанскому 6.04.1954. // Там же. С. 192–193.
93. Sergei Pushkarev. Doc of History. Curriculum Vitae // YMCA – Archive. St. Paul. Minnesota. Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
94. Переписка «Сорокин – Пушкарев». См.: Sergei Germanovich Pushkarev Papers, Manuscripts and Archives, Yale University Library. New Haven. Connecticut.
95. См.: Течение социальных отношений войн и революций. // Грани (Линхегоф) 1946. №2. Октябрь. С. 40.
96. Пушкарев Б. Жизнь, отданная России. Биография В.Д. Поремского. // Поремский В.Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. Избранные статьи. 1934–1997. М., 1998. С. 9.
97. Сергеев Б. (Б.С. Пушкарев) Длинный путь. (Автобиография Питирима Сорокина) Рец. на: Sorokin Pitirim. A Long Journey. 1967. – 327 стр. // Грани (Франкфурт на Майне) 1965. №57. С. 204–211.
98. Письмо Б.С. Пушкарева – Ю.В. Дойкову. 30.03.1996 // Архив автора.
99. Поремский В.Д. Общественные процессы и расстановка сил после смерти Сталина // Поремский В.Д. Стратегия... С. 176.
100. См.: Поремский Алексей В. Силой идеи. «Посев» 1961. – 191 стр.
101. Поремский В.Д. О духе нашей организации. // Поремский В.Д. Стратегия... С. 231.
102. Сорокин Питирим. Живая связь времен. // Родина. (Москва) 1992. №10. С. 12. Происхождение этого текста Сорокина неясно. Опубликован он сразу за неподписанной статьей «Солидаристы» с подзаголовком «Народно-трудовой союз о своем прошлом, задачах, идеологии» и примечанием:
«Этот материал был передан редакции руководством НТС в Мюнхене. Мы приводим его в сокращении». (С. 11).
103. Письмо П.А. Сорокина – В.Д. Поремскому. 7.11.1947 // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
104. Письмо П.А. Сорокина – В.Д. Поремскому. 9.12.1947. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
105. Письмо П.А. Сорокина – В.Д. Поремскому. 14.05.1948. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
106. Васильев В. (Поремский В.Д.) Духовная революция. // Посев. 1947. 20 июля. №12. С. 61.

107. Там же.
108. Поремский В. Социальная роль науки. // Посев. 1968. Апрель. С. 39.
109. Здравин А. Эпоха кризиса. 3. Новые пути. // Посев. 1947. №3 (52). С. 2–3.
110. Информационное сообщение. // Посев. 1948. №12 (95). 21 марта.
111. Закон о Ди-Пи подписан. // Посев. 1948. №27. 4 июля. С. 10.
112. Русский музей. // Там же.
113. Письмо И.А. Ильина – Н.В. Борзову. После 26.02.1950. // Ильин И.А. Собрание сочинений. Письма. Мемуары. (1939–1954). Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 1999. С. 128.
114. А.Н. Рец. на: Владимирский Д.В. Солидарность и общественное развитие. Издательство «Е.Е.Е.» Etudes et Editions Etrangeres). Париж, 1948 г. Стр. 46. Цена 45 франков. // Посев. 1948. 20 июня. С. 15.
115. Алексеев М. На великом рубеже. // Посев. 1948. №38 (121). 19 сент. С. 15.
116. Шугаев Е. Восстание масс. // Посев. 1949. №35 (170). 28 августа.
117. Burnham J. The Manageria of Revolution. New York. 1941.
118. Бернхэм Джеймс. Грядущее поражение коммунизма. Авторизованный пер. Евг. Шугаева. 1951. (Лимбург?) 1951. – 173 стр.
119. Гаврилов Н. Современный макиавелизм. // Посев. 1951. 1 июля. №26(265).
120. Левицкий С. Оправдание духа. // Посев. 1954. №44. 31 окт. С. 7.
121. О «факультетских интригах Сорокин – Парсонс». См.: Johnston, Barry. Sorokin and Parsons at Harvard: Institutional conflict and the origin a hegemonic tradition. // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1986. Vol. 22. April. pp. 107–127.
122. Keen, Mike F. No one above suspicion: Talcott Parsons under Surveillance. // The American Sociologist. 1993. Vol. 24. Nomers 3 and 4. P. 39.
123. «Pitirim Sorokin» // U.S. Departament of Justice. Federal Bureau of Investigation. Washington, D.C. FBI Freedom of Information – Privacy Acts Section, Information Resources Division. // Копия в архиве автора.
124. Tallbut, Jr., Palmer. Sorokin Versus American Thought. // Sociologia Internationalis (Berlin). 1980. Vol. 18. P. 16.
125. Sorokin, Pitirim. Leaves from a Russian Diary and Thirty Years After. (1950). P. VII–IX.
126. Ibid. P. 326–327.
127. Ibid. P. 332–336.
128. Саркисянц Мануэль. Россия и Мессианизм. К «русской идее» Н.А. Бердяева. / Перевод с нем. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 2005. С. 3–4.

129. Sarkisyanz, Emanuel. Russland und der Messianismus des Orients. Tubingen. 1955. P. 12–13. В издательстве СПб-го университета «благодарности» убрали.
130. Вакар, Николай. Рецензия на «The Crisis of Our Age» P.A. Sorokin'a // Новый журнал. 1942. №3. С. 377, 380–381.
131. 16 апреля 2009 в Петербурге на доме 31 по 8-й линии Васильевского острова, где Питирим и Елена Сорокины жили на 5-ом этаже квартиры №5 «мадам Дармолатовой» установлена мемориальная доска. Текст гласит:
«Здесь с 1918 по 1920 год жил великий мыслитель XX века социолог Питирим Сорокин»
Надпись придумал писатель Даниил Гранин.
132. Цит. по: Сорокин, Питирим. О русской нации. Россия и Америка. Составитель, автор вступительной статьи: Е.С. Троицкий. М., 1992. С. 107–113.
133. Sorokin, Pitirim. Social Philosophies of an Age of Crisis. London. 1952. P. 50.
134. Ibid. P. 141.
135. Издание первого полного русского перевода книги В. Шубарта – 1997. Москва. Второе – Шубарт В. Европа и душа Востока. Пер. с нем. М.В. Назарова, З.Г. Антипенко. М., Эксмо, 2003.
М.Н. Назаров в предисловии пишет:
«Как отмечает Ильин, на Западе нет другого труда о России, сравнимого с книгой Шубарта по искренней симпатии к русскому народу. Видимо, поэтому в эпоху «холодной войны» имя Шубарта западными специалистами по России было практически замолчано. На фоне их многочисленных советологических, часто антирусских, изданий труд Шубарта остается по сей день единственным на Западе, в котором речь идет об уникальном всемирном призвании русской цивилизации. И именно тот факт, что не мы сами себя столь высоко оцениваем, а иностранный автор, глядящий со стороны, и составляет объективную ценность данного издания». (Указ. соч. с. 5). В примечании к статье о Шпенглере Сорокин писал:
«Густав Шпет из Московского университета посетивший Шпенглера в 1921 г., говорил мне, что во время визита видел книгу Данилевского в библиотеке Шпенглера» (Указ. соч. с. 329).
136. Бахметьев, Борис Александрович (1880 Тифлис – 1951 Нью-Йорк) – первый посол демократической России в США (1917 – июль 1922). Михаил Карпович был его секретарем.

«Будущий историк попытается установить долю влияния Бахметьева на формирование той враждебной большевикам, но дружественной по отношению к России американской политики, которая в основном и осталась неизменной при демократической и республиканской администрации. Он не стал дипломатическим представителем белых вождей как они хотели, считая, что лучше быть в глазах американцев носителем идеи свободной России. Во многом он не одобрял политики белых вождей».

(Редакция. Памяти Б.А. Бахметьева. // Новый журнал. 1951. Т. 26).

137. Письмо Г.Д. Гурвича П.А. Сорокину. Автограф. Без даты // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.

Вся цитируемая ниже переписка Сорокина с Гурвичем получена в 2005 г. от М.В. Антонова. Его диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Правовое учение Г.Д. Гурвича». (СПб. СПб ГУ. 2006).

138. Письмо Г.Д. Гурвича к П.А. Сорокину от 23.07.1950. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.

139. Из писем М.А. Алданова – А.И. Коновалову. Публикация и примечания Андрея Любимова (Мичиган). // Новый журнал. 1995. №200. С. 236.

140. В письме ко мне из Парижа от 4.03.2006 Михаил Антонов писал:

«Вы, случайно, не знаете такого В.П. Култыгина из ИСПИ РАН? В одной из своих статей он мимоходом замечает, что Гурвич помогал организовывать в Одессе советскую власть. Интересно откуда он это выкопал? В последнее время мне удалось найти интересные автобиографические источники Гурвича. Оказывается в Риге он был другом никого иного, как В.В. Ульриха. В юности они втроем с П.И. Кушнером (потом этнолог в МГУ) были организаторами русской соц.-дем. ячейки в Риге». // Архив Ю.В. Дойкова.

В послевоенной Франции был единственный мощный антикоммунистический голос социолога. Это Раймонд Арон.

141. Редакция. Франклин Делано Рузвельт. // Новый журнал. 1945. Т. 10. С. 5–6.

142. Письма Б.И. Николаевского (из Нью-Йорка) Борису Суваину от 30.01., 17.04., 16.05 1958. // Boris Souvarine. Papers. IISH.

143. От Редакционной группы. // Новый журнал. 1942. Т. 1. С. 5–6.

144. Эмиграция и советская власть. (Редакция). // Новый журнал. 1945. Том. 10. С. 348.

145. См.: Встреча с профессором Ричардом Пайпсом на философском факультете Санкт-Петербургского университета. Материал подготовлен

- В.В. Козловским (Санкт-Петербург). // Рубеж (альманах социальных исследований). (Сыктывкар). 1995. №6–7. В своих воспоминаниях «Vixi, Memoirs of a Non-Belonger» (2003). Р. Пайпс ни разу Сорокина не упомянул.
146. Sorokin, Pitirim. Letter to Otis Dudley Duncan January 21, 1960. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
147. Цит. по: Питирим Сорокин. Амнезия и Новые Колумбы. (Гл. 1 из кн. P. Sorokin. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences. Westport. Conn. 1976). Перевод с англ. В. Ильина. // Рубеж (Сыктывкар). 1992. №4. С. 55.
148. Цит. по: Блинков, Владимир. Шанс для обиженных судьбой «Экологическую терапию» по польски Евросоюз признал уникальной. // Новая Польша. Общественно-политический литературный ежемесячник. (Варшава). 2007. №12(92). С. 39.
149. Walicki, Andrzej. Spotkania z Miloszem. London, 1985. S. 72–109. (Встреча с Милошем). Цит. по: Валицкий, Анджей. Россия. // Вопросы философии. 1990. №12. С. 78–79.
150. Отклики из свободных стран на выход «Доктора Живаго» присуждение Нобелевской премии и травлю Пастернака см.: сб. «Дело Пастернака» (Мюнхен: ЦОПЭ, 1958). Свою «Долгую прогулку», как уже отмечалось в первой книге «Человек вне сезона», Сорокин начал с похорон матери... Явная реминисценция «Доктора Живаго»...
151. Шляпентох, Владимир («Время и мы» Нью-Йорк. Иерусалим. Париж. 1981). Цит. по: Шляпентох, Владимир. Незнакомые американцы. // «Родина» (Москва). 1992. №10. С. 104.
152. Wills, G. The CIA from Beginning to end. // «The New York Review of Books». January 22, 1976. P. 26. Цит. по: Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 137.
153. Константинов, Д. Протоиерей. Мюнхенский институт. (Из истории второй российской политической эмиграции) // Голос Зарубежья. (Мюнхен). 1983. №23. С. 13.
154. Там же. С. 19. Правительственные круги США в русле «конвергенции» вскоре уволили создателя и первого директора Мюнхенского института Б.А. Яковлева (Н.А. Троицкого), автора книги «Концентрационные лагеря СССР» (Мюнхен. Институт по изучению истории и культуры СССР. 1955). А. Авторханов в предисловии ко второму изданию этой книги (Лондон. «Заря» 1983) писал:
- «Запад был настолько одурманен коммунистической дезинформацией, что он не верил нам, эмигрантам из Советского Союза, нашим устным и письменным свидетельствам о творящемся у нас на родине. Когда живые свидетели из «второй» эмиграции на двух больших процессах («процесс Кравченко»,**

«процесс Давида Руссе») приводили ужасающие факты массового террора, то западные «прогрессисты» объявили все это «легендами» обиженных Сталиным бывших советских граждан» (Указ. соч. С. 2)

155. Sorokin, Pitirim. Letter to James Crutchfield. March 24, 1953. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
156. Ibid.
157. Jonac, Paul. Kovacs. Letter to Pitirim Sorokin. August 21, 1957. \ \ Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
158. Declaration of American intellectuals: «Save Hungary!» \ \ Ibid.
159. List «American intellectuals asked to sign the «Save Hungary» Declaration» // Ibid.
160. Амброз, Стивен. Эйзенхауэр. Солдат и президент. Перевод с англ. М., 1993. С. 515. Последние советские танки ушли из Венгрии в июне 1991. Несколько русских (С. Пирогов, В. Трофимов и др.), выступивших в 1956 г. в защиту Венгрии и отправленных в концлагеря были награждены орденами новой, свободной Венгрии.
161. К конгрессу за права и свободу в России. Собрание эмигрантов в Лондоне. Доклад члена Организационного Комитета А.В. Светланина // Посев. 1957. №11(566) 17 марта. С. 4.
162. Там же.
163. 25 апреля, в Гааге, открывается **Конгресс за права и свободу в России**. Информация Организационного Комитета. // Посев. 1957. №16(571).
164. Приветствия и пожелания, выраженные Конгрессу за права и свободу в России. // Посев. 1957. №19(574). 17 мая. С. 7.
165. Там же. С. 8.
166. Заславский, Давид. Ширум-бурум. // Правда. 1957. 29 апреля.
167. Колин, А. Эмиграция и народно-освободительная борьба. О критике и критиках Конгресса. // Посев. 1957. №22(577). 2 июня. С. 9.
168. Брейтбарт, Екатерина. К двадцатилетию Гаагского конгресса. // Посев. 1977. №6. С. 46. Подробнее о Конгрессе – «Конгресс за права и свободу в России». (Изд-во «Посев». 1958. – 318 с.)
169. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 219. Как будто о нынешней «вертикали власти» в РФ.
170. См.: Sorokin, Pitirim A. Lunden, Walter A. Power and Morality. Who shall guad the guargians? Boston. 8. – Massachusetts. 1959. P. 63–65.
171. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 219.

172. Hansen, Stan. Makahonuk, Glen. Calendar of the correspondence of Pitirim A. Sorokin, prepared in the Special Collections Department of the University of Saskatchewan Library. (1979?). P. 144.
173. Сорокин, Питирим. Письмо А.Л. Толстой. 27.09.1958. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
174. A Statement on U.S. Public Law 86-90 // The Russian Review. 1961. January. Vol. 20. №1.
175. См.: Чеботарев, Григорий. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917-1959. Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М., 2007. Книга посвящена «Моей милой американской жене». В приложении – «Заявление» о «Законе 86-90». Предисловие к англоязычному изданию «Russia my Native Land» (NY. 1964) написал Дж. Кеннан, как и Питирим Сорокин совершивший впечатляющий «перелет».
176. Кассис В.Б. Колосов Л.С. Из тайников секретных служб. М., 1981. С. 307.
177. Кольман Арншот. Мы не должны были так жить. New York. 1982. С. 322-323.
178. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 226.
179. Штейнберг В.А. Поединки без компромиссов. М., Знание. 1976. С. 20.
180. Sorokin, Pitirim. Letter to John Kennedy. May 23, 1961. // The John Fitzgerald Kennedy Library. Boston. Mass.
181. Чит. по: Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII-XX века. Автор и составитель: профессор Э.А. Иванян. М., 2001. С. 251.
182. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 224.
183. Handler. M.S. (Special to the New York Times) German views irk Scholars at Talk. Attitudes on Slavs and Asia Criticized in Salzburg. // New York Times. October 15. 1961. Section L. Pages 7. Column 1, 2.
184. Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. Политические очерки. М., 1983. С. 165.
185. Медведько, Юрий. Питирим Сорокин за 90 минут. М.-СПб. 2006. С. 85.
186. «Об итогах работы советской делегации на V Всемирном социологическом конгрессе» (Вашингтон. 2-8 сентября 1962 г.) Отчет руководителя делегации члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова в ЦК КПСС. 8 октября 1962 г. // Осипов Г.В. Москвичев Л.Н. Социология и власть. (Как это было на самом деле). М., 2008. С. 76.
- Махровый сталинист М.Т. Иовчук (г.р. 1908) умер в 1990. Г.В. Осипову (г.р. 1929) ЦК КПСС в 1962 г. доверил пост Президента «Советской

- социологической ассоциации». В 2003 г. Осипов опубликовал брошюру «Встречи с Питиримом Сорокиным». Начатая еще при Сталине «карьера» продолжается и поныне.
187. Sorokin, Pitirim. In Memoriam. Georges D. Gurvitch. // *American Sociologist*. 1966. Feb. Vol. 1. №2. P. 88.
188. Sorokin, Pitirim. Letter to Don Martindale. January 17, 1963. // Don Martindale Collection. University of Minnesota Archives. Последующие письма Сорокина, Мартиндейла находятся в этой же коллекции.
189. Феклисов, Александр. Признание разведчика. М., 1999. С. 433.
190. Там же. С. 436.
191. Там же. С. 439.
192. Там же. С. 440.
193. Там же. С. 441.
194. Попов Сер(афим). Нам не по пути, мистер Питирим Сорокин. // Красное знамя. (Сыктывкар). 1963. 18 июня. №142.
195. Мармелад Питирима Сорокина. // Литературная газета (Москва). 1963. 23 июля. №88. С. 3.
196. Трескинский С.А. Писателю Серафиму Попову. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
197. Office Memorandum. United States Government. April 9, 1954. // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
О «контактах» с «Фоминным» Сорокин, вероятно, сообщал в ФБР. В 1963 г. он имел там несколько «интервью» о своей деятельности и относительно других «персон»...
198. Коммерсант-Власть (Москва). 2008. 21 июля. С. 39–40.
199. Брайен, Дэнис. Альберт Эйнштейн. М., 2000. С. 635.
200. См., например интервью Сорокина: «Sees Soviet as Threat to West // The Boston Globe Herald. December 20, 1930.
201. «Notables» Sign Stalin's Peace Petition. // «Counter-Attack» August 18, 1950.
202. «Boston Group Helps South African Campaign for non-Violent Resistance» // «The Harvard Crimson» April 9, 1953.
203. Гуль, Роман. Я унес Россию. Апология эмиграции. Том III. Россия в Америке. М., 2001. С. 168 и др.
204. Dubinsky, David II. Gannon, Francis X. Biographical Dictionary of the Left. Consolidated Volum 1. 1969. P. 309.
205. Вл. А. Карпушин. Письмо П.А. Сорокину. 11.06.1965 // Копия в архиве Ю.В. Дойкова.
206. Хроника текущих событий. №64.

207. См.: Осипов Г.В. Москвичев П.Н. Социология и власть... С. 93–94.
В марте 1967 г. попросила политического убежища в США дочь Сталина Светлана Аллилуева. Удар по «престижу» СССР был сильнейший. Председатель КГБ Семичастный снят со своего поста. Напуганным чиновникам ЦК КПСС было не до приглашения в СССР Питирима Сорокина...
208. Там же. С. 95.
209. Питирим Сорокин // Гранин, Даниил. Причуда моей памяти. Книга размышление. М.–СПб. 2008. С. 339.
210. См.: Письма П. Сорокина в Научный Совет АН по комплексной проблеме «История мировой культуры» // «Социологические исследования» (Москва). 1987. №5. С. 135.
211. См.: Сорокин, Питирим. Социологические теории современности. М., 1992. 192 с. В английском оригинале в книге 687 страниц. В этом – 192. В год «Великого Октября» перевод, конечно, не издан. Опубликовали эту жалкую поделку уже после краха СССР, да и то в ведомственном издании...
212. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 140
«Зимой 1921-го я отправился в районы бедствия Самарской и Саратовской губерний для научного изучения массового голода» (Там же. С. 138). Спасали от голодной смерти русский народ АРА, миссия Нансена и многие другие правительства и организации Запада и Востока. О помощи Турции статья профессора Билькентского Университета (Анкара): Кырымлы Хакан. Турция и мусульмане Советской России. 1921–1922 гг. // Вопросы истории. (Москва). 2009. №3. С. 150–153. 12 миллионов «советских» мусульман были обречены на смерть (Там же. С. 151).
213. Чит по: Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии. // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., Наука. 1990. С. 488, 478, 487.
214. Там же. С. 486.
215. Там же. С. 486.
216. Статью о советской социологии Сорокин не успел закончить. Умер.
217. Harvard's Dr. Sorokin Dies. Sociologist Was 79. // «Boston Sunday Globe». February 11. 1968.
«Лебединой песней» П.А. Сорокина стала написанная в 1921–22 гг. в Сов. России книга «Голод как фактор». Елена Сорокина перевела ее на английский язык и опубликовала: Pitirim Sorokin. Hunger as a Factor in Human Affairs. The University Presses of Florida. Gainesville. 1975.

Содержание

Вместо предисловия	3
Глава 1. Прага. 1922–1923	5
§1. «Знай работай»	6
§2. Свидетели защиты	58
§3. Письмо А.И. Гучкова П.А. Сорокину от 4.04.1924	78
Глава 2. Миннеаполис. 1924–1930	81
§1. Переписка с С. Харпером (1923–1930)	82
§2. Переписка с Д.А. Лутохиным (1924–1925)	111
§3. Переписка с Э. Россом (1923–1930) и Н.Е. Шаповалом (1924–1929)	124
§4. Два письма И.П. Павлову (1927). 20 антибольшевистских статей в «Воле народа» (1917)	142
§5.	148
а). Письма Мак Кракелу (1924–1925)	148
б). Семь рецензий в «The Saturday Review» (1924–1927)	154
в). «Россия сегодня». Лекция Сорокина в «Ротари клуб» (3.10.1924. Миннеаполис. Миннесота)	160
г). «Современная Россия» (Рецензии в «The Yale Review. 1926»)	167
§6. Три «Письма другу о России» («Борьба за Россию» 1927, 1929)	170
§7.	190
а). Юридический кружок Петражицкого. (СПб. 1910)	190
б). «Американская демократия и доморощенная псевдо-демократическая мягкотелость» («Возрождение» 1927)	194

в). Переписка с Г. Саломоном (1925–1927)	201
§8. «Ложные утверждения госпожи Е.Д. Кусковой». Письмо в редакцию «Возрождения» (1928).....	208
§9. Письма В.Н. Сперанскому, Е.П. Ковалевскому. Переписка с С.Г. Пушкарёвым.....	231

Глава 3. Гарвард. 1930–1968..... 253

§1. Письма Н.Е. Шаповалу (1930–1931)	254
§2. Переписка с С.Г. Пушкарёвым.....	259
§3. Письмо Г.В. Вернадского – П.А. Остроухову. (1932?)	271
§4. Переписка с П.А. Остроуховым. (1932–1936)	271
§5. Переписка с М.И. Ростовцевым. 1935, 1938.....	282
§6. Биография С.И. Тхоржевского.....	287
§7. Справка УФСБ по Самарской области в отношении Гизетти А.А.	291
§8. Письмо Сорокина А. Блахе (в Брно). 15.05.1938.....	294
§9. Переписка с Н. Набоковым. Письмо В. Набокова Н. Набокову. 1939	297
§10. Переписка с Б.Л. Бразолем. 1933–1936.....	313
§11. Письмо Александры Толстой. 15.05.1946	330
§12. Письмо Л.Ф. Зурову	332
§13. Письма Ф. Тённису. 1935	335
§14. Письма В.Н. Сперанскому. 1946	337
§15. Переписка с С.Г. Пушкарёвым. 1946–1957	340
§16. В.Д. Поремский. 1947–1948	364
§17. Допрос П.А. Сорокина. 25.05.1954. Бостон – Массачусетс	379
§18. Россия. Тридцать лет спустя. 1950.....	396
§19. Предисловие к книге Саркисянца. 1955	403
§20. Два письма Г.Д. Гурвича П.А. Сорокину. 1950	413
§21. «Спасти Венгрию». 1957.....	424
§22. Гаагский конгресс. 1957	430
§23. Письмо А.Л. Толстой.....	439

§24. Закон о порабощенных народах. 1959	441
§25. «Конвергенция» США и СССР. 1960	442
§26. Письмо к Д. Кеннеди. 1961	444
§27. Дискуссия с А. Тойнби. 1961	445
§28. Резидент КГБ Фомин (Алекс). 1962–1963	449
§29. Сдача. 1946–1967	452
§30. Смерть. 1968	456

Примечания.....	458

Индекс имен	489